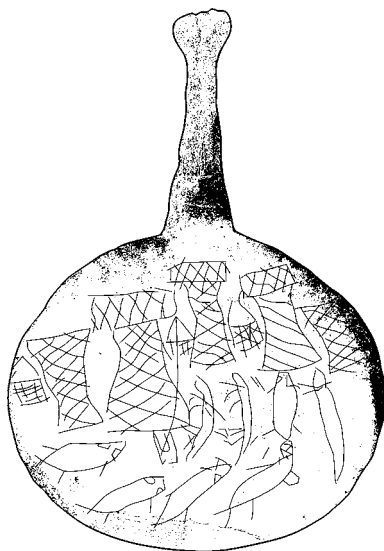

Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 12

Издательство Томского университета
Томск — Ханты-Мансийск
2014

УДК 903.2:39(P71)
ББК 634/5
X19

X19 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого:
Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. — Томск; Ханты-Мансийск:
Изд-во Том. ун-та, 2014. Вып. 12. 422 с. 300 экз.

ISBN 978-5-7511-2280-5

Двенадцатый ежегодный сборник научных статей, издаваемый Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, как и предыдущие выпуски, представляет читателям проблемы, итоги и перспективы деятельности в сфере выявления, изучения, сохранения, использования, популяризации и государственной охраны культурного наследия в указанном субъекте Федерации. В подготовке 17 публикаций приняли участие 23 автора из 7 городов и 14 научных, научно-производственных, учебных и культурно-образовательных организаций и учреждений. Представлен отчёт о деятельности Госкультохраны Югры по государственной охране и государственному контролю в сфере историко-культурного наследия. Представлены научные статьи по теме сборника, сообщения с краткими результатами полевых работ 2013 г., публикации редкого букинистического издания о кладях и архивного документа о сформированной и вывезенной за границу в XIX в. археологической коллекции с городища Искер, научная рецензия.

Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 903.2:39(P71)
ББК 634/5

Редактор — Я.А. Яковлев

Использованы фотографии:
обложка — А.Н. Кондрашёв,
шмуцитулы — А.Н. Кондрашёв, Я.А. Яковлев

ISBN 978-5-7511-2280-5

© Я.А. Яковлев, 2014 (компл.)
© Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2014

**Проблемы историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры**

Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2013 г.

В июле 2010 г. в результате проведённых организационно-штатных изменений в структуре органов исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры был создан орган, уполномоченный в области государственной охраны объектов культурного наследия и регионального государственного контроля в сфере историко-культурного наследия — Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Госкультухрана Югры). Формирование этого самостоятельного органа исполнительной власти позволило наиболее эффективно организовать деятельность, направленную на обеспечение сохранности историко-культурного наследия.

За Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры закреплены следующие полномочия:

- государственная охрана объектов культурного наследия регионального значения, выявленных объектов культурного наследия;
- осуществление переданных полномочий Российской Федерации по государственной охране объектов культурного наследия федерального значения;
- осуществление государственного контроля в сфере историко-культурного наследия.

По состоянию на 01.01.2014. на государственном учёте находится 5302 объекта культурного наследия, подлежащих государственной охране.

Среди них 983 объекта федерального значения, 108 объектов регионального значения, 4 объекта местного (муниципального) значения, 4207 выявленных объектов культурного наследия.

Состав объектов культурного наследия (в том числе выявленных объектов культурного наследия) в соответствии с видовой принадлежностью следующий:

- памятники — 5296,
- ансамбли — 1,
- достопримечательные места — 5.

В 2013 г. в результате проведённых историко-культурных исследований на территории Югры выявлено и поставлено на государственную охрану **304** новых объекта культурного наследия. В 2012 г. — **263**.

В 2013 г. на территории Югры проведено **15** стационарных археологических экспедиций, **13** из которых носили характер спасательных работ, предваряющих строительство.

Министерством культуры Российской Федерации в 2013 г. выдано **45** (в 2012 г. — **52**) разрешений (открытых листов) на право проведения археологических исследований на территории автономного округа. Югра уже более 10 лет стабильно входит в пятёрку субъектов Российской Федерации по количеству проводимых полевых археологических работ.

Основной стратегической задачей Госкультуохраны Югры является формирование эффективной системы охраны каждого объекта культурного наследия, обеспеченной нормативными и организационно-распорядительными документами:

- включение объектов в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее также — реестр);
- организация государственной историко-культурной экспертизы объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, и выявленных объектов;
- установление границ объектов культурного наследия регионального, местного (муниципального) значения, выявленных объектов культурного наследия, объектов регионального значения;
- установление зон охраны объектов культурного наследия, режимов использования и градостроительных регламентов в границах данных зон;
- оформление охранных обязательств собственников (пользователей) объектов культурного наследия;
- направление сведений о недвижимом имуществе, отнесённом к объектам культурного наследия регионального значения или к выявленным объектам культурного наследия, в органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

В 2013 г. усилия Госкультуохраны были направлены на решение основных задач:

- создание эффективной системы государственного контроля;
- организация проведения государственной историко-культурной экспертизы объектов культурного наследия, необходимой для обоснования их включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия

(памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Выполнение указанных основных задач в отчётном периоде характеризуется следующими показателями:

- проведена экспертиза на 4 объектах, обладающих признаками объекта культурного наследия — достопримечательного места. На основании заключений, полученных в 2012—2013 гг., 7 объектов включены в реестр постановлением Правительства автономного округа «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»;
- установление границ территорий объектов культурного наследия как основы для их государственной охраны и предотвращения разрушения в результате хозяйственной деятельности. В 2013 г. границы определены для 322 объектов археологического наследия и 9 объектов архитектуры и градостроительства;
- разработка проектов зон охраны на 3 объекта культурного наследия (с проведением в 2014 г. государственной историко-культурной экспертизы этих проектов);

Ил. 1. Достопримечательное место регионального значения «Священное озеро Еманглогр — Балбанты» (Берёзовский р-н). Фото: С.А. Терёхин

- подготовка и подписание 6 охранных обязательств с собственниками (пользователями) объектов культурного наследия;
- подготовлены изменения в два закона Ханты-Мансийского автономного округа — Югры; подготовлены 5 постановлений Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, издано 20 приказов нормативно-правового характера (прил. 1);
- согласовано 234 акта выбора земельных участков для размещения объектов строительства и других нужд на территории поселений (муниципальных образований) и межселенной территории;
- согласовано 1711 справок (заключений) о наличии/отсутствии на территории земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, объектов культурного наследия, выявленных объектов и объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия;
- выдано 19 разрешений на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия;
- включено постановлениями Правительства автономного округа в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации 4 достопримечательных места: достопримечательные места регионального значения «Культурный слой Сургута» (г. Сургут), «Нёх-Урий» (Нижневартовский р-н), «Священное озеро Еманглор — Балбанты» (Берёзовский р-н) (ил. 1) и достопримечательное место местного (муниципального) значения «Священное озеро Имлор» (Сургутский район).

В 2013 г. в рамках Федерального закона от 26.12.2008. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» Госкультухраной Югры проведено 2 проверки юридических лиц.

Также в рамках осуществления своих полномочий по государственной охране сотрудниками службы осмотрено и документировано (в ходе проведения контрольных мероприятий) состояние 100 объектов культурного наследия.

По итогам проверок юридическим лицам выдано 11 предписаний о приостановке работ (движения автотранспорта), угрожающих сохранности (приведших к повреждению) объектов культурного наследия.

В 2013 г. проведена плановая выездная проверка в отношении ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь». Задачами проверки являлся осмотр объектов культурного наследия, расположенных на территориях деятельности общества (Покачёвского, Южно-Покачёвского, Нивагальского, Толумского, Убинского и Мортымья-Тетеревского месторождений нефти).

В ходе проведённой проверки на территории деятельности ТПП «Покачёвнефтегаз» — на Покачёвском, Южно-Покачёвском и Нивагальском месторождениях нефти (в границах МО «Нижевартровский район») — нарушений не выявлено.

Нарушения обязательных требований законодательства в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, установленные п. 2 ст. 35 и п. 3 ст. 36 Федерального закона от 25.06.2002. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», выявлены на территории деятельности ТПП «Урайнефтегаз» на Толумском, Убинском и Мортумья-Тетеревском месторождениях нефти (на территории МО «Кондинский район»). В границах территории выявленных объектов культурного наследия поселений Большой Тетер 1, Большой Тетер 2, Потанах 1, Потанах 9, Мостовое 5, Толум 1 и временных зон их охраны осуществляется хозяйственная деятельность (движение транспортных средств), что нарушает целостность и сохранность выявленных объектов культурного наследия, а также режим использования их территорий. По итогам этой проверки выписано обязательное предписание о запрещении движения автотранспортных средств по территории указанных выявленных объектов культурного наследия.

По согласованию с прокуратурой Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и в целях государственной охраны выявленного объекта культурного наследия поселение Шоушма 10 (Советский р-н) по факту причинения ему вреда, указанного в обращении А.Я. Труфанова, Ю.П. Чемякина, Г.П. Визгалова, А.А. Погодина, Е.М. Беспрозванного, на месте проведения полевых работ была проведена внеплановая выездная проверка ООО «Гаранта». Нарушений законодательства в сфере историко-культурного наследия не выявлено. Проверка проводилась на территории муниципального образования.

Проведены 2 внеплановые документарные проверки в отношении ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз». Выявлено нарушение обязательных требований, декларированных п. 2 ст. 35, п. 3 ст. 36, п. 1 ст. 45 Федерального закона от 25.06.2002. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Установлено, что в 2013 г. в Ханты-Мансийском р-не на территориях выявленных объектов культурного наследия поселение Балинское 63 (22,7 км к северу — северо-востоку от с. Селиярова, 0,65 км

к северо-востоку от куста скважин 362 Приобского месторождения нефти) и поселение Урочище Бала 1 (7,5 км к северо-востоку от с. Селиярова) ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз» провело хозяйственные работы без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия.

В отношении юридических лиц возбуждено 18 административных дел:

- в отношении ООО «Квартал» (г. Ханты-Мансийск) — за нарушения, предусмотренные ст. 7.14 («Проведение земляных, строительных и иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия») и ч. 1 ст. 19.5 («За невыполнение в установленный срок законного предписания органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль)») Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ), при работе в границах территории выявленного объекта культурного наследия поселение Самаровский Ям (г. Ханты-Мансийск);
- в отношении ООО «Сургутмбель» (г. Сургут) — за нарушения, предусмотренные ст. 43 Закона Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 11.06.2010. № 102-оз «Об административных правонарушениях» («Нарушение требований нормативных правовых актов автономного округа и органов местного самоуправления муниципальных образований автономного округа в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия регионального или местного значения») и ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ («За невыполнение в установленный срок законного предписания органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль)»), при работе в границах территории объекта регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора» (Сургутский р-н);
- в отношении ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» за нарушение, предусмотренное ст. 7.14 КоАП РФ («Проведение земляных, строительных и иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия»), при работе в границах территории выявленного объекта культурного наследия поселение Лемья 19/1 (Советский р-н);
- в отношении ООО «Роснефть — Юганскнефтегаз» за нарушения, предусмотренные ст. 7.14 КоАП РФ («Проведение земляных, строительных и иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия»), при работе в границах территорий выявленных объектов культурного наследия поселение Балинское 63 и поселение Урочище Бала 1 (Ханты-Мансийский р-н);
- в отношении МКУ «Управление капитального строительства Сургутского района» за нарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 7.13 («Нарушение требований сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской

Федерации, их территорий либо несоблюдение ограничений, установленных в границах их зон охраны») и ст. 7.14.2 («Неисполнение обязанности по приостановлению работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность и сохранность») КоАП РФ, при работе в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора»; за нарушения, предусмотренные ст. 7.14.1 КоАП РФ («Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»), при работе в границах территорий объектов культурного наследия федерального значения селищ Барсова Гора 3/66, Барсова Гора 3/68 и Барсова Гора 3/78, входящих в состав объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора» (Сургутский р-н);

— в отношении ЗАО «ОиС» за нарушения, предусмотренные ст. 7.14.2 КоАП РФ («Неисполнение обязанности по приостановлению работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность и сохранность») при работе в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова Гора» (Сургутский р-н).

По результатам рассмотрения административных дел вынесено 10 постановлений о привлечении к административной ответственности (6 постановлений — должностными лицами Госкультахрани Югры и 4 постановления — судьями Сургутского районного суда). Назначены административные наказания в виде штрафов на общую сумму 1 420 000 рублей.

По факту строительства объекта «Резервный газопровод с ГРП для 1-й очереди жилой застройки пгт. Барсово» 1-й и 2-й этапы строительства в ОМВД России по Сургутскому району подано заявление о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц по ч. 1 ст. 243 УК РФ от 13.06.1996. № 63-ФЗ «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

В разрезе муниципальных образований контрольные мероприятия проводились:

- в МО «Советский район» — 36 контрольных мероприятий (1 внеплановая выездная проверка юридического лица и 35 осмотров состояния объектов культурного наследия);
- в МО «Кондинский район» — 13 контрольных мероприятий (1 плановая выездная проверка юридического лица и 12 осмотров состояния объектов культурного наследия);
- в МО «Октябрьский район» — 11 контрольных мероприятий (11 осмотров состояния объектов культурного наследия) (ил. 2);

- в МО «Берёзовский район» — 4 контрольных мероприятия (4 осмотра состояния объектов культурного наследия);
- в МО «Нижевартровский район» — 7 контрольных мероприятий (1 плановая выездная проверка и 6 осмотров состояния объектов культурного наследия);
- в МО «Сургутский район» — 19 контрольных мероприятий (19 осмотров состояния объектов культурного наследия);
- в МО «Город Ханты-Мансийск» — 6 контрольных мероприятий (4 осмотра состояния объектов культурного наследия и 2 документальные проверки юр. лиц).

Для обеспечения исполнения полномочий по государственной охране объектов культурного наследия регионального значения, выявленных объектов в 2010 г. была принята ведомственная программа «Историко-культурное наследие Югры на 2011—2013 годы». Ведомственная целевая программа «Историко-культурное наследие Югры на 2011—2013 годы» утверждена приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.11.2010. № 150-ПП (в редакции приказа от 05.12.2013. № 105-ПП).

Ил. 2. Резной наличник на объекте культурного наследия регионального значения «Дом рыбопромышленника Горкушенко» (пгт. Октябрьское). Фото: Я.А. Яковлев

Целью ведомственной целевой программы «Историко-культурное наследие Югры на 2011–2013 годы» (далее — Программа) является гарантия сохранности объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в интересах настоящего и будущего поколений, обеспечение конституционных прав граждан на доступ к культурным ценностям, сохранение культурного достояния и создание условий для социального, национального, духовного и интеллектуального развития населения автономного округа, а также предотвращение повреждений, разрушений или уничтожений объектов культурного наследия, расположенных на территории автономного округа.

Для достижения поставленной цели Программой предусмотрено решение следующих задач:

- обследование, изучение и научное документирование объектов культурного наследия;
- формирование системы учёта объектов культурного наследия, расположенных на территории автономного округа;
- государственная охрана объектов культурного наследия;
- региональный государственный контроль в сфере историко-культурного наследия.

Объём финансирования Программы за период 2011–2013 гг. составил 47992,9 тыс. руб.

В рамках реализации Программы в указанный период были проведены следующие мероприятия:

1. Организация проведения государственной историко-культурной экспертизы. Реализация данного мероприятия необходима для принятия соответствующих решений с целью исполнения Госкультуохраной Югры своих полномочий. Объём финансирования мероприятия составил 1553,7 тыс. рублей. По результатам реализации мероприятия за период 2011–2013 гг. подготовлено 90 актов государственной историко-культурной экспертизы.

2. Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия. Объём финансирования данного мероприятия составил 17078,7 тыс. рублей. По результатам реализации мероприятия за период 2011–2013 гг. подготовлено 220 комплектов документов по определению технического состояния и установлению границ

территорий объектов культурного наследия, в том числе 1 комплект документов о полной физической утрате объекта археологического наследия (Кондинский р-н ХМАО). Остальные 219 комплектов документов распределяются следующим образом:

2.1. Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного наследия (археология) — 211, в том числе:

- на территории Октябрьского р-на — 27 объектов культурного наследия;
- на территории Нижневартовского р-на — 2 объекта культурного наследия;
- на территории Советского р-на — 156 объектов культурного наследия;
- на территории Кондинского р-на — 12 объектов культурного наследия;
- на территории Сургутского р-на — 14 объектов культурного наследия.

2.2. Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов культурного наследия (архитектура) — 3, в том числе:

- деревянная церковь (нач. XIX в.) в с. Зенково Ханты-Мансийского р-на;
- деревянная церковь (нач. XIX в.) в с. Скрипуново Ханты-Мансийского р-на;
- деревянная церковь (нач. XIX в.) в д. Чембакчиной Ханты-Мансийского р-на.

2.3. Обследование технического состояния и определение границ территории объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, с целью выявления и подготовки материалов для проведения государственной историко-культурной экспертизы — 5, в том числе:

- церковь Богоявления Господня в д. Шекурья Берёзовского р-на;
- церковь Богоявления Господня в д. Юган Сургутского р-на (ил. 3);
- усадьба купцов Новицких в п. Шеркалы Октябрьского р-на;
- мемориальные могилы и образцы кладбищенской архитектуры XIX — перв. пол. XX в. выдающихся граждан исторического поселения Берёзова, оказавших значительное влияние на социально-экономическое и культурное развитие Тобольского Севера.
- жилой дом в г. Ханты-Мансийске по ул. Кирова, д. 22.

3. Разработка проектов зон охраны объектов культурного наследия, находящихся в границах населённых пунктов автономного округа. Объём финансирования данного мероприятия составил 783,9 тыс. руб.

Ил. 3. Объект культурного наследия местного (муниципального) значения «Здание церкви Богоявления Господня» (д. Юган Сургутского р-на). 1891 г. — фото: Ф.Р. Мартин; 2013 г. — фото: Г.П. Ведмидь

По результатам реализации мероприятия за период 2011—2013 гг. подготовлено 2 проекта зон охраны объектов культурного наследия, в том числе:

- в границах пгт. Березово,
- в границах г. Сургута.

4. Изготовление информационных надписей на объекты культурного наследия, расположенные на территории автономного округа. Объём финансирования данного мероприятия составил 452,9 тыс. руб. За отчетный период изготовлено 166 информационных знаков, в том числе:

- 140 информационных знаков на 63 объекта археологического наследия;
- 26 информационных знаков на 26 объектов архитектуры.

5. Перевод документов по объектам культурного наследия в электронный вид и создание электронного информационного ресурса. Объём финансирования мероприятия составил 1965,1 тыс. руб. По результатам реализации мероприятия переведено 1700 документов по объектам культурного наследия в электронный вид, создан электронный информационный ресурс.

6. Формирование геоинформационной системы на объекты культурного наследия, расположенные на территории автономного округа. Объём финансирования мероприятия составил 1732,1 тыс. руб. По результатам реализации мероприятия подготовлены пространственные данные (электронные карты) по 4605 объектам культурного наследия ХМАО — Югры.

7. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест на территории автономного округа. Объём финансирования мероприятия составил 1600,7 тыс. руб. По результатам реализации мероприятия разработано 4 комплекта научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест:

- достопримечательное место «Барсова Гора»,
- достопримечательное место «Нех-Урий»,
- достопримечательное место «Самарово»;
- достопримечательное место «Культурный слой г. Сургута».

8. Определение и описание предмета охраны, историко-культурной ценности объектов культурного наследия (архитектура). Объём финансирования мероприятия составил 200,0 тыс. руб. По результатам реализации мероприятия подготовлено 14 заключений по определению и описанию предмета охраны и историко-культурной ценности объектов культурного наследия:

- дом купца Клепикова А.Г. (кон. XIX в.) в г. Сургуте;

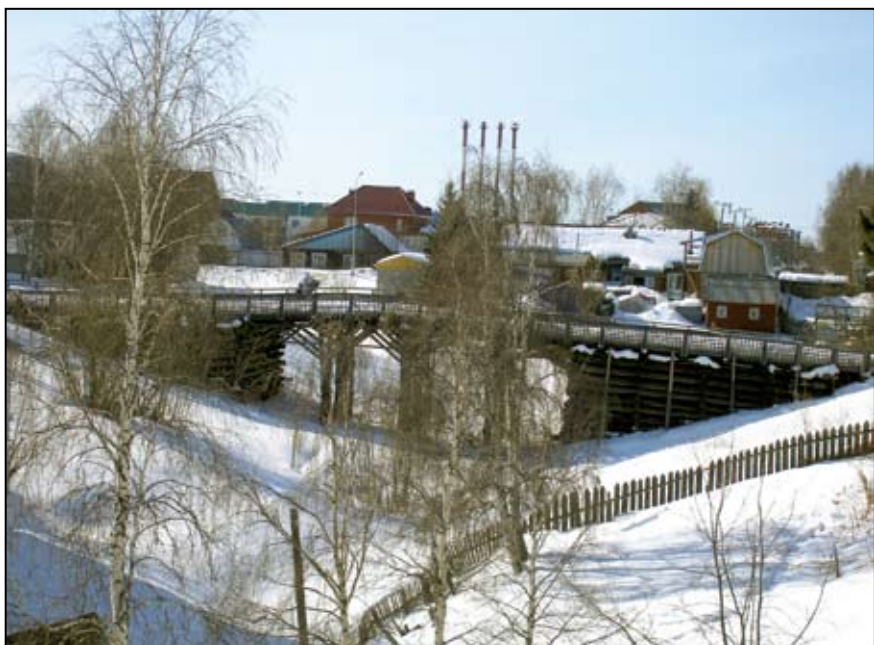

Ил. 4. Визитная карточка хозяина, обнаруженная в ходе археологических работ на реставрируемом объекте культурного наследия регионального значения «Усадьба П.А. Кайдалова в составе: дом П.А. Кайдалова, амбар». Фото: В.Э. Чибиряк

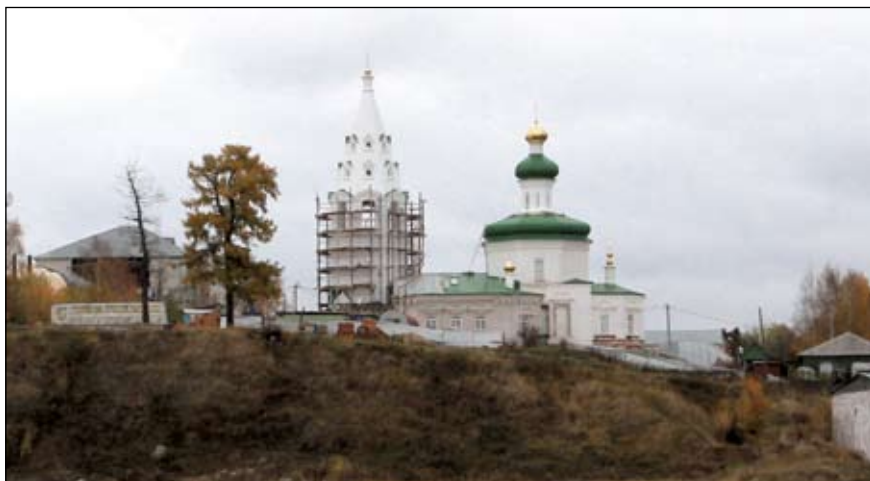
- церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1912 г. в п. Полновате Белоярского р-на;
- усадьба купца Кайдалова — жилой дом, хозяйственный амбар, промысловая постройка (XVIII—XIX вв.) в п. Ларьяке Нижневартовского р-на (ил. 4);
- мост деревянный на ряжах через овраг Култычный (втор. пол. XVIII — XIX в., XX в.) в пгт. Берёзово (ил. 5);
- дом купца Добровольского И.К. (1876 г.) в пгт. Берёзово;
- Спасская каменная церковь (1904—1906 гг.) в п. Шеркалы Октябрьского р-на;
- церковь деревянная Успения Пресвятой Богородицы (1873 г.) в с. Селяйрово Ханты-Мансийского р-на;
- городское казначейское управление (кон. XIX в.) в пгт. Берёзово;
- дом главного казначея (здание краеведческого музея) (кон. XIX в.) в пгт. Берёзово;
- церковь Рождества Пресвятой Богородицы каменная (1786 г.) в пгт. Берёзово;
- купеческая усадьба, дом жилой (кон. XIX в.) в пгт. Берёзово;
- купеческая усадьба, амбар № 2 (XIX в.) в пгт. Берёзово;
- купеческая усадьба, амбар № 3 (XIX в.) в пгт. Берёзово;
- Свято-Троицкая церковь из состава Кондинского Троицкого монастыря (1731—1765 гг.) в пгт. Октябрьском (ил. 6).

Кроме того, Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры является одним из государственных заказчиков окружной целевой программы «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011—2013 годах и на период до 2015 года», утверждённой постановлением Прави-

Ил. 5. Объект культурного наследия регионального значения «Мост деревянный на ряжах через овраг Култычный» (пгт. Березово). Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 6. Объект культурного наследия регионального значения «Свято-Троицкая церковь из состава Кондинского Троицкого монастыря». Фото: Я.А. Яковлев

тельства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.10.2010. № 266-п (в редакции от 28.11.2013). В перечне мероприятий этой программы предусмотрено мероприятие 4.5 «Организация работ по выявлению, проектированию и составлению учётной документации охранных зон, культовых мест и святыниц коренных малочисленных народов» (далее — мероприятие), исполнителем которого является Служба. Объём финансирования данного мероприятия в 2013 г. составил 700 тыс. руб.

В рамках реализации мероприятия в отчётном периоде для обеспечения сохранности объектов культурного наследия в их естественной природной и исторической среде подготовлен 1 проект научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Соровские озера», расположенного в Нефтеюганском р-не ХМАО — Югры. Проведена государственная историко-культурная экспертиза документов, обосновывающих включение проектируемого достопримечательного места «Соровские озёра» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. По результатам проведённой экспертизы представлен акт с положительным заключением о соответствии представленных на экспертизу документов требованиям действующего законодательства об объектах культурного наследия и обоснованности принятия решения о включении достопримечательного места «Соровские озёра» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Приложение

**Список объектов культурного наследия ХМАО – Югры,
границы территорий и режим использования которых установлены
нормативно-правовыми актами (продолжение).**

На 16 июня 2014 г.¹

№	Название объекта культурного наследия	Приказ		
		№ и дата	Название	Первая публикация
1	2	3	4	5
327	Селище Лёкъявин 3	5-нп 08.04.2013.	Об утверждении границ и режима использования территории выявленного объекта культурного наследия «селище Лёкъявин 3»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 19 апр. – № 44
328	Поселение Мохтикъяёган I	6-нп 08.04.2013.	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 19 апр. – № 44
329	Поселение Мохтикъяёган II			
330	Селище Мохтикъяёган 3			
331	Селище Мохтикъяёган 4			
332	Городище Мохтикъяёган 6			
333	Селище Мохтикъяёган 7			
334	Селище Мохтикъяёган 8			
335	Городище Мохтикъяёган 9			
336	Городище Мохтикъяёган 10			
337	Селище Мохтикъяёган 11			
338	Селище Мохтикъяёган 12			
339	Могильник Мохтикъяёган 13			

¹ Начало списка с данными на 27 мая 2013 г. см.: Список объектов культурного наследия ХМАО – Югры, границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами (на 16 июня 2014 г.)// Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск: Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. – Вып. 11. – С. 4–16. Полный список нормативно-правовых актов Госкультохраны Югры доступен на сайте www.nasledie.admhmao.ru в разделе «Документы/ Приказы Госкультохраны Югры».

1	2	3	4	5
340	Городище Кучиминское 1			
341	Городище Кучиминское 2			
342	Городище Кучиминское 3			
343	Городище Кучиминское 4			
344	Городище Кучиминское 5			
345	Городище Кучиминское 6			
346	Городище Кучиминское 7			
347	Городище Кучиминское 8			
348	Городище Кучиминское 9			
349	Городище Кучиминское 11			
350	Городище Кучиминское 12			
351	Городище Кучиминское 13			
352	Городище Кучиминское 14			
353	Городище Кучиминское 15			
354	Городище Кучиминское 16			
355	Городище Кучиминское 17			
356	Городище Кучиминское 18			
357	Городище Кучиминское 19			
358	Городище Кучиминское 20			
359	Могильник Сайгатинский 1	12-нп 20.05.2013.	Об утверждении границ и режима использования территории объекта культурного наследия регионального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры – Ханты-Мансийск, 2013. – 04 июня. – № 61
360	Могильник Сайгатинский 4			
361	Могильник Сайгатинский 6			
362	Селище Кучиминское 1			
363	Селище Кучиминское 2			
364	Селище Кучиминское 3			
365	Селище Кучиминское 4			
366	Селище Кучиминское 5			
367	Селище Кучиминское 6			
368	Селище Кучиминское 7			
369	Селище Кучиминское 8			
370	Селище Кучиминское 9			
371	Селище Кучиминское 10			
372	Селище Кучиминское 11			
373	Селище Кучиминское 12			
374	Селище Кучиминское 14			
375	Селище Кучиминское 16			
376	Селище Кучиминское 17			
377	Селище Кучиминское 18			

1	2	3	4	5
378	Селище Кучиминское 19–20	12-нп 20.05.2013.	Об утверждении границ и режима использования территории объекта культурного наследия регионального значения, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 04 июня. – № 61
379	Селище Кучиминское 21			
380	Селище Кучиминское 22			
381	Селище Кучиминское 28			
382	Селище Кучиминское 29	15-нп 10.10.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Дом, в котором с 1957 по 1961 г. жил советский и российский геолог, первооткрыватель нефти в Сибири Ф.К. Салманов»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 01 нояб. – № 127
383	Дом, в котором с 1957 по 1961 г. жил советский и российский геолог, первооткрыватель нефти в Сибири Ф.К. Салманов			
384	Дом Г.С. Клепикова	16-нп 10.10.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Дом Г.С. Клепикова»	Новости Югры. – Ханты-Мансийск, 2013. – 01 нояб. – № 127
385	Здание краеведческого музея, расположенное в Берёзовском районе	18-нп 05.12.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Здание краеведческого музея», расположенного в Берёзовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2013. – 13 дек. – № 145
386	Городское казначейское управление	19-нп 05.12.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Городское казначейское управление», расположенного в Берёзовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2013. – 13 дек. – № 145
387	Мост деревянный на рьяках через овраг Култычный	20-нп 05.12.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Мост деревянный на рьяках через овраг Култычный», расположенного в Берёзовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2013. – 13 дек. – № 145
388	Здание церкви Успения Пресвятой Богородицы	21-нп 05.12.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия местного (муниципального) значения «Здание церкви Успения Пресвятой Богородицы», расположенного в Белоярском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2013. – 13 дек. – № 145
389	Здание церкви Богоявления Господня	22-нп 05.12.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия местного (муниципального) значения «Здание церкви Богоявления Господня», расположенного в Сургутском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2013. – 13 дек. – № 145
390	Селище Нёх-Урий 1	24-нп 19.12.2013	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 14 янв. – № 3
391	Городище Нёх-Урий 2			
392	Селище Нёх-Урий 3.1			
393	Селище Нёх-Урий 3.2			
394	Городище Нёх-Урий 3.3			

1	2	3	4	5
395	Селище Нёх-Урий 3.4			
396	Могильник Нёх-Урий 3.5			
397	Могильник Нёх-Урий 3.6			
398	Селище Нёх-Урий 3.7			
399	Селище Нёх-Урий 3.8			
400	Городище Нёх-Урий 3.9			
401	Селище Нёх-Урий 3.10			
402	Могильник Нёх-Урий 3.11			
403	Селище Нёх-Урий 3.12			
404	Ловчая яма Нёх-Урий 3.13			
405	Селище Нёх-Урий 4.1			
406	Селище Нёх-Урий 4.2			
407	Городище Нёх-Урий 4.3			
408	Селище Нёх-Урий 5.1			
409	Селище Нёх-Урий 5.2			
410	Городище Нёх-Урий 5.3			
411	Селище Нёх-Урий 5.4			
412	Городище Нёх-Урий 5.5			
413	Селище Нёх-Урий 6.1			
414	Городище Нёх-Урий 6.2			
415	Селище Нёх-Урий 7	24-нп 19.12.2013		
416	Селище Нёх-Урий 8.1			
417	Городище Нёх-Урий 8.2			
418	Селище Нёх-Урий 9			
419	Селище Нёх-Урий 11			
420	Ловчая яма Нёх-Урий 12.1			
421	Селище Нёх-Урий 12.2			
422	Селище Нёх-Урий 12.3			
423	Городище Нёх-Урий 12.4			
424	Городище Нёх-Урий 12.5			
425	Городище Нёх-Урий 12.6			
426	Селище Нёх-Урий 13.1			
427	Городище Нёх-Урий 13.2			
428	Селище Нёх-Урий 14.1			
429	Городище Нёх-Урий 14.2			
430	Городище Нёх-Урий 14.3			
431	Селище Нёх-Урий 15.1			
432	Ловчая яма Нёх-Урий 15.2			
433	Селище Нёх-Урий 16.1			
			Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижнеавтовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 14 янв. – № 3

1	2	3	4	5
434	Городище Нех-Урий 16.2	24-нп 19.12.2013	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 14 янв. – № 3
435	Селище Нех-Урий 17.1			
436	Городище Нех-Урий 17.2			
437	Селище Нех-Урий 17.3			
438	Селище Нех-Урий 17.4			
439	Городище Нех-Урий 17.5			
440	Городище Нех-Урий 17.6			
441	Селище Нех-Урий 17.7			
442	Селище Нех-Урий 17.8			
443	Городище Нех-Урий 17.9			
444	Городище Нех-Урий 17.10			
445	Селище Нех-Урий 17.11			
446	Городище Нех-Урий 17.12			
447	Селище Нех-Урий 18.1			
448	Городище Нех-Урий 18.2			
449	Городище Нех-Урий 18.3			
450	Селище Нех-Урий 18.4			
451	Селище Нех-Урий 18.5			
452	Селище Нех-Урий 18.6			
453	Селище Нех-Урий 18.7			
454	Селище Нех-Урий 18.8			
455	Селище Нех-Урий 18.9			
456	Селище Нех-Урий 18.10			
457	Селище Нех-Урий 18.11			
458	Селище Нех-Урий 18.12			
459	Селище Нех-Урий 18.13			
460	Ловчая яма Нех-Урий 18.14			
461	Селище Нех-Урий 18.15			
462	Ловчая яма Нех-Урий 18.16			
463	Селище Нех-Урий 18.17			
464	Городище Нех-Урий 18.18			
465	Ловчая яма Нех-Урий 18.19			
466	Ловчая яма Нех-Урий 18.20			
467	Селище Нех-Урий 19.1			
468	Селище Нех-Урий 19.2			
469	Селище Нех-Урий 19.3			
470	Селище Нех-Урий 20			
471	Селище Нех-Урий 21			
472	Городище Нех-Урий 22			
473	Ловчая яма Нех-Урий 23			

1	2	3	4	5
474	Селище Нёх-Урий 24	24-нп 19.12.2013	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 14 янв. – № 3
475	Селище Нёх-Урий 25.1			
476	Селище Нёх-Урий 25.2			
477	Селище Нёх-Урий 25.3			
478	Селище Нёх-Урий 25.4			
479	Селище Нёх-Урий 26			
480	Селище Нёх-Урий 27.1			
481	Городище Нёх-Урий 27.2			
482	Селище Нёх-Урий 27.3			
483	Городище Нёх-Урий 28.1			
484	Селище Нёх-Урий 28.2			
485	Городище Нёх-Урий 28.3			
486	Могилиник Нёх-Урий 28.4			
487	Селище Нёх-Урий 29.1			
488	Городище Нёх-Урий 29.2			
489	Селище Нёх-Урий 30			
490	Селище Нёх-Урий 31			
491	Селище Нёх-Урий 32.1			
492	Селище Нёх-Урий 32.2			
493	Городище Нёх-Урий 32.3			
494	Селище Нёх-Урий 32.4			
495	Городище Нёх-Урий 32.5			
496	Селище Нёх-Урий 32.6			
497	Селище Нёх-Урий 32.7			
498	Селище Нёх-Урий 32.8			
499	Селище Нёх-Урий 32.9			
500	Селище Нёх-Урий 33			
501	Селище Нёх-Урий 34.1			
502	Селище Нёх-Урий 34.2	25-нп 19.12.2013	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе и городе Покачи	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 17 янв. – № 5
503	Ловчая яма Нёх-Урий 34.3			
504	Ловчая яма Нёх-Урий 34.4			
505	Селище Нёх-Урий 34.5			
506	Селище Нёх-Урий 35			
507	Селище Нёх-Урий 36.1			
508	Городище Нёх-Урий 36.2			
509	Городище Нёх-Урий 36.3			
510	Селище Нёх-Урий 36.4			
511	Городище Нёх-Урий 36.5			
512	Селище Нёх-Урий 36.6			

1	2	3	4	5
513	Городище Нёх-Урий 36.7	25-нп 19.12.2013	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе и городе Покачи	Новости Югры Ханты-Мансийск, 2014. – 17 янв. – № 5
514	Селище Нёх-Урий 36.8			
515	Селище Нёх-Урий 36.9			
516	Городище Нёх-Урий 36.10			
517	Селище Нёх-Урий 36.11			
518	Селище Нёх-Урий 36.12			
519	Селище Нёх-Урий 36.13			
520	Ловчая яма Нёх-Урий 37			
521	Селище Нёх-Урий 38.1			
522	Селище Нёх-Урий 38.2			
523	Селище Нёх-Урий 39			
524	Селище Нёх-Урий 40			
525	Селище Нёх-Урий 41			
526	Селище Нёх-Урий 42.1			
527	Селище Нёх-Урий 42.2			
528	Ловчая яма Нёх-Урий 43			
529	Селище Нёх-Урий 44.1			
530	Городище Нёх-Урий 44.2			
531	Городище Нёх-Урий 44.3			
532	Городище Нёх-Урий 44.4			
533	Селище Нёх-Урий 45			
534	Селище Нёх-Урий 46			
535	Ловчая яма Нёх-Урий 47			
536	Ловчая яма Нёх-Урий 48			
537	Ловчая яма Нёх-Урий 49			
538	Ловчая яма Нёх-Урий 50			
539	Ловчая яма Нёх-Урий 51			
540	Селище Нёх-Урий 52			
541	Селище Нёх-Урий 53			
542	Селище Нёх-Урий 54			
543	Селище Нёх-Урий 55			
544	Селище Нёх-Урий 56			
545	Городище Старые Покачи 2			
546	Городище Старые Покачи 3			
547	Городище Старые Покачи 5			
548	Могильник Старые Покачи			
549	Селище Старые Покачи 13			
550	Селище Старые Покачи 14			
551	Селище Старые Покачи 15			
552	Городище Вор-сип 1			

1	2	3	4	5
553	Селище Вор-сап 2	25-нп 19.12.2013	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Нижневартовском районе и городе Покачи	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 14 янв. – № 3
554	Городище Вор-сап 3			
555	Селище Вор-сап 4			
556	Городище Вор-сап 5			
557	Могильник Вор-сап 6			
558	Селище Вор-сап 8			
559	Селище Вор-сап 9			
560	Селище Вор-сап 10			
561	Местонахождение Вор-сап 11			
562	Селище Вор-сап 12			
563	Селище Вор-сап 13			
564	Селище Вор-сап 14.1			
565	Ловчая яма Вор-сап 14.2			
566	Селище Вор-сап 14.3			
567	Селище Вор-сап 14.4			
568	Городище Вор-сап 14.5			
569	Селище Вор-сап 14.6			
570	Ловчая яма Вор-сап 14.7			
571	Селище Вор-сап 15.1			
572	Ловчие ямы Вор-сап 15.2			
573	Селище Вор-сап 15.3			
574	Селище Вор-сап 15.4			
575	Селище Вор-сап 15.5			
576	Селище Вор-сап 15.6			
577	Селище Вор-сап 16			
578	Селище Вор-сап 17.1			
579	Селище Вор-сап 17.2			
580	Селище Вор-сап 17.3			
581	Городище Вор-сап 17.4			
582	Селище Вор-сап 17.5			
583	Селище Вор-сап 18			
584	Селище Вор-сап 19.1			
585	Селище Вор-сап 19.2			
586	Селище Вор-сап 19.3			
587	Селище Вор-сап 19.4			
588	Ловчая яма Вор-сап 20			
589	Ловчая яма Вор-сап 21			

1	2	3	4	5
590	Спасская церковь	26-нп от 23.12.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Спасская церковь», расположенного в Октябрьском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 14 янв. – № 3
591	Здание церкви Богооявления Господня	27-нп от 23.12.2013	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия местного (муниципального) значения «Здание церкви Богооявления Господня», расположенного в Берёзовском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 17 янв. – № 5
592	Усадьба П.А. Кайдалова в составе: дом П.А. Кайдалова, амбар	1-нп от 17.01.2014	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Усадьба П.А. Кайдалова в составе: Дом П.А. Кайдалова, Амбар»	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 04 февр. – № 12
593	Селище Сайгатино III	2-нп от 17.01.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском районе	Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2014. – 04 февр. – № 12
594	Селище Сайгатино IV			
595	Селище Сайгатино 7			
596	Городище Сайгатино I			
597	Селище Сайгатино II	3-нп от 16.06.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Кондинском районе	В публикации
598	Могильник Кладбище Юрт Сайгатиных			
599	Культурный погребальный комплекс Сайгатино VI			
600	Поселение Деревенское 1			
601	Поселение Одиночкино 2			
602	Поселение Одиночкино 3			
603	Поселение Одиночкино 4			
604	Поселение Одиночкино 5			
605	Поселение Одиночкино 6			
606	Поселение Одиночкино 7			
607	Поселение Волочна 10			
608	Поселение Волочна 11			
609	Поселение Попуга 2			
610	Селище Сумпанья 7			
611	Поселение Вершинное 3			
612	Поселение Вершинное 4			
613	Поселение Двойное 1			
614	Поселение Двойное 2			
615	Поселение Ершовое 1			
616	Поселение Потанх 3			
617	Поселение Потанх 7			
618	Поселение Потанх 9			

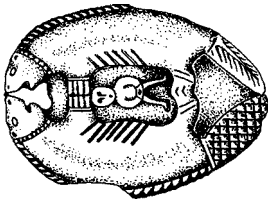
Продолжение таблицы

1	2	3	4	5
619	Могильник Ендырский 1	4-нп от 16.06.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Октябрьском районе	В публикации
620	Городище Ендырское 1			
621	Селище Ендырское 1			
622	Могильник Ендырский 2			
623	Селище Ендырское 2			
624	Городище Ендырское 2			
625	Селище Ендырское 3			
626	Городище Ендырское 3			
627	Селище Ендырское 4			
628	Городище Ендырское 4			
629	Поселение Ендырское 5			
630	Городище Ендырское 5			
631	Поселение Ендырское 6			
632	Городище Ендырское 6			
633	Городище Ендырское 7			
634	Поселение Ендырское 7			
635	Городище Ендырское 8			
636	Поселение Ендырское 8			
637	Селище Ендырское 9	5-нп от 16.06.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском районе	В публикации
638	Селище Ендырское 10			
639	Селище Ендырское 11			
640	Поселение Лемья 10.1			
641	Поселение Лемья 12.1			
642	Местонахождение Лемья 14.2			
643	Местонахождение Лемья 16.3			
644	Поселение Лемья 16.1			
645	Поселение Лемья 16.2			
646	Поселение Лемья 17.1			
647	Поселение Лемья 18.1			
648	Поселение Лемья 19.1			
649	Поселение Лемья 21.1			
650	Поселение Лемья 23.1			
651	Поселение Лемья 25.1			
652	Поселение Лемья 27.1			
653	Поселение Лемья 29.1			
654	Поселение Лемья 31.1			
655	Поселение Лемья 33.2			

1	2	3	4	5
656	Поселение Лемья 33.3	5-нп от 16.06.2014	Об утверждении границ и режима использования территорий выявленных объектов культурного наследия, расположенных в Советском районе	В публикации
657	Местонахождение Лемья 33.1			
658	Поселение Большая Умытъя 142			
659	Поселение Большая Умытъя 147	6-нп от 16.06.2014	Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Деревянная церковь (сельский клуб) (нач. XIX в.) в д. Чембакчина Ханты-Мансийского района»	В публикации
660	Деревянная церковь (сельский клуб) (нач. XIX в.)			

Составил: Д.М. Шакиров

Экологические проблемы озера Имлор — достопримечательного места, сакральной территории, участка нефтепромысла

А.С. Песикова

г. Сургут

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Субъект права ТТП № 18л Сургутского района ХМАО — Югры

Священное для хантов оз. Имлор научному сообществу стало известно ещё в кон. XIX — нач. XX в. из публикаций исследователей Западной Сибири, в частности финского учёного К.Ф. Карьялайнена и краеведа А.А. Дунина-Горкавича.

В 1960—1970-х гг. водоём, питаемый родниками, использовали для разведения сырка, который потом поступал на Сургутский рыбоконсервный комбинат. На Имлорском рыбпромысле работали местные русские жители, предки которых поколениями проживали бок о бок с коренным населением. Поэтому они относились к священным местам ханты с таким же почтением и бережением, как аборигены. До прихода нефтяников природа сохраняла свой первоначальный вид, и вопрос о сохранении этого уникального места на повестке дня тогда не стоял.

В сер. 1970-х гг. подразделения предприятия «Сургутнефтегаза» начали освоение одного из крупнейших месторождений — Фёдоровского, — на севере которого и было расположено священное озеро. В настоящее время почти весь водоём вошёл в Фёдоровский лицензионный участок НГДУ «Фёдоровскнефть», а небольшой северный участок разрабатывается НГДУ «Комсомольскнефть».

Включение рассматриваемой территории в зону промышленного освоения повлекло неизбежное появление пришлых людей и, как следствие, — грабительское использование природных ресурсов, циничное отношение к коренному населению (воровство, уничтожение орудий лова, отстрел домашних оленей, браконьерский подход к «любительской» охоте и рыбалке). Семьи Комтиных, Рынковых, Вандымовых были вынуждены переселиться выше по течению р. Тром-Агана и её притоков. Именно эту причину ухода с родных мест называют Борис Антонович Комтин, Капитолина Ивановна Рынкова (Комтина), Ка-

питолина Васильевна Тэвлина, Раиса Ивановна Тэвлина (Покачева), Надежда Ивановна Покачева (Вандымова) и многие другие.

Волну вынужденной эмиграции из окрестностей оз. Имлор в сер. 1970-х гг. открыла семья Григория Даниловича Рынкава. Сегодня его сыновья и внуки проживают в верховьях р. Пима. В конце того десятилетия откочевали и семьи Вандымовых со стадом оленей. Чуть позже на вершину р. Тром-Агана перебрался Борис Антонович Комтин. По его словам, стало невозможным держать оленей из-за их отстрела пришлыми людьми, работавшими на нефтедобыче, а также постоянного разграбления имущества из лабазов, добычи из охотничьих ловушек, постоянными «проверками» рыболовных снастей коренного населения.

Коренные жители свидетельствуют о характере и размахе потребительского отношения приезжего населения к природе и имуществу людей с традиционным укладом жизни. Такое отношение сохранилось и по нынешний день, хотя облик «титульной нации» в этих местах изменился: в межозерье Имлора и Пильтанлора ныне проживают малооленные либо безоленные семьи Сопочиных, Тэвлиных, Кечимовых, Кнезьяновых.

Веками оз. Имлор было не только сакральным местом для сургутских ханты и их соседей (не только хантов, но и ненцев, посещавших сургутские ярмарки), местом обитания богов, но и значимым участком рыболовства и сезонной охоты на водоплавающую птицу. Количество добываемой рыбы и дичи коренными жителями регулировалось нормами обычного права.

Индустриальное освоение озера и бассейнов сопредельных водотоков кардинально изменило экономическую привлекательность участка, сделав его территорией нефтедобычи и местом активной любительской охоты и рыбной ловли городского и поселкового населения. Усугубила положение прокладка асфальтированных дорог, обеспечившая полную бесконтрольность «вторжения».

Юридически природные возобновляемые и невозобновляемые ресурсы на территориях традиционного природопользования не принадлежат в полной мере коренному населению, ведущему традиционный образ жизни. Каждый пришлый человек, оснащённый современными средствами передвижения и орудиями лова, получил возможность в любое время и без всяких ограничений заехать на любое родовое угодье, безнаказанно добывать в неограниченном количестве любую рыбу и всякого зверя.

Представители нефтедобытчиков упорно отрицают факты браконьерства и незаконной добычи рыбы на территориях традиционного

природопользования. Хотя в окрестностях Имлора зафиксированы несанкционированные постройки для отдыха, рыбалки и охоты. На озеро завозят не только собак, оружие, сети, но даже моторные лодки. «Любители природы» оставляют после себя бытовые и технические отходы, вытаптывают ягодники и другой растительный покров, вырубают деревья, делают на них затёсы. Даже на священном острове было организовано место для пикника, а в его окрестностях построены четыре избушки, не принадлежащие коренным жителям.

Сакральный статус оз. Имлор определил необходимость принятия неотложных мер по его охране. Так, 07.03.2013. губернатор ХМАО — Югры Н.В. Комарова подписала постановление № 71-п «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». В приложении 2 к постановлению окружного правительства сказано: «Наименование объекта: достопримечательное место «Священное озеро Имлор». Дата создания объекта: XIX — начало XXI века».

Придание озеру статуса объекта культурного наследия в форме достопримечательного места не решило, однако, всех существующих проблем. Условия проекта обоснования границ и характера использования достопримечательного места «Священное озеро Имлор» (автор — С.А. Липс, разработчик — ООО «НПО «Северная археология — 1») не воспрепятствовали строительству девяти новых кустовых площадок вблизи озера, а режим охранных зон практически не соблюдается. Предложения более раннего проекта 2009 г. (разработчик — ООО «Гиперборея» по заказу ОАО «Сургутнефтегаз») установить охранные зоны с соответствующим природоохранным регламентом не были приняты во внимание. По свидетельствам коренных жителей, проживающих на берегах оз. Имлор, разработчики проекта от ООО «НПО «Северная археология — 1» на месте не были и натурные работы на озере не выполняли. На совещании, проходившем в декабре 2012 г. в д. Русскинской, коренное население восприняло проект ООО «НПО «Северная археология — 1» как итог социального заказа ОАО «Сургутнефтегаза», направленный на дальнейшее беспрепятственное нефтяное освоение территории.

Не доверяя уполномоченным лицам органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и ОАО «Сургутнефтегаз», 8—9 января 2013 г. представители сургутских ханты создали инициативную группу в составе:

1. Комтин Борис Антонович — главный хранитель священного озера Имлор,
2. Рынков Семён Григорьевич — паломник,
3. Тэвлина Раиса Ивановна — паломник,
4. Покачева Надежда Ивановна — паломник,
5. Кечимов Сергей Васильевич — главный смотритель озера Имлор,
6. Покачев Данил Николаевич — паломник,
7. Сопочина Аграфена Семеновна — паломник.

Полномочия группы никоим образом не могли подменить и не подменяли правомочия владельцев родовых угодий на берегах оз. Имлор. Задачей стала защита священного озера и связанного с ним участка ландшафта как сакрального места, а также общественный контроль по реализации мер сохранения Имлора как объекта культурного наследия. Территория озера, являющаяся одновременно объектом культурного наследия, действующим сакральным местом и территорией нефтедобычи, должна находиться в ракурсе внимания четырёх сторон — правительства ХМАО — Югры, администрации Сургутского р-на, ОАО «Сургутнефтегаз» и местных ханты.

Инициативная группа предложила механизм сотрудничества сообщества сургутских ханты с подразделениями ОАО «Сургутнефтегаз» и администрацией Сургутского района.

Кроме того, инициативная группа сформулировала основные требования к осуществлению промышленной деятельности вблизи озера:

1. Любые проекты, обосновывающие отвод и характер планируемого использования земельных участков на берегах водоёма, должны согласовываться с коренным населением на стадии предварительных изысканий.
2. Необходимо проведение регулярного независимого мониторинга экологической обстановки акватории озера Имлор и прилегающих к нему территорий.
3. Необходим учёт особенностей гидрологического режима водотоков и болотных вод при размещении промышленных объектов, в особенности при строительстве линейных коммуникаций (нефтепроводов, водоводов, электрических кабелей, дорог).
4. Необходимо соблюдение требований охранного зонирования в акватории озера Имлор и питающих его водоёмов для предотвращения на нефтепромыслах НГДУ «Фёдоровскнефть» и НГДУ «Комсомольскнефть» аварий и следующего за ними техногенного воздействия на водную систему в бассейне р. Тром-Агана.
5. Рекомендуются взять охрану оз. Имлор под особый контроль уполномоченных органов исполнительной власти ХМАО — Югры.

Свидетельства коренных жителей о местах разливов нефти, подтоплениях, браконьерстве, пожарах и прочих бедствиях не получают

Ил. 1. Священное оз. Имлор в системе лицензионных участков. Красным указаны точки съёмки представленных далее фотографий

должного реагирования администрации Сургутского р-на. Такая ситуация вызвала необходимость поездки 8 октября 2013 г. Сергея Васильевича Кечимова (главный смотритель священного озера Имлор) и автора данной публикации (начальник Сургутского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок) на северный берег озера — в зону деятельности НГДУ «Комсомольскнефть». С.В. Кечимов представляет интересы коренного населения, вся жизнь которого связана с традиционной деятельностью в этом районе. Автор владеет набором необходимых научных знаний о традиционной жизнедеятельности своих сородичей и практически сама проживает в условиях традиций.

В результате этой поездки в северной части оз. Имлор были выявлены многочисленные техногенные нарушения, которые уже принесли или принесут в самом ближайшем времени экологический вред. Последний же, в свою очередь, окажет неминуемое отрицательное воздействие на состояние объекта культурного наследия, с одной стороны, и понизит качество жизни местных ханты, с другой (ил. 1).

Ниже приводятся иллюстративный материал и комментарии С.В. Кечимова, данные на хантыйском языке и переведённые автором.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
292	61,906	73,353	08.10.2013	Трасса перетаскивания буровой установки в 70-е гг. XX века через ручей. Ручей засыпан песком

С.В. Кечимов: Эту песчаную дорогу в 1970-е гг. проложили. По этому пути буровую вышку протаскивали. Видишь: трубы и песок не убрали. Столько лет прошло, путь спрессованным стал. Русло речки полностью засыпано песком, даже течения нет. Работникам НГДУ «Комсомольскнефть» сколько раз говорил, сделайте рекультивацию. Они упорно ничего не делают. Говорят, что это вина геологов, они пусть и убирают. Но где их найдёшь?

Автор: Слева через ручей что проложено?

С.В. Кечимов: А это нефтепровод. Я просил провести нефтепровод над водой ручья. Весной и осенью нефтепровод оказывается под водой.

Автор: На правой стороне что за изба?

С.В. Кечимов: Это рыбаками поставленная изба. В 1990-е гг. здесь работающие рабочие (ОАО «Сургутнефтегаза») целый посёлок построили. Этот посёлок за новым бетонным мостом был. Из милиции приехали, посёлок сожгли. Одна изба осталась, сюда перевезли. Вот смотри — сами сожгли.

Автор: Этот ручей в какое озеро впадает?

С.В. Кечимов: В Имлор впадает. До озера отсюда недалеко. В сожжённом поселении сколько было лодочных моторов, снегоходов, собак, ружей! Некоторые вещи, такие как ружья, моторы, снегоходы, милиция по протоколам забрала.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
292b	61,908	73,353	08.10.2013	Нефтепровод в русле ручья Мыши

С.В. Кечимов: Этот ручей называется Мышка. Тоже рыбной речкой была. Пусть маленький ручеёк, но он главный. Из-за того, что засыпали песком, на ряме деревья все чёрными стали. Дальше увидишь. Кроме этой напасти, нефтепровод по руслу ручья проложили. Сейчас он [нефтепровод] под водой, среди травы его не видно.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
292	61,908	73,353	08.10.2013	Трубы и нефтепровод через русло ручья

С.В. Кечимов: Раньше этот ручей был рыбным. Геологи загородили [его]. Нефтяники его испортили. Сейчас ни рыбы, ничего нет. Там среди травы нефтепровод находится.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
293b	61,906	73,381	08.10.2013	Сломанная мордушка

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
293c	61,909	73,382	08.10.2013	Сломанная мордушка

С.В. Кечимов: Эти мордушки не мы в такое состояние привели. Так (с ними) пришлые [люди] обращаются. Ханты рядом с установленной мордушкой не будут сидеть... Пришлые тайно мордушки проверяют. Они ведь не владеют умением рыбачить. Штакетник на запоре, сами мордушки приводят в негодность. Даже мордушка из проволоки не выдерживает [такого обращения]. Да и вороватые пришлые ничего не берегут.

Автор: Рыбу крадут?

С.В. Кечимов: Конечно, воруют. Они на машинах разъезжают. Рыбу в машину забросят — и уезжают. На КПП их не задерживают, хоть сколько рыбы и мясо провезут. Ещё очень нехорошее дело делают. Мальков на землю бросают. В воду их не кидают. Вырасти им не дают.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
294	61,916	73,360	08.10.2013	Лес после разлива нефти

С.В. Кечимов: Здесь нефтяные трубы прорвались. Сверху завалили песком, оправдываясь тем, что дорогу вокруг Имлор строить хотят. Все деревья почернели. НГДУ «Комсомольскнефть» клянётся, будто никогда не дадут нефти пролиться. Будто нефтепровод новыми трубами будут обеспечивать. Будто речки сделают такими, какими были в старину. На каждом собрании так говорят. Дела совсем другие! Вот как нефть отравляет землю. Бассейн Имлора имеет мягкую почву. Не-видимо для глаз нефть может просочиться в озеро. На другие водоёмы тоже может просочиться.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
294	61,916	73,368	08.10.2013	Конец водоотводной трубы

С.В. Кечимов: По моим наблюдениям, Сургутнефтегаз всегда небрежно укладывает водоотводные трубы. Концы [труб] не доходят до воды. И внутренности пролежавших труб не чистят. Сургутнефтегаз, наверно, специально над водой-землёй издевается.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
294	61,916	73,368	08.10.2013	Конец водоотводной трубы

С.В. Кечимов: Засыпали ручей Мышки. Вода нигде просочиться не может. На его болотах и озёрцах задерживается. Зимой корни деревьев промерзают, летом — гниют. Поэтому такими чёрными становятся. Озёрца и болота, которые находятся в пойме ручья Мышки, все обводнённые. Пришлым [людям] до ума не доходит, почему я о деревьях говорю. Они [пришлые] ведь в комфортных городских условиях проживают. Они думают, что там [в пойме ручья] никто не живёт. Как же — насекомые, птицы, звери. Они же тоже жить хотят.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
294	61,916	73,368	08.10.2013	Конец водоотводной трубы

С.В. Кечимов: На этом месте вода взад и вперёд может течь. Если на Ватьлоре вода поднимается, то вода просачивается в бассейн ручья Мышки. Если на ручье вода поднимается, то она сочится на Ватьлор. Эта водоотводная труба без всякой пользы тут лежит. И даже криво проложили. Я думаю, нефтяники работать умеют. Но здесь сознательно трубы так проложили.

С.В. Кечимов: Зимой на «Буранах» ездить плохо. Автомобильные дороги препятствуют. Дорожные полотна высокие, с крутыми песчаными боками. И такими отвесными получаются. Зимой на «Буране», на оленьей упряжке на шоссе не поднимаешься. Тем более дорожных знаков

нет. Машины мчатся с бешеной скоростью. На дорогу, ладно, въедешь, только всегда боишься, как бы машины на скорости не задавили.

Автор: Нефтяники такой пологий спуск не предусматривают?

С.В. Кечимов: Конечно, предусматривают. Только от кустовых площадок песчаные широкие дороги к водоёмам строят. Любой человек машиной туда подъезжает, там ставит [её]. Машины моют, снегоходы, моторные лодки на ровное место ставят и рыбачат, охотятся сколько хотят! Кусты, стоящие рядом с водоёмами, все к воде песчаные языки имеют. А нефтяники для коренных жителей пологие спуски с шоссе не желают делать. И дорожные знаки не ставят. Нам, ханты, такие песчаные языки не нужны. Нам необходимо [съездить] мордушку проверить, рыбный запор изготовить.

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
294-3	61,929	73,39о	08.10.2013	Конец водоотводной трубы

С.В. Кечимов: Сколько лет здесь живу, нефтяники водоотводные трубы не чистят. Внутренность трубы песком-мхом, мусором-отходами забивается. Осенняя вода, весенняя вода ни взад, ни вперёд не просачивается. По этой причине сколько деревьев-трав высыхает, сколько зверей-рыб погибает. Эти плохие дела никто не исследовал, никто не подсчитывал. Сколько рыб-зверей зря погибло, сколько больными оказались, сколько вообще не родилось!

Точка съёмки (ил. 1)	Широта	Долгота	Дата съёмки	Место съёмки
294н	61,931	73,390	08.10.2013	Рекультивация на нефтезагрязнении

С.В. Кечимов: Вокруг Имлора нефтезагрязнения есть. Здесь в этом году нефть разлили. На больших собраниях ОАО «Сургутнефтегаз» доказывает, что как будто они аккуратно работают. Вот, этой весной нефть разлили [на этом] месте. По этой болотинке шагай, там немного пройдишь, запах чуешь? Это место только сверху песком закидали и болотным мхом покрыли. А нефть не убрали. ОАО «Сургутнефтегаз» такие дела скрывает. Отсюда по шоссе такая же картина.

Автор: Ты как думаешь, как ОАО «Сургутнефтегазу» нужно работать?

С.В. Кечимов: Но не только ОАО «Сургутнефтегаз», другие организации, другие, [которые] в работе с нами не соприкасаются, сами на своей земле любительскую охоту, ловлю рыбы организовали бы. Вокруг Сургута такие хорошие леса, речные отмели-косы, боры, открытые пространства, чащи из черёмухи, кусты дикой смородины! Привели бы в порядок. Там же (людям) близко, [было бы и] им хорошо, [и] нашим родовым угодиям облегчение. ОАО «Сургутнефтегаз» к нам бы прислушивалось. Когда составляют проекты, сначала бы поинтересовались у коренных жителей, которые проживают на своём месте. Мы же воды-земли знаем, подсказали бы, где и как кустовую площадку ставить, чтобы меньше окружение портить. В какую сторону

скрыть автомобильную дорогу, чтобы не передавить не заметные глазу, но главные для водообмена подземные водотоки. Таким образом рыбы-звери живыми будут, деревья-травы будут расти. И нефть тоже будут добывать. ОАО «Сургутнефтегаз» старается поставить себя выше законов. Его работники не понимают: сегодня коренных жителей шельмуют, а завтра эта победа против них обернётся. Я знаю, что среди инокультурных есть люди, которые это понимают. Пусть, кто грамотно в этом разбирается, по государственным законам Имлор на бумаге оформят. И границы охранной зоны озера Имлор пусть увеличат.

В обращении № 95 Е.Д. Айпина, председателя Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера в думе ХМАО — Югры, к заместителям губернатора автономного округа С.М. Полукееву и Г.Ф. Бухтину, начальнику управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования Р.И. Мишенину, генеральному директору ОАО «Сургутнефтегаз» В.Л. Богданову был назван ряд экологических нарушений на нефтепромыслах вокруг оз. Имлор. В ответе Г. Ф. Бухтина (№ ГБ-7175 от 12.04.2013.) указано: «На момент обследования свежих следов разлива нефтесодержащих жидкостей не выявлено, несанкционированных размещённых твёрдых бытовых отходов не обнаружено. Расстояние от обваловки кустовой площадки № К-270 до береговой линии озера Имлор составляет не менее 300 м, обваловка не размывта. *Нарушений природоохранного законодательства не выявлено* (Выделено нами. — А.С.). Для подтверждения изложенных в сообщении фактов нефтезагрязнений в связи с высоким снежным покровом необходимо обследование в бесснежный период, в том числе проведение обследования участка лесного фонда, водоохранной зоны и прибрежной защитной полосы озера Имлор, в районе гидромеханического карьера № 25 (Шокурово), которое будет проведено позднее». А в ответах В.Л. Богданова и Р.И. Мишенина по поводу фактов экологических нарушений вокруг достопримечательного места было сказано, что соответствующей информацией коренные жители не располагают.

Инициативная группа предложила администрации Сургутского р-на собрать совещание представителей органов исполнительной власти, муниципальных властей, ОАО «Сургутнефтегаз» и хантыйского населения (прежде всего, хранителей святилища на оз. Имлор) для разработки совместного проекта мероприятий по охране озера как объекта культурного наследия коренных малочисленных народов Севера. В ответ глава Сургутского р-на Д.В. Макущенко (письмо № 01-23-00998 от

17.06.2013.) лишь написал о планировании соответствующей встречи, что и стало финалом в отношениях районной администрации и инициативной группы.

Членам инициативной группы не вполне ясно, почему *приказ* Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры № 7-нп от 22.04.2013. для администрации Сургутского района *носит рекомендательный характер*. То же касается и ответа Л.А. Малышкиной, начальника управления экологической безопасности и природопользования ОАО «Сургутнефте-газ», инициативной группе, изложенного в письме № 01-51-59-1631 от 05.06.2013. В частности, было сказано: «Разрешительные и запретительные меры в границах зоны «Р» регулируются Приложением 4 к Приказу № 7-нп, где определено, что *строительство новых объектов запрещено* (Выделено нами. — А.С.). Таким образом, создание комиссии с целью рекогносцировки проектов объектов нефтедобычи в зоне «Р» озера Имлор *не имеет оснований* (Выделено нами. — А.С.)». Девять же действующих кустовых площадок ОАО «Сургутнефтегаз» в районе озера согласованы с коренным населением ещё *в феврале 2013 года*.

Инициативная группа имеет основания полагать следующее:

1. Разработка мероприятий охраны и сама охрана озера Имлор для муниципалитета «Сургутский район» является *рекомендательной*, то есть не обязательной.

2. Со дня появления постановления правительства №71-п от 07.03.2013. «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», утвердившего границы территории достопримечательного места «Священное озеро Имлор», администрация Сургутского р-на не интересовалась обозначенным вопросом и не проводила никакой организационной работы по охране указанного объекта культурного наследия.

3. Охранная зона озера де-факто отсутствует (границы самого достопримечательного места проходят, по сути, по урезу воды), что беспокоит коренных жителей, поскольку деятельность вокруг озера практически не регламентирована.

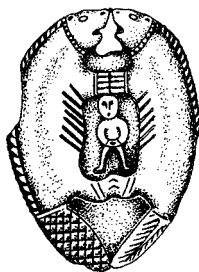
4. Природные ресурсы территорий традиционного природопользования продолжают подвергаться хищническому истреблению. На озёрах и речках только на отдельно взятых участках собирается до

30—40 автомобилей с представителями МЧС, полиции, руководителями среднего звена промышленных предприятий.

5. Картина пожаров — следствие времяпрепровождения «отдыхающих» — поражает: в 2012 и 2013 гг. поыхал лес в бассейнах р. Лямина, Пима, Тром-Агана, Агана. Пострадали не только боры — зимние пастбища оленей, но и торфяники — летние пастбища (в том числе и вокруг Имлора).

6. В государственной программе социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера ХМАО — Югры на 2014—2020 гг. отсутствуют статьи расходов бюджета на восстановление флоры и фауны территорий традиционного природопользования. Само же социально-экономическое развитие этих народов рассматривается программой не более как сопутствующий товар для развития этнотуризма. Следовательно, сохранение природного, исторически сложившегося ландшафта священного озера Имлор остаётся без государственной поддержки. И может случиться, что это достопримечательное место из объекта сакрального святилища превратится в объект потребления этнотуристов.

Изучение историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Энеолитический комплекс селища Нёх-Урий 3.2 в бассейне р. Аган¹

В.И. Стефанов, Л.Л. Косинская

г. Екатеринбург

Уральский федеральный университет

Л.В. Карачарова

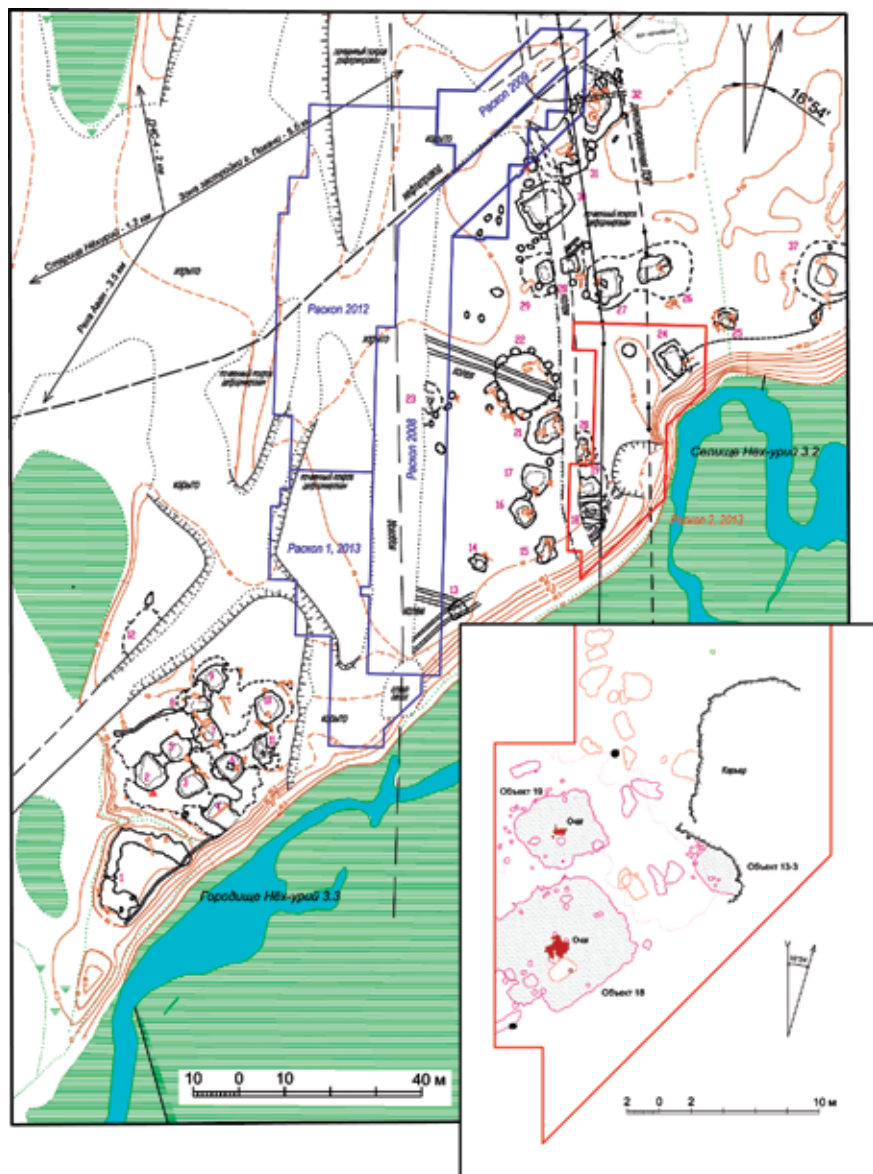
ООО «НАЦ «АВ КОМ—Наследие»

Настоящая работа продолжает серию оперативных публикаций об энеолитических и раннебронзовых древностях Среднего Агана, исследованных в рамках программы по сохранению исторического и культурного наследия в зоне хозяйственной деятельности ТПП «Покачёвнефтегаз» ОАО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» (принята в 2004 г.). Научному сообществу уже представлена информация о результатах раскопок энеолитического могильника Старые Покачи 5.1², селищ эпохи бронзы Нёх-Урий 5.1, Нёх-Урий 5.2 и Нёх-Урий 3.2³. На последнем памятнике в 2013 г. были заложены ещё 2 раскопа, в одном из которых обнаружены остатки сооружений с богатым и разнообразным инвентарем энеолитического облика, привлечшим особое внимание авторов⁴.

Коротко о памятнике

Селище Нёх-Урий 3.2 находится недалеко от г. Покачи Нижневартовского р-на ХМАО — Югры, на правом берегу р. Агана в её среднем течении. Оно представляет собой очень крупное скопление видимых на поверхности остатков построек жилого и хозяйственного назначения (таковых свыше 60) и неопределённое множество объектов, скрытых в толще земли и не имеющих внешних признаков. Объекты приурочены к песчаной гриве у небольшого ручья и представляют период от эпохи камня до Средневековья. Площадь селища Нёх-Урий 3.2 составляет около 10 га.

Ил. 1. Селище Нех-Урий 3.2. Схема расположения раскопа 2 (2013 г.)

Подробное описание ландшафта и местности, в которой расположен рассматриваемый памятник, приведено в недавней публикации В.И. Стефанова и Е.Н. Даниловой⁵, поэтому здесь оно опущено.

Заинтересовавшие нас материалы происходят из раскопа 2. Здесь вскрыты остатки трёх построек. Они являлись, вероятно, частью одного посёлка из размещённых вплотную друг к другу углубленных построек, обваловки которых после разрушения слились (ил. 1)⁶. Из раскопанных объектов два выглядели на поверхности как впадины глубиной до 0,5 м и размерами ок. 6,0х5,0 м (объект 18) и 5,0х3,5 м (объект 19). Примыкавшая к ним обваловка имела высоту не более 0,3 м. Эти впадины были сильно деформированы техникой в процессе строительства линии электропередач. Особенно пострадали их западные границы.

Объект 18 располагался в юго-восточной части поселения, на краю террасы (ил. 1). В процессе раскопок выяснилось, что в плане углубленная часть постройки была почти прямоугольной (ил. 1). Ориентировка по длинной оси — с юго-запада на северо-восток, максимальные размеры котлована составляли 8,4х7,1 м, глубина — 0,6 м. Вход в постройку был, скорее всего, с юго-западной стороны, здесь в котловане отмечена ниша. В центральной части объекта зафиксирован очаг размерами ок. 1,0х1,0 м. Толщина очажного слоя достигала 0,2 м. В заполнении, обваловке и на дне объекта встречались прослойки и вкрапления охры.

Объект 19 (ил. 1) примыкал с севера к объекту 18. Он также представлял собой остатки подпрямоугольной углубленной постройки, с очагом в центральной части. Максимальные размеры котлована составляли 6,0х5,0 м, глубина — 0,6 м. Ориентировка объекта по длинной оси была по линии юго-запад — северо-восток. Очаг имел размеры 0,75х0,35 м, его мощность достигала 0,1 м. В слоях, связанных с остатками постройки, также отмечены пятна охры.

За пределами котлованов было раскопано около десятка ям, как мы полагаем, имевшие прямое отношение к данным жилищам.

Остатки ещё одного небольшого углубленного сооружения, датированного также энеолитом, располагались в 6 м к востоку от котлованов объектов 18, 19. **Объект 13—3** (ил. 1) на поверхности не прослеживался, значительная часть его уничтожена карьером. В ходе раскопок были зафиксированы очертания северо-западного угла и двух стен котлована, максимальная глубина которого составляла 0,57 м. Размеры сохранившейся углубленной части постройки составляли 3,4х2,2 м. Скорее всего, котлован имел близкую к прямоугольной

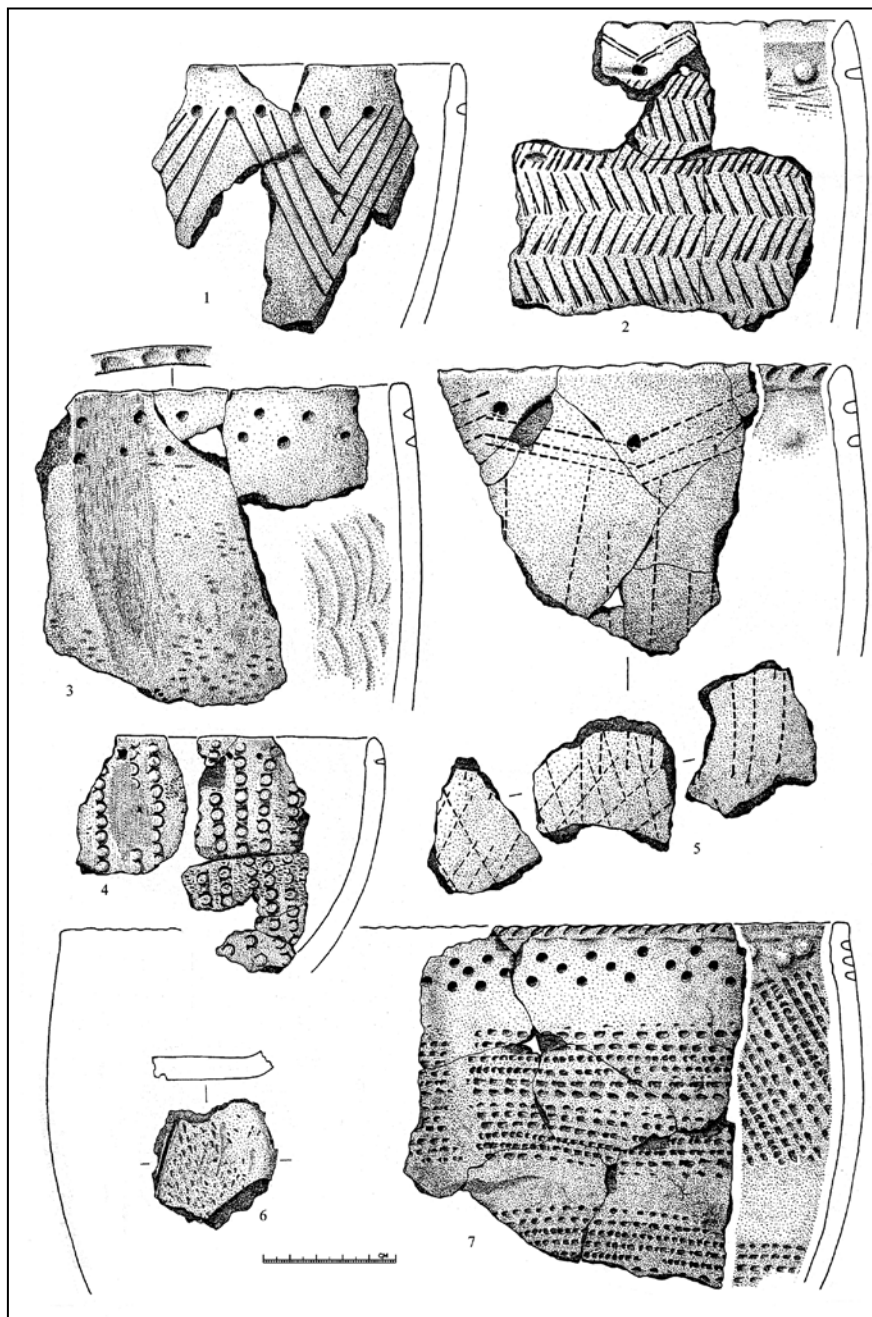
форму. В объекте отмечены линзы очажного слоя мощностью до 0,03 м. Часть очага, вероятно, разрушена карьером. В заполнении и на дне котлована также присутствовали вкрапления охры.

Характеристика инвентаря

Коллекция находок, полученная в 2013 г. из раскопа 2 селища Нёх-Урий 3.2, представительна и весьма оригинальна. Помимо многочисленных обломков керамической посуды, каменных изделий и отходов камнеобработки, в неё входит крупная серия разнообразных керамических орудий. Кроме того, в ней присутствуют свидетельства металлообработки, к сожалению, единичные.

Керамическая посуда (ил. 2—6). Рассматриваемый комплекс включает 1537 обломков глиняных сосудов. Точное число последних установить невозможно из-за сильной фрагментированности материала. Целых или полностью восстановленных ёмкостей нет. Крупных черепков, дающих представление о параметрах, морфологических особенностях и декоре верхней половины сосудов, немного; ещё меньше обломков днищ. В первую очередь данным обстоятельством объясняется редкость или отсутствие в описании количественных характеристик отдельных свойств-признаков посуды и категоричность суждений и оценок.

В анализируемой выборке по разным признакам выделяется до 60 сосудов. Одни экземпляры представлены всего парой черепков, в других случаях количество фрагментов доходит до сотни. Посуда лепная, с точки зрения технологии изготовления (исходное сырьё, формовочные массы, конструирование, обработка поверхности) она производит впечатление целостного комплекса, но подробнее об этом — ниже. В коллекции явно доминируют плавнопрофилированные баночные формы — слабозакрытые и с почти вертикальными в верхней части стенками. По численности им заметно уступают открытые банки (ил. 2—1, 4) и сосуды с выделенной или едва намеченной шейкой (ил. 3—3; 5—2). По крайней мере, 5 сосудов имеют плоское дно (ил. 2—6; 3—2, 3; 4—10), примерно столько же зафиксировано округлых днищ (ил. 4—8, 9). Не станем утверждать, что эта пропорция отражает реальную картину, но одновременное бытование круглодонной и плоскодонной посуды в рассматриваемый период функционирования поселения на месте селища Нёх-Урий 3.2 представляется бесспорным фактом. Верхний край стенок преимущественно ровный или волнистый (чаще — пологоволнистый). Примерно поровну экземпляров с плоским, округлым

Ил. 2. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Керамика

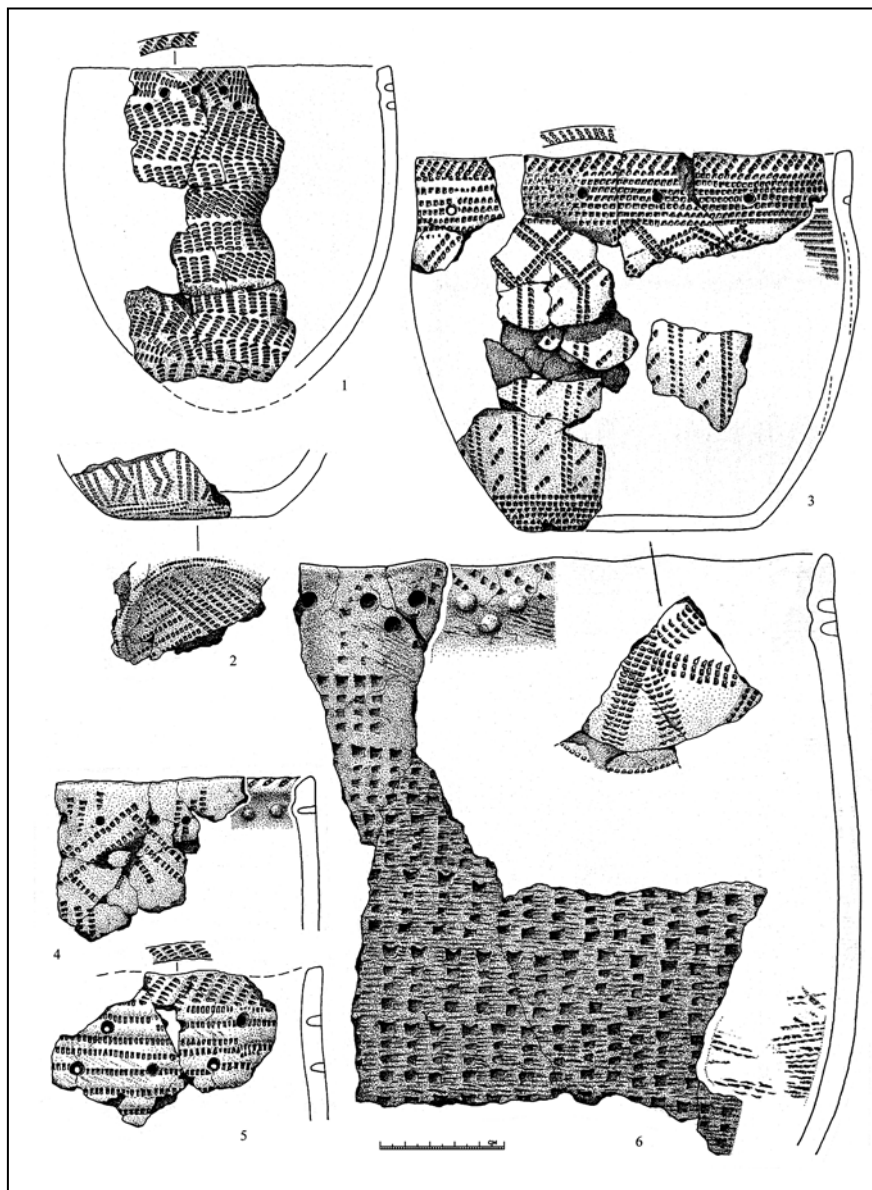

или скошенным внутрь срезом. Край одного из сосудов, возможно, был оформлен выступами-«ушками».

Лишь у 9 ёмкостей удалось достоверно измерить диаметр устья. Полученные данные распределились следующим образом: 10 см и менее — 2 экз.; от 12 до 20 см — 5 экз.; свыше 29 см — 2 экз. Толщина стенок маломерных ёмкостей 4–5 мм, у остальных — от 6,5 до 10–11 мм.

Интересной особенностью сосудов, имеющей хронологическое значение, является разнообразие способов обработки поверхности. Для её выравнивания, помимо шпателей с гладким или зубчатым рабочим краем, довольно часто (15–20 сосудов) применялись инструменты, оставляющие характерные следы в виде штрихов, линий, мелких ячеек и стежков, напоминающие текстильные отпечатки. Допускаем, что при формовке отдельных экземпляров действительно использовалась ткань, однако в большинстве случаев «текстиль» на рассматриваемой группе сосудов — это результат специфической обработки поверхности — прокатывания палочки, обмотанной шнуром или выбивки «колотушкой», нарезанной «под текстиль». Таким образом обрабатывались как внешние, так и внутренние поверхности керамических емкостей (ил. 2–3, 4, 6; 3–6; 4–5; 5–5). Считается, что «текстиль» не является декором — это один из атрибутов технологии⁷, «псевдоорнамент» или «технический декор»⁸. Кроме псевдотекстильных отпечатков, на внутренней стороне сосудов (не менее 13 экз.) зафиксирован и вполне обычный, хорошо читаемый орнамент. Он состоит из наклонных и горизонтальных рядов шагающей/движущейся или, реже, печатной «гребёнки» (ил. 2–3, 7; 5–4, 5, 8), нанесённых, как и «текстиль», не сплошь, а по отдельным зонам с промежутками (ил. 2–7). Орнаментацию стенок изнутри мы, вслед за И.Г. Глушковым и Т.Н. Глушковой⁹, склонны оценивать как своеобразный технологический приём, имеющий целью рельефное разравнивание поверхности. Данное суждение не распространяется на поясок отпечатков гладкого или зубчатого штампа на скошенных внутрь срезах сосудов (ил. 2–5; 3–4, 6; 4–4, 6) и являющихся элементом декора (6 сосудов).

Срезы орнаментированы ещё у 21 сосуда, у 14 из них он плоский или уплощенный (ил. 3–3, 5), у 6 — округлого сечения (ил. 5–3); один — насечён по внешнему ребру (ил. 2–7). Внешняя поверхность украшена у подавляющего числа сосудов. Можно обратить внимание на разреженность орнамента или его отсутствие в зоне под срезом и даже в верхней половине тулова. Однако, во-первых, подобные

Ил. 3. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Керамика

образцы единичны (ил. 2—3; 5—3). Во-вторых, нельзя утверждать, что у них не украшена придонная часть (например, у нижнего края обломка, изображенного на ил. 2—3, заметен отпечаток гребенчатого штампа). В-третьих, у всех сосудов в приустьевой зоне обязательно присутствуют ямочные вдавления. Ямки глубокие круглой или овальной формы. Встречаются маленькие и очень маленькие наколы (ил. 2—4; 4—4, 10). Чаще они располагаются в один ряд — плотный или разреженный (ил. 2—1; 3—3), нередко соединены в комбинацию (ил. 2—7; 3—6) или сопряжены с другими элементами орнамента — например, приурочены к углам зигзага (ил. 2—5; 4—4). Выпуклые «жемчужины» на внутренней стороне стенок, образованные ямочными вдавлениями/наколами с внешней стороны, иногда примяты или затёрты. В двух случаях «жемчужины» сформированы на внешней стороне наколами изнутри. Особо следует отметить, что в зоне наибольшего расширения и в придонной части вдавления/наколы не встречаются.

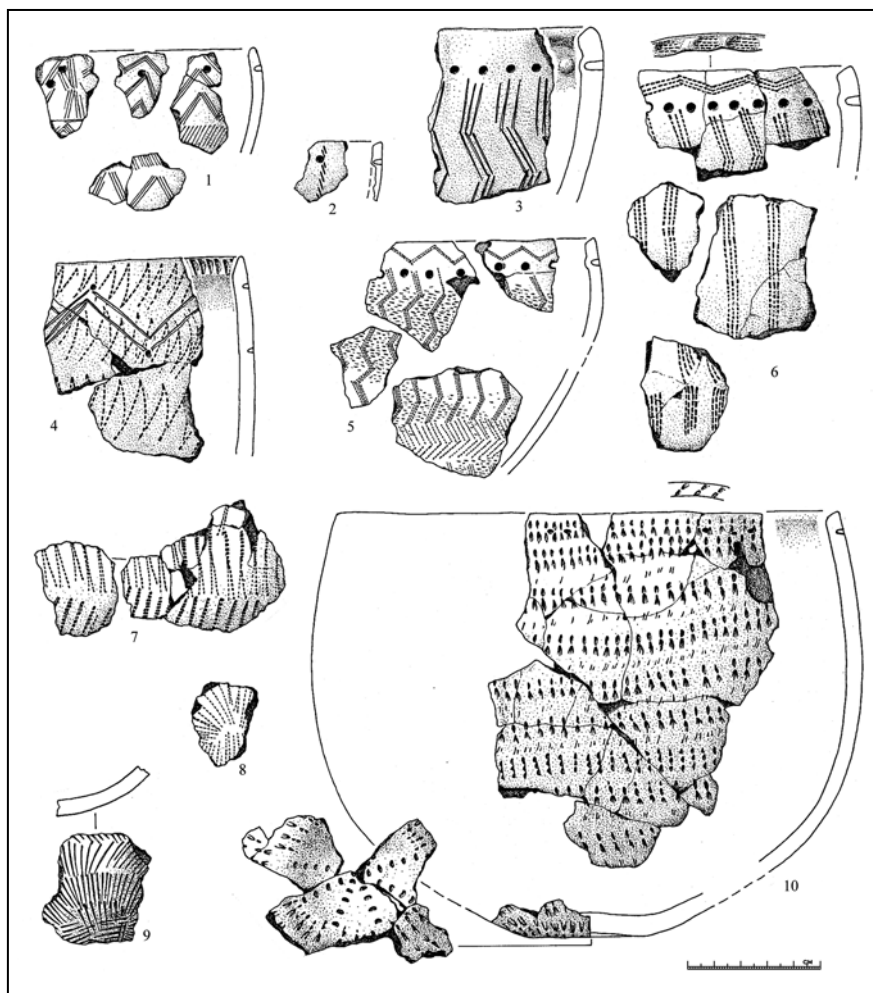
Узоры сплошные, довольно плотные, построены по горизонтально-зональной схеме. В декоре верхней части тулова обычны зигзаговые мотивы, ряды разнонаклоненных оттисков, горизонтальная «ёлочка» и полосы «шагающей гребёнки». Насколько можно судить по обломочному материалу, среднюю и нижнюю части орнаментального поля занимали монотонно повторяющиеся ряды прямых и наклонных отпечатков зубчатого штампа или той же «шагающей гребёнки», как «классической» (ил. 4—4), так и с нечёткими, трудноразличимыми следами движения штампа (ил. 2—7; 4—10).

Особого внимания заслуживает небольшая группа сосудов (9—10 экз.), в основном некрупных, круглодонных и плоскодонных, отличительными признаками которых являются вертикальные элементы в композициях и изящная техника исполнения декора. На сосудах малых размеров очень тонким гребенчатым штампом (на трёх экземплярах зубцы меньше миллиметра) или инструментом с узким рабочим краем оттиснуты или прочерчены свисающие от пояса ямок прямые или, чаще, зигзаговые линии — одинарные или сгруппированные по 2—4 (ил. 4—3, 5, 6), столбцы из коротких наклонных отрезков (ил. 4—2). В такой же технике выполнены и горизонтальные элементы композиций. К данной группе условно отнесена полусферическая чашка, поверхность которой украшена вертикальными «гирляндами» окружностей с несомкнутыми концами, возможно, это оттиски полой трубочки из птичьей кости (ил. 2—4). В декоре сосудов средних размеров тоже встречаются вертикальные элементы, но они «подвешены» не к ямочным вдавлениям,

а к нижним углам горизонтального зигзага — это линии, выполненные гребенчатым штампом, собранные по 2—3, промежутки между которыми заполнены наклонными отпечатками такого же штампа (ил. 3—3) или «гребенчатым» зигзагом (ил. 3—2). Они опускаются почти до дна либо сменяются в придонной зоне другим рисунком (ил. 2—5).

По срезу венчиков наносились неглубокие овальные вмятины (ил. 2—3) либо оттиски гладкого/зубчатого штампа (ил. 3—1, 3). На днищах орнамент состоит из отпечатков, образующих многолучевую

Ил. 4. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Керамика

розетку (ил. 3—3; 4—8) либо заштрихованную на две половины или четыре сектора окружность (ил. 3—2).

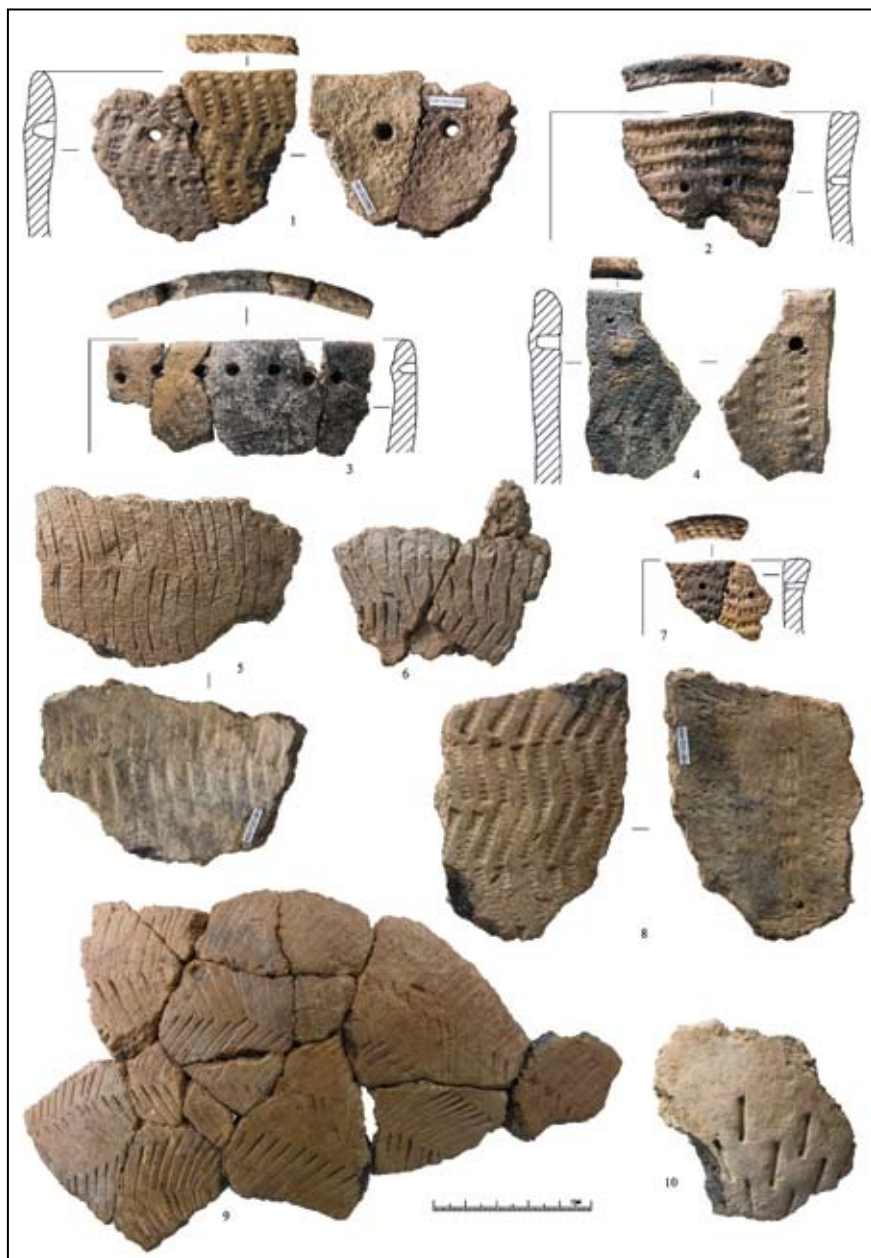
Характеристику декора можно дополнить следующим замечанием: в нём крайне незначительное место занимают геометрические фигуры — треугольники из вложенных шевронов (ил. 2—1), «полые» ромбы (ил. 3—3), возможно, есть и другие.

Если ямочные вдавления и жемчужины рассматривать как разновидность рельефного орнамента, то в исполнении плоскостных узоров абсолютно доминирует гребенчатая техника. Штампы различались количеством и формой зубцов, их размерами — от мелких, изящных до очень крупных, как на ил. 3—6. В зависимости от способов работы инструментом на поверхности сосудов оставались следы, интерпретируемые как «гребёнка печатная», «шагающая», «шагающе-проташенная», «прокатанная». «Печатно-гребенчатая» техника явно преобладает. Удельный вес резной техники (гладкий штамп) и прочерчивания невелик — менее 15 %. Всего дважды зафиксированы оттиски так называемых фигурных штампов (ил. 2—4). Гребенчатые и резные элементы редко соседствуют на одном сосуде (ил. 4—4).

Маркирующее значение имеют не соприкасающиеся друг с другом оттиски изящного гребенчатого штампа или тонкого гладкого штампа, как будто расщепленного с одного конца (ил. 2—2; 4—7, 8; 5—5, 6, 9). В действительности это специфический приём, связанный с отрывом штампа от поверхности и лёгким, порой едва заметным, смещением (движением) нижней части орнамента. Подобные раздвоенные оттиски зафиксированы в декоре 10—11 сосудов.

Технологическому анализу с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 по методике, разработанной А.А. Бобринским, было подвергнуто 8 сосудов, относящихся к различным морфологическим, декоративным и размерным группам¹⁰. Остальные экземпляры осматривались визуально, без применения технических средств. Полученные результаты сводятся к следующему:

1. В качестве исходного сырья использовались ожелезнённые слабозапеченные глины, в ряде случаев с естественной примесью растительной органики.
2. Часть сосудов, преимущественно малых размеров и украшенных характерным мелким гребенчатым штампом, изготовлена из очень пластичной глины, практически не содержащей песка.
3. В качестве примеси в формовочную массу добавлялся мелкий шмот (размер фракций 1—3 мм). У некоторых экземпляров отмечены повышенная концентрация более крупного шмота (3—5 мм), округлые комочки охры, а

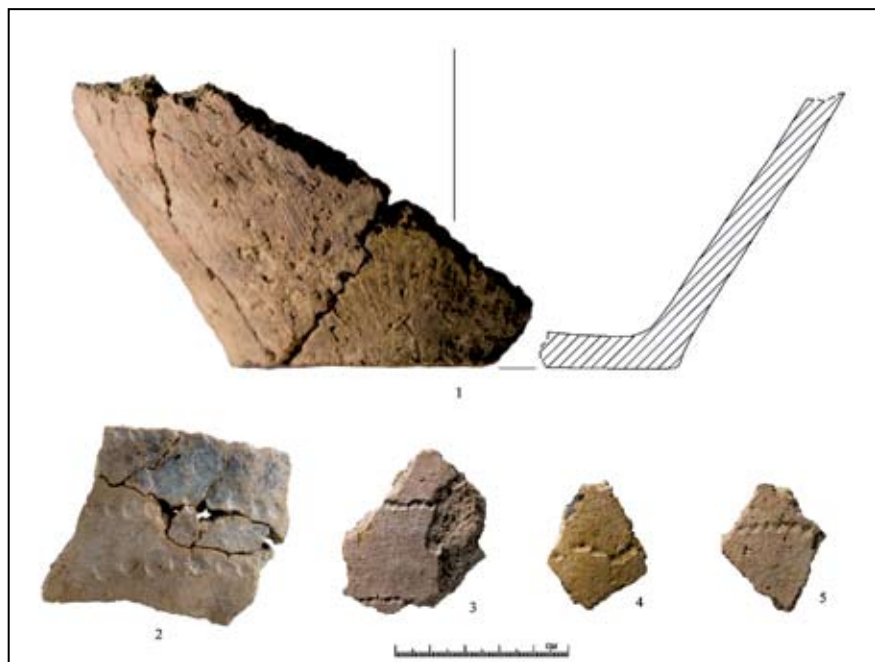
Ил. 5. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Керамика

также следы использования органического раствора, который фиксируется по большому количеству отпечатков чешуи, белесому налёту и, иногда, пластинкам чешуи, подвергшимся термическому воздействию. Чешуя может быть признаком использования илстых глин, но в исследованных черепках нет других составляющих этого сырья — отпечатков растительности и раковин; кроме того, в иле чешуя имеет характерный коричневый или тёмно-серый цвет.

4. Из 8 проанализированных сосудов 5 конструировались в технике ленточного налёпа встык.

5. Кроме специфических способов обработки поверхности, рассмотренных выше (под текстиль, орнамент на внутренней стороне), для разравнивания неровностей применялись шпатели с гладким или, реже, зубчатым рабочим краем.

По мнению Е.Н. Дубовцевой, анализируемая посуда демонстрирует прочное сочетание признаков на стадиях отбора исходного сырья, конструирования сосудов и обработки поверхности — наиболее устойчивых ступеней керамического производства. Различные рецепты формовочных масс хорошо коррелируются с орнаментальными стилями. В целом, комплекс производит впечатление единого.

Ил. 6. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Керамика

В довершение к вышесказанному ещё несколько замечаний. В коллекции довольно много фрагментов с закопчённой поверхностью и со следами пригара/нагара (остатки пригоревшей пищи). На некоторых черепках фиксируются следы ремонта — отверстия для «сшивания» трещин, замазка трещин и других дефектов каким-то смолистым органическим веществом чёрного цвета. Нередки обломки сосудов со спекшейся ошлакованной поверхностью, то есть испытавших воздействие высоких температур (ил. 3—1), и со следами вторичного использования, преимущественно в качестве абразивов (ил. 2—3, 4; 8—12—15).

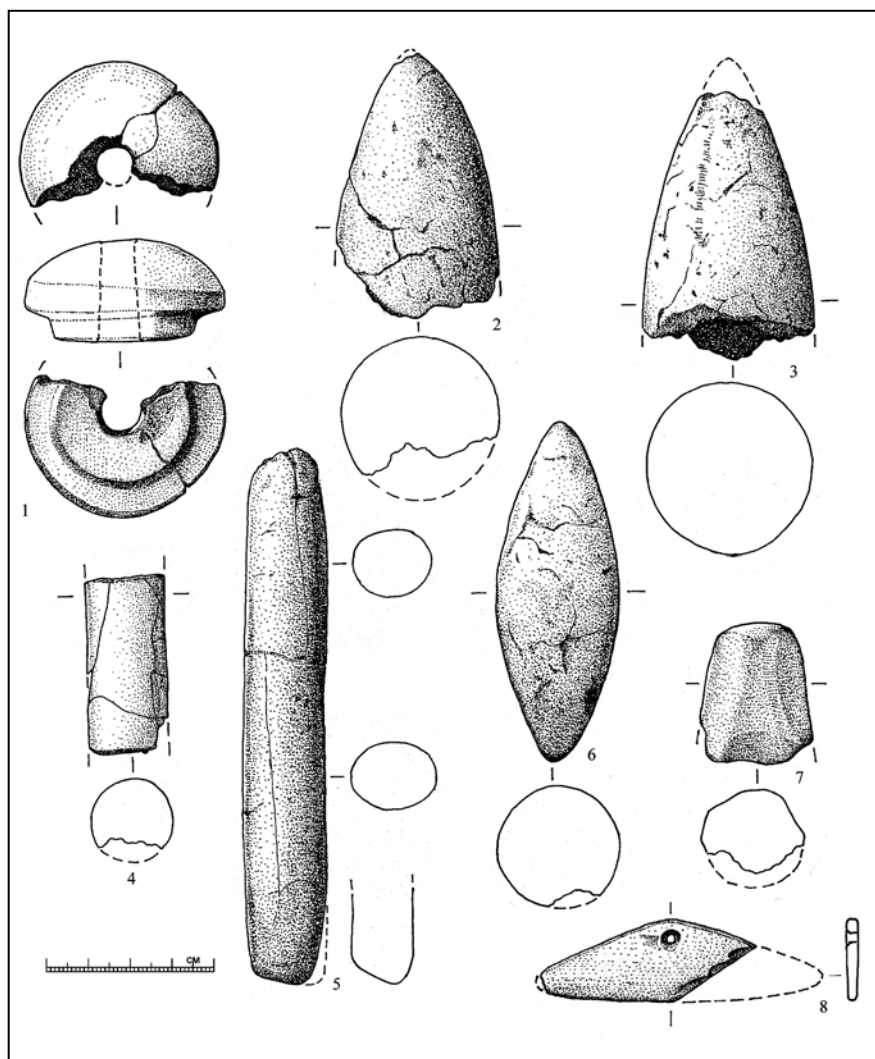
Керамические изделия. В составе коллекции весьма многочисленную группу образуют изготовленные из глины грузила, точильные бруски или оселки, а также предметы, назначение которых не установлено.

Грузила (ил. 7—1—7) представлены 2 целыми экземплярами и 59 обломками. Сделаны из грубой, плохо промешанной массы, но у всех хорошо заглажена поверхность. Судя по имеющемуся материалу, одновременно бытовали грузила двух типов. В коллекции численно преобладают фрагменты биконических грузил (ил. 7—2, 3, 6) — массивные, круглые в сечении, длиной от 8 до 12 см и диаметром в наиболее широкой средней части от 3,0 до 4,5 см. Концы изделий приострены. Наряду с ними использовались удлинённые цилиндрические или стержневидные грузила — в сечении круглые или овальные, с уплощенными и скошенными концами (ил. 7—4, 5). Длина целого экземпляра — 12,8 см, в поперечнике — 2,0х1,65 см, диаметр крупного обломка другого грузила — 1,90—1,95 см. Все грузила не орнаментированы, каких-нибудь следов крепления (например, к рыболовным снастям) не зафиксировано.

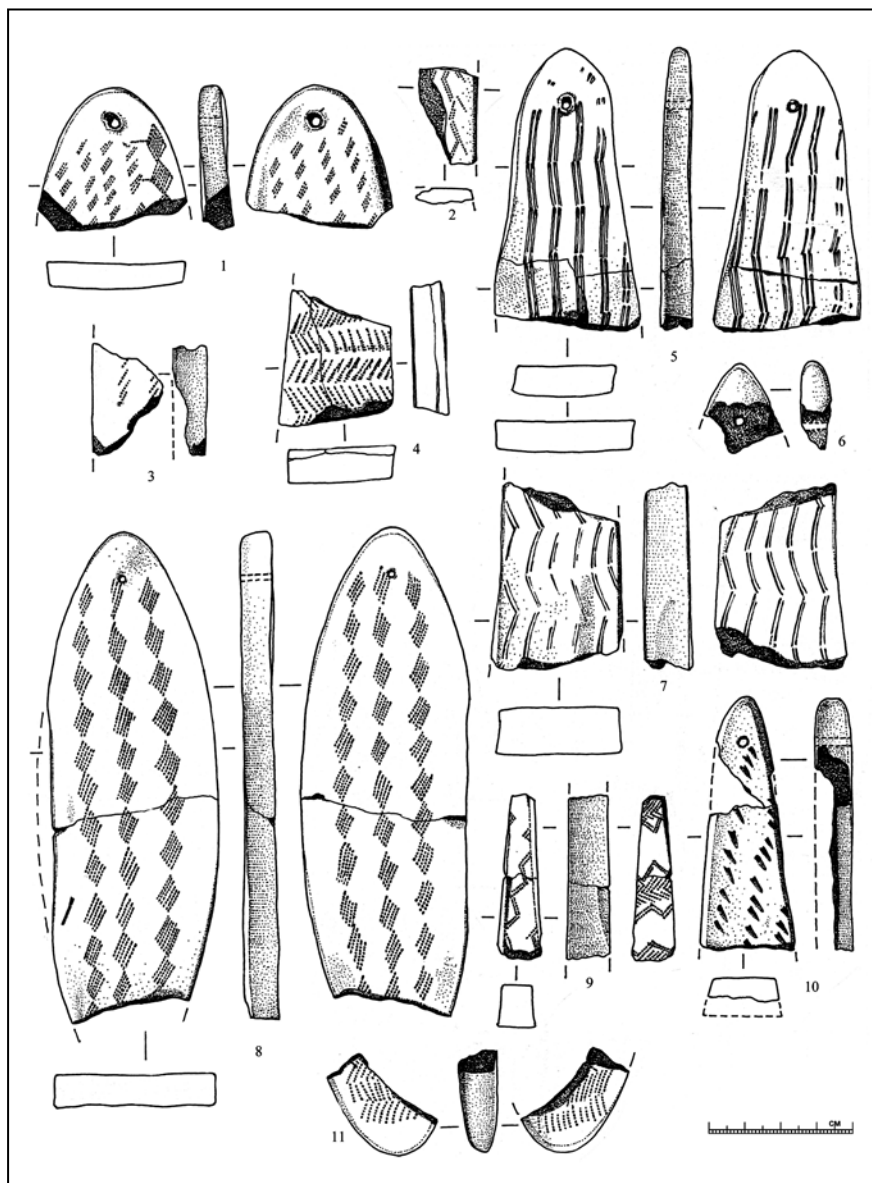
В коллекции имеются обломки грузил со следами вторичной утилизации. Один из них, по-видимому, от изделия биконической формы — у него «обточены» бока под многогранник, а конец притуплен (ил. 7—7). У другого обломка, скорее всего стержневидного предмета, две сточенные грани (ил. 9—16).

Абразивы (ил. 8—9). Примечательной и труднообъяснимой особенностью коллекции является обилие артефактов со следами использования в качестве абразивных инструментов. Их много в составе каменного инвентаря и, пожалуй, ещё больше среди керамических орудий. Они определённо применялись для механической обработки других материалов, но каких именно (кость, рог, дерево, керамика, мягкие породы камня?) и для каких конкретно работ (шлифовка, лощение, истирание, притирание, заточка?), установить сложно. Среди керамических абра-

живов нет ни одного абсолютно целого образца. Как и посуда, они раздроблены и к тому же во многих случаях сильно сработаны — до такой степени, что по их остаткам невозможно восстановить первоначальный облик орудий (ил. 8—2, 3; 9—8—10).

Ил. 7. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. 1 — фрагмент изделия; 2—7 — гру-
зила; 8 — подвеска. 1—7 — керамика; 8 — сланец

Ил. 8. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Глиняные абразивы

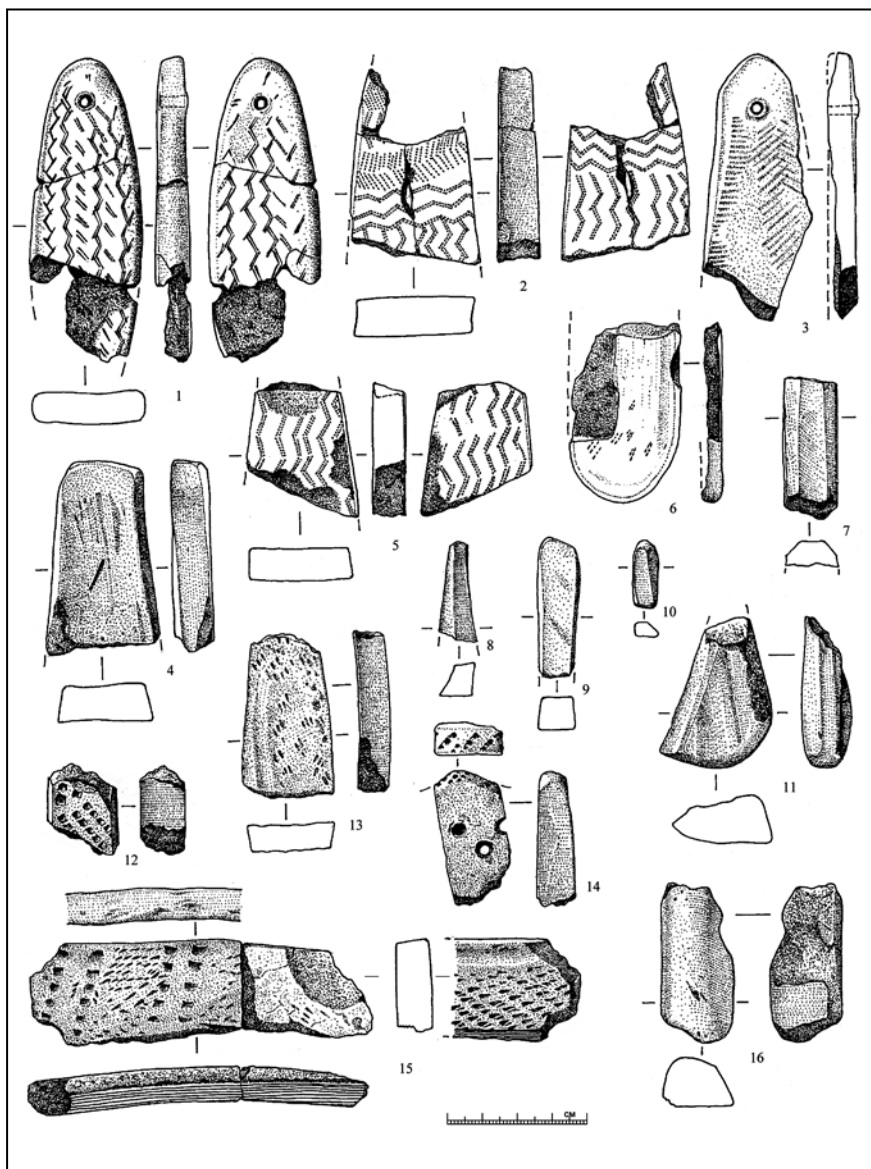
Керамические абразивы можно разделить на две группы. Группа 1 объединяет орудия, изготовленные по специальной технологии с соблюдением некоторых морфологических стандартов. Они выполнены из высокопластичной глины с естественной примесью растительной органики без примешивания каких-либо минеральных добавок. Исходное сырье идентично использовавшемуся при производстве сосудов малых размеров с мелкогребенчатым орнаментом.

Абразивы подгруппы 1.1 сформованы в виде плоского бруска вытянутой овальной (ладьевидной) формы, прямоугольного или, редко, трапециевидного сечения. На одном конце обязательно присутствует маленькое отверстие, широкие грани изделия покрыты орнаментом (ил. 8; 9—1—3, 5). По форме рассматриваемые абразивы чрезвычайно близки современным брускам «лодочкам», применяемым «для заточки кос и других режущих предметов»¹¹. Некоторым они напоминают тело рыб, отсюда другое название — «рыбки». Реконструируемые размеры наиболее полного предмета из этой подгруппы — 16,0х5,0х0,9—1,0 см (ил. 8—8). Предполагаемые размеры другой «рыбки» — 12,0х3,1—3,2х0,8—1,0 см (ил. 9—1). Толщина остальных брусков варьирует в интервале от 0,6 до 1,4 см.

Можно было бы представить, что отверстия на абразивах подгруппы 1.1 служили для продевания какого-то шнура и подвешивания, но у них отсутствуют следы стирания на краях, неизбежные при таком использовании. Тем не менее для удобства описания мы будем исходить из того, что отверстия маркируют верхний конец инструмента.

У всех абразивов рабочими являлись узкие боковые грани. Они стачивались в первую очередь (например, ил. 8—8), приобретая при этом ровный, чуть вогнутый или, иногда, выпуклый профиль. Следы использования встречаются и на орнаментированных гранях орудий: они фиксируются в виде едва заметных желобчатых углублений, локальных пятен или значительных участков пришлифованной поверхности (ил. 8—5, 7, 8; 9—3, 6). В результате интенсивного использования от некогда целых предметов оставались лишь миниатюрные четырёхгранные стерженьки длиной всего 2—3 см (ил. 9—8, 10).

Самое замечательное в абразивах подгруппы 1.1 — это орнамент. Он выполнен исключительно тонким инструментом — изящным мелкозубчатым штампом (до 10 зубцов в оттиске длиной 7—8 мм!), двузубчатым штампом в технике протаскивания (ил. 8—5, 7), гладким штампом в технике печати (ил. 9—1). Гребенчатая техника преобладает (ил. 8—9); не исключено, что орнаменты изготавливались из рас-

Ил. 9. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Глиняные шлифовальники: 1—3, 5, 6 — орнаментированные (3, 6 — декор стёрт), 4, 7—11 — неорнаментированные; 12—15 — из фрагментов сосудов, 16 — из обломка грузила

кованной медной пластинки. Украшались только широкие плоскости изделий. Простейший рисунок, образованный повторением какого-то одного элемента (вертикальные зигзаги, цепочки ромбов или поперечная «ёлочка»), как правило, зеркально дублируются на обеих сторонах орудий (ил. 8—4, 5, 7, 8; 9—5). Более сложный узор, скомбинированный из этих же элементов, на разных сторонах различается, хотя бы в некоторых деталях (ил. 8—1, 9; 9—1, 2).

По нашей оценке, подгруппа 1.1 содержит обломки приблизительно 20 абразивов-«рыбок»/«лодочек».

Подгруппа 1.2 менее представительна. Она включает около 30 обломков керамических брусков из формовочной массы, аналогичной абразивам подгруппы 1.1. Насколько можно судить по обломочному материалу, бруски имели подпрямоугольную или вытянутую трапециевидную форму и не несли орнамента (ил. 9—4). Впрочем, нельзя исключать, что некоторые из предметов, относимых к подгруппе 1.2, получили упомянутые признаки в процессе срабатывания абразивов подгруппы 1.1.

Кроме того, в группе 1 имеются фрагменты, которые по причине сильной сработанности невозможно отнести к той или иной подгруппе (ил. 9—7—11).

Как отмечалось выше, для механической обработки каких-либо материалов применялись обломки разбитых сосудов (в коллекции их ок. 20 ед.) и обломки рыболовных грузил (не менее 6 ед.). В совокупности они образуют вторую группу керамических абразивов. В дело шли фрагменты разных частей сосудов (приустьевая зона, тулово, плоское днище). При их отборе, вероятно, учитывались размеры, плотность, толщина (от 8,5 до 12,0 мм), конфигурация и, может быть, степень выпуклости черепков. Зафиксированы случаи специального изготовления абразивных брусков из фрагментов сосудов путем их надпиливания и последующего разлома (ил. 2—6; 9—15). В процессе работы узкие грани стачивались и приобретали ровную гладкую поверхность, без заломов по краям и глубоких продольных или поперечных линейных следов. Характер сработанности широких сторон точно такой же, как у абразивов первой группы (ил. 9—13, 15). На поверхности многих орудий сохранился орнамент из гребенчатых отпечатков и ямочных вдавлений, а также следы обработки «под текстиль» (ил. 9—12—15). Аналогичным образом использовались обломки керамических грузил (ил. 9—7(?), 16).

Предметы неизвестного назначения. В коллекции имеются обломки трёх однотипных керамических изделий, сформованных из

Ил. 10. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Каменный инвентарь из объекта 18: 1–3 — пластины, 4 — фрагмент наконечника стрелы; 5 — фрагмент изделия (подвески?), 6 — нож, 7–9 — скребки, 10–11 — долотовидные орудия, 12 — заготовка ножа или наконечника, 13–16 — нуклеусы. 1, 2, 4, 9 — кремь; 3, 5 — алевролит; 6 — глинистый сланец; 7, 10, 13 — кремнистая порода; 8, 11, 14–16 — кварц, 12 — магматическая порода (туффит?)

пластичной глины, с хорошо заглаженной поверхностью. Относительно крупный фрагмент, по которому можно судить о полной форме, сохранился лишь от одного (ил. 7—1). Внешне этот предмет напоминает грибок на короткой толстой ножке — шаровой сегмент на коротком цилиндре. Высота шарового сегмента 2,0 см, диаметр 4,8 см; высота цилиндра 0,4—0,5 см, диаметр 3,3 см. В центре изделия имеется вертикальное коническое отверстие диаметром в верхней части 0,8 см, в нижней — 1,0 см.

Больше всего предмет напоминает притёртую пробку. Не исключено, что он мог быть связан с металлообработкой. Но однозначно судить о назначении изделия без получения дополнительных данных невозможно.

Остатки металлообработки. В качестве косвенных свидетельств металлообработки можно рассматривать находки фрагментов сосудов, подвергшихся воздействию высоких температур — керамика вспенилась (ошлаковалась) и приобрела тёмно-серый цвет, местами поверхность получила стекловидную структуру. Значительная часть таких обломков принадлежала одному сосуду (ил. 3—1).

Бесспорным доказательством того, что жители данного поселения были знакомы с металлом, являются остатки плавки в виде трёх полностью окислившихся корольков меди. Все они были найдены на полу постройки 18. Проведенный анализ двух образцов показал, что они состоят из меди (Cu) с естественными примесями железа (Fe) и алюминия (Al). Наличие в образцах фосфора (P), кальция (Ca) и кремния (Si) объясняется окислением в очажном слое, где эти элементы содержатся в изобилии. Из-за неравномерного распределения элементов в окислах не удалось получить достоверные данные о количественном соотношении компонентов сплава. Можно сказать лишь, что меди в нем больше всего, а железа и алюминия значительно меньше¹².

Каменный инвентарь (ил. 7—8; 10—15). Коллекция каменного инвентаря из раскопа 2 насчитывает 894 предмета. Она исследовалась методом визуального технико-морфологического и типологического анализа, статистика велась по выборкам каждого из трёх объектов и межобъектного пространства. Часть материала залегала в обваловке, разделяющей объекты 18 и 19, в таблице она дана отдельной строкой (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Селище Нёх-Урий 3.2.
Каменный инвентарь. Твёрдые породы**

Наименование	Объект 18	Объект 19	Объекты 18–19	Объект 13-3	Вне объектов	Всего
Камни без обработки, заготовки и отходы производства						
Гальки, куски, обломки без обработки	43	33	4	11	20	111
Гальки, плитки, куски с негативами сколов	5	6	2		2	15
Осколки галек	10	15	3	1	2	31
Первичные отщепы, сколы	3	31	4	2	3	43
Нуклеусы	4	5	1		2	12
Пластинчатый отщеп		1				1
Сколы, отщепы, осколки	30	76	17	9	10	142
Чешуйки	8	16			1	25
Орудия со вторичной обработкой						
Топор с оббивкой и ретушью					1	1
Рубящее орудие (?) с оббивкой		1				1
Наконечники стрел ретушированные		2				2
Обломки наконечников	1	4				5
Заготовка наконечника		1				1
Пластины с ретушью	2	2			1	5
Скребки с ретушью	2					2
Обломок ножа			1			1
Долотовидные орудия	2				3	5
Проколка		1		1		2
Отщепы, осколки, обломки с ретушью	1	4		1		6
Орудия без вторичной обработки						
Скребки	1	2	2			5
Сверло		1	1			2
Отщепы со сработанностью		3	1			4
Заготовки, обломки заготовок с оббивкой/ретушью		2				2
Отбойник		1				1
Всего	112	207	36	25	45	425

Таблица 2

Селище Нёх-Урий 3.2.

Каменный инвентарь. Мягкие и зернистые породы

Наименование	Объект 18	Объект 19	Объекты 18–19	Объект 13-3	Вне объектов	Всего
Камни без обработки, заготовки и отходы производства						
Гальки, куски, обломки без обработки	36	18	4		6	64
Гальки, плитки, куски с негативами сколов	3	3	1		1	8
Осколки галек	1		1			2
Первичные отщепы, сколы	2	1	1	1		5
Нуклеусы						
Обломок нуклеуса		1				1
Пластины ножевидные						
Целая	1					1
Сечение				1		1
Сколы, отщепы, осколки	137	28	9	3	5	182
Чешуйка	1					1
Орудия со вторичной обработкой						
Обломок наконечника с ретушью		1				1
Отщепы, осколки, обломки с ретушью	1	1				2
Отщепы с пришлифовкой	4					4
Скол с пропилами	1	1				2
Орудия без вторичной обработки						
Скребок	1					1
Пилка			1			1
Отщеп со сработанностью	1					1
Гальки, обломки с затертостью		2				2
Шлифование						
Заготовка с оббивкой/ ретушью	1					1
Заготовки рубящих орудий с оббивкой и шлифовкой	2					2
Топор шлифованный	1		1			2
Тесло шлифованное	1	2				3
Обломки шлифованных рубящих орудий	6				1	7
Обломок булав	1					1
Нож шлифованный	1	1				2
Отщепы, сколы со шлифованных орудий	32	18		1		52

Продолжение табл. 2

Наименование	Объект 18	Объект 19	Объекты 18–19	Объект 13-3	Вне объектов	Всего
Абразивы						
Абразивные плитки	22	7	3		5	37
Бруски-оселки	4				1	5
Камни, обломки с затертыми участками	1		3			4
Фрагменты абразивов	50	11	2		5	68
Осколок абразива с пропилом	1					1
Обломки со шлифовкой	3					3
Обломок подвески (?) со сверлиной	1				1	1
Отбойник		1				1
Всего	316	96	26	6	25	469

Состав представленных горных пород примерно одинаков во всех выборках. Для расщепления использовались кремнистые породы невысокого качества, кварц, редко — халцедон и кварцит (группа «твёрдых» пород). Во всех выборках кварц по численности несколько превосходит остальные, главным образом, за счёт значительного числа небольших (мелких, до 3 см, и средних, до 5 см) галек без следов употребления. Учитывая отсутствие естественной галечной примеси в песчаном и супесчаном грунте раскопа, их вполне можно рассматривать как принесённое на поселение сырьё. Разнообразные осадочные, метаморфизированные и магматические породы различного минералогического состава (песчаник, алевролит, сланец, туффит, гранитоиды и др.), образующие условную группу «мягких и зернистых» пород, употреблялись преимущественно для изготовления шлифованных орудий и в качестве абразивных инструментов. Этот исходный сырьевой материал представлен гальками, плитками и аморфными кусками средних и крупных размеров.

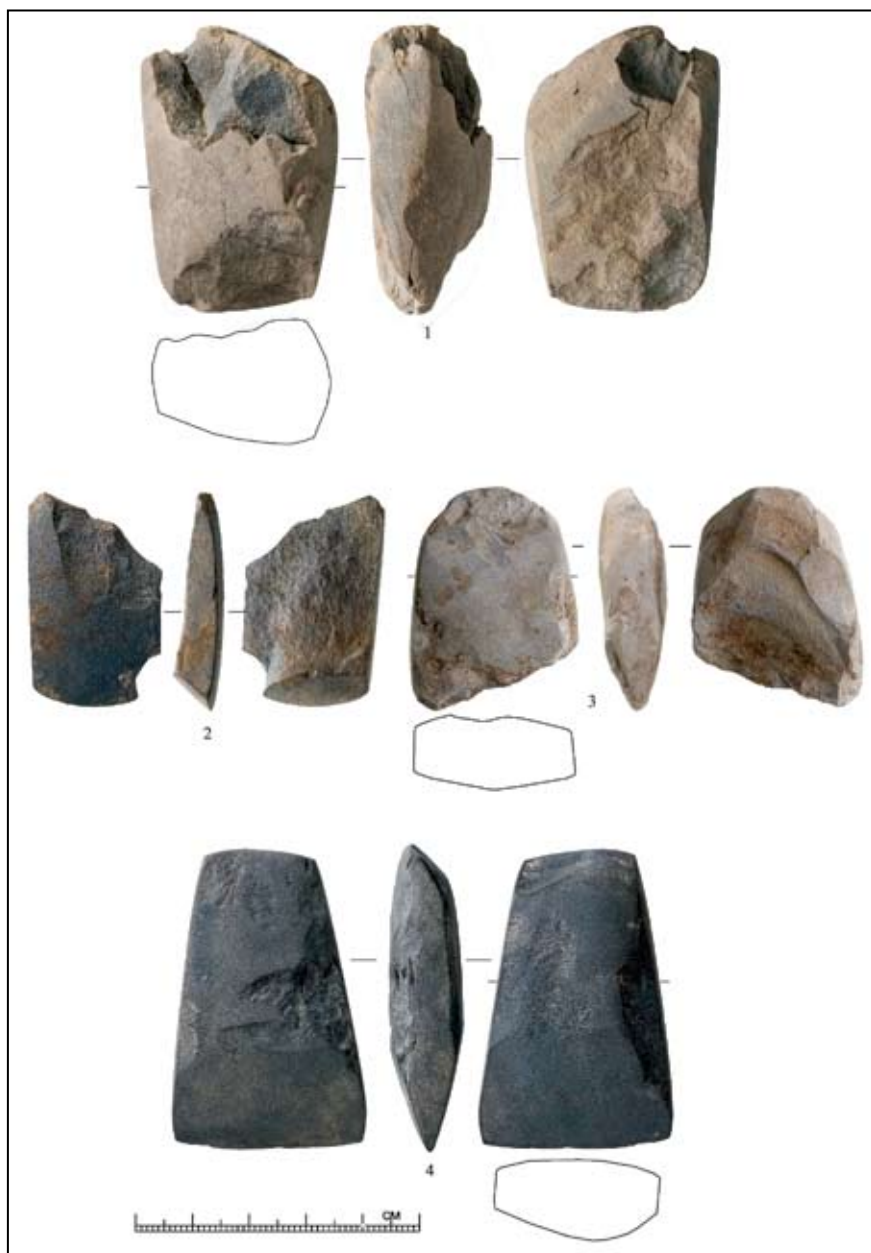
Пестрота состава горных пород, отсутствие однородных серий заставляют полагать, что основная часть сырья происходит из каких-то местных источников (речные галечники, моренные отложения). Исключение составляют единичные изделия из качественного кремня (часть ножевидных пластин и наконечников стрел). Отсутствие соответствующих пород среди продуктов расщепления, видимо, свидетельствует об отдалённости источника их происхождения.

Местное сырьё обрабатывалось на поселении. В составе выборок присутствуют гальки, плитки, куски с негативами сколов, отщепы, обломки

и осколки, в том числе первичные, а также немногочисленные чешуйки и отбойники. Судя по морфологии ядрищ и сколов, расщепление кремнистого сырья и кварца осуществлялось ударной и контрударной техникой без предварительной специальной подготовки. Нуклеусы представляют собой гальки с негативами нескольких параллельных снятий с одной или двух противоположащих площадок (ил. 10—13—16; 13—13—17; 15—7, 8). Они отличаются неустойчивой морфологией и небольшими размерами (высота 3—4 см). Описанный характер расщепления подтверждается отсутствием технических сколов (сколы «поджигления» ударных площадок и фронтов скалывания, ребристые сколы). Обломок одного нуклеуса аналогичного типа (ил. 13—18) и две неправильные пластинки (ил. 10—3; 14—3) изготовлены из алевролита. Призматическая техника расщепления представлена лишь пятью пластинками (проксимальные, дистальные и медиальные части) из качественного кремня. Длина пластин 1,5—7,0 см при ширине 0,6—1,2 см (ил. 10—1, 2; 13—8; 15—2, 4). Приёмы вторичной обработки включают оббивку и ретуширование всех групп сырья, а также абразивную обработку мягких и зернистых пород (пиление, сверление, шлифование).

Орудийный набор всех выборок примерно одинаков, но более полную номенклатуру содержат объекты 18 и 19. **Наконечники стрел** (целые экземпляры, обломки и заготовки) изготовлены из отщепов кремня, кремнистых пород и опоки в технике тонкого бифаса (сплошное двустороннее ретуширование). Представлены изделия двух типов: листовидные с приострѐнным основанием (ил. 13—2) и удлинѐнно-треугольные с усечѐнным прямым или выемчатым основанием (ил. 10—4; 13—1, 6). Размеры целых экземпляров от 2,2х1,1 см до 3,3х1,4 см, толщина 0,4—0,6 см. Ту же технику, но с неполным двусторонним ретушированием представляет обломок ножа на крупном отщепе (ил. 14—5). Два других ножа изготовлены шлифовкой из отщепа и скола со шлифованного орудия (ил. 10—6). Заготовками для **скребков** служили отщепы и обломки галек. Вторичную обработку имеют лишь два из них (ил. 10—9; 13—10), остальные определены по отчётливому износу рабочих кромок, заметному даже под лупой. Морфологически выразительны мелкие долотовидные орудия с продольной подтеской лезвия и, иногда, с подработкой боковых краев (ил. 10—10, 11; 15—7). Единственная **проколка** выполнена на небольшом отщепе, жальце выделено краевой ретушью на углу заготовки (ил. 14—4). Два **сверла** на мелких сколах (ил. 13—19; 14—8) определены по характерной затѐртости рабочего конца. В обеих сырьевых группах

Ил. 11. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Каменный инвентарь из объекта 18: 1 — тесло; 2 — обломок тесла; 3 — топор/тесло; 4 — топор. 1–2, 4 — магматическая порода; 3 — алевролит

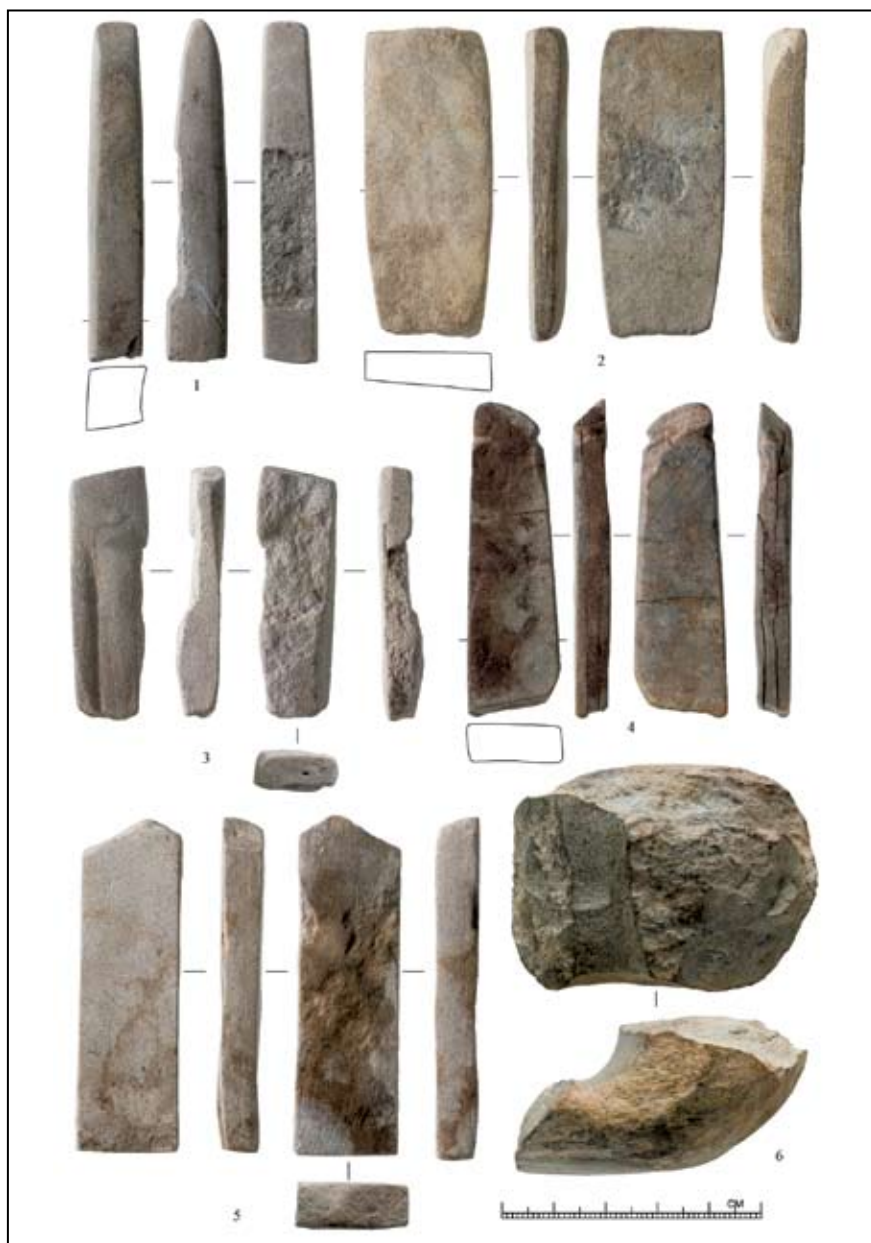
имеются ещё отщепы, осколки, обломки с краевой ретушью, а также с отчётливыми следами износа (ретушь утилизации, выкрошенность, затёртость кромок).

Заметную группу составляют рубящие орудия — **топоры и тёсла**. Один топор изготовлен из кремневого желвака путём оббивки и ретуширования (ил. 15—1), остальные орудия (целые, обломки) — шлифованные. Для них характерна подпрямоугольная или трапециевидная форма в плане и в поперечном сечении (ил. 11—1, 4; 14—1). Имеются также заготовки в разной стадии готовности и сколы со шлифованных орудий, а также изделия со следами переоформления повреждённого лезвия (ил. 11—3).

Особого внимания заслуживает обломок плоской подтреугольной подвески с просверленным в вершине отверстием (ил. 7—8). Размеры фрагмента 5,00х0,19х0,30—0,35 см, целый предмет имел длину предположительно ок. 7,00 см. Подвеска сделана из плитки какой-то мягкой породы светло-серого цвета (сланец?). Сверленное отверстие диаметром 2 мм имеет ещё один предмет — обломок тонкой подшлифованной плитки, возможно подвески (ил. 10—5).

В составе коллекции присутствует редкая находка — обломок **навершия булавы**. Это массивное дисковидное шлифованное изделие со сквозным отверстием, выполненным двусторонним сверлением (ил. 12—6). Примечательно, что плоскость косого слома выровнена шлифовкой, тем самым сформовано лезвие рубящего орудия.

Самую многочисленную категорию изделий составляют разнообразные абразивы: плитки, гальки, обломки с истёртыми поверхностями. Наиболее выразительны бруски-оселки с четырьмя рабочими гранями, встреченные только в объекте 18 (ил. 12—1—5). Присутствуют также плитки естественной прямоугольной формы с одной-двумя рабочими гранями на широких или узких боковых сторонах, плитки случайной формы с выраженным износом, гальки и обломки камней с едва заметно сработанными участками. Примечательно обилие обломков абразивов, в том числе со следами надпилов на сломах. Один из наиболее крупных шлифовальных камней с куветообразной рабочей плоскостью собран из множества мелких фрагментов, часть которых залегала в очаге объекта 18. Некоторые абразивы могли использоваться при изготовлении шлифованных орудий, другие (с гладкой рабочей поверхностью без абразивных царапин) — для обработки других материалов (кость, древесина). Два орудия, судя по характерному блеску рабочей грани, возможно, предназначались для обработки металлических предметов.

Ил. 12. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Каменный инвентарь из объекта 18: 1–5 – оселки; 6 – рубящее орудие из обломка шлифованной булав. 1 – аргиллит; 2–3, 5 – алевролит; 4 – алевролит или аргиллит; 6 – магматическая порода

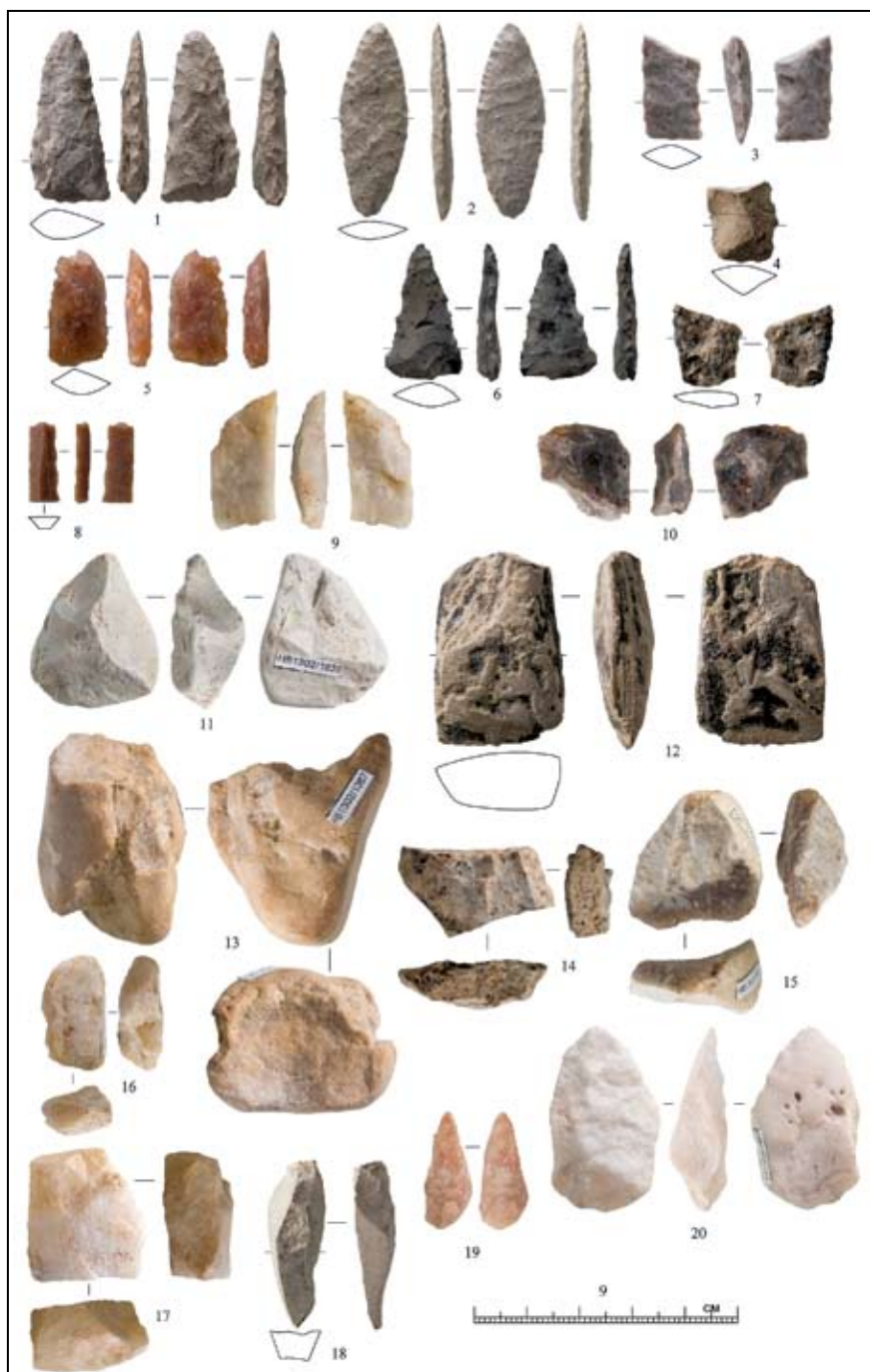
Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Каменная индустрия всех трёх объектов не имеет каких-либо принципиальных технологических различий. Она базируется преимущественно на местном сырье (разнообразном, но не слишком качественном), к которому применялись соответствующие приёмы первичной и вторичной обработки. В этом плане она наследует традицию, сформировавшуюся в Среднем и Нижнем Приобье ещё в неолите¹³.

Более полные комплексы объектов 18 и 19, с одной стороны, имеют выраженный бытовой характер и отражают полный цикл камнеобработки на месте. С другой стороны, заметна разница в количественном соотношении состава орудийных наборов двух построек. Наконечники стрел и мелкие бытовые орудия тяготеют к объекту 19, тогда как обломки и заготовки шлифованных рубящих орудий, а также большинство абразивных инструментов (в том числе оселки) сосредоточены в объекте 18. Видимо, здесь располагалась «домашняя мастерская» по изготовлению и ремонту топоров и тёсел.

Типологические и технико-морфологические аналогии каменным изделиям рассматриваемых комплексов обнаруживаются в памятниках энеолита — ранней бронзы сопредельных таёжных территорий, например, таких как поселение Каксинская Гора 3 в Нижнем Приобье¹⁴, могильник Старые Покачи 5.1¹⁵ и поселение Коим 1 в Среднем Приобье¹⁶, поселение Тух-Сигат IV на р. Васюгане¹⁷. Это касается не только общего характера индустрии, обусловленного особенностями сырья и технологической традицией, но и типологии орудий: скребков, кремневых наконечников, шлифованных рубящих орудий, абразивов-оселков, подвесок и даже булавы. От неолитических рассматриваемые комплексы отличаются малочисленностью шлифованных ножей и отсутствием шлифованных наконечников стрел. Нет здесь и шлифованных треугольных наконечников с шипами и желобком — типа, характерного для таёжного энеолита и присутствующего, в частности, на могильнике Старые Покачи 5.1. Возможно, это свидетельствует о некоторой разнице в хронологической позиции двух памятников.

Датировка и культурная принадлежность

Мнение авторов о возрасте объектов селища Нёх-Урий 3.2, исследованных раскопом 2 в 2013 г., отражено в названии данной работы — энеолит, энеолитический комплекс. Оно основывается на результатах сравнительного анализа различных категорий полученного инвентаря.

К сожалению, этот археологический период в бассейне р. Агана, равно как и на всей территории Среднего Приобья, изучен крайне слабо, а привлекательный для сопоставления материал откровенно скуден. Среди находок с упоминавшегося выше энеолитического могильника Старые Покачи 5.1 присутствуют 23 фрагмента сосудов, которые были найдены в переотложенных слоях на площадке средневекового городища, не в могильных ямах¹⁸. В их числе есть невыразительные черепки, как будто сопоставимые с некоторыми сосудами из объектов 18, 19 и 13.3 селища Нёх-Урий 3.2, однако этого «как будто» недостаточно для установления степени сходства памятников и, тем более, для их синхронизации.

Значительно интереснее в этом плане вещи, найденные на городище каменного века Имнъёган 2.1 близ г. Покачи¹⁹. Они происходят из шурфов и зачистки берегового обнажения. Их мало — фрагменты 2—3 сосудов и глиняный орнаментированный абразив в виде бруска-«лодочки», но все они легко затерялись бы в рассматриваемой нёхурийской коллекции.

Самой близкой в территориальном плане аналогией являются материалы из раскопок аварийного участка селища Нёх-Урий 1²⁰ (в 370 м юго-западнее объектов 18, 19). Здесь в раскопе 1 обнаружены фрагменты сосудов, украшенных в том же стиле, что и описанная выше керамика. Кроме того, в коллекции присутствуют целые и фрагментированные глиняные абразивы (орнаментированные и без декора), а также биконические керамические грузила.

В наиболее археологически изученном месте Средней Оби, урочище Барсова Гора под Сургутом (около 140 км к западу — юго-западу от г. Покачи), получившем широкую известность благодаря аномально высокой концентрации древних памятников на ограниченной площади, выявленных энеолитических объектов на удивление мало. За многие годы регулярных исследований здесь обнаружено менее десятка поселений, как правило, многослойных, содержащих в том числе энеолитический материал, и всего один погребальный комплекс из трёх могил²¹. Исключительно редки, если не сказать единичны, энеолитические памятники в ближней от Барсовой горы округе — в

Ил. 13. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Каменный инвентарь из объекта 19: 1—7 — наконечники стрел; 8 — пластина; 9—11 — скребки; 12 — тесло; 13—18 — нуклеусы; 19 — сверло; 20 — пила. 1—3, 6—8, 10, 11 — кремь; 4 — опока; 5 — сердолик; 9, 14, 16, 17, 19, 20 — кварц; 12 — магматическая порода; 13 — кварцит; 15 — кремнистая порода; 18 — алеврит

Ил. 14. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Каменный инвентарь из объекта 13—3 (1–4) и обваловки объектов 18, 19 (5–9): 1 — тесло; 2 — обломок наконечника стрелы; 3 — обломок пластины; 4 — проколка; 5 — фрагмент ножа; 6–7 — скребки; 8 — сверло; 9 — нуклеус. 1 — магматическая порода; 2, 4–6 — кремнь; 3 — осадочная порода; 7, 8 — кварц; 9 — кремнистая порода

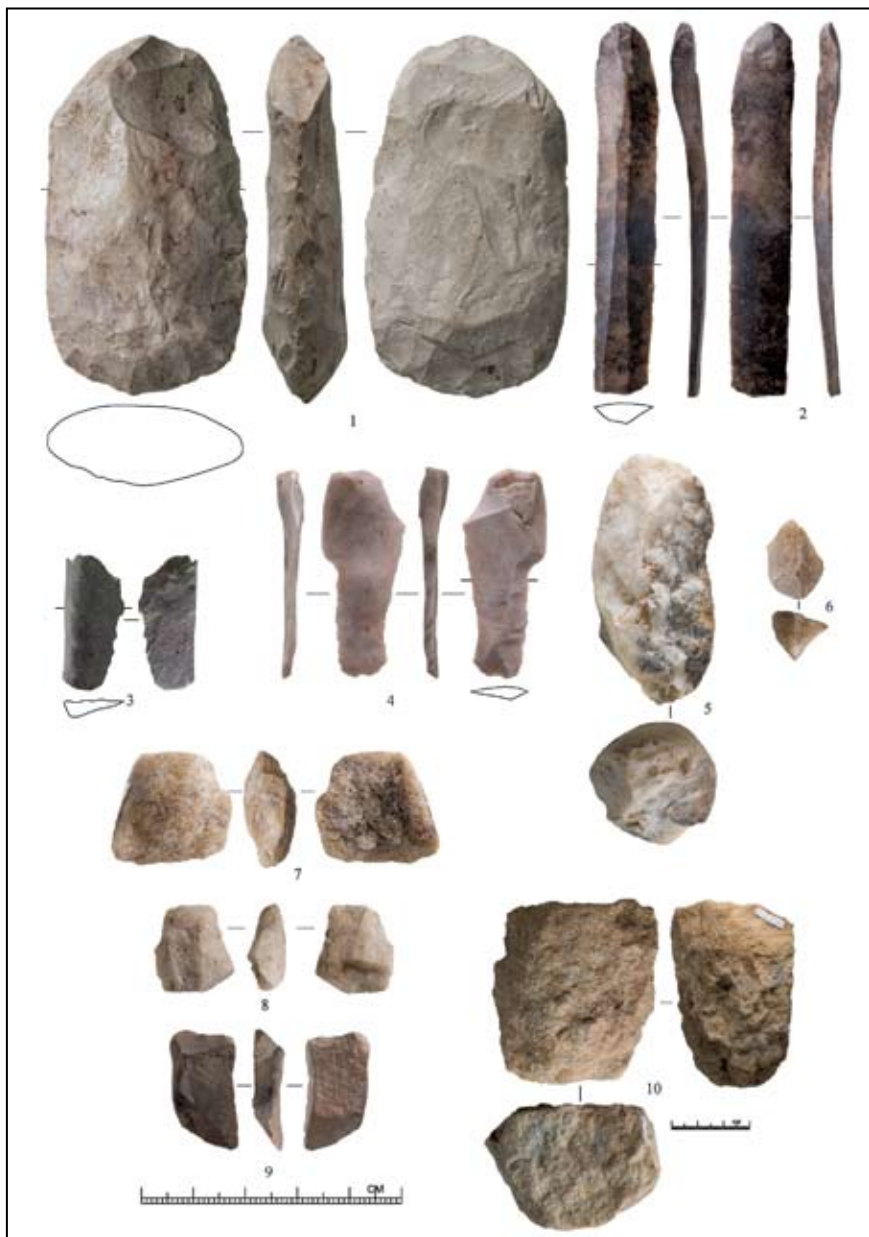
бассейнах р. Минчимкина, Чёрная, Моховая и др. Из полутора сотен древних поселений, открытых по берегам малой речки Быстрый Кульёган, только одно (Быстрый Кульёган 23, раскопки И.Г. Глушкова, материал не опубликован) относится к интересующему нас времени. Это странно, потому что в других регионах (например, в Среднем Зауралье или Тюменском Притоболье) памятники периода энеолита исчисляются сотнями.

Возвращаясь к древностям Барсовой горы, заметим, что в материалах наиболее полно изученных стоянок Барсова Гора I/5а и Барсова Гора II/9а малым количеством находок представлен каменный инвентарь и совершенно отсутствуют керамические грузила и бруски-абразивы. При этом в составе керамической посуды с памятников барсовогорского типа (3-я стадия — поздняя)²² есть экземпляры, сопоставимые с отдельными сосудами из раскопа 2 селища Нёх-Урий 3.2. Имеются в виду те из них, которые украшены шагающей гребёнкой, в том числе изящной тонкой. Обратим внимание: в описаниях барсовогорской керамики нет упоминаний о плоскодонных формах, текстильных или псевдотекстильных отпечатках на поверхностях сосудов и орнаментах на внутренней стороне стенок.

Фрагменты керамики и два обломка плоского керамического бруска в форме «лодочки»/«рыбки» с отверстием на одном конце, орнаментированного с обеих сторон, полностью аналогичные некоторым нёхурийским образцам, обнаружены при раскопках многослойного поселения Коим 1 на левом берегу р. Оби (около 100 км к югу от г. Покачи)²³.

Энеолитом датируется селище Немич 1 около п. Муген в Уватском р-не Тюменской обл. (ок. 340 км к юго-западу), исследованное С.А. Мызниковым в 2011 г.²⁴ Памятник, похоже, чистый и интересен, кроме всего прочего, крупными сериями биконических глиняных грузил и орнаментированных керамических абразивов. Только в котловане жилища 2 здесь найдено 13 грузил и свыше 20 абразивов. Среди последних, отметим, преобладают изготовленные в виде плоских подпрямоугольных брусков (ок. 11,0х3,0х1,5 см).

На архаичность глиняных грузил биконической формы обращали внимание многие археологи (П.А. Дмитриев, В.Т. Ковалёва, М.Ф. Косарев, Г.П. Визгалов и Е.Г. Фильчаков, Е.Н. Волков, С.Ф. Кокшаров и др.). Появление и широкое распространение этих предметов именно в энеолитическое время, можно сказать, является установленным фактом. Особенно часто они встречаются на поселениях и стоянках

Ил. 15. Селище Нёх-Урий 3.2. Раскоп 2. Каменный инвентарь из слоёв, не связанных с энеолитическими объектами: 1 — топор; 2, 4 — пластины; 3 — нож; 5, 6, 10 — нуклеусы; 7—9 — долотовидные орудия. 1, 2, 4, 9 — *кремнь*; 3 — *алевролит*; 5—8 — *кварц*; 10 — *магматическая порода*

Тюменского Притоболья, Кондинской низменности, на юге они известны среди находок с поселения Ботай²⁵.

Говоря о маркирующем значении специфических оттисков тонкого гребенчатого или гладкого штампов, как будто расщепленного с одного конца, присущих части сосудов из раскопа 2 (см. выше), мы имели в виду характерность этого признака для керамики энеолитических памятников типа Унига (Белогорский материк)²⁶.

До сих пор речь шла об аналогиях отдельным вещам и признакам обсуждаемого среднеаганского материала. Между тем в таёжной зоне Западной Сибири известны памятники, сходство которых с энеолитическим поселением на площадке селища Нёх-Урий 3.2 доказываемыми многими параллелями. Они локализуются в бассейне р. Васюгана, важнейшим из них является поселение Тух-Сигат IV²⁷ (ок. 350 км от г. Покачи). В жилищах этого поселения обнаружено большое количество находок, в том числе серия керамических брусков (служивших, скорее всего, для заточки, шлифовки, правки), плоских, подпрямоугольной, трапециевидной и удлиненной овальной формы, с отверстием на одном конце и без него, орнаментированные и лишенные декора, сточенные по бокам. Многочисленны и разнообразны глиняные грузила, среди которых имеются удлиненные, стержневидные и биконические, подобные нёхурийским экземплярам. Керамике Тух-Сигата IV свойственны круглодонные и, в меньшей степени, плоскодонные формы, текстильные и псевдотекстильные отпечатки как на внешней, так и на внутренней поверхностях сосудов, орнаментация внутренней стороны стенок, изящная мелкогребенчатая техника, «расщепленный» штамп, шагающая «гребёнка», вертикальные мотивы в декоре и многие другие из морфологических и декоративных особенностей посуды среднеаганского поселения. На основании аналогий и полученных радиоуглеродных дат энеолитические памятники Васюганья отнесены к III — началу II тыс. до н. э.²⁸

Полагаем, что к этому же времени (скорее, к III тыс. до н. э.) могут быть предварительно отнесены объекты селища Нёх-Урий 3.2, исследованные раскопом 2 в 2013 г. О культурной принадлежности комплекса, по-видимому, говорить преждевременно — слишком мала источниковая база.

Настоящую работу авторы хотели бы сопроводить ещё одним замечанием, важным в плане атрибуции полученного инвентаря. На наш взгляд, в его составе присутствуют фрагменты керамики и отдельные каменные предметы, в данном энеолитическом контексте чужерод-

ные. Они немногочисленны, а их нахождение на площади раскопа 2 объясняется территориальной близостью построек, относящихся к другим археологическим периодам. В частности, обломки сосудов, сопоставленных с керамикой кульёганского типа (ранний бронзовый век в региональной периодизации — см. ил. 3—5; 5—2), и каменная подтреугольная подвеска (ил. 7—8), вероятно, связаны с расположенными в 50 м северо-западнее объектами, исследованными в 2012 г.²⁹

В заполнении объекта 18 найден крупный фрагмент дна керамического сосуда (ил. 6—1). Дно плоское, неорнаментированное. От керамики основного комплекса оно отличается отсутствием декора и более резким переходом от придонной части к дну — ребром.

Кроме того, в слоях, связанных с заполнением и обваловкой объектов 18, 19, а также в межобъектном пространстве найдено 8 небольших черепков, декорированных в отступающе-накольчатой технике (ил. 6—2—5). Такая посуда в массе присутствует в коллекции из раскопа 2008 г.³⁰ Изученные тогда остатки постройки, содержавшие большое количество керамики с декором в отступающе-накольчатой технике, располагались всего в 27 м к западу — северо-западу от энеолитических объектов, исследованных в 2013 г. Скорее всего, единичные черепки, найденные в 2013 г., связаны с комплексом, раскопанным в 2008 г. На наш взгляд, объекты с отступающе-накольчатой керамикой более ранние, чем остатки построек, описываемые в настоящей работе. Но пока рано делать более категоричные выводы о датировке и культурной преемственности комплексов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках проекта №13-06-00202.

² Носкова Л.В., Карачаров К.Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 146—169.

³ Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кульёганские древности среднего Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 84—96.

⁴ Бахарев П.С. Археологические раскопки аварийного участка селища Нёх-Урий 3.2 на Покачёвском месторождении нефти в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2013 году: отчёт о НИР / ООО «НПО «Северная археология — 1»; рук. К.Г. Карачаров; отв. исп. П.С. Бахарев; исп.: Е.А. Данилов, Е.Н. Данилова, Л.В. Карачарова, В.И. Стефанов, Л.Л. Косинская, В.В. Завалин, М.В. Житкова. — Нефтеюганск, 2013. [Отчёт находится на этапе передачи на архивное хранение].

⁵ Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кульёганские древности... — С. 84—96.

⁶ Бахарев П.С. Археологические раскопки...

⁷ Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). — Тобольск: Изд-во Тобольского ун-та, 1992. — С. 122–123; Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996.

⁸ Горюнова О.Н., Савельев Н.А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. — Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1981. — С. 125.

⁹ Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная... — С. 123.

¹⁰ Анализ проведен сотрудником ИИиА УрО РАН (г. Екатеринбург) Е. Н. Дубовцевой. Авторы благодарны ей за оказанное содействие.

¹¹ ОСТ 2 И70-3-92. Изделия абразивные культурно-бытового и хозяйственного назначения. Общие технические условия.

¹² Качественное определение состава проб было сделано на растровом рентгеновском микроанализаторе JСХА-733 фирмы JEOL старшим научным сотрудником Лаборатории рентгеновской спектроскопии Института физики металлов УрО РАН Л.В. Елохиной (26.03.2014).

¹³ Поселение Быстрый Кульгән 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья: Коллективная монография / под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. — С. 20–31; Косинская Л.Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2010. — № 2. — С. 13–24.

¹⁴ Морозов В.М., Стефанов В.И., Погодин А.А. Древнее поселение в бассейне Казыма // Материалы по археологии Обь-Иртышья. — Сургут: РИО Сургутского гос. пед. ин-та, 2001. — С. 26–34.

¹⁵ Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Энеолитический могильник... — С. 146–169.

¹⁶ Сергеев А. С., Погодин А. А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 170–194.

¹⁷ Киришин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. — 295 с.

¹⁸ Носкова Л.В., Карачаров К.Г. Энеолитический могильник ... — С. 146–169.

¹⁹ Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск: Студия «Графо», 2006. — С. 46–47.

²⁰ Носкова Л.В. Археологические раскопки аварийных участков селища Нёх-Урий 1 и комплекса Нёх-Урий 3 в Нижневартовском районе ХМАО — Югры в 2006 году: отчет о НИР / ООО «НПО «Северная археология — 1»; рук. К. Г. Карачаров; отв. исп. Л. В. Носкова; исп.: Е. Н. Данилова. — Нефтеюганск, 2007. — Кн. 1, с. 35–42; кн. 2, ил. 122–126, 131–132. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Инв. № 5416. Д. 761а, 761б, 761в, 761г.

²¹ Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е издание, исправленное и дополненное. — Екатеринбург: Тезис, 2002. — С. 21–25; Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 26–35.

²² Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история... — С. 27–29.

²³ Сергеев А.С., Погодин А.А. Культурно-хронологические.... — С. 176 (ил. 5—1, 3), 189.

²⁴ Мызников С.А. Аварийные археологические раскопки селища Немич 1 в Уватском районе Тюменской области в 2011 году: отчет о НИР (заключительный) / ООО «НПО «Северная археология — 1»; рук., отв. исп. С.А. Мызников. — Нефтеюганск, 2011. [Отчёт находится на этапе передачи на архивное хранение].

²⁵ Косарев М.Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притобоя // История, археология и этнография Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. — С. 15—25; Визгалов Г. П., Фильчаков Е. Г. О рыболовстве древнего населения бассейна Конды эпохи раннего металла // Социально-экономические проблемы древнейшей истории Западной Сибири. — Тобольск: Тобольский гос. пед. ин-т, 1988. — С. 20—25; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во ООО «НПМП «Волот», 2009. — 272 с.; Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. — Петропавловск: Наука, Республика Казахстан, 1993. — С. 79; Зайберт В.Ф. Ботай. Дала өркениетінің бастауында: Кітап-альбом. — Алматы: «Балауса» баспасы, 2011. — 480 б. сур. — қазақша, орысша, ағылшынша.

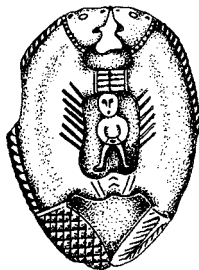
²⁶ Устное сообщение Е.А. Васильева; Васильев Е.А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаёжного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1989. — С. 12—13.

²⁷ Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век... — С. 45—58.

²⁸ Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век... — С. 56.

²⁹ Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кульёганские древности... — С. 84—96; Мызников С.А. Аварийные археологические раскопки селища Немич 1...

³⁰ Носкова Л.В. Археологические раскопки аварийного участка селища Нёх-Урий 3.2 в Нижневартовском районе ХМАО — Югры в 2008 году: отчет о НИР / ООО «НПО «Северная археология — 1»; рук. К.Г. Карачаров; отв. исп. Л.В. Носкова; исп.: Е.Н. Данилова. — Нефтеюганск, 2008. [Отчёт находится на этапе передачи на архивное хранение].

Коллекция артефактов из грабительских раскопок в районе д. Согом

Е.А. Зайцева

г. Ханты-Мансийск

АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»;

А.В. Кузина

г. Ханты-Мансийск

ООО НИПИ «Этно-архео центр»

В 2008 г. участковым уполномоченным УВД Ханты-Мансийского района в окрестностях д. Согом была задержана группа так называемых чёрных копателей, производивших несанкционированные раскопки на территории памятников археологии — городище Стариков Мыс I и могильнике Тохтымейпай 8. Им же совместно с официальным представителем Госкульта Югры были оперативно подготовлено всё необходимое документационное обеспечение по факту нанесения вреда указанным объектам археологического наследия. К сожалению, в этом случае, как и во всех остальных, когда оформлялись необходимые документы о разрушении объектов культурного наследия, органы охраны правопорядка не нашли оснований для возбуждения уголовного дела и прислали в Госкультотлану Югры стандартный отказ.

Наибольший ущерб, конечно же, был нанесён некрополю — желанному объекту грабителей. В ходе мониторинга состояния и установления границ памятников археологии, проведённого в районе д. Согом в 2011 г., на территории могильника зафиксированы грабительские ямы и шурфы общим числом 51. Ещё на 21 могильной впадине были зафиксированы нарушения поверхностного слоя.

При задержании грабителей могил была изъята коллекция артефактов, которая для проведения экспертной оценки была передана в АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»¹. В её состав вошли 67 предметов, среди которых можно выделить такие категории:

- украшения и принадлежности костюма (подвески, нашивные бляшки, пронизки, бусины, детали ременной гарнитуры и др.);

- предметы вооружения (наконечники стрел, ободки рукоятей ножей);
- монеты;
- фрагменты неопределённых изделий.

Большая часть предметов выполнена из бронзы и серебра. В некоторых случаях на них сохранились остатки меховой одежды, фрагменты кожи или дерева.

Основную часть коллекции составляют украшения и принадлежности костюма.

Орнитоморфные подвески («уточка»). 10 ед. стилистически близки, однако их можно разделить на три типа.

Тип 1. 5 ед. (ил. 1—1—4, 6). Объёмные, полые, открытые снизу отливки, выполненные в виде стилизованных фигурок водоплавающих птиц. В верхней части фигурок расположено округлое отверстие для подвешивания. По боковым сторонам отливок находятся отверстия, контур которых декорирован валиками. Поверхность подвесок украшена разнонаклонными желобками и, в одном случае, — зигзагообразными линиями (ил. 1—6).

Тип 2. 1 ед. (ил. 1—5). В отличие от вышеописанных изделий, на боковых поверхностях этой фигурки вместо отверстий орнаментом из рельефных валиков и «жемчужин» обозначены крылья. Также в нижней части отливки вместо петель для подвешивания цепочек отлита их декоративная имитация.

Тип 3. 4 ед. (ил. 1—7—10). Такие же полые птицевидные фигурки, но без головы. На боковых поверхностях расположено по два отверстия, контуры которых декорированы валиками и зигзагообразными линиями. Вверху орнамент представляет собой сетку из ромбовидных сегментов, дополненных в центре углубленными точками. Также в верхней части отливок расположена короткая втулка для продевания ремешка.

Полые птицевидные подвески широко распространены в культуре таёжного населения Западной Сибири в перв. пол. II тыс.: датируются по сопровождающему комплексу вещей XIII — нач. XIV в. Подвески в виде птиц «без головы» появляются в XIV—XV вв.²

Ихтиоморфные подвески. 2 ед. (ил. 2—35, 36). Плоские отливки, изображающие фигуры рыб в профиль. По бокам изделий расположено по два «отростка» — схематичные плавники; хвосты раздвоены. В центральной части отливок расположены отверстия продолговатой формы. Вверху имеется округлое отверстие для подвешивания. Изделия декорированы только с лицевой стороны. Основу орнамента составляют короткие разнонаклонные валики. Прямых аналогий неизвестно, по

Ил. 1. Артефакты из грабительских раскопок около с. Согом Ханты-Мансийского р-на ХМАО — Югры. 1–10 — объёмные орнитоморфные подвески; 11 — крестовидная накладка; 12–13, 16–25 — нашивные бляшки округлой формы; 14–15 — нашивные бляшки крестообразной формы; 26–27 — монеты; 28–29 — бубенчики

западносибирским параллелям время бытования ихтиоморфных подвесок определяется в пределах XIII—XIV вв.³

Биконьковая подвеска. 1 ед. (ил. 2—32). Представляет собой плоскую отливку — основу сложносоставной шумящей подвески, изображающей стилизованного двухголового конька. Ушки коньков представлены в виде округлых поперечных петелек, припаянных по обеим сторонам изделия. Вверху (между головами коньков) расположена петелька для подвешивания, внизу — пять округлых петелек (две наполовину утрачены), в которые вставлены фрагменты звеньев цепи из круглого дрота. Гривы коньков переданы с помощью псевдовитого шнура, расположенного по контуру голов животных. Тулово с обеих сторон декорировано зигзагообразным валиком и крупными «жемчужинами», большая часть из которых не сохранилась. Изделия подобного типа имеют широкий ареал бытования и хронологии: I тыс. — сер. II тыс.⁴

Лапчатые подвески. 5 ед. (ил. 2—33—34, 38—40). Выполнены в виде плоских отливок в форме стилизованной лапки водоплавающей птицы. Изделия отличаются друг от друга размерами, формой и декором. Основу орнамента составляют пояски скани, мелкие и крупные «жемчужины». У двух изделий (ил. 2—33, 34), несмотря на плохую сохранность, зафиксирована литая имитация пирамидок зерни. В верхней части изделий имеется отверстие для подвешивания, у одного изделия (ил. 2—34) верхняя часть не сохранилась. Появление лапчатых подвесок можно отнести к XII в., а широкое бытование в культуре — к XIII—XV вв.⁵

Круглые подвески («замкнутая лунница»). 3 ед. (ил. 2—41—43). Эти изделия идентичны в приёмах изготовления и декорирования. Щиток округлой формы с отверстием в центре орнаментирован поясками скани (по контурам изделий), зернью и «жемчужинами». В верхней части изделий находятся отверстия для подвешивания. В материалах западносибирских могильников аналогичные изделия обнаружены вместе с лапчатыми подвесками XIII—XIV вв.⁶

Колоколовидные подвески. 4 ед. (ил. 2—44—47). Изделия идентичны — представляют собой полые, открытые снизу отливки куполовидной формы. С обеих сторон имеются отверстия подовальной формы, в верхней части — округлое отверстие для подвешивания. Поверхность декорирована короткими поперечными валиками. Изделия подобного типа представляют собой местную серию и являются результатом стилизации зооморфных подвесок; широко распространены в памятниках XIII—XIV вв.⁷

Ил. 2. Артефакты из грабительских раскопок около с. Согом Ханты-Мансийского р-на ХМАО — Югры. 30 — височное кольцо; 31 — серьга в виде знака вопроса; 32 — биконьковая подвеска; 33–34, 38–40 — лапчатые подвески; 35–36 — ихтиоморфные подвески; 37 — пронизь; 41–43 — подвески (тип — «замкнутая лунница»); 44–48 — колоколовидные подвески

К этому же периоду относится колоколовидная подвеска со стилизованным изображением фигуры животного (ил. 2—48).

Куполовидные подвески. 2 ед. (ил. 3—54, 55). В виде полых открытых снизу отливок в форме усеченного конуса. С обеих сторон расположены отверстия, повторяющие форму изделий, сверху — округлые отверстия для подвешивания. Поверхность декорирована рельефными валиками: горизонтально расположенными в верхней и нижней частях изделий, наклонными — в центральной части. Период бытования куполовидных подвесок определяется кон. XIV—XVI вв.⁸

Нашивные бляшки. 14 ед. Представлены двумя вариантами: а) крестообразной формы с центральным выступающим умбоном, подчёркнутым желобками (ил. 1—14, 15); б) округлой формы с различными вариантами декорирования (ил. 1—12—13, 16—25). С обратной стороны бляшек расположены петли для крепления. Подобные нашивки известны из погребений кон. XI — XIII в.⁹

Крестовидная накладка. 1 ед. Представляет собой отливку со скругленными лопастями, декорированную с лицевой стороны (ил. 1—11). С наружной стороны в центральной части расположено квадратное возвышение, окантованное пирамидками из мелкой и крупной зерни. В центре каждой лопасти расположены крупные «жемчужины», оконтуренные имитацией витого шнура. Такие же пояски псевдовитого шнура расположены по контурам лопастей. На одной из лопастей находится отверстие для подвешивания. Крупные плоские крестовидные накладки подобного типа встречаются на памятниках Северо-Западной Сибири XIV—XV вв.¹⁰

Пронизки. 3 ед. Два экз. относятся к типу трубчатых пронизок, отличаются количествами «вздутий» и наличием или отсутствием поясков между ними (ил. 3—56, 57). У одной пронизки (ил. 3—56) на «вздутиях» зафиксировано четыре вертикальных линзовидных отверстия. Ещё один вариант пронизки представлен изделием флаконовидной формы с прорезным решетчатым туловом и короткой втулкой для продевания ремешка в верхней части (ил. 2—37). Пронизы со вздутиями являются украшением, широко распространённым в финно-угорской среде, и датируются втор. пол. X — XI в. Пронизы флаконовидной формы имеют более широкую датировку — IX—XI вв.¹¹

Бубенчики. 2 ед. Полые, шаровидные с уплощением сверху и снизу (ил. 1—28, 29). Состоят из двух спаянных друг с другом полусфер, место спайки окантовано полоской дрота. В нижней части изделий расположены прорезы линейной формы, сверху — петелька для под-

Ил. 3. Артефакты из грабительских раскопок около с. Согом Ханты-Мансийского р-на ХМАО — Югры. 49–51 — детали ременной гарнитуры; 52–53 — ободки рукоятей ножей; 54–55 — куполовидные подвески; 56–57 — пронизи; 58–59, 62–65 — фрагменты неопределённых изделий; 60–61 — бусины; 66–67 — наконечники стрел

вешивания. По наблюдениям М.В. Седовой, бубенчики подобного типа являются одной из наиболее многочисленных находок втор. пол. XIII — XIV в.¹²

Бусины. 2 экз. Полые, эллипсоидной формы, с двумя отверстиями сверху и снизу (ил. 3—60, 61). Каждая декорирована двумя поясками скани в «ёлочку». Аналогичные изделия встречены в могильниках Сайгатинский III (погребение 30), Сайгатинский IV (погребение 149), Моховая 45. Датируются XVI в.¹³

Височное кольцо с тремя напускными бусинами (ил. 2 — 30). 1 ед. Выполнено из круглого в сечении дрота. На дрот нанизаны три полые бусины эллипсоидной формы, состоящие из двух полусфер, спаянных между собой полосой шириной 0,5 см. Бусины декорированы поясками и колечками скани. Положение бусин на кольце зафиксировано обмоткой из сканой проволоки. На некоторых фрагментах изделия сохранилась позолота. Аналогии обнаружены в материалах могильников Кинтусовского и Сайгатинского III, изделия датированы серединой XVII в.¹⁴

Серьга. 1 ед. Из круглого в сечении дрота, изогнутого в виде вопросительного знака (ил. 2—31). На нижнем конце закреплена полая бусина, состоящая из двух полусфер. Для более плотного закрепления бусины стержень (между кольцом и бусиной) обвит проволокой. Серьги в виде вопросительного знака становятся очень распространенным видом женских украшений в XIV в.¹⁵ По материалам Нижнего Приобья подобные украшения датируются XIII—XVII вв.¹⁶

Детали ременной гарнитуры. 3 ед. Представлены поясными пряжками прямоугольной формы (ил. 3—49—51). По их контуру нанесён ряд коротких насечек. Центральная часть выполнена в виде ажурной решётки с геометрическим симметричным орнаментом. Пряжки подобного типа датируются кон. XVI — XVII в.¹⁷

К предметам вооружения отнесены **наконечники стрел.** 2 ед. Оба имеют подтреугольное в плане перо и пологие плечики при переходе в черешок (ил. 3—66, 67). Сечение пера — уплощенно-линзовидное. Черешок удлинённый, сужающийся к концу. Наконечники подобного типа имеют широкий круг аналогий и период бытования — с кон. I тыс. до этнографической современности¹⁸.

Обоймы рукоятей ножей. 2 ед. Тоже отнесены к предметам вооружения (ил. 3—52, 53). Они декорированы поясками скани («ёлочкой») и пирамидками зерни.

В состав коллекции также входят медные **монеты** (2 ед.: 1 коп. 1890 г. и 2 коп. 1842 г. чекана Санкт-Петербургского монетного

двора — ил. 1–26, 27) и фрагменты неопределённых изделий (6 ед. — ил. 3–58–59, 62–65).

В целом коллекция представляет собой типичный для погребального инвентаря набор артефактов и находит близкие аналогии с вещевыми комплексами могильников Сургутского Приобья — Барсовского IV, Кинтусовского, Моховая 46, Сайгатинского III и др. Однако ввиду того, что рассматриваемый комплекс предметов был изъят из культурного слоя без археологической фиксации, на данный момент затруднительно определить его точное месторасположение и соотнести с каким-то конкретным памятником¹⁹. Датировка этой коллекции из грабительских раскопок 2008 г. может быть определена в широких хронологических пределах — от кон. I тыс. практически на протяжении всего II тыс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее время коллекция передана на временное хранение в БУ ХМАО — Югры «Музей природы и человека».

² Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. — Новосибирск: Наука, 2001. — С. 72–73; Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. — Екатеринбург, 1994. — С. 97, 142. Рис. 143–144.

³ Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси) — Екатеринбург : Квадрат, 2008. — С. 83.

⁴ Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. — М.: Наука, 1979. — Археология СССР. Свод археологических источников. — Вып. Е1-59. — С. 31–41.

⁵ Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1991. — Вып. 20. — С. 126–145.

⁶ Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала... — С. 86.

⁷ Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья ... — С. 72, 75.

⁸ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. — Екатеринбург: «Волот», 2001. — С. 180. Рис. 57.

⁹ Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала... — С. 86; Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья ... — С. 85, 86. Рис. 81, 83.

¹⁰ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер... — С. 114–115. Рис. 35–5.

¹¹ Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Материальная культура Предуралья X–XI вв.: вопросы хронологии // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: Мат-лы Всерос. науч. археологической конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). — Екатеринбург; Сургут, 2013. — С. 77–85.

¹² Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) — М.: Наука, 1981. — С. 156–157.

¹³ Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. — Екатеринбург; Сургут, 2011. — С. 102, 138.

¹⁴ Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и новое время. — Екатеринбург, 2012. — С. 124, 218. Рис. 79 — 6.

¹⁵ Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода... — С. 16.

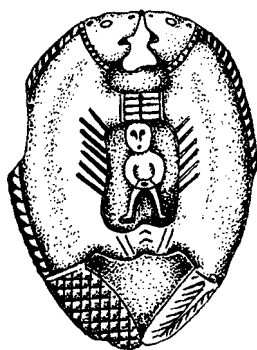

¹⁶ Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья... — С. 82.

¹⁷ Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья... — С. 85.

¹⁸ Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья... — С. 38–40.

¹⁹ Практически всю площадь мыса, на территории которого были проведены грабительские раскопки, занимает могильник Тохтымейпай 8, перекрывающий примерно десяток поселенческих комплексов.

Мурлинский «клад» — состав находок и их аналогии

Ю.В. Ширин

г. Новокузнецк

Музей-заповедник «Кузнецкая крепость»

Говоря о случайных или грабительских находках, необходимо определиться с их достоверностью и комплектностью. К сожалению, обстоятельства находки так называемого Мурлинского «клада» не известны, а локализация места сборов не точна. Сходятся источники лишь в том, что предметы, составлявшие «клад», найдены колхозником Башировым в окрестностях ныне не существующей д. Айткулово Тарского р-на Омской обл., на берегу правого притока р. Иртыша — р. Мурлинки (примерно в 1 км выше её устья), и в 1937 г. поступили в музей г. Тары.

В.Н. Чернецов, публикуя в 1953 г. Мурлинский «клад», перечислил в его составе более 30 бронзовых наконечников стрел «кулайского» типа, фрагментированную бронзовую бляху, напоминающую эполетообразную застежку, 2 латунные пластинки с гравированным узором, 7 бронзовых фигурок (1 антропоморфную, 2 зооморфных и 4 орнитоморфных)¹. Им же указано, что в 1945 г., когда он знакомился с этим «кладом» в музее г. Тары, часть бронзовых наконечников стрел из этой коллекции уже была передана в Омский государственный историко-краеведческий музей (далее ОГИКМ), а один предмет (бронзовый кинжал) — утрачен. В 1954 г. вместе с некоторыми другими коллекциями остатки Мурлинского «клада» (будто бы все) были переданы из музея г. Тары в ОГИКМ. К сожалению, записи в «Главной инвентарной книге» ОГИКМ, сделанные по этому поводу, излишне кратки и противоречивы. Просмотрев все книги поступлений (далее КП) ОГИКМ, мы² выявили только две записи о предметах из числа переданных в 1954 г. из Тарского музея. В этих записях можно видеть части Мурлинской коллекции:

— № 6310 — коллекция бронзовых фигурок с берега р. Мурлинки (12 фигурок);

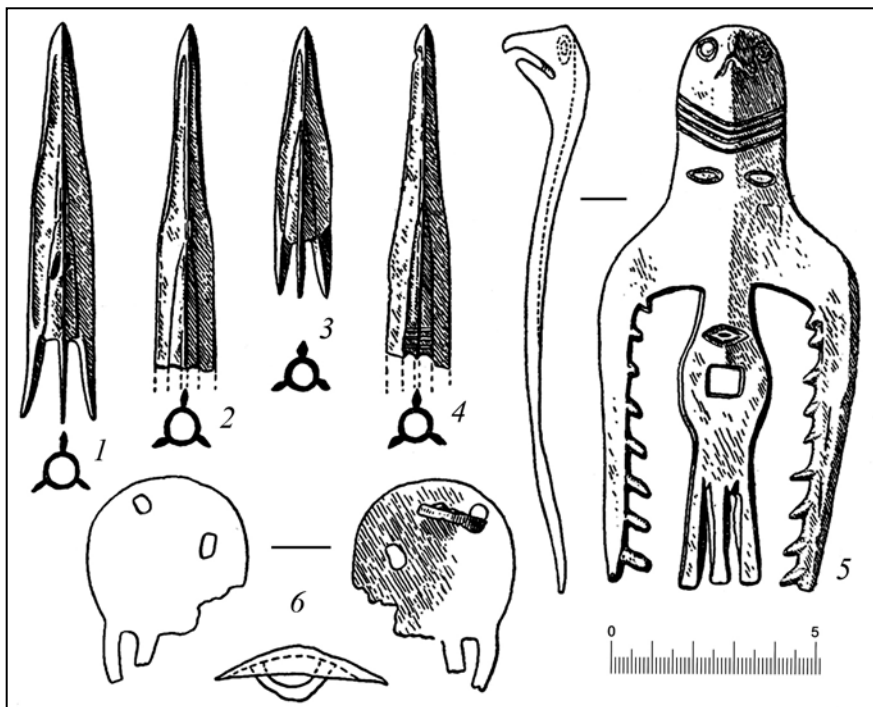

Ил. 1. Мурлинский «клад». Бронзовые наконечники стрел. 1–19 — ОГИКМ (КП, № 6316)

— № 6316 — коллекция наконечников стрел «древних обитателей Тарского края» (19 экз.) (ил. 1).

Других записей, которые можно было — пусть и предположительно — связать с Мурлинским «кладом», в инвентарных книгах ОГИКМ не обнаружено (в том числе и о принятых до 1945 г. наконечниках стрел).

Заметно очевидное несоответствие в составе Мурлинского «клада» между перечнем В.Н. Чернецова и инвентарными записями в ОГИКМ: в КП учтено почти в 2 раза больше литых фигурок, зато наконечников стрел — значительно меньше. При этом нам так и не удалось установить, что за фигурки составляли указанные в КП 12 ед. Под № 6310 в коллекции ОГИКМ было выявлено только 5 фигурок (ил. 3—2—6) из 7 опубликованных В.Н. Чернецовым. Ещё 1 орнитоморфная фигурка, описанная В.Н. Чернецовым как фигурка из Мурлинского «клада» (ил. 2—5), имеет сомнительное происхождение. В ОГИКМ

Ил. 2. Мурлинский «клад». Предметы. 1—6 — по: Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М., 1953. — № 35. — С. 152

Ил. 3. Мурлинский «клад». Предметы. 1, 4–8 — по: Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М., 1953. — № 35. — С. 152–153; 2–6 — ОГИКМ (КП, № 6310)

она маркирована № 44762. В КП под № 4476 имеется запись: «1715 (бывший номер) (Стоянка Змиев Сор?) в 7 км от Березова по р. Сосьва. Собрано А.Ф. Палашенковым 11 сентября 1939 г. Омский кр. музей». В перечне предметов, составляющих коллекцию стоянки Змиев Сор, под № 4476—2 записано: «Металлическая миниатюра в виде хищной птицы». Не исключено, что мы имеем дело с музейной ошибкой. Но, зная о тесном сотрудничестве А.Ф. Палашенкова и В.Н. Чернецова в период передачи Мурлинских находок из Тары в Омск³, сложно понять причину такой ошибки. Тем не менее, учитывая, что публикация В.Н. Чернецова является единственным документальным подтверждением принадлежности этой фигурки к Мурлинским находкам, мы вынуждены поставить под сомнение её включение в состав Мурлинского «клада».

В Мурлинской коллекции в настоящее время отсутствуют: фрагмент бляхи (ил. 2—6), 2 латунные пластины с гравированным орнаментом (ил. 3—7, 8), не менее 11 наконечников стрел и 1 орнитоморфная фигурка (ил. 3—1).

В.Н. Чернецов относил находки из Мурлинского «клада» к кругу памятников, имеющих связь с усть-полуйской культурой⁴. В более поздней историографии эпохи раннего железа Западной Сибири мурлинским находкам отведено место одного из примеров участия населения Среднего Прииртышья в генезисе кулайской культуры. К её раннему, васюганскому, этапу причислена, по крайней мере, часть изделий Мурлинского «клада». При этом отмечено, что сопутствующие предметы не известны ранее II в. до н. э. и тяготеют к рубежу эр. Л.А. Чиндиной отмечено, что орнамент на латунных пластинках из Мурлинского «клада» характерен для позднекулайских изделий. Основанием для удревления Мурлинских находок послужили представления о времени бытования ажурных фигурок одностороннего литья (I типа по Л.А. Чиндиной) — в рамках васюганского этапа, и орнитоморфных фигурок, отнесённых Л.А. Чиндиной ко II типу, — в начале саровского этапа⁵.

К сожалению, нам уже недоступны для детального хронологического рассмотрения утраченные «латунные» пластинки из Мурлинского «клада» (ил. 3—7, 8). Особенно был бы полезен анализ химического состава их металла. Некоторые разновидности латуни в культурном пространстве Западной Сибири получают распространение не ранее первых веков н. э.⁶ В узорах, гравированных на мурлинских пластинках, отмечено сходство с меандроидными орнаментальными элементами,

вырезанными на костяных изделиях из Усть-Полуя⁷. В последнее время количество таких примеров увеличилось. Еще большее сходство наблюдается с узорами на берестяной утвари из Усть-Полуя⁸. Датировка этих находок всё ещё вызывает дискуссии, но даже самые удревняющие её варианты не опускаются ниже I в. до н. э. Близкие по композиции узоры известны и на керамике саровского типа, а также на одновременных ей бронзовых изделиях. Сочетание латуни и позднекулайских орнаментальных элементов выглядит вполне органичным, но не в

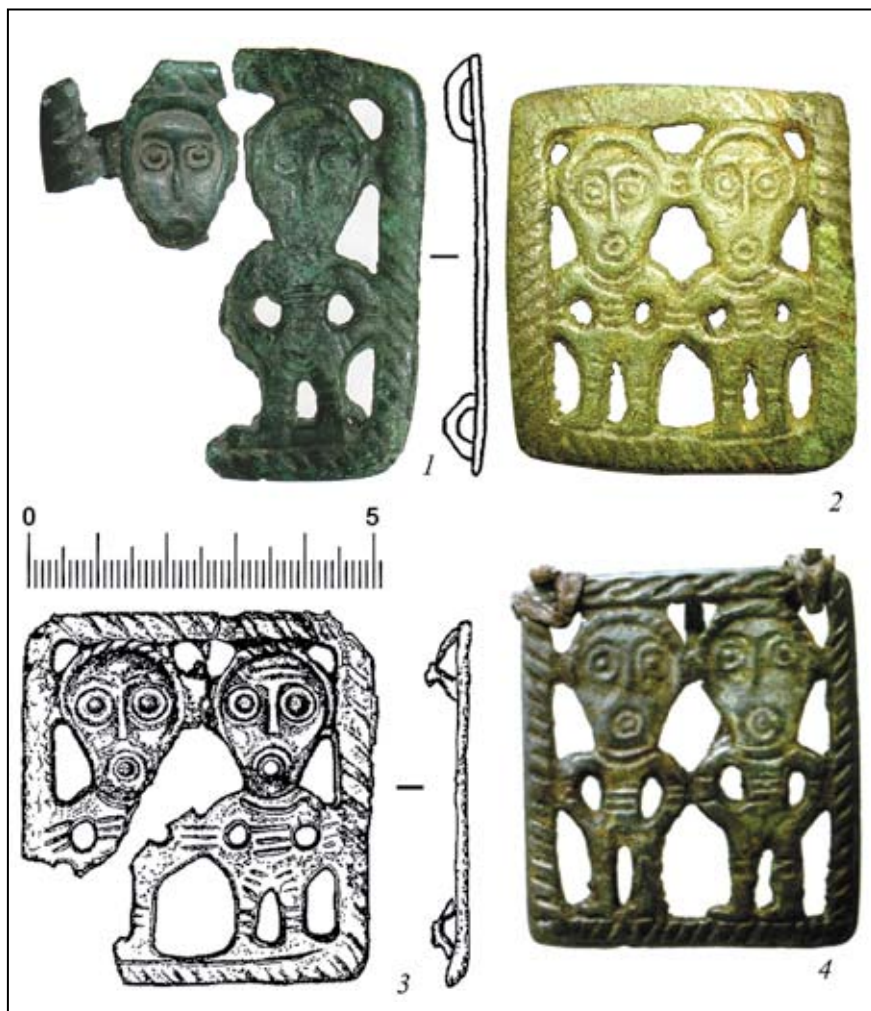
Ил. 4. Аналогии предметам Мурлинского «клада». 1 — недокументированная находка в Нижнем Прииртышье; 2 — недокументированная находка на поселении черняховской культуры; 3 — недокументированная находка на оз. Большой Косоголь

контексте отнесения этих предметов к васюганскому этапу (даже его финалу). Аналогичная пластина известна в материалах Парабельского культового места⁹, для которых предложены даты в рамках второй четверти I тыс. н. э.¹⁰

Что касается утраченного фрагмента бляхи, который В.Н. Чернецов атрибутировал как фрагмент застёжки эполетообразного типа, то по рисунку сложно понять, является ли эта бляха одним из типов таких застёжек (ил. 2—6). Во всяком случае, её вряд ли можно назвать «пятижгутовой», как определила Л.А. Чиндина¹¹. На рисунке видны только два кончика псевдожгутов, а размер обломка позволяет разместить на утраченном участке ещё не более двух. В любом случае, прикамские эполетообразные застёжки, принятые Л.А. Чиндиной в качестве аналогов для датировки изделия из Мурлинского «клада» (тип 6 по Т.А. Лаптевой — с тремя и более жгутами), датируются I в. до н. э. — I в. и имеют иные технологические, конструктивные и декоративные признаки¹². Это говорит о том, что мурлинская бляха может являться только подражанием этому типу застёжек и, соответственно, пока имеет неопределённую хронологическую позицию в системе древностей, но в любом случае относительно более позднюю, чем её возможные прототипы.

Утраченный кинжал, по мнению В.Н. Чернецова, основанному на предположительной атрибуции силуэта изделия на выгоревшей ткани в музейной витрине, может быть отнесён к типу, распространённому «в течение всего тагарского времени»¹³. В таёжном ареале подобные изделия неоднократно отмечены в культовых комплексах самого различного состава и самостоятельного датировочного значения, видимо, не имеют.

Наконечники стрел, которые сохранились и причислены по документам ОГИКМ к Мурлинскому «кладу», представлены одним типом — со скрытой втулкой и выступающими жальцами, с незначительными размерными и морфологическими модификациями (ил. 1). Разница в размерах и форме в основном вызвана степенью сработанности острия и жальцев в результате заточки, а также качеством литья и сохранностью. Мы опускаем детальное рассмотрение наконечников, поскольку не известно, насколько их современный состав отражает первоначальное состояние коллекции. Отметим лишь то, что предполагаемая датировка для данного типа стрел не исключает их бытования в лесной зоне Западной Сибири до первых веков н. э.¹⁴ Среди поздних признаков данного типа наконечников стрел, присущих и мурлинским,

Ил. 5. Бронзовые накладки с территории Зауралья и Западной Сибири. 1 — могильник Барсовский VII (по: Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. — Вкл. между с. 80 и 81); 3 — могильник Прыговский 2 (по: Корякова Л.Н., Шарاپова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург, 2010. — № 2. — С. 71); 2, 4 — недокументированные находки в Зауралье

Л.А. Чиндина называет ромбическое сечение жальцев¹⁵, не характерное для стрел васюганского этапа.

Фигурки из Мурлинского «клада» представлены двумя группами, которые условно можно обозначить как изделия с односторонней и двусторонней формовкой. Первую группу (ил. 3—4—6) вполне обоснованно относят к культовому литью, созданному в стилистике кулайской культуры. В данном случае мы рассматриваем стиль с формально-диагностирующей точки зрения. Относительная хронология различных стилистических групп подобного литья постепенно уточняется. Так, выделяются признаки, позволяющие не ограничивать период бытования ажурного культового литья васюганским этапом кулайской культуры¹⁶. Технологические признаки, характерные для наиболее поздних типов одностороннего литья, можно отметить и на мурлинских фигурках — отрубание литников, проработка мелких деталей, частичная модельная формовка. Следы модельной формовки видны в профилировке личины антропоморфа (ил. 3—4), а также в контуре головы фигурки лося (ил. 3—6), что сближает последнюю с поделкой из Саровского культового места¹⁷. Тем самым ставится под сомнение правомерность включения ажурных отливок из Мурлинского «клада» в число примеров участия среднеиртышского населения в зарождении кулайской культуры. Вероятно, фигурки первой литейной группы — свидетельство проникновения в Прииртышье кулайского населения уже на саровском этапе, что соответствует и общей хронологической характеристике Мурлинского «клада», предложенной Л.А. Чиндиной¹⁸. При этом миграция могла быть из Нарымского, а не Сургутского Приобья. По результатам работы Ю.П. Чемякина со статистикой территориального распределения различных изображений кулайского культового литья следует, что именно для комплексов Нарымского Приобья характерны фигурки лося и антропоморфы соответствующих мурлинским размерам, пропорций и стилистики, а также относительно редкие в кулайской пластике хищники¹⁹ (ил. 3—5).

Изделия с двусторонней формовкой представлены в Мурлинских находках тремя орнитоморфными фигурками (ил. 3—1—3). Начиная с В.Н. Чернецова, за ними закрепилась неточная описательная характеристика, как изделий плоских. Это нашло отражение и в отнесении мурлинских орнитоморфов ко II типу литья кулайской культуры²⁰ и послужило объединению их (а также аналогичных им фигурок) в одну типологическую группу со стилистически принципиально иными изделиями. Вернее было бы включить их в число изделий III типа литья

(по Л.А. Чиндиной), несмотря на некоторые стилистические особенности. Важно то, что технология их изготовления аналогична — они отлиты в двучастных формах, изготовленных с использованием моделей. Вторичная доработка готовых изделий заключалась в удалении литника и выплесков вдоль швов, с последующей полировкой лицевой поверхности. На обороте фигурок есть крепёжные петли, отформован-

Ил. 6. Бронзовые накладки с территории Зауралья и Западной Сибири. 1 — недокументированная находка на р. Оби в ХМАО — Югре; 2, 4 — недокументированные находки в Зауралье; 3 — недокументированная находка на р. Исети у с. Далматово

ные стержневыми наколами в ещё сырой полуформе. У двух фигурок петли были горизонтальными, в области шеи. В одном случае отливка оказалась неудачной, петля не залилась (ил. 3—2). У другой фигурки таким же способом отформованы 3 вертикальные петли: две в верхней части крыльев и одна на тулове, чуть ниже крайних. Петля на левом крыле оказалась недоливой, и там было просверлено отверстие (ил. 3—3). Петли на всех изделиях носят следы длительного износа. Голова птиц рельефно смоделирована, с прогибом тыльной стороны, длинный крючковатый клюв раскрыт, поперечное сечение фигурок выпуклое. У одной из фигурок есть заметный продольный прогиб (ил. 3—3), но его могли выполнить и после отливки.

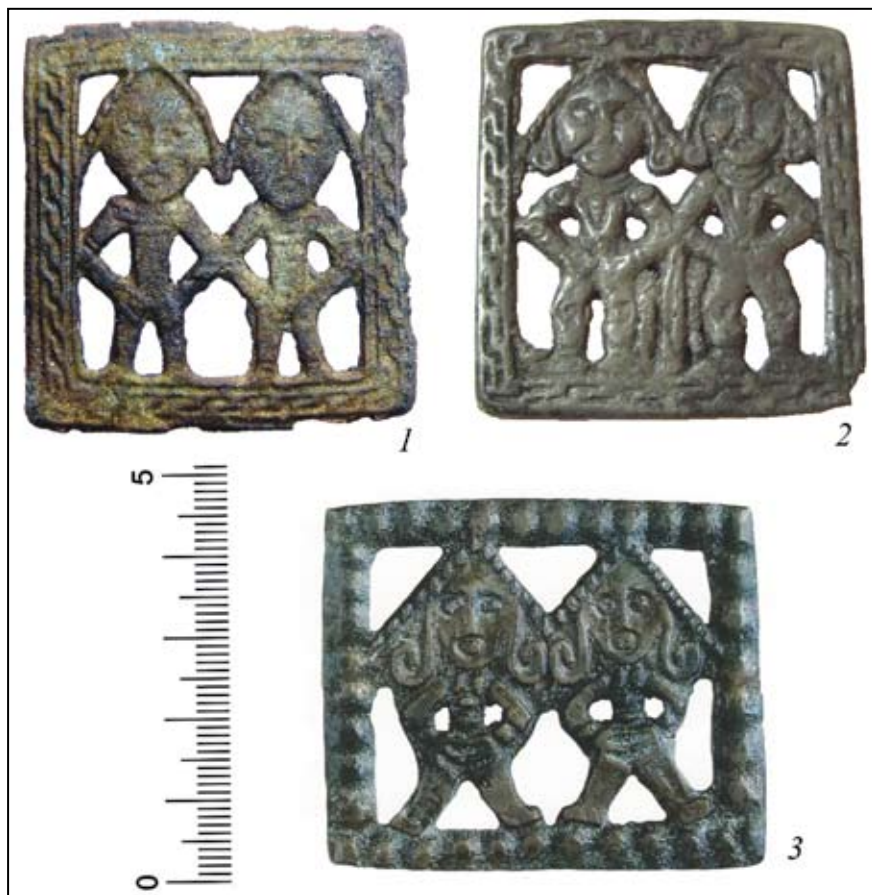
На одной из мурлинских фигурок использован такой характерный декоративный элемент изделий III типа (по Л.А. Чиндиной), как жемчужный кант, которым обозначено очелье антропоморфов на груди птицы (ил. 3—2). Именно эта фигурка, при определенном её сходстве с другими мурлинскими орнитоморфами, выделяется не только этим, но и другими стилистическими признаками. Рты у антропоморфов на груди всех птиц — той же формы, что и глаза. Это характерный признак пластики эпохи раннего железа. Но эту же форму имеют и глаза птиц. И если у птиц с одной личиной на груди глаза показаны врезанными удлинёнными овалами с приострѐнными уголками, то у фигурки с парой антропоморфов — концентрическими желобками, образующими два кольцевых валика, с имитацией зрачка. В иллюстрации и описании В.Н. Чернецова эта деталь упущена, глаза и рты антропоморфов показаны неверно. Есть неточности в рисунке и другого орнитоморфа — на груди фигурки не воспроизведѐн бордюр из врезанных «уточек» (три у правого крыла, четыре — у левого); не показаны мелкие зубчатые фестоны на нижнем из трёх желобков на шее птицы; верхние веки у личины показаны дугой, а не прямым желобком. Приводим исправленную прорисовку этой фигурки (ил. 3—3). На хвостовой части фигурки при всей её затѐтости и плохом качестве отливки угадываются меандроидные зигзаги, обрамлѐнные вертикальными желобками. На профильном рисунке не удалось передать мелкие зубчики, вырезанные по кромке головы — от глаз до крыльев.

При определении времени бытования бронзовых отливок, подобных мурлинским орнитоморфам, Л.А. Чиндина привела примеры культовых комплексов с типологически сходными изделиями²¹. Наибольшее число таких изделий известно в Парабельской коллекции, которая, по мнению Л.А. Чиндиной, обладает признаками позднейших культовых

мест кулайской культуры²². Мы уже отмечали, что в Парабельском комплексе, как и в Мурлинском «кладе», встречаются образцы литья, формально связываемого с васюганским этапом, но имеющего более позднее происхождение²³.

Стилистическую близость мурлинских орнитоморфов с культовыми комплексами позднекулайского времени демонстрируют и совпадения в декоративном оформлении даже тех орнитоморфов, которые имеют

Ил. 7. Бронзовые накладки с территории Зауралья и Западной Сибири. 1, 2 — недокументированные находки из Нижнего Приобья; 3 — культовый комплекс на городище Барсова Гора 1/20 (по: Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. — Вкл. между с. 80 и 81)

иную моделировку. К таким декоративным особенностям можно отнести:

- оконтуривание фигурки желобком,
- передачу глаза кружком с выделенным зрачком,
- членение оперения хвоста поперечными валиками²⁴.

Один из примеров — орнитоморф из Томского могильника²⁵; есть фигурки с подобными чертами оформления и в составе Холмогорского клада. Хронология этих комплексов укладывается в интервал II—IV вв.²⁶ Вероятнее всего, орнитоморфы мурлинского типа и те, которые Л.А. Чиндина отнесла к III типу кулайского литья, не хронологически последовательные группы, а две типологические линии развития, питаемые разными культурными традициями, но на определенном этапе синхронные. В этой связи можно вспомнить подмеченное ещё В.Н. Чернецовым морфологическое сходство мурлинских орнитоморфов с медными иткульскими фигурками²⁷. Эта гипотеза заслуживает внимания. Большинство стилистических особенностей мурлинских орнитоморфов известно в бронзовой пластике эпохи раннего железа именно лесного Зауралья, а также Приуралья, и это требует внимательного анализа особенностей генезиса этого круга изделий. Для гляденовских орнитоморфов также высказывалось предположение, что в них можно проследить эволюцию иконографии от иткульских прототипов к средневековым канонам²⁸. Орнитоморфная фигурка с парными антропоморфами на тулове, близкая к мурлинским, есть среди недокументированных находок из Нижнего Прииртышья (ил. 4—1). Литье плохого качества, но можно разглядеть, что антропоморфы изначально проработаны очень грубо, напоминая древовидные иткульские фигурки.

Возможно, в прояснении хронологического места мурлинских орнитоморфов может помочь недокументированная находка с оз. Большой Косоголь (ил. 4—3). Она имеет заметное сходство с мурлинскими, отлита из белой бронзы и обладает некоторыми декоративными особенностями, в том числе рядом из трёх выпуклых личин на груди птицы, ниже ожерелья, переданного тремя желобками. Подобные личины — весьма характерный декоративный элемент в торевтике европейских памятников поздне римского времени (ил. 4—2). Изделия с выпуклыми личинами встречаются в кочевнических древностях Северного Кавказа и Южного Урала поздне сарматского и ранне гуннского времени. Восходят эти композиции к кельтским прототипам, где имеют сложную культовую основу²⁹. Через поздне сарматскую культурную среду подобные образы могли проникать и на юг Западной Сибири.

Для парных антропоморфов на одной из мурлинских фигурок (ил. 3—2) В.Н. Чернецовым предложены аналогии среди прямоугольных ажурных накладок³⁰. К сожалению, при широком распространении (от Урала до восточных притоков Оби) большинство из них найдено случайно (ил. 5, 6, 7, 8). Стилистическое разнообразие пластин с парными фигурками и их неопределённая хронологическая позиция не позволили В.Н. Чернецову развить этот сюжет. К настоящему времени две такие накладки, стилистика антропоморфов которых особенно близка мурлинским, встречены в погребальных комплексах — в могильниках Барсовский VII (ил. 5—1) и Прыговский 2 (ил. 5—2). Погребение из могильника Барсовский VII предложено датировать первыми веками н. э., ближе к рубежу эр³¹, а из Прыговского 2 — IV—II вв. до н. э.³² Отмечается, что для подобных изделий более детальная хронология до сих пор не разработана³³.

Стилистически близкие фигурки людей (в том числе и парные) с круглыми глазами с выделенным зрачком, с поперечными парными полосками на локтевых и коленных суставах, известны в позднеголендовских материалах Прикамья³⁴ (ил. 8—2). Гляденовское костыще датируется в широком хронологическом диапазоне (V в. до н. э. — рубеж

Ил. 8. Бронзовые накладки (фрагменты) с территории Зауралья и Западной Сибири. 1 — недокументированная находка в Зауралье; 2 — Гляденовское костыще (по: Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. — СПб., 1906. — Т. VIII, вып. 1. — Рис. 68)

IV–V вв.), но для фигурок, сюжеты которых находят продолжение в ломоватовскую эпоху, условно принимается датировка позднегляденовским временем³⁵.

Если принять гипотезу об историческом, а не искусственном (музейном) комплектовании Мурлинского «клада», то рассмотренный круг аналогий позволяет ограничить время его вероятного сокрытия периодом существования той группы позднекулайских памятников, для которых может быть предложен хронологический интервал II–III вв., что соответствует ранней стадии позднесарматского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М., 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 121–178. Табл. XI, XII.

² Приношу благодарность сотрудникам сектора учёта ОГИКМ, а также Е.М. Данченко с М.А. Грачёвым, оказавшим помощь в этой работе, а также С.Ф. Татаурову за сверку в музее г. Тары сведений о передаче предметов.

³ Жук А.В. В.Н. Чернецов и Тарская коллекция древностей // Интеграция археологических и исторических исследований. — Омск, 2005. — С. 12–14.

⁴ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — С. 150.

⁵ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — С. 107, 164.

⁶ Хаврин С.В., Чугунова К.С. Древняя латунь: проблемы происхождения, распространения и интерпретации // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул, 2004. — С. 353.

⁷ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — С. 153.

⁸ Гусев А.В., Фёдорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. — Салехард: Изд-во ГУ «Северное издательство», 2012. — Рис. 34.

⁹ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. — М.: Наука, 1991. — Рис. 70–13.

¹⁰ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... — С. 70; Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. — С. 154–155.

¹¹ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... — С. 107.

¹² Лаптева Т.А. Эполетообразные застезки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. — Ижевск, 1995. — С. 130–131. Табл. 1.

¹³ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — С. 151.

¹⁴ Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург, 2001. — С. 144.

¹⁵ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... — С. 107.

¹⁶ Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад... — С. 34–37, 47; Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — С. 256–257.

- ¹⁷ Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам... — С. 96.
- ¹⁸ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... — С. 107, 110.
- ¹⁹ Чемякин Ю.П. Культовая металлопластика раннего железного века Сургутского Приобья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. — Томск, 2013. — Вып. 3. — С. 374—375; Чемякин Ю.П. О кулайской металлопластике // Переходные эпохи в археологии: Мат-лы Всерос. археологической конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое соещение». — Сыктывкар, 2013. — С. 79.
- ²⁰ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... — С. 107.
- ²¹ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... — Рис. 36 — 2, 4.
- ²² Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... — С. 110—111. Табл. 11.
- ²³ Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири... — Рис. 3—12, 13.
- ²⁴ Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа... — Рис. 37.
- ²⁵ Ширин Ю.В., Хаврин С.В. Комплексы второй четверти I тыс. н. э. из Томского могильника // *Stratum plus*. — Кишинёв, 2012. — № 4. — Рис. 5.
- ²⁶ Ширин Ю.В., Хаврин С.В. Комплексы второй четверти I тыс. н.э. из Томского могильника... — С. 252; Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад... — С. 145.
- ²⁷ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — С. 154.
- ²⁸ Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. — Тверь, 2011. — Вып. 8, т. II. — С. 45.
- ²⁹ Opreanu C.H. Das Medaillon mit masken von Şimleul Silvaniei (Szilbgyssomlyy). Ikonographische prazisierung und kulturelle einflusse // *Intre stepa si Imperiu. Zwischen der Steppe und dem Reich. Between the steppe and the Empire*. — Bucuresti, 2010. — Taf. 7, 8.
- ³⁰ Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени... — С. 154, 156.
- ³¹ Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. — Екатеринбург, 2003. — С. 106.
- ³² Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург, 2010. — № 2. — С. 71.
- ³³ Чемякин Ю.П. Антропоморфная металлопластика раннего железного века Барсовой горы // Шестые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2011. — С. 152.
- ³⁴ Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отд-ния русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. — СПб., 1906. — Т. VIII, вып. 1. — Рис. 68.
- ³⁵ Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. — Б.м., 2007. — С. 108—109.

Материалы по фольклору тромъеганских хантов: связь мифологии с сакральными ландшафтами

А.А. Рудь

г. Сургут

МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора»

На фоне стремительной трансформации культуры коренных жителей Западной Сибири исследования духовной культуры и устной традиции, по нашему мнению, являются наиболее актуальными направлениями научного поиска. За последние два десятилетия появилось много публикаций, освещающих современное состояние материальной и духовной культуры хантов Сургутского Приобья. В них затрагиваются различные вопросы, связанные с мировоззрением, культом, пантеоном, ритуально-обрядовой деятельностью на святилищах¹, археологической составляющей этих культовых объектов², архитектурной планировкой зон охраны священных мест³. В это же время появляются публикации фольклорных материалов восточных хантов. В научной литературе широко освещён цикл сюжетов о хантыйском богатыре Тонье⁴. Особый интерес представляют публикации фольклора *ланэлтын*⁵ — сакральных песен, рассказов и преданий о деяниях хантыйских божеств. Нередко в сюжетах этих песен и легенд прослеживается связь между святилищами и мифологией сургутских хантов⁶. Именно эти устные источники могут ответить на вопрос: почему тот или иной природный ландшафт стал сакральным для коренных жителей.

Однако сбор, обработка и публикация этих фольклорных материалов связаны с рядом трудностей: нежеланием открывать сакральные сюжеты людям из другой культурной среды, сложностью перевода некоторых лексических оборотов с хантыйского языка на русский и др. Помимо этого, процесс научной фиксации фольклора требует уточнений, комментариев и разъяснений по ходу его изложения, а это противоречит установке большинства информантов о том, что сакральный сюжет должен быть исполнен по особому случаю и обязательно от начала

до конца не прерываясь. Необходимо также отметить и общее плохое знание мифологических сюжетов самими хантами.

Публикуемые нами материалы были записаны у тромьеганских хантов на русском языке во время полевых работ 2004, 2010, 2012 гг. В процессе их записи поддержку в части уточнения деталей, правильности и точности перевода нам оказывала руководитель Сургутского филиала БУ ХМАО — Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (г. Ханты-Мансийск) Аграфена Семёновна Сопочина.

Действующими лицами публикуемых фольклорных материалов являются божества высшего пантеона восточных хантов — сыновья верховного бога-создателя *Тору́ма*: покровитель р. Тромьегана — *Эвэ́т Ики* (Священной Горы Хозяин)⁷, р. Югана — *Яун Ики* (Юганский Хозяин), р. Агана — *Охэ́н Ими* (Аганская Хозяйка), а также их младший брат *Кон Ики*. Последний имеет в культуре хантов и манси множество имён и эпитетов, одно из его мансийских имён *Мир-Сусне-Хум* (За Миром Наблюдающий Человек) наиболее точно характеризует его место в угорской картине мира⁸.

Первый сюжет, записанный на нижнем Тромьегане у И.А. Сопочина, повествует о мифологических событиях, связанных с действующим святилищем тромьеганских хантов *Йымы́нг Рэ́п — Йымы́нг Со́им* («Священный Яр — Священный Овраг»), которое находится в нижнем течении р. Тромьегана близ п. Юбилейного⁹.

«Однажды Яун Ики украл невесту на Тромьегане. И Эвэ́т Ики погнался за ним. А Яун Ики стал убегать от него по реке. У Эвэ́т Ики 6 братьев было. Тогда они обогнали Яун Ики и поставили через Тромьеган сеть. Эвэ́т Ики говорит братьям: «Я сильный, сеть удержу на этом берегу. А вы в шестером держите сеть на другом берегу». А Яун Ики превратился в выдру, ударил в сеть, вырвал её из рук у Эвэ́т Ики с братьями и уплыл восвояси. Это место недалеко от Юбилейного, чуть выше по Тромьегану, называется Йымы́нг рэ́п (Священный яр). Рядом с этим яром есть овраг — Йымы́нг со́им (Священный овраг) — там люди до сих пор поклоняются».

Следующая история дополняет цикл уже опубликованных в научной литературе сюжетов о взаимоотношениях божеств-покровителей р. Тромьегана (*Эвэ́т Ики*) и р. Агана (*Охэ́н Ими*)¹⁰. В записанном нами в 2012 г. на р. Тромьегане от С.В. Кечимова¹¹ сюжете речь идёт о разделе имущества между супругами *Эвэ́т Ики* и *Охэ́н Ими*.

«Эвэ́т Ики — он тоже много жён себе взял. Вперёд этого он, наверно, Охэ́н Ими увозил. Они немножко жили, а Охэ́н Ими хочет к

себе на Аган, а Эвэт Ики – не хочет. Ругались-ругались. Вот возле Когалыма большое озеро есть – Велинг лор (Оленей озеро)¹². Они туда пошли и оленей там разделили. Ты вон половину оленей себе возьми – половину мне. Поэтому озеро Велинг лор называется».

Отметим, что по результатам наших исследований у тромъеганских и аганских хантов информация о сакральном статусе этого озера пока не подтверждается.

В 2010 и 2012 гг. на р. Тромъегане у С.В. Кечимова мы дважды записали фольклорный сюжет, связывающий воедино четыре главных действующих святилища тромъеганских хантов – *Эвэт* (Священная Гора), *Кор Воч Эвэт* (Город Священной Горы на Болоте), *Овэр Кол* (Высокая Ель) и *Яун Той Кот Мых* (Вершины Реки Святилище), а также одно из главных святилищ обских угров – место поклонения *Кон Ики* в районе устья р. Иртыша¹³. В исследованиях Западной Сибири сведения о святилище Медного Гуся (одно из многочисленных имён *Кон Ики*), расположенном в Белогорье близ устья Иртыша, появляются с XVIII в.¹⁴ В основу предлагаемой публикации легла более полная полевая запись 2012 г.¹⁵, в которую внесены недостающие сюжетные детали из записи 2010 г.¹⁶

«И Эвэт Ики, и Яун Ики, и Кон Ики – они все вместе жили. Где-то тут, выше Банного¹⁷ на Оби есть воч волты (старинное городище)¹⁸. Когда я первый раз приехал на рыбалку на Обь, дед Василий мне показывал это место. Мы прямо там и рыбачили. Место это чуть-чуть ниже выхода Тромъегана. Там отдельный такой вонт пай (таёжный остров).

В этом месте жили Эвэт Ики, Яун Ики и Кон Ики. У них сестра была. И вот они с сестрой остались одни. В это время какой-то русский приходил и всё разгромил вокруг там. Братья с сестрой живые остались. Хотел Руть Кон Ики (Русский царь), что ли, их убить, но потом говорит воинам: «Их вообще не трогайте, они сами сдохнут». Сестра взяла их, а они маленькие, как высота пальца на русской варежке, – вот такие они были.

На второй год или позже Руть Кон Ики обратно вернулся и их сестру с собой забрал. Третий раз Руть Кон Ики вернулся туда, чтобы их убить. А их сестра говорит ему: «Ты что их трогаешь? Ты меня с собой взял. Они же ведь маленькие – видишь, еды у них нет, никто не уважает. Всё равно голодные умрут. Оставь их в живых. Пусть как хотят, так и умрут». А Руть Кон Ики думает: «Ладно, оставляю их». И они ушли.

После этого братья выросли – как человек стали. И, наверно, весна была, потому что они облас сделали, сели туда втроём и пошли вверх по Тромъегану. Где Тромъеган в Обь попадает – туда ушли. Когда они уходили с Оби, они зайца с собой взяли. Потом через Тромъеган шли-шли вверх, остановились, где Эвэт (Священная гора), и говорят: «Тут хорошее место. Тут будем дома строить». Эвэт Ики и Яун Ики дома строят, а Кон Ики не строит. Они ему говорят: «Ну, почему дом не строишь?». А он смеётся: «А я у вас буду жить». Самый младший он.

Потом опять решили выше по Тромъегану ехать: «Эта наша речка далеко ушла – надо смотреть её». Шли они, шли – река совсем узкая стала: на этом берегу дерево свалится – конец на тот берег попадёт. Затем река стала ещё уже: трава свалится, а конец её на другой берег попадёт. Они на озеро в вершине Тромъегана чуть не дошли. И решили уже оттуда возвращаться. А на обласе им никак не развернуться. Тогда они сделали речку шире – берега оттолкнули немножко. Как старица получилась. Там три таких места есть – широких, как старица.

Стали они возвращаться вниз по Тромъегану на место, где сейчас Яун Той Кот Мых¹⁹ (Вершины Реки Святилище) пришли и там заночевали. Один из них утром встал и говорит: «Этого зайца, что с нами в обласе, – куда деть? Давай оставим здесь, пусть тут живёт. Чтобы долгие годы, долгие лета люди жили. Новые поколения людей жили. Чтобы молодые люди, когда вырастут, сюда на священное место пришли». Зайца туда поставили – Кот Мых – Священная гора получилась. Это сейчас мы туда ездим молиться.

И потом они спустились ниже, ехали-ехали и тоже остановились. Один говорит: «Тут когда-нибудь тоже новое поколение будет, и люди скажут: «В этом месте Эвэт Ики, Яун Ики и Кон Ики отдыхали». Что-то надо придумывать». А Кон Ики говорит: «Как не придумать». Взял нёл (стрелу) и поставил острием вверх. Оттуда Овэр Кол (Высокая Ель²⁰) получилась. Кон Ики и говорит: «Пусть люди сюда тоже ходят молиться». И они дальше пошли вниз по Тромъегану.

Потом домой пришли на Эвэт и говорят друг другу: «Давай пойдём сестру искать – куда делась, куда её отвезли?». Утром, наверно, на облас сели, опять поехали. А там, где выход Тромъегана, один из них говорит: «А вдруг у нас силы не хватит, чтобы сестру забрать». Тогда Эвэт Ики говорит: «Давай силой мериться. Как?

Поиграем немножко». Они высадились из обласа и начали бороться. Боролись-боролись. А Эвэт Ики говорит: «Эй, братья, вы что? Столько играли, что берег реки весь истоптали и испинали – река начала в новом месте вытекать. Остров появился». И они перестали бороться, послушали его. В этом месте реки расходятся: Аган – направо, Тромъеган – налево. Один поворот выше – и там остров сейчас²¹. А раньше был поворот реки, а они этот поворот испинали – так остров появился.

А потом они ещё поехали дальше вниз по Оби. К устью Иртыша приехали и думают: «В какую сторону ехать – дальше по Оби или по Иртышу вверх ехать?». Решали-решали: «Наверное, вверх по Иртышу поедem». И поехали вверх по Иртышу. Приплыли в конце Иртыша, там большое озеро. Есть такое? Я видел – там большое озеро есть²². Они в это озеро вышли. Смотрят – в той стороне гора. Никак ближе не подойти. Или верхом на ворс (кориуне), или как-то по-другому добрались туда. Там город их зятя Руть Кон Ики. А зять их домой к себе не пускает. Тогда они начали воевать с ним. И эту гору они поломали и город тоже – раз у них сила есть. Сестра их там, они её не тронули. Братья вокруг горы пошли – семь диких оленей-хоров побежали от них. Братья за этими оленями погнались. И один из оленей-хоров в сторону ушёл. Кон Ики говорит братьям: «Яун Ики, Эвэт Ики! Я самый младший, один его свалю, сил хватит. Догоняйте остальных». Когда Кон Ики этого оленя догнал – оказывается, это был Руть Кон Ики. И они играть начали. Руть Кон Ики рубанёт Кон Ики – у него кровь выбежит, а он снова живой вскочит. Кон Ики рубанёт Руть Кон Ики – у того кровь выбежит, а он тоже живой остаётся. И так играют. Кон Ики его как-то свалил – хочет уже убить. А лахэр (кольчуга) мешает – никак его сердце не поймать. А крючок, которым можно сломать кольчугу, в стороне лежит – он его как-то уронил. И сестра тут, откуда-то прибежала. Легла она и Руть Кон Ики собой накрыла: «Ты, братишка, постой. Когда ты был маленьким, он меня забирал, а вас ведь тоже живыми отпустил. Ты его тоже живым отпускай». Хвалила-хвалила, молилась-молилась – ну, брат остановился. Сели они и начали разговаривать, как надо дальше жить. А Эвэт Ики и Яун Ики бегут к ним и кричат: «Сто семьдесят семь болезней есть всяких. Люди по-всякому умирают. Мы сто семьдесят шесть русских или всяких других убили. А сто семьдесят седьмой – вон он у вас сидит. Это Руть Кон Ики. Он нас столько мучил. Мы сейчас его

прикончим». А когда они прибежали, то сестра и брат его закрыли собой, чтобы Эвэт Ики и Яун Ики не тронули. И они перестали. А Руть Кон Ики остался.

Потом они обратно вернулись. А этот город, наверное, был йымынг (священный); сейчас, наверное, до сих пор место осталось. Где-то там, в вершине, в конце Иртыша. А они вернулись в устье Иртыша и остановились отдохнуть. Младший брат говорит: «Хорошее место. Я, наверное, дальше не поеду, останусь здесь». Остался младший брат Кон Ики там, на Иртыше, а они дальше ушли. Сюда на Тромъеган, к себе домой на Эвэт пришли. Яун Ики на второй или третий день заходит в дом Эвэт Ики и говорит: «Ну, что, брат. Я, наверное, поеду своё место искать. Там видел, когда ездили в сторону Иртыша. Одну речку я посмотрел. Там я буду жить. У тебя на Тромъегане очень много камней. Дай мне немножко камней». А Эвэт Ики говорит: «Ты, брат, много-то не возьми, немножко бери». Яун Ики ходил-ходил, пришёл к брату: «Ну, я камней-то немножко взял. У тебя вонт (урманной тайги) много, дай мне немножко». Эвэт Ики говорит: «Но ты только, брат, всё-то не возьми. Мне оставляй». Яун Ики ушёл, потом приходит. Его Эвэт Ики спрашивает: «Ну, что, вонт взял?». Яун Ики отвечает: «Взял». Эвэт Ики говорит: «Ну, ладно, если взял – иди». Он оделся и ушёл: «Ладно, я поеду в своё место». Затем Яун Ики приехал на Юган, где сейчас Угут. А у него карман по пути продырявился, и он так через Юган наверх и пошёл. То камень на речку сыпется, то вонт рассыпается у него из дырявого кармана. Так и шёл с дырявым карманом. А потом Эвэт Ики вышел из дома и видит: Яун Ики ушёл, а у него на Тромъегане ни одного камня нет, ни одного урмана нет. Яун Ики всё с собой взял. У Эвэт Ики только одни озера остались.

На Тромъегане, где Эвэт, – там два Кот Мых есть. Который около реки – Эвэт Ики Кот Мых; там люди молились и жертву делали всегда. А рядом с ним есть Яун Ики Кот Мых. Между ними озеро. Это летние дома Эвэт Ики и Яун Ики. А там подальше на бору есть Кор Воч Эвэт (Город Священной Горы на Болоте), там тоже жертву делают люди. Это зимнее стойбище Эвэт Ики. Он там зимой живёт. Сейчас на Яун Ики Кот Мых никто не ходит. Раньше вот, если молились, то ольпинтах (жертвенные ткани) или оленя для Яун Ики, туда люди отвозили. А сейчас там дорога снизу идёт. Поэтому, наверное, перестали вешать. Едешь на машине,

Ил. 1. Священное место (святилище) *Яун Той Кот Мых* (Вершины Реки Святилище). Ритуальное костровище и запас дров. 2010 г. Фото: А.А. Рудь

Ил. 2. Священное место (святилище) *Яун Той Кот Мых* (Вершины Реки Святилище). Остатки монет в ритуальном костровище. 2003 г. Фото: А.А. Рудь

смотришь — вот жертвенные ткани, шкуры оленей висят, поэтому, наверно, сейчас туда люди не вешают ничего».

В заключение сделаем пояснения, касающиеся современного состояния, а также обрядово-ритуальной деятельности хантов на святилищах, фигурирующих в публикации. Святилище *Кон Ики* в устье р. Иртыша и сегодня считается одним из главных святилищ обских угров. По своему статусу может сравниться только с обрядово-ритуальным комплексом на оз. Нумто. По имеющейся у нас информации, в настоящее время в район устья Иртыша регулярно приезжают делать коллективные жертвоприношения (*мыр*) назымские, казымские и тромьеганские ханты. Заметим, что тромьеганские ханты возобновили паломничество к святилищу *Кон Ики* в 2010 г. после полувекового перерыва. В декабре 2010 г. в коллективном жертвоприношении тромьеганских и пимских²³ хантов участвовало около 50 чел.²⁴ Несмотря на то, что представители перечисленных групп хантов помнят историческое местонахождение святилища *Кон Ики* (правый коренной берег Оби в районе устья Иртыша), в настоящее время нет единого места проведения обрядов. По полученным нами сведениям, каждая группа хантов имеет несколько непостоянных мест отправления ритуалов. Все они локализуются в правобережье Оби, в районе устья р. Назыма, а также в правобережье нижнего течения этого правого обского притока²⁵.

Остальные святилища расположены на Тромьегане и почитаются хантами Сургутского Приобья. В настоящее время на всех упомянутых культовых объектах отмечается регулярная ритуально-обрядовая деятельность. Здесь проводят как коллективные жертвоприношения божествам (*мыр*), так и индивидуальные кровавые (*йыр*) и бескровные (*пори*) обряды, а также ритуалы, связанные с изъятием скола живого дерева для изготовления деревянного изображения божества. Помимо тромьеганских хантов, эти святилища посещают пимские и аганские ханты, изредка — казымские.

Кроме того, на территории святилищ *Эвэт* (Священная Гора) и *Кор Воч Эвэт* (Город Священной Горы на Болоте) расположены выявленные в 1970-х гг. объекты археологического наследия: к территории святилища *Эвэт* приурочен археологический комплекс Ермаково²⁶, а к территории *Кор Воч Эвэт* — археологический комплекс «Святое»²⁷. Однако и остальные фигурирующие в сюжетах культовые объекты р. Тромьегана — *Йымынг Рэп-Йымынг Соим* (Священный Яр — Священный Овраг), *Овэр Кол* (Высокая Ель) и *Яун Той Кот Мых* (Вершины Реки Святилище) содержат мощные напластования культурного слоя,

Ил. 3. Священное место (святилище) *Йымынг Рэп-Йымынг Соим* (Священный Яр — Священный Овраг) близ п. Юбилейного. Приклады жертвенной ткани и ведро, символизирующее котёл, — приношения божеству *Мых Ими* (Земле — Матери). 2011 г. Фото: А.А. Рудь

Ил. 4. Священное место (святилище) *Овэр Кол (Высокая Ель)*. Череп оленя в границах ритуальной площадки, функционировавшей в сер. 1990-х гг. 2004 г. Фото: А.А. Рудь

Ил. 5. Священное место (святилище) *Яун Той Кот Мых* (Вершины Реки Святилище). Ритуальные жестяные изображения божества болезней и смерти — *Кынь Ики*. 2003 г. Фото: А.А. Рудь

сформировавшегося в ходе обрядово-ритуальной деятельности хантов: остатки ритуальных костровищ (ил. 1), монеты (ил. 2), жертвенные котлы и вёдра (ил. 3), кости жертвенных животных (ил. 4), ритуальные жестяные изображения божества болезней и смерти — *Кынь Ики* (ил. 5), остатки жертвенных тканей и шкур. Наличие культурного слоя позволяет говорить нам об этих действующих святилищах как об объектах культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Балалаева О.Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Мат-лы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С. 151–161; Песикова А.С. Взгляд изнутри культуры. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. — 96 с.; Стародубова О.В. Современные религиозные воззрения ханты бассейна р. Тром-Аган // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. Мат-лы II науч.-практ. конф. — Сургут: Полиграфический комплекс, 2008. — С. 31–36; Рудь А.А. Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им лор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 361–380; Рудь А.А. Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 339–354; Ведмидь Г.П. Святилище Лук Эвэт ики на Барсовой горе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 262–266.

² Морозов В.М. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I // Модель в культурологии Сибири и Севера. — Екатеринбург, 1992. — Изд-во УрО РАН. — С. 37–50; Морозов В.М., Ведмидь Г.П., Бакалдин М.Н. Историко-культурный комплекс «Святное» // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПП «Барсова Гора», 2002. — С. 113–123; Ведмидь Г.П., Морозов В.М. Историко-культурный комплекс Ермаково (к вопросу об инвентаризации объектов культурного наследия) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 449–463.

³ Ведмидь Г.П. Архитектурная планировка акватории и территории комплекса объектов культурного наследия на священном озере Имлор в Сургутском районе ХМАО—Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 123–160.

⁴ Мартынова Е.П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — С. 87–91; Вершинин Е.В. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Мат-лы и исслед. Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — С. 98–110; Семёнова В.И. Легенда о Тонье, последнем обском богатыре: несостоявшийся эпос // Космос Севера. — Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2000. — С. 18–23; Семёнова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 68–79; Салымский край. — Екатеринбург: Тезис, 2000. — С. 68–69; Монти Танья. Сказание о Танье / Тюмень: Печатный дом «Тюмень», 2008. — 116 с.

⁵ Этот жанр фольклора у сургутских хантов, в частности, выделяет А.С. Песикова. См.: Песикова А.С. Взгляд изнутри культуры... — С. 28.

⁶ Шатунов Н.В. К вопросу о месте Барсовой горы в культуре ханты // Обские угры. Мат-лы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 1999. — С. 212—215; Песикова А.С. Глухаринная гора — Барсова гора // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 75—85; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск: Изд-во УрО РАН — Студия «ГРАФО», 2006. — С. 308—309; Рудь А.А. Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им лор... — С. 363—365.

⁷ Полное имя божества-покровителя р. Тромъегана — *Торум Яун Эвэт Ики* — (Торума Реки Священной Горы Хозяин). В обыденной речи информанты употребляют укороченное имя божества — *Эвэт Ики*.

⁸ Головнёв А.В. Говорящие культуры (традиции самодийцев и угров). — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. — С.549—554.

⁹ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Март 2004 г. Сведения Сопочиной А.С. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма); Шатунов Н.В. Отчёт о НИР: Историко-культурная экспертиза территории Сайгатинского, Родникового и Восточно-Елового лицензионных участков ОАО «Сургутнефтегаз». — Сургут, 2003. — БИИКФ (г. Сургут) — Ф. Р-4. Оп.1. Д. 189. С. 26—27.

¹⁰ Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели... — С. 140; Сподина В.И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. — Новосибирск: Издательский центр «Агро», 2001. — С. 60.

¹¹ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Май 2012 г. Сведения Кечимова С.В. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

¹² Означенное озеро находится в междуречье рек Ингуягун и Ортъягун, к югу от г. Когалыма.

¹³ В научной литературе и в наших полевых материалах имеются сведения от юганских хантов о том, что святилище *Кон Ики* находилось на р. Конде. См.: Мартынова Е.П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Мат-лы и исслед. по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. — С. 84; Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Июнь — июль 2005 г. Сведения Тайлакова Л.И. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

¹⁴ Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком. — СПб., 1884. — С. 57; То же. — Новосибирск, 1941. — С. 57.

¹⁵ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Май 2012 г. Сведения Кечимова С.В. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

¹⁶ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Декабрь 2010 г. Сведения Кечимова С.В. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

¹⁷ П. Банный расположенный выше г. Сургута по Оби.

¹⁸ Месторасположение «старинного городища» больше всего соответствует описанному в литературе Бардакову городку (Миллер Г.Ф. Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. — М.: Либерея, 1998. — Кн. 1. — С. 206; Словцов И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Известия Императорского Томского университета. — Томск, 1890. — Кн. II. — С. 84; Арне Т.Й. Барсов Городок. — Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. — С. 77.

¹⁹ Хантыйская лексема *Кот Мых*, входящая в состав наименований многих культовых объектов, имеет дословный перевод «Дом-Земля», однако смысловое значения её необходимо переводить как «Вместилище / Место ауры божества». Сами информанты допускают перевод словосочетания *Кот Мых* с хантыйского на русский язык терминами «Святылище», «Святое место», «Дом бога».

²⁰ По сведениям информантов, во втор. пол. XX в. на территории святилища Высокая Ель действительно произрастали несколько очень высоких елей, которые и были главным объектом поклонения. Однако в кон. того столетия они упали. Это послужило причиной переноса ритуальной площадки святилища вверх по Тромъегану. См.: Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Февраль — март 2003 г. Сведения Короб А.И.; Февраль — март 2004 г. Сведения Тэвлина Е.А. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

²¹ В краткой редакции этого сюжета, записанного нами от С.В. Кечимова в декабре 2010 г., говорится, что указанное место находится «*чуть-чуть выше устья Агана — два или три поворота*».

²² Информант ссылается на физическую карту.

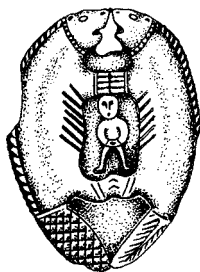
²³ В обряде принимали участие представители двух семей пимских хантов.

²⁴ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Декабрь 2010 г. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

²⁵ Рудь А.А. Полевые материалы (полевой дневник). Декабрь 2010 г. Сведения Кечимова С.В., Никоновой А.Н. — Личный архив автора (г. Верхняя Пышма).

²⁶ Морозов В.М. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I... — С. 37—50; Ведмидь Г.П., Морозов В.М. Историко-культурный комплекс Ермаково... — С. 449—463.

²⁷ Морозов В.М., Ведмидь Г.П., Бакалдин М.Н. Историко-культурный комплекс «Святое»... — С. 113—123.

Берёзовское старое кладбище — исторический источник, духовная опора, культурная ценность

Я.А. Яковлев

г. Ханты-Мансийск

Служба государственной охраны объектов
культурного наследия ХМАО — Югры

Место, период функционирования и техническое состояние старого кладбища Берёзова

Когда-то действующий и расположенный на окраине города Берёзова последний приют для усопших ныне называется «старое кладбище» и находится в центре посёлка, недалеко от перекрёстка улиц Первомайской и Путилова. В настоящее время этот некрополь является одним из главных элементов исторической планировочной структуры и застройки Берёзова — наравне с такими объектами культурного наследия, как Дом Добровольского, Городское казначейское управление, Мост на ряжах и др.

Нынешняя территория кладбища, формировавшаяся с кон. XVIII в., оконтурилась к сер. XX в. Сегодня она занимает площадь 2698 ± 2 га и заключена в ограду подпрямоугольных очертаний периметром 819,56 м¹. С севера и северо-востока этот участок ограничен изгибом ул. Первомайской, с востока — ул. Чкалова, с юга — логом, с юго-запада — ул. Полевой, с запада — ул. Гагарина (ил. 1). С северо-востока с кладбищем соседствует недавно возведённая частная часовня, имеющая адрес: ул. Первомайская, д. 19 (ил. 2)².

Кадастровый номер квартала, на котором расположено кладбище, — 86:05:0310097.

По рассказам местных жителей, прежде территория некрополя была больше. Развитие посёлка и наступление его селитебной площади на территорию кладбища привели к тому, что в настоящее время погребения северного, северо-восточного и восточного участков попали под дорожное полотно ул. Первомайской. Юго-восточный угол, судя

по нынешней конфигурации, оказался занят усадьбой с жилым домом, надворными постройками и огородом. Её адрес — ул. Чкалова, д. 54; кадастровый номер участка — 86:05:0310097:1.

По подсчётам местного краеведа В.В. Фарносовой, это кладбище является пятым по счёту некрополем Берёзова³.

Дата его открытия неизвестна. Предположительно её можно отнести к кон. XVIII в. Основанием для такого вывода служит указ Тобольской духовной консистории от 8 января 1893 г., в котором сказано следующее: *«Существующая на кладбище часовня занимает с оградкою только 3,5 сажени в длину и столько же в ширину, вплоть с нею находятся могилы; под часовнею, надо полагать, есть тоже могилы, так как она построена в 1840-х годах, а до того времени уже много лет кладбище это существовало* (выделено нами. — Я.Я.)... *Вследствие же скученности на нём могил, в особенности на том месте, на котором господин Цинке предполагает строить церковь, и вблизи около него, строить храм будет неудобно»*⁴ (ил. 18). Если в 1840-х гг. на месте строящейся часовни уже располагались заброшенные захоронения с исчезнувшими холмиками, являющимися непре-

Ил. 2. Старое кладбище Берёзова. Часовня и вход на кладбище. Снято с востока. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

менным атрибутом православных могил, то предложенная дата начала действия этого некрополя представляется вполне объективной.

Официально кладбище закрыто 17 февраля 1997 г.⁵

Очевидно, что двухвековой период действия кладбища такого немалого населённого пункта, как Берёзов, в 1764—1926 гг. даже имевшего статус города⁶, естественно, привёл к скученности захоронений, неоднократно-му использованию одних и тех же участков, варварскому уничтожению старых надгробных памятников ради сооружения новых могил.

Этому способствовало и небрежное отношение к могилам и кладбищам, характерное для русской культуры. На территории Югры (как, впрочем, и Сибири в целом) на это частенько обращали внимание заезжие иностранцы, чей европейский менталитет противился увиденному. В частности, немец О. Финш при сравнении, с одной стороны, русских, а с другой, хантыйских и ненецких кладбищ неоднократно отмечал более достойное состояние последних: *«Остяцкие кладбища содержатся гораздо лучше русских»*⁷; *«Кастрен видел... остяцкое кладбище в прекрасной роще, между тем как русское было совершенно заброшено. То же самое замечали и мы всюду, где русские и туземцы жили поблизости друг от друга»*⁸. На основании увиденного свою дань уважения он отдавал отнюдь не русским, а остякам и самоедам: *«Почитание мёртвых представляет новое доказательство одного из хороших качеств, отличающих эти народы и заслуживающих уважение образованных людей»*⁸.

Однако пик варварского разрушения надмогильных памятников на берёзовском кладбище пришёлся на 20-е столетие. Во-первых, как уже было сказано, для освобождения участков для новых могил. Во-вторых, по причине советских идеологических доктрин воинствующего атеизма и классовой ненависти, которые при общем неприятии православной традиции почитания «отеческих гробов» особо нетерпимы были ко всему, что имело отношение к «классу эксплуататоров». А богатые — каменные и металлические — надгробья маркировали могилы, конечно же, не представителей «класса рабочих и крестьян» Берёзова.

Красноречивую историю поведала В.В. Фарносова: *«В начале работы краеведческого музея молодые ребята... принесли в музей заржавевшую чугунную плиту с эпитафией в стихах, посвящённой трёхмесячной дочери купца Нижегородцева Маше, 1841 г. р.: «Отыде в вечный покой и уготовала на место сие, подле матери своей, мила дочь моя Машута...». В музее они получили от директора Н.Е. Филиппович ответ: «Нет у нас никакого купца Нижегородцева, и плита не нужна!»*¹⁰.

Впрочем, рачительные атеисты из Берёзова могли умыкнуть намогильную плиту не только из политических соображений, но и из простого жлобства. И приспособить её где-нибудь в хозяйстве. Если рассматривать этот предмет только как аккуратно отформованный кусок металла, то вариантов его использования можно найти немало. Можно, например, вмазать в печку и готовить на этой плите пищу. Или куда-то подложить для прочности — под колёса машины, печь, постройку... И ничуть не смущаться, что отлитые буквы эпитафии с именами умерших, орошённые когда-то слезами близких, теперь поливаются жирными всплесками из чугунок и кастрюль, забрызгиваются дорожной грязью или попираются ногами — плита добрая, толстая, долго прослужит!

Югорские старожилы рассказывали мне, что прежде в периоды осенне-весенних распутиц водители-дальнобойщики специально подъезжали к берёзовскому кладбищу, чтобы закинуть в кузов плиту. Надёжнейшая вещь для подкладывания под колёса, если забуксуешь в сибирской грязи!

Скорее всего, именно одна из таких бесстыдно украденных с могил умерших берёзовцев плита и была обнаружена мною достаточно далеко от места своего возложения — под нынешним г. Игримом. По рассказам местных жителей, её привезли из Берёзова, долго использовали в качестве печной, а когда она, в конце концов, лопнула, то уложили для укрепления земляной завалинки к дому. Большую часть плиты удалось выволить и в 2008 г. передать в Музей геологии, нефти и газа (г. Ханты-Мансийск), однако кусок размером примерно в четверть от плиты так и остался где-то в завалинке. А ведь принадлежала эта намогильная чугунная доска одному из купцов Нижегородцевых — прославленному и старинному берёзовскому роду. На сохранившейся части рельефным литьём изображён знак Всевидающего Ока Господня, орнамент и надпись: *«Святый Боже, Святый крепкий, Святый... помилуй... Здесь покоитс... Александр А... Нижегородцев 188...»* (ил. 3).

Другие вандалы использовали умыкнутое с кладбища чужое добро не публично, а подальше от глаз людских. Например, надгробная чугунная плита Иоанна Карпова — представителя ещё одной известной берёзовской фамилии — была не так давно обнаружена при разборке старой печи, в основание которой она была когда-то уложена¹¹.

С течением времени на Берёзовском кладбище лучше сохранились каменные, а не чугунные памятники — скульптуры и плиты, поскольку спрос вандалов на них из-за массивности и трудно применимого в быту материала был ниже. Уже упомянутая здесь В.В. Фарносова, посвятив-

шая исследованию некрополя не одну публикацию, насчитала таковых 11: «Всего... обнаружено 6 старинных мраморных памятников и 5 мраморных надгробных плит, несущих нам информацию о позапрошлом веке»¹². Какие из них сохранили своё изначальное месторасположение, а какие были передвинуты, выяснить теперь вряд ли удастся. Все они, лишённые ограждений и могильных холмиков, зажатые более поздними оградками, выглядят сегодня покинуто и одиноко. Некоторые из них уже безымянны. Например, только по символу — усечённой многогранной колонне — можно догадаться, что когда-то эта скульптура была установлена над могилой человека, или слишком рано ушедшего из жизни, или являвшегося главой (опорой) семьи (ил. 4)¹³. Другие памятники ещё сохраняют остатки текстов, но для их прочтения требуются дополнительные обследования (ил. 5, 6). Наиболее ранний из атрибутированных памятников принадлежит титулярному советнику Виталию Григорьевичу Блохину и датируется 1862 г. (ил. 7)¹⁴.

Состояние кладбища в настоящее время удовлетворительное. С трёх сторон оно окружено забором, с четвёртой (южной) — логом.

Ил. 3. Старое кладбище Берёзова. Надмогильная доска А.А. Нижегородцева. 2013 г. Фото: Н.Л. Сеньюкова. Фонды Музея геологии, нефти и газа (г. Ханты-Мансийск)

Ил. 4. Старое кладбище Берёзова. Безымянный надмогильный памятник (фрагмент памятника?). Снято с востока. 2004 г. Фото: А.Н. Кондрашёв

Плотность могил, даже если судить по надмогильным памятникам, чрезвычайно высокая, как это бывает на многолетних некрополях. Вход на кладбище расположен с восточной стороны и предваряется новой постройкой кирпичной часовни (ил. 1, 2). Недалеко от входа стоит самый яркий и наиболее известный надмогильный памятник — супругам А.М. и А.К. Буториным (ил. 36). Для посетителей он служит главным ориентиром.

Кладбищенская территория занята кустарником и многолетними деревьями, которые периодически падают, разрушая оградки и надмогильные памятники (например, ил. 47, 55, 63). Деления на кварталы либо какие-то иные внутренние участки, как это имеет место

Ил. 5. Старое кладбище Берёзова. Две надмогильные плиты. Под плитой с крестом похоронен Рязанов или Рязанова. А — сн. с запада, Б, В — сн. с востока. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 6. Старое кладбище Берёзова. Надмогильный памятник в виде часовенки. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

на современных некрополях или старых кладбищах крупных городов, в Берёзове нет. Передвигаются по хаотично проложенным тропинкам, изгибы которых определяются конфигурацией околomoгильных оградок.

В некоторых местах, как это обычно происходит на исторических кладбищах в России, тропинки явно перекрывают старые могилы, утратившие внешние признаки — надмогильные холмики и деревянные кресты. Ситуация с надмогильными памятниками из долговечных материалов — камня и чугуна — сложнее. В каких-то случаях, как, например, с описанной ниже плитой младенца Пантелеимоны Плеханова, которая нынче стоит прислоненной к дереву, перемещение надмогильного памятника с места его первоначальной установки очевидно. Однако часть каменных надгробий, стоящих на необустроенных участ-

ках кладбища без всяких внешних признаков могилы, может всё-таки маркировать место захоронения своего хозяина.

Некоторые значимые для города персоналии, погребённые на старом кладбище Берёзова

Александр Михайлович Буторин
(17.11.1808.(?) — 21.01.1885.¹⁵)
Анна Кузьмовна Буторина
(01.02.1814.(?) — 14.10.1886.)

Всем известная историческая реалья, что Берёзово было основано и первоначально заселено казаками, дожила до кон. XIX в. в форме небольшого казачьего подразделения — Берёзовской уездной пешей казачьей команды. Конечно, для утвердившейся в Сибири российской государственности, да ещё и на стадии империализма (ежели мерить

Ил. 7. Старое кладбище Берёзова. Надмогильный памятник титулярному советнику Виталию Григорьевичу Блохину. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

по шкале марксизма), казачьи подразделения в давно уже мирных и обрусевших городах были социальным атавизмом и расточительной статьёй расхода госбюджета. Обороняться было уже не от кого, а содержание и немалые привилегии казачьего сословия требовали ощутимого государева кошта. И потому 19 мая 1881 г. было *«высочайше утверждено мнение Государственного Совета об упразднении казачьих команд Берёзовского, Сургутского и Нарымского края»*¹⁶.

Передачей в Омск знамени-хоругви, принадлежавшего, как гласила местная легенда, самому Ермаку и хранившегося до той поры в Воскресенском соборе, закончилась история Берёзовской уездной пешей казачьей команды. Последним её командиром был Антипин¹⁷. А одним из последних (судя по датам, быть может, и предпоследним) — есаул Александр Михайлович Буторин. По номенклатуре воинских званий казачьих частей офицерский чин есаула соответствует званию армейского майора. Известна и официальная должность Александра Михайловича. В списке прихожан Воскресенского собора, составленном ещё при его жизни и по этой причине вряд ли содержащем ошибку, напротив его фамилии указано: «Ротный командир»¹⁸.

Надо отметить, что Александр Михайлович был не единственным выходцем из казачьего рода Буториных, кто занимал командные должности в местной роте. Казачьим сотником был его отец Михаил Еремеевич (ок. 1877 — 07.01.1855.). А до него, в 1846 г., ротой командовал Павел Гаврилович Буторин (? — 1861)¹⁹.

Женой А.М. Буторина была Анна Кузьмовна (другие варианты написания — Козьмовна, Космина) Буторина из старинного рода берёзовских купцов Корепановых²⁰, выбившихся в привилегированное сословие из ямщиков²¹. Детей у них не было.

Даты жизни супругов Буториных окончательно не установлены. Те, что высечены на надмогильном памятнике и с него во множестве растиражированы в краеведческих публикациях, противоречат архивным документам и на этом основании не могут быть признаны окончательными.

А.М. Буторин. Дата рождения на памятнике — 17.11.1808. (ил. 45). Однако в только что упомянутом списке прихожан берёзовской соборной церкви в честь Воскресения Господня за 1873 г. возраст последнего указан в 63 года. То есть годом рождения здесь определён 1810-й²².

Дата смерти на памятнике — 21.01.1888. (ил. 45). Здесь допущена грубая ошибка — на 3 года! В действительности Александр Михайлович скончался в 1885 г. Это подтверждено многочисленными архивными

документами²³, а также тем общеизвестным фактом, что его жена пережила своего мужа и являлась его наследницей, а у неё в той же эпитафии семью строками ниже годом смерти указан 1886-й.

А.К. Буторина. Дата рождения на памятнике — 1.02.1814. (ил. 45). Здесь кроется точно такое же противоречие, как у мужа: в том же самом списке прихожан 1873 г. указанный возраст в 61 год определяет при расчёте годом её рождения 1812-й²⁴.

Дата смерти на памятнике — 14.05.1886. (ил. 45). Единственная высеченная на камне дата, подтверждённая архивным документом²⁵.

Трудно определить, кто ошибся в указании дат — каменотёсы или авторы упомянутого «Списка прихожан берёзовского Воскресенского собора...». Пока больше доверия вызывает второй источник. Во-первых, он, в отличие от надгробия, был составлен ещё при жизни Александра Михайловича и Анна Кузьмовны (возможно даже, с их слов либо документов). Во-вторых, явный и небрежный ляп в годе смерти А.М. Буторина ставит под сомнение и все остальные даты на камне. Но документ лежит под спудом в архивохранилище Тобольска, а надгробный памятник²⁶ стоит на всеобщем обозрении на кладбище в Берёзове. И потому, к сожалению, череда ошибочных дат в биографиях Буториных неизбежна и в грядущих поколениях краеведов.

Возвращаясь к истории Буториных, необходимо отметить, что они относились к числу местной элиты. Финн А. Алквист, посетивший Берёзов и, возможно, даже встречавшийся с супругами Буториными в местном магистрате на балу в день рождения императора Александра II 17 апреля 1877 г., записал в своём дневнике: «*Аристократия города состоит из двух десятков служащих, среди них — судья, врач, директор школы, казачий офицер и два священника, а также несколько купцов с семьями*»²⁷. «Казачий офицер» — это именно ротный командир берёзовских казаков.

Но, помимо высокого социального статуса, рачительная чета Буториных имела и достаточно прочное материальное положение, основу которого составляла торговля из двух хлебных магазинов и лавки.

Известны три духовных завещания Буториных.

По первому из них, датированному 18 сентября 1878 г., А.М. Буторин, к той поре уже в преклонных годах и совершенно ослепший, объявлял единственной наследницей всего принадлежавшего ему имущества свою супругу. В случае его кончины ей «*в вечное и потомственное владение*» должно было перейти всё его движимое и недвижимое имущество: «*1) дома ... состоящие здесь, в Берёзове, со*

всею землёю под домами и строениями...; 2) вся мебель, посуда и вообще всё движимое имение...; 3) торговая... лавка... со всеми находящимися товарами и наличными деньгами...; 4)... весь капитал, какой может оказаться по смерти моей в наличных деньгах банковских билетах, векселях и других документах»²⁸.

Построек, надо отметить, было немало: *«Капитальный дом в три комнаты из круглого леса с сенями и крыльцом... На дворе флигель тоже из круглого леса в пять комнат... баня из круглого леса, восемь амбаров, завозня и погреб. На отставе сеновал с пятью хлевами... Строения эти находятся от судоходной реки приблизительно в 200 саженях... На берегу реки Сосьвы два амбара из круглого леса... На берегу реки Вогулки два хлебных магазина»*²⁹.

Однако уже через месяц, 22 октября 1878 г., супруги Буторины переписали завещание. В нём самым скрупулёзнейшим образом прописаны все действия в отношении их капиталов. Согласно этому документу, после смерти последнего из супругов *«благоприобретённый капитал в количестве двадцати тысяч рублей»* требовалось передать на содержание *«градо-Берёзовских Тобольской епархии церквей: соборную Воскресенскую и Богородице-Рождественскую, по равной части на каждую, то есть по десяти тысяч рублей»*.

Было предусмотрительно оговорено и условие: церквям разрешалось пользоваться только теми 4% с вкладов на указанные суммы, что числял Государственный банк, а сумма вклада объявлялась неприкосновенной: *«Церкви или причты их не имели права ни вытребовать на что-либо, ни передавать из казённого Государственного банка в другие банки, ни заложить и вообще не давать никакого другого назначения...»*.

Но и траты тех 400 руб., что должны были ежегодно набегать на банковские проценты, были Буториными жёстко регламентированы. В том числе часть этой суммы направлялась на увековечивание имён дарителей (помин душ и уход за надмогильными памятниками), что в условиях их бездетности давало хоть какую-то надежду на посмертное упоминание в церковных обрядах: *«...Триста рублей должны идти ежегодно на украшение храмов... или поступать в общий капитал церковный за отчислением из них ежегодно по пятидесяти рублей из каждой церкви на вино, муку, ладан, свечи и проч. при совершении постоянного поминовения нас на ежегодных сорокаустах... Из этих же трёхсот рублей процентов церкви должны уделять на возобновление на наших могилах памятников»*.

Последние 100 руб. ежегодного взноса Буториных в берёзовские храмы предписывалось полностью тратить на помин их душ: *«...При каждой литургии в обеих церквях поминать наши имена и наших сродников по прилагаемым синодикам... Кроме означенных постоянных поминовений, когда в церквях совершается литургия, должны служить нарочито по нас литургии и соборные панихиды в дни: рождения, ангела и покая нашего...»*.

Любопытно, что завещатели не только подробнейшим образом прописали поминовение по себе после смерти, но и озаботились средствами к существованию на случай возвращения к земной жизни. Возможно, этот курьёзный пункт был вызван тем, что в XIX в. после открытия механизма летаргического сна была очень распространена боязнь быть похороненным в состоянии глубокого обморока. И в завещаниях нередко появлялись вызванные этой фобией пункты о погребении тела лишь после появления явных следов его разложения, о возврате средств и имущества в случае возвращения к жизни и т. п. Буторины на всякий случай прописали: *«...Если Господу Богу благоугодно будет восстановить жизнь, то церкви должны возвратить всё для пользования завещателю»*.

К этой поре Александр Михайлович уже ослеп, Анна Кузьмовна была неграмотной, и потому завещание за них в присутствии свидетелей писал берёзовский мещанин А.А. Едрёнкин. Подлинник этого завещания Буторины передали в соборную церковь в честь Воскресения Господня, копию — в церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы³⁰.

В свою очередь, вдова есаула 3 июля 1885 г. тоже составила завещание, которое оказалось востребованным достаточно скоро — уже через полтора года после кончины супруга, 14 мая 1886 г., она *«внезапно умерла волею Божьею»*. При том новый документ, сохраняя предыдущий мотив благотворительности на церковные нужды, менял адресата.

Согласно воле покойной, вся принадлежавшая ей собственность передавалась не действующим берёзовским храмам, а на устройство нового — кладбищенской церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского. Основу составляли 28377,8 руб. (20000 руб. — на счёте в Валуйском общественном городском банке, 3000 руб. — в процентных банковских билетах, 2000 руб. — наличными, 3377,8 руб. — стоимость оставшегося движимого и недвижимого имущества). Забегая вперёд, надо отметить, что в реальности эта сумма оказалась больше. Что-то было собрано с должников Буториных³¹. Что-то при переоценке

оказалось дороже. К примеру, при подготовке завещания стоимость домашних вещей определялась приблизительно, отчего и возникла цифра 3378,8 руб. После же смерти А.К. Буториной берёзовский полицейский надзиратель Вавилов отнёсся к этому вопросу более тщательно, и в составленной им подробнейшей описи буторинского имущества, включившей 1304 единицы (вплоть до «*мужских низников*», «*кальсон*», «*чулок*», «*фитилей для лампадок*» и «*заслонок для печи*»), результат более чем в два раза превысил прижизненные прикидки самой вдовы — 8966,59 руб. (ил. 8)³².

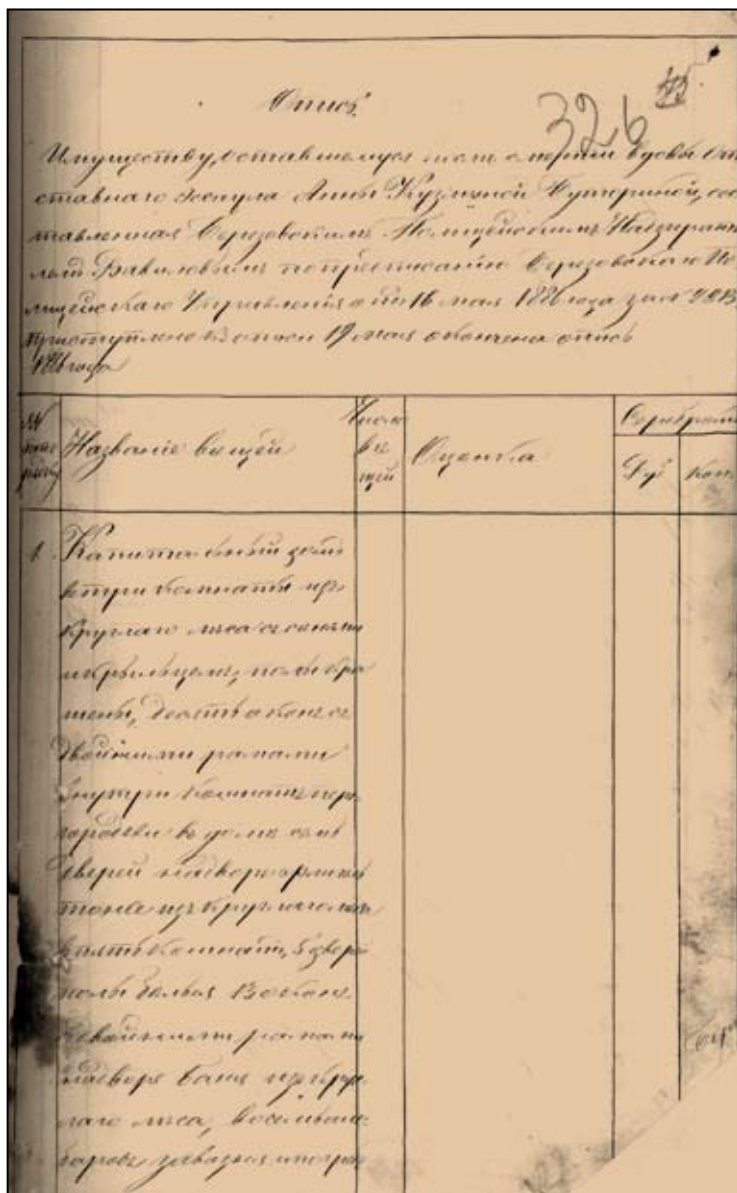
Возвращаясь же к завещанию, необходимо выделить, что дополнительно для нового храма усопшая передавала «*святые иконы с лампадами, 4 подсвечника, серебряный стакан, поднос для просфор, ложку серебряную, ковёр персидский, ковёр кошеный и ковёр простой*», а также «*заготовленные...особо для ризницы... вещи*».

Завещание прямо и недвусмысленно указывало: «*...Родственникам моим из всего означенного имущества и капитала никому ничего не требовать и не вступаться...*»³³.

Несмотря на прямое отлучение родственников от наследства, брат Александра Михайловича — отставной коллежский секретарь Флорентий Михайлович Буторин — по горячим следам, через несколько дней после смерти своей невестки пытался через суд отстоять своё право на часть состояния, однако эта попытка не увенчалась успехом³⁴.

Завещание вдовы поставило руководителей Тобольской епархии в затруднительное положение. С одной стороны, нельзя нарушать волю завещателя, с другой — двух храмов на небольшой населённый пункт было уже достаточно. Начался долгий волокитный период принятия решения. Обсуждался вопрос, в каком исполнении возводить церковь — кирпичном или деревянном. Изготавливалась «*шнуровая книга для записи прихода и расхода сумм, завещанных на постройку в г. Берёзове кладбищенской церкви*»³⁵. И т.д.

А годы шли. Жители и духовенство Берёзова судачили, возмущались, писали в Тобольск письма. Так, протоиерей Воскресенского собора М.Г. Путинцев в августе 1890 г. вопрошал: «*По слухам известно мне, что по духовному завещанию умершей вдовы Буториной асигнована ею значительная сумма на построение в городе Берёзове кладбищенской церкви. Слышу также, что между жителями нашего города ходят недоумённые вопросы: 1) почему церковь до сих пор не начинается постройкою, когда со времени смерти завещательницы прошло не менее четырёх лет? 2) кто, то есть какие лица или*

Ил. 8. Опись имуществу, оставшемуся после смерти вдовы отставного есаула Анны Кузминой Буториной, составленная Берёзовским полицейским надзирателем Вавиловым по предписанию Берёзовского полицейского управления от 16 мая 1886 года за № 2213. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 326

		Р.	К.
Копия Сдаточно-приёмная квитанция. Имущество и суммы Кладбищенской церкви г. Берёзова, сданные и.д. Благоустроителю, Священнику Иоанном Сургутским Протоиерею Михаилу Путинцеву 1891 года Марта 7 дня.			
Взносное завещание Буторинских, оиц			
22 Октября 1881 года.			
Таково-же вдовы Буториной, заведующей			
завещанием оиц 37 Июня 1885 года.			
Два сребра и медаль.			
Приходо-расходных книг.			
Наличными деньгами тридцать один		31	56
рубль пятьдесят шесть коп.			
Два 4% облигации за № 122168 и 122169 на двѣ			
тысячи рублей		2000	
Два сбережительныя росписки Государственнаго			
банка за № 575345 и 588217 на сѣмь тысяч			
пятьдесят рублей		4500	
Росписка г. Браширя на		46	
росписки И. Кисотинкова на		1150	
Росписки: Миродцева Новикова на 24			
рубля и Новикова на 55 руб. Григорий			
Кисотинкова и М. Прохорова на 200 руб. И. Ми-			
роодцева на 68 руб. Кисотинкова на 65 руб.			
Корейanova на 25 руб., Семилеткина на 25			
руб. Прохорова на 1000 руб. А. Кисотинкова			
на 82 руб. И. Шамова на 157 руб., Св. Кошма			
на 54 руб., Оленкова на 20 руб., Зр. Буторинской на			
17 руб., Прохорова на 405 руб., Зреденицкова			
на 30 руб. Сондинова на 50 руб., Напаша на 100 руб.			
Прохорова на 150 руб. и Кисотинковой на 200 руб.			
Всего двадцать росписок на сѣмь тысяч			
и шестисот двадцать сѣмь рублей		4624	

Ил. 9. Сдаточно-приёмная квитанция имуществу и суммам кладбищенской церкви г. Берёзова, сданным и[сполняющим] д[олжность] благочинного священником Иоанном Сургутским протоиерею Михаилу Путинцеву 1891 года марта 7-го дня. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 352

какое учреждение или комитет заведывают хранением капитала, ассигнованного на постройку церкви? 3) как велик в настоящее время этот капитал? 4) от кого зависит начало и дальнейшее ведение дела самой постройки?.. Я сам глубоко интересуюсь делом построения здесь нового храма, а равно и скорейшим исполнением воли покойной завещательницы, душа которой, быть может, скорбит в загробном мире и жалуется Богу на то, что её сердечное желание и предсмертное завещание замедляется исполнением»³⁶.

К этому времени были подсчитаны все банковские проценты, продано имущество Буториных (за исключением построек) и определена общая сумма пожертвования: около 50000 руб.

В 1890—1893 гг. работа, казалось бы, двигалась: был разработан проект прикладбищенской церкви³⁷; из жителей Берёзова был создан строительный комитет под началом протоиерея М.Г. Путинцева (ил. 9)³⁸; начались закупки строевого леса в с. Сартыннинском (ил. 10)³⁹, были даже предприняты шаги по объявлению в газетах Тобольской, Пермской, Томской губерний и Акмолинской области торгов подряда на строительство (ил. 11)⁴⁰... Однако это движение было слишком неспешным.

А в 1893 г. оно и вовсе прекратилось. Сначала возникла неурядица с местом для нового храма: горожане определили одно, а приезжавший из Тобольска специально для решения этого вопроса епархиальный архитектор Б.Б. Цинке — другое. Причём своё решение он оформил постановлением консистории, чем спровоцировал конфликтную ситуацию и затормозил работу (ил. 12)⁴¹. В этом же году из Берёзова уехал председатель строительного комитета протоиерей М.Г. Путинцев, без которого этот выборный орган не смог наладить свою работу. Вопрос о кладбищенской церкви — «сердечном желании и предсмертном завещании» А.К. Буториной — стал иссякать сам собой. В 1902 г. берёзовские жители даже просили разрешения «епархиального начальства» на «нецелевое использование» наследства Буториных — «ремонт и приведение в должный порядок и содержание нашего кладбища». Тобольск разрешения не дал, но и будировать вопрос о строительстве церкви тоже не стал⁴².

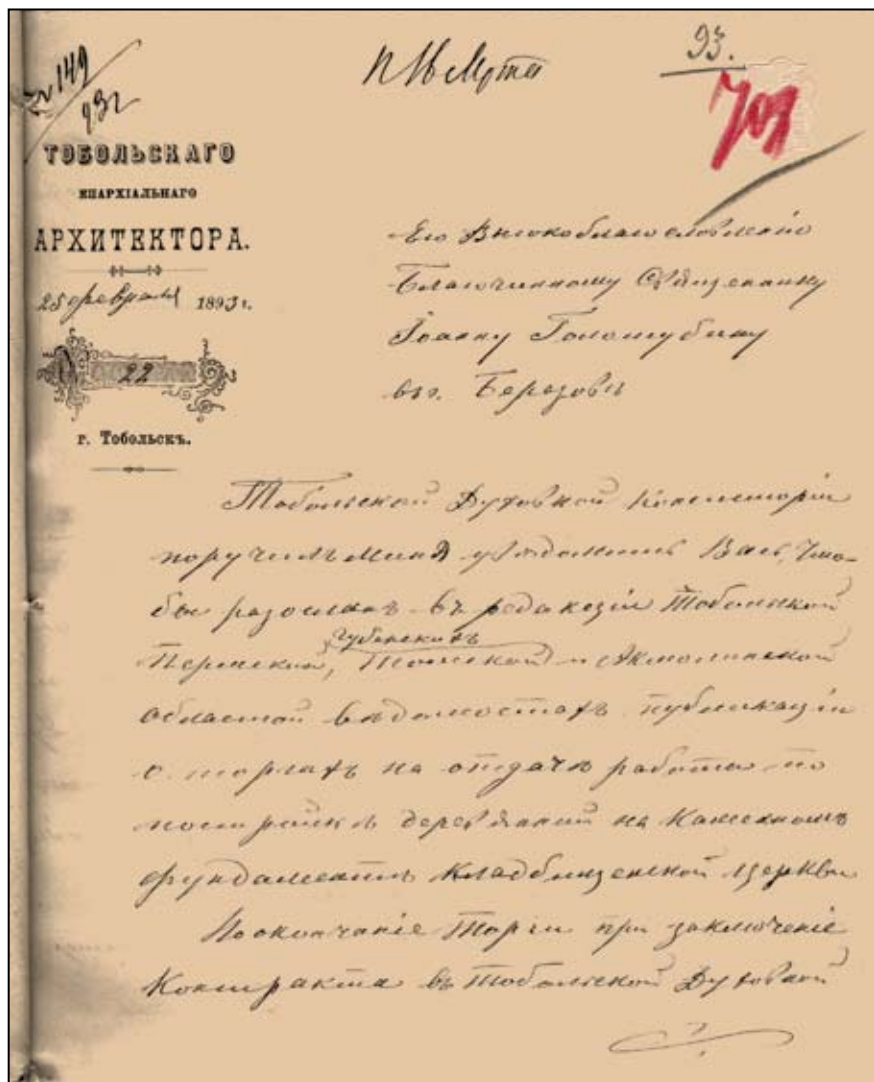
И в этой паузе в полтора десятка лет постепенно оформилась новая идея, компромиссно совмещающая социальные потребности Берёзова и волю А.К. Буториной, — возвести на завещанный капитал школу для девочек, а при школе — церковь. Действительно, открытая ещё в 1861 г. при Воскресенском соборе женская одноклассная школа давно уже нуждалась в расширении. И в 1900 г. началась подготовка к строительству нового здания школы⁴³.

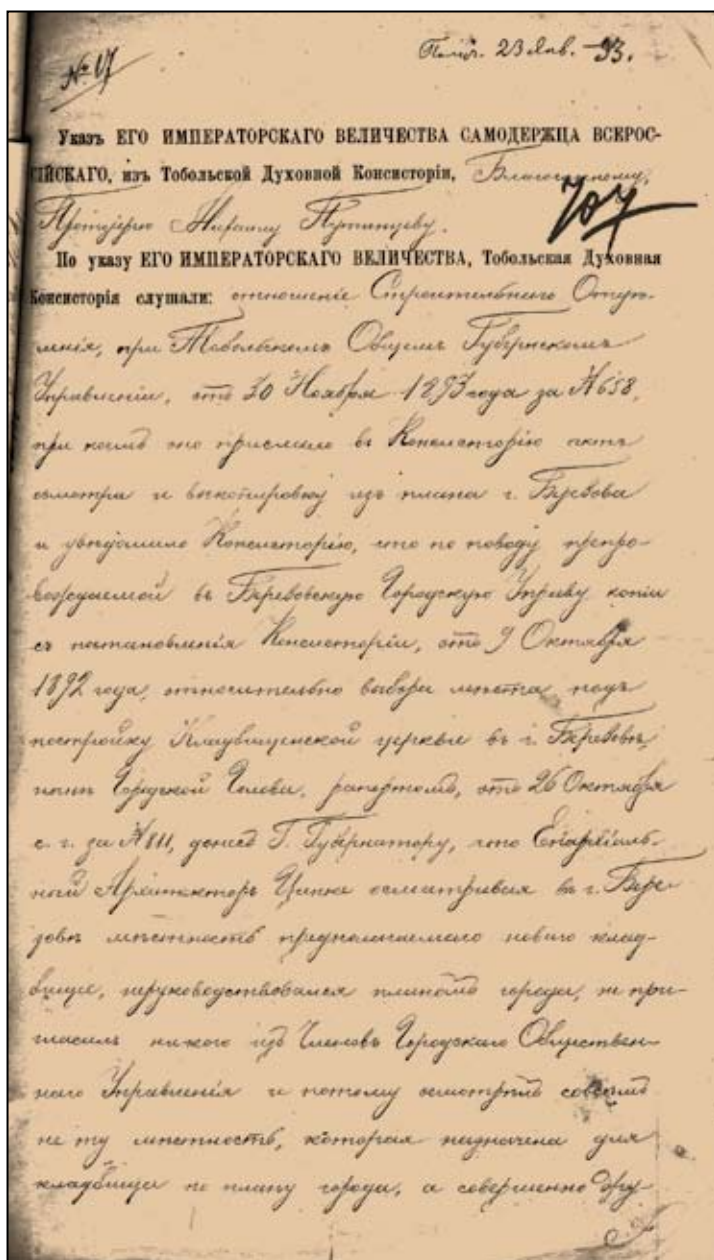
В. Н. Н. 3325
Комитет по
постройке клад-
бищенской церкви
в г. Берёзове.
Декабрь 5 числ
1892 года
№ 18
1000
Получено 5 числа
сего Декабря от 3-го часов вечера
по подводу на перевозку строевого
леса от 5 (8) декабря 1892 г. — ГУТО ГА в г. Тобольске. —
Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 264

8-го Декабря 92.
Въ Берёзовское 264
Полицейское Управление.
Комитет по постройке Клад-
бищенской церкви в г. Берёзове
имеет честь просить Берёзовское
Полицейское Управление известить
местный Город, что 9-го часа
сего Декабря с 3-го часов вечера
продвигаются по подводу на перевозку строевого
леса от 5 (8) декабря 1892 г. — ГУТО ГА в г. Тобольске. —
Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 264
на место отведенных числ сего
Декабря городская Кладбища. Местные
установки в Морской Комитет в
квартиру Седьмизна и в Овощную.
Председатель Комитета Александр Николаевич
Долгоруков, Седьмизна, Овощная

Ил. 10. Письмо Комитета по постройке кладбищенской церкви в г. Берёзове в Берёзовское полицейское управление о торгах по подряду на перевозку строевого леса от 5 (8) декабря 1892 г. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 264

Ил. 11. Письмо Тобольского епархиального архитектора Б. Цинке берёзовскому благочинному священнику И. Голошубину с просьбой опубликовать объявления о торгах на строительство кладбищенской церкви в г. Берёзове и доставке в Тобольск денежных средств для выплаты задатка победителю торгов от 25 февраля 1893 г. за № 22. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1. Д. 32. Л. 708

Ил. 12. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Тобольской духовной консистории благочинному протоиерею Михаилу Путинцеву от 1893 г. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1. Д. 32. Л. 707

Видимо, епархиальные власти понимали некорректность такого решения относительно реализации завещания А.К. Буториной. По крайней мере, в документах из консистории, как и в тексте надмогильного памятника, тоже согласованном духовными отцами из Тобольска, постройка обозначена как «церковь-школа», т.е. основной акцент сделан на культовом назначении объекта. Меж тем в светском документо-обороте и в разговорной лексике берёзовцев всегда использовалось обозначение «школа-церковь» или просто «школа», что, конечно же, более точно отражает реальность, в которой церковь функционировала ПРИ школе, а не наоборот.

Строительные работы на новом объекте растянулись на несколько лет. Кирпич изготавливали здесь же, а известь и прочие стройматериалы доставляли речным путём из Тобольска. Оттуда же привезли и мастеровых⁴⁴.

Удивительно, но дата открытия такого социально важного и по историческим меркам недавно введённого в строй объекта, как берёзовская школа-церковь, до сих пор не нашла однозначного отражения в печати и, по сути дела, остаётся неизвестной даже для подавляющего большинства историков. Разброс дат составляет два десятка лет.

Для авторов текста на установленной в Берёзове в июне 1993 г. мемориальной доске единственным источником информации служил надмогильный памятник Буториных, и потому все посетители школы вот уже два десятка лет впитывают неверную информацию: *«Здание церкви-школы для девочек построено на пожертвования есаула Берёзовской казачьей команды А.М. Буторина и А.К. Буториной в 80-е годы XIX века»* (выделено нами. — Я.Я.).

Берёзовский краевед В.В. Фарносова без ссылки на источники в своих публикациях указывает две разные даты (причём даже в пределах одной книги): 1896 г.⁴⁵ и 1906 г.⁴⁶

Её земляк П. Баушкин также без отсылки к документу остановился на 1900 г.⁴⁷

Первая из указанных публикаций В.В. Фарносовой послужила основанием указать годом открытия школы 1896 г. и в недавнем монографическом исследовании «Берёзово: историко-архитектурные очерки». Правда, авторы этой работы тут же без всякой критики указанной ими же хронологии написали, что проведённый дендрохронологический анализ кернов из деревянных перекрытий чердака показал: использованные для возведения перекрытия дерева были заготовлены не ранее 1901 г. *«...Временем окончания строительства следует считать 1901–1902 гг.»* (выделено нами. — Я.Я.), — заключают они своё исследование⁴⁸.

Из этого издания неверная цифра перекочевала в «Проект зон охраны объектов культурного наследия, находящихся в границах пгт. Берёзово ХМАО — Югры»⁴⁹.

Серьёзное издание «Берёзово: Очерки истории с древности до наших дней», подготовленное коллективом историков из Екатеринбурга, вообще обошло этот вопрос, отметив лишь, что «в 1906 г. одноклассная женская школа была преобразована в церковно-приходскую второклассную»⁵⁰.

В действительности же события развивались следующим образом. К осени 1906 г. главные строительные работы были завершены, и школа объявила о первом наборе. Это объявление в «Тобольских епархиальных ведомостях» содержит сведения не только о дате открытия, но и о статусе учебного заведения и потому заслуживает более пространный цитирования: «...С настоящего 1906/1907 учебного года в г. Берёзове в здании церкви-школы открывается женская второклассная учительская церковная школа. Курс школы шестилетний — три года в первом классе и три года во втором. В первый класс принимаются дети обоего пола неграмотные, во второй — только девицы русского и инородческого происхождения, окончившие курс в начальном сельском училище или в одноклассной церковно-приходской школе. Программа второго класса равняется приблизительно программе трёхклассной женской прогимназии с добавлением учительского курса для подготовки учащихся к занятию учительских должностей. При школе будут устроены занятия по рукоделию и домашнему хозяйству. Имеется общежитие для девочек русских и инородок... Учебные занятия начнутся с 15 сентября, но ввиду позднего открытия школы приём во второй класс в первый год будет продолжаться до 10 ноября. Окончившие курс во второклассных школах назначаются учительницами школ грамот, а при недостатке кандидаток — в церковно-приходских. Через два года службы, по сдаче сокращённого испытания, получают права православных учительниц начальных училищ»⁵¹.

Итак, занятия начались в сентябре — ноябре 1906 г., 3 декабря в школе даже провели «литературно-вокальный вечер»⁵². Однако, как это водится, начало занятий не означало окончания строительства. И поэтому через год, 9 декабря 1907 г., «вопрос о достройке школы (выделено нами. — Я.Я.) обсуждался... на заседании Тобольского епархиального училищного совета»⁵³. Очевидно, какие-то строительные и благоустроительные работы пару лет ещё велись. Возможно, заканчи-

валось сооружение домово́й церкви и трудоёмкого купола, поскольку факт приписки этой церкви к Воскресенскому собору, т.е. официальное начало служб, датируется только 1909 г.⁵⁴ И даже в 1910 г., судя по всему, здание всё ещё приводили в божеский вид. По крайней мере, в этом году только что назначенный тобольским епископом Евсевий при посещении этой школы лицезрел весьма неприглядную картину новостройки: *«Затем Владыка осматривал здание второклассной церковно-приходской женской школы и церкви при ней, кладбище, кладбищенскую часовню и Богородице-Рождественскую церковь... В школьной ограде всюду бросается в глаза оставшийся от постройки разный хлам ...кирпич и лес...»*⁵⁵.

Так что лишь через два десятилетия после смерти Буториных их капитал материализовался в виде школы-церкви!

Здесь необходимо также отметить, что первоначальный бюджет строительства составил «свыше 65000 рублей»⁵⁶. Стало быть, помимо буторинского капитала, на строительство школы были использованы средства и из других источников.

Изначально и до сих пор это здание, стоящее на пересечении нынешних улиц Ленина и Путилова, выделяется на фоне берёзовской застройки — сначала деревянной, потом безлико типовой. Высокая двухэтажная краснокирпичная постройка размерами 19,7х32,0 м, с полуподвалом внизу и с увенчанным крестом аттиком вверху притягивает взоры своим величием, создаваемым и размерами, и архитектурой, и декором.

По сути дела в школе соседствовали два образовательных учреждения (ил. 13). Так называемый первый класс — это *«образцовая одноклассная школа для девочек и мальчиков»*. В 1911 г. азы грамоты в ней постигали 42 чел., в 1913 г. — 38 чел., в 1914 г. — 30 чел., в 1915 г. — 33 чел.⁵⁷.

«Второй класс» — по нынешним меркам можно назвать педучилищем. В него принимали девушек из Берёзова и Берёзовского уезда в возрасте от 13 до 16 лет. В 1906 г. таковых было 20 чел., в 1913 г. — 30, в 1914 г. — 33, в 1915 г. — 38⁵⁸.

На втором этаже располагались учебные классы, учительская и церковь; на первом — пансион для учениц (по нынешней лексике — интернат: спальни и столовая), а также комнаты для проживания учителей; в полуподвале — кухня, прачечная и жильё прислуги.

Как уже было сказано, школьная церковь была приписана к Воскресенскому собору. Это означает, что собственного причта она не имела — службы для учащихся эпизодически проводили священники из двух других берёзовских храмов.

Ил. 13. Школа-церковь для девушек Берёзовского уезда. Снято с юго-востока. Нач. XX в. Из кн.: *Портреты городов Тобольской губернии и её обитателей. XVII – нач. XX вв.* – Тюмень: ИД «Слово», 2006. – С. 290

Ил. 14. Школа-церковь для девушек Берёзовского уезда. Снято с востока. Сер. XX в. Из кн.: *Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней).* – Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2008. – С. 297

В 1920 г. после установления советской власти в опровержение собственного лозунга «Всё лучшее — детям!» местная администрация школу закрыла, а здание забрала себе, разместив на первом этаже Берёзовский уездный исполком. Церковное имущество было передано в Вознесенскую соборную церковь. Однако вскоре хозяин сменился — документы показывают, что уже в 1923 г. на втором этаже бывшей школы обосновался народом (народный дом)⁵⁹ или, по другим данным, клуб им. Троцкого⁶⁰. И только с 1930-х гг. постройка вновь стала использоваться под школу: сначала — рабоче-крестьянской молодёжи, затем — семилетнюю, ещё позже — восьмилетнюю днём и вечернюю, соответственно, вечером (ил. 14).

В настоящее время постройку занимает начальная школа (ил. 15—17). Серьёзных перестроек за прошедшее столетие не случилось. Только в 1991 г. от удара молнии сгорел деревянный шпиль постройки, но через два года к празднествам в честь 400-летия Берёзова он был реконструирован. Появились, правда, пристройки (входной тамбур, спортзал и столовая), да печи уступили место водяному отоплению.

Здание бывшей школы-церкви с 1997 г. является объектом культурного наследия регионального значения⁶¹.

Возвращаясь к завещанию, надо отметить, что размноженная во множестве печатных изданий информация о «завещании есаула Буторина построить на его средства школу» не соответствует истине. В действительности и есаул, и его супруга передавали свои деньги церкви, а не школе⁶². В связи с этим в Берёзове даже родились легенды о том, что покойный есаул был крайне недоволен такой вольной трактовкой его совершенно конкретного завещания, и потому в построенном на буторинские капиталы здании, особенно в помещении школьной церкви, часто «чудилось». Наиболее устойчив такой сюжет: призрак есаула — высокий седобородый старик в длинном бархатном халате — появляется на широкой парадной лестнице, ведущей на второй этаж, и швыряет вниз по ступеням монеты. В связи с этим появились даже приметы, живучие до сих пор: «в этом здании ни в коем случае нельзя жить», «покидать школу следует до наступления темноты» и пр.⁶³

В 1901 г. одновременно с возведением школы-церкви благодарные жители Берёзова с благословения епископа Тобольского и Сибирского Антония «на средства комитета по постройке в г. Берёзове церкви-школы» (т.е. на средства самих же Буториных) установили на месте упокоения Александра Михайловича и Анны Кузьмовны роскошный по местным меркам каменный памятник (ил. 18—19). В эпитафии нашла

А

Б

Ил. 15. Берёзовская начальная общеобразовательная школа. Общий вид. 2008.
Фото: А.Н. Кондрашёв. А — снято с юго-востока; Б — снято с юго-запада

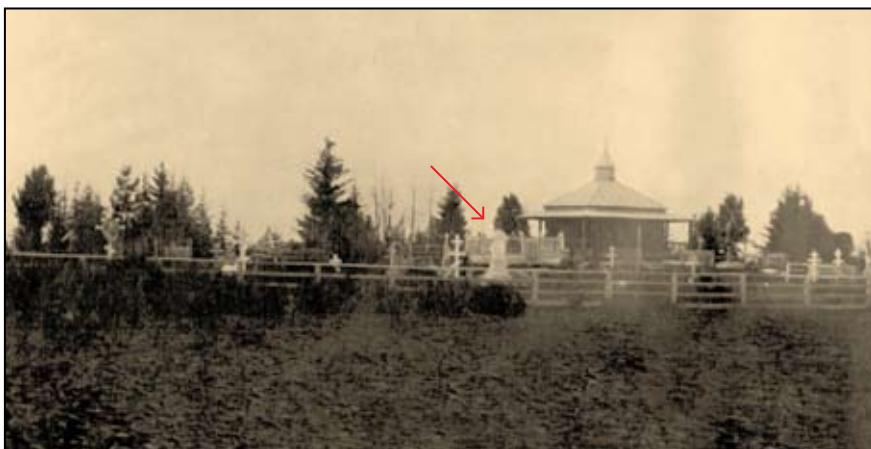
Ил. 16. Берёзовская начальная общеобразовательная школа. Оконный проём. 2008. Фото: А.Н. Кондрашёв

Ил. 17. Берёзовская начальная общеобразовательная школа. Коридор 1-го этажа. 2008. Фото: А.Н. Кондрашёв

своё место и усечённая цитата из молитвы за усопших из «Откровения Иоанна Богослова» (глава 14:13), которая в развёрнутом виде звучит так: *«И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мёртвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними»* (ил. 39). Последние слова как нельзя лучше отражают надежду Буториных, что «вслед за ними» к Высшему Суду «придут» и их благие деяния при жизни. Именно это пожелали подчеркнуть на надгробном камне благодарные потомки.

Первоначальное оформление могил, если оно было, теперь неизвестно. Ныне присутствующие цепи по периметру могил были установлены отнюдь не причтом и церковью, как завещали Буторины, а студенческим строительным отрядом в 1985 г. Тогда же был заново установлен значительно накренившийся к той поре надмогильный памятник⁶⁴.

Ил. 18. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник в интерьере кладбища. На заднем плане — часовня постройки 1840-х гг. Сн. с востока. Нач. XX в. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Ил. 19. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Фасадная плоскость (развёрнутая в сторону могил). Общий вид. Сн. с запада. 1959 г. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Анна Димитриевна Карпова
(03.02.1830. — 04.02.1863⁶⁵)
Семён Петрович Карпов
(03.02.1853. — 14.06.1906.)

В купеческое сословие Карповы выдвинулись из среды духовенства. В XVIII в. в нескольких храмах Берёзова и близлежащих населённых пунктов служили священники Карповы. Немало их потомков продолжали духовно окормлять северные приходы вплоть до нач. XX в.⁶⁶ И в XVIII же веке, судя по ревизским сказкам Тобольской казённой палаты за 1795 г., Карповы уже переходили из духовного сословия в мещанское и купеческое.

Многочисленность и генеалогическая пестрота Карповых привела к тому, что в краеведческих изысканиях нередко присутствует путаница в отношении носителей этой фамилии. Поэтому надо сразу представить двух Карповых, проживавших какое-то время в Берёзове и наиболее известных в торговом мире своего времени и в исторических документах ныне.

Иван Ильич Карпов (1848 — после 1915) — двоюродный брат Семёна Петровича Карпова. Купец, арендовавший рыбные угодья на Оби ниже Обдорска и там же, в Обдорске, осуществлявший крупномасштабную рыбороторговлю и хлеботорговлю. Отличался инициативностью в развитии своего бизнеса: первым начинал производство замши из оленьих шкур (1884—1886 гг.), первым пытался разрабатывать медную руду на Полярном Урале (1885 г.), первым обзавёлся собственным винтовым пароходом (1894 г.), первым показал кино обдорским жителям (1915 г.)... Был соучредителем, председателем и членом правления Тобольского отдела Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства (с 1907 г.), меценатом Тобольского губернского музея⁶⁷.

Фёдор Николаевич Карпов (ок. 1830—1897) — купец с крупным по провинциальным меркам капиталом в 56 тыс. руб.⁶⁸ К концу жизни его именовали «главным капиталистом берёзовским и торговцем обдорским»⁶⁹, хотя родился он в бедной семье дьякона и до предпринимательства был наёмным работником. Ф.Н. Карпов активно жертвовал деньги церквям и благотворительным фондам при жизни, а после его смерти, в 1900 г., согласно духовному завещанию, изрядная часть капиталов была передана на нужды Кушеватской, Мужевской, Обдорских (приходской и миссионерской) и Берёзовской (Воскресенской) церквей, а также на строительство в Берёзове нового каменного

собора⁷⁰. Последняя воля, правда, была нарушена. Сначала в её исполнение имел место даже сход жителей Берёзова с решением строить *«храм трёхпрдельный... главный храм собора Воскресения Христова с приделом в честь Казанской Божьей Матери и святителя Николай Мирликийского чудотворца и Фёдора святого, носителя имя завещателя Карпова»*, выбраны участки для застройки⁷¹. Однако сему решению не суждено было реализоваться: сначала случились война и революции, а потом все завещания в пользу церкви просто не имели шансов на исполнение.

Подавляющее большинство архивных документов соотносится именно с только что указанными Карповыми, а не с Семёном Петровичем, чья персоналия отражена в источниках весьма и весьма скромно. Это кажется странным, учитывая факт установки на его могиле достаточно помпезного и достаточно дорогого памятника, но это факт.

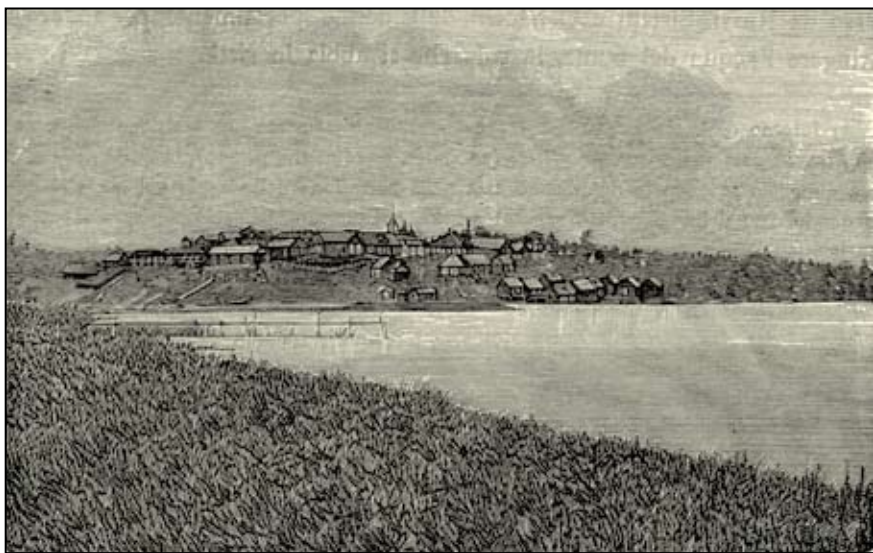
К сожалению, даже то малое, что сегодня доступно исследователям, не отличается достоверностью. Например, В.В. Фарносова совершенно справедливо указывает на неразработанность биографии С.П. Карпова⁷², оказавшегося в тени своих более известных родственников, а следом, в противоречие информации с надмогильного памятника, запутывает эту биографию: почему-то указывает годами жизни Семёна Петровича 1848—1901, искажает эпитафию⁷³.

Доподлинно известно лишь то, что С.П. Карпов был рыбопромышленником, жил в Берёзове, торговал в Кушевате⁷⁴. Это село на протяжении трёх с лишним веков было, по выражению историка В.К. Белобородова, «родным гнездом» многих Карповых, которые отпочковывались и расселялись по Нижнему Приобью (ил. 20, 21)⁷⁵.

Во второй половине 1890-х гг. он арендовал несколько рыболовных угодий: *«сор Жижинхов у летних юрт Жижинховых в протоке Жижинховой»* — у остяков юрт Жижинховых Куноватской волости, *«Кушеватскую протоку, сор Саром-Лар и остров Погор-Лар с заливами и курьями против села Кушеватского... на 4 версты»* — у остяков юрт Кушеватских⁷⁶.

Видимо, как и многие из сословия берёзовского купечества, С.П. Карпов не был чужд социальной активности. В архивных документах сохранилось немало свидетельств об его общественно полезной деятельности. Например, в 1901 г. он являлся опекуном умершего крестьянина Гудкова по распродаже его имущества⁷⁷.

Умер Семён Петрович, согласно записи в метрической книге, *«от сужения пищевода»*⁷⁸.

Ил. 20. Кушеват в пору предпринимательской деятельности в нём С.П. Карпова. Из кн.: Ahlqvist A. *Unter Wogulen und Ostiaken. Reiseberichte und ethnographische Mittheilungen.* – Helsingfors, 1883

Ил. 21. Добыча рыбы около Кушевата в пору предпринимательской деятельности в нём С.П. Карпова. Из кн.: Sommier S. *Un'Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriüni, Tatbri, Kirghnsi e Basknri.* – Turino; Roma, 1885. – P. 441

Рядом расположена могила Анны Дмитриевны Карповой, которая, по указанию того же источника, «*скончалась от простуды*»⁷⁹. С определённой долей уверенности, можно предполагать, что она приходилась матерью С.П. Карпову. В пользу этого говорят и даты жизни (она на 23 года старше Семёна Петровича), и близость могил, и единый стиль надгробных памятников. Есть документальное подтверждение — «Ревизские сказки города Берёзова и Берёзовского округа 1858 г.», — что жену Петра Семёновича Карпова (отца Семёна Петровича) звали Анной⁸⁰.

А состав следующего колена карповского рода подсказывает эпиграфия: «*Оставил... двух дочерей...*».

Старшую дочь звали Манефой. Она вышла замуж за Петра Александровича Плеханова — старшего сына Александра Степановича Плеханова, чья биография представлена ниже.

Младшая — Глафира — упомянута дважды (в 1905 и 1907 гг.) в качестве крёстной матери сыновей Петра Александровича и Манефы Петровны (то есть своих племянников). Первый раз рядом с ней в качестве крёстного отца у купели стоял Семён Петрович Карпов. До второго внука он не дожил. В 1909 г. 27-летняя Глафира вышла замуж за фельдшера Петра Ивановича Соколова.

Александр Степанович Плеханов

(24.08.1834. — 05.03.1904.)

Пантелеймон Александрович Плеханов

(...07.1882. — 05.05.1883.)

Плеханов Александр Степанович (1834—1904) — берёзовский купец 2-й гильдии. Продолжал дело своего отца Степана (Стефана) Фёдоровича Плеханова (ок. 1801 — 1865), который, в свою очередь, происходил из семьи тобольского купца Фёдора Степановича Плеханова. По смерти последнего, в 1839 г., пять его сыновей, записанные ранее в одном капитале, разделили наследство⁸¹. После этого, предположительно, двое из них — Степан (Стефан) и Василий — решили перебраться на постоянное местожительство в Берёзов. При этом первый записался в сословие купцов, а второй — мещан⁸².

Степан Фёдорович был личностью незаурядной и для сибирского Севера весьма полезной. Начать можно с замечательного факта 1837 г. о его контакте (неизвестно — личном или через третьих лиц) с будущим императором Александром II в пору сибирского вояжа по-

следнего. Тогда в Тобольской губернской гимназии была устроена выставка сибирских раритетов, среди которых *«находился клык мамонта или другого подобного ему зверя... (найден остяками в земле, около Ледовитого океана). Представлен был на выставку берёзовским купцом Степаном Плехановым. Его Высочеству благоугодно было этот клык, как редкость, взять к себе, за что пожаловал Плеханову дорогие золотые часы»*⁸³. Станным кажется именование С.Ф. Плеханова «берёзовским купцом», коль после встречи с наследником российского престола ему предстояло ещё 2 года жить в хозяйстве отца и не иметь сословной принадлежности за неимением собственного имущества. Единственное разумное объяснение этой нестыковки можно найти в том, что Е. Расторгуев своё сочинение об августейшем сибирском путешественнике, откуда взята только что приведённая цитата, написал позже, то есть в ту пору, когда С.Ф. Плеханов уже стал берёзовским купцом. Таким образом, социальный статус Степана Фёдоровича был указан не на момент выдающейся для его биографии встречи, а на момент публичного представления этой встречи в печати.

Доподлинно известна связь С.Ф. Плеханова и с другим достаточно известным (хотя бы по сибирским меркам) историческим персонажем — предводителем бунта ненцев и хантов Ваули Пиеттомином. Именно Степан Фёдорович принимал активное участие в пленении мятежного самоеда⁸⁴.

Когда случился переезд семьи Степана (Стефана) Плеханова в Берёзов, остаётся пока невыясненным. В.В. Фарносова пишет, что это произошло в 1858 г.⁸⁵ Основанием для такого вывода послужила, видимо, приводимая ею же выписка из «Ревизских сказок г. Берёзова Берёзовского округа 1858 г.», где семья Плехановых представлена так: *«Степан Фёдорович Плеханов 57 лет, его сыновья Александр 23 лет, Василий 9 лет и 6 месяцев, дочь Александра 14 лет. Жена его Анисья Михайловна 47 лет»*⁸⁶. Однако приведенная запись лишь фиксирует присутствие Плехановых в Берёзове, а не указывает на время их заселения там. Возможно, что эта семья укоренилась в устье Сосьвы и раньше. По крайней мере, специально исследующий родословную Плехановых В.К. Белобородов считает возможным предположительно отнести время отпочкования берёзовских Плехановых от тобольских к началу XIX в.⁸⁷

Женой Александра Степановича стала Елизавета Николаевна (1847—1892).

Относительно детей, их имён и дат рождения в краеведческих публикациях существует разногласие. В.В. Фарносова указывает цифру 9 и перечисляет: Пётр (без г.р.), Татьяна (1867 г.р.), Николай (1868 г.р.), Креспентия (1870 г.р.), Степан (1873 г.р. умер в младенчестве), Фёдор (1874 г.р., умер в младенчестве), Клеопатра (1874 г.р.), Фёдор (1878 г.р.), Пантеймон (1882 г.р. умер в младенчестве). Правда, она путается в числе умерших младенцев — то четыре, то три⁸⁸. В.К. Белобородов пишет только о семи плехановских отпрысках (*«трое сыновей и четыре дочери»*) и при этом приводит несколько иные имена — «Федора» вместо «Фёдор» и «Крискентия» вместо «Креспентия». Он же уточняет годы жизни первенца Петра: ок. 1865 — после 1930⁸⁹. В материалах Берёзовского краеведческого музея содержатся данные, не совпадающие с информацией ни В.В. Фарносовой, ни В.К. Белобородова. Так что вопрос о составе семьи Плехановых ещё нуждается в разработке, прежде всего — поиске новых непротиворечивых архивных источников.

Брачными узами Плехановы были связаны со многими представителями финансовой, церковной, интеллектуальной и административной элиты Берёзова той поры. Через Елизавету Николаевну эти связи выходили на Добровольских, Карповых, Ростовцевых, священника Воскресенского храма Н.М. Заборовского. Выросшие дети своими брачными узами только укрепили положение Плехановых. Например, Пётр женился на Манефе Карповой — дочери берёзовского купца 2-й гильдии С.П. Карпова (его биографические данные представлены выше)⁹⁰. А Крискентия (Клискентия, Креспентия) вышла замуж за учителя уездного училища М.К. Попова; поручителями на её свадьбе был известный купец И.К. Добровольский, окружной судья М.А. Сосунов и учитель А.Е. Егоров. В родстве с Карповыми был также берёзовский казначей В.М. Попов и другие именитые берёзовцы⁹¹.

А.С. Плеханов занимался торговлей бакалейными товарами и алкоголем. Причём поставка и реализация спиртного в Берёзовском уезде занимали, судя по всему, немалое, если не основное, место в его торговом обороте. По крайней мере, составители «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» сочли правильным поставить это направление на первое место: *«Плеханов Александр Степанович — берёзовский купец, занимался виноторговлей и продажей разных товаров (1898)»*⁹². По этой причине есть смысл остановиться на этом виде «плехановской негоции» чуть подробнее.

В XIX в. город Берёзов имел репутацию алкогольной столицы Северо-Западной Сибири. Не случайно ведь немец О. Финш, посе-

тивший Берёзов в 1876 г., назвал его «главным центром торговли водкой»⁹³. Через год то же отметил в своём путевом дневнике финн А. Алквист: *«Особенно процветает торговля вином. Его привозят с больших винокурен, расположенных в южной части губернии, и оно хранится здесь в больших зданиях, которые следует отнести к достопримечательностям города... Сбыт в Берёзове, по данным надёжных людей, ежегодно достигает 15 тыс. ведёр»*⁹⁴.

При этом качество напитков было соответствующим непритязательным вкусам обитателей сибирской глубинки. Посему понимающие толк в хорошем вине европейцы оставили о берёзовском питьёном продукте весьма нелицеприятные отзывы. Уже цитированный бременец О. Финш иронизировал: *«По дороге внимание наше было привлечено великолепную вывескою; на голубом фоне её было написано золотыми буквами «Ренский погреб». Я невольно при этом вспомнил Бремен и мысленно перенёсся в высокие внушительные комнаты «городского винного погреба». Хотя мы вообще не увидели здесь никакого погреба, а обыкновенный деревянный барак, но тем не менее могли надеяться, что бутылки настоящего вина добрались и сюда. Во всяком случае, следовало попробовать. При этом оказалось, что «Ренский погреб» не содержал в себе ни одной бутылки виноградного вина, а только русское «вино», то есть водку, и сверх того какие-то микстуры, которые продавались здесь под названием коньяка, мадеры, хереса, «шпанских вин» и т. д. За неимением лучшего пришлось нам довольствоваться и этими снадобьями...»*

Так как доктор Брем желал пополнить свой незначительный запас красного вина, мне тоже нужно было сделать кой-какие покупки, то мы и продолжали осмотр города и вполне ознакомились с ним. Арон Аронович, ссыльный, так называемый «немецкий» еврей из Одессы, отсоветовал нам искать красного вина, так как такового не имеется, что и оказалось справедливым; он очень метко заявил: *«Азе хотите пить красное вино? Пейте зе квас»*. Мы побывали во всех лавках, трактирах и харчевнях, которыми Берёзов изобилует, как главный центр торговли водкой... В этих ядовитых лавках представлялась нам не столько малоутешительная, сколько оригинальная картина»⁹⁵.

Неизвестно, относятся ли эти слова к питьёному заведению именно А.С. Плеханова, но через 12 лет после заезда немцев в Берёзов оно уже точно было в числе действующих — известен договор 1888 г. между А.С. Плехановым и М.Е. Силиным о найме последнего «приказчиком

по коммерческим делам» с обязанностями «быть при продаже вина и питья из открытого... ранее погребам»⁹⁶.

1895-м годом датирован другой документ, подтверждающий факт виноторговли А.С. Плеханова, — «О разрешении берёзовскому купцу А.С. Плеханову открыть питейное заведение в 1896 г. и ренский погреб в собственном здании с продажей вина на вынос так, чтобы никаких беспорядков и безобразий не было»⁹⁷.

Можно предполагать, что к этой поре в материальном, социальном и культурном уровне и России в целом, и Берёзова в частности произошли позитивные изменения и кто-то из жителей уже был мотивирован на потребление дорогих и хороших вин. По крайней мере, московская фирма «Виноторговля Р. Келлера и К°», предлагавшая в «Тобольских губернских ведомостях» подлинные токайские и левадийские вина, боролась за культуру потребления хороших вин на территории Югры: «Нельзя отрицать, что разные подмеси, примеси, так называемые «сдабривания вина», подслащивание, подкрашивание в большом ходу не с одной лишь целью лёгкой наживы, а в большинстве лишь с целью угодить на прихотливые, но большей частью неправильно развитые вкусы потребителей»⁹⁸. Так что А.С. Плеханову, видимо, довелось торговать уже и хорошими винами тоже.

К кон. 1990-х гг. его недвижимость оценивалась в 3050—3500 руб. и представляла собою «до 800 саженой земли, на ней большой новый дом, обшитый тёсом, с железной крышей, два флигеля, лавка и ренский погреб; отдельно во дворе кухня, баня, два корпуса амбаров, службы для скота с сеновалом, один каретник»⁹⁹.

Большой, красивый, ухоженный деревянный дом, построенный А.С. Плехановым в 1872 г. через овраг Култычный от церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы, на ул. Базарной (ныне угол улиц Ленина и Собянина), долгое время являлся украшением посёлка (ил. 22). Выполненный в форме «глаголь» с четырёхскатной покрытой жёстью крышей, он был распланирован на 10 комнат и зал, имел примыкающее крыльцо с оформлением «в стиле ампир», был обшит тёсом и украшен ажурной резьбой по карнизу в два ряда. Именно резьба по карнизу и наличникам, а также белый цвет этих декоративных элементов на фоне светло-коричневой обшивки придавали фасаду особую оригинальность, эстетическую ценность, нарядность и праздничность.

Вокруг дома располагались другие постройки — амбар, флигель, традиционные для сибирского Севера массивные ворота «под крышей»... Уютная, гармонично организованная усадьба была уничтожена, хотя

Ил. 22. Дом А.С. Плеханова. Общий вид. Снято с юго-востока. 2002. Фото: А.Н. Кондрашёв

сегодня в музеефицированном виде могла бы демонстрировать былую мощь ушедшего Берёзова в освоении и развитии Сибирского Севера, формировать привлекательный для туриндустрии образ сегодняшнего Берёзова. Этого, увы, не случилось. Теперь на месте усадьбы стоит аляповатое, помпезное, уже несколько лет пустое и никому не нужное здание ресторана «Град Берёзов».

Дольше продержался дом. После утверждения соввласти он, как и всё остальное недвижимое имущество Плехановых, был у Петра Александровича изъят и национализирован. С 1921 по 1924 г. одну половину постройки занимал уездный военкомат, вторую — ревком и уездный комитет ВКП(б). Потом была ещё череда хозяев, включая райотдел милиции. (Кстати говоря, именно в период хозяйничанья милиционеров вокруг дома появилась кованая ограда, стоящая там поныне. Вообще-то изначально она огораживала храм Рождества Пресвятой Богородицы, но «деловые» стражи порядка решили секуляризировать выморочное имущество закрытой к той поре обители¹⁰⁰). Наконец, во второй пол. XX в. здесь разместилась детская музыкальная школа. В

2006 г. обветшавшая постройка была продана частному лицу. Долголетию плехановского дома, помимо прочего, способствовал и статус выявленного объекта культурного наследия, полученный им в июне 2002 г. Однако этот статус, в конце концов, его и сгубил. В результате проведённых в 2008—2009 гг. реставрационных работ на свет появился новодел, который лишь копировал старую постройку. И приказом Госкультуохраны Югры от 22.11.2012 г. № 73-ПП статус выявленного объекта культурного наследия с нового дома был справедливо снят. Теперь в Берёзове от плехановских построек не осталось ничего — только полученное новоделом по наследству имя «Дом Плеханова».

Как и все зажиточные берёзовцы, А.С. Плеханов занимался благотворительностью, принимал активное участие в общественной жизни города. Можно сказать, что это гражданское качество в роду Плехановых было наследственным. Немало сделала для своего города тобольская ветвь рода, Степан Фёдорович отдал принадлежавший ему дом под инородческую школу в с. Сартынье и активно сотрудничал с Русским географическим обществом¹⁰¹... А среди общественно полезных деяний Александра Степановича можно назвать такие: он пожертвовал Берёзову 4000 руб., проценты с которых предназначались на содержание и лечение бедных земляков в местной больнице¹⁰²; помогал Берёзовскому уездному училищу для мальчиков; участвовал в пополнении коллекций Тобольского губернского музея¹⁰³... Необходимое дополнение к последнему факту: именно А.С. Плеханов нашёл и за год до своей смерти подарил музею знаменитую теперь и растиражированную многими изданиями картину берёзовского казака Н. Шахова, изображающую битву между инородцами¹⁰⁴.

В связи с сотрудничеством и Степана Фёдоровича, и Александра Степановича с научными и просветительскими учреждениями необходимо указать, что и младшее колено Плехановых достойно приобщалось к образованию. Так, Татьяна училась в Москве на акушерских курсах, Николай — в Екатеринбурге, Федора и Клеопатра — в Тобольской Мариинской женской школе, Фёдор — в Тобольской духовной семинарии.

А поскольку ученическая и студенческая среда в то время была пропитана антиправительственными настроениями, то неудивительно, что и Плехановы-младшие не чурались революционных идей. Их связь с берёзовскими и обдорскими ссыльными была настолько тесной, что Татьяна даже была просватана за ссыльного Распопина, и только неожиданная смерть последнего в 1888 г. избавила Плехановых от родства с государственным преступником. При этом она не избавила

главу семейства от негласного полицейского надзора, который осуществлялся с 1890 по 1893 г. Среди прочих причин основанием для тревоги полиции служило и то, что политссыльные были вхожи в дом Плехановых¹⁰⁵.

Впрочем, красивый ухоженный особняк А.С. Плеханова был широко распахнут для многих горожан. Например, 18 августа 1896 г. при отъезде любимого учениками и уважаемого взрослыми зрителя училищ Берёзовского округа В.А. Ухалова именно в доме А.С. Плеханова *«интеллигентное общество устраивало в честь отъезжающего обед и завтрак»*. Очевидец сообщал: *«...Проводы были всем городом — стар и мал в них участвовал, даже наши чернорабочие и мастеровые, то есть народ более грубый и менее чувствительный к каким-либо излишням нежных чувств, и те были поражены его внезапным отъездом... Четырнадцать простолюдинов явились гурьбой к дому купца Плеханова (где давался завтрак) почтить и проститься с отъезжающим; их, конечно, допустили. Со слезами на глазах они поднесли своему кумиру две серебряных чарки...»*¹⁰⁶.

Видимо, в силу своей набожности Александр Степанович особенно много сил и времени отдавал делам церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы, прихожанином которой являлся. В частности, в январе 1891 г. он взял на себя хлопоты по приобретению на Ирбитской ярмарке и доставке в Берёзов 40 пудов листового железа для ремонта и благоустройства этого храма¹⁰⁷. А в конце того же и в начале следующего года он был в числе активной группы прихожан, подписавших несколько обращений о замене нерадивого священника Голошубина на «доброго пастыря» — сначала в Тобольскую епархию¹⁰⁸, а когда это не возымело действия — и в Священный Синод¹⁰⁹. В 1893 г. А.С. Плеханов сделал самый крупный денежный взнос при сборе средств на постройку бани для приходского священника¹¹⁰. Неоднократно им делались пожертвования и для приобретения церковного убранства. Известно, как минимум, о трёх серебряных позолоченных ризах на иконы, приобретённых Александром Степановичем в конце 1890-х гг. за немалые по тем временам 550 руб.¹¹¹

Набожность Александра Степановича была не показной. Похоже, что и в жизни он пытался следовать божьим заповедям (разумеется, насколько это позволяла его «купеческая специализация»). Городской голова М. Мещеряков свидетельствует, что даже в голодном 1891 г., когда хлеботорговцам представилась возможность бесстыдно поднимать цены и увеличивать свой барыш, он не сделал этого: *«Берёзовским*

*мещанским обществом закуплено 800 пудов муки для беднейших местных мещан у купцов Плеханова и Окунева по 1 руб. за пуд, затем купец А.С. Плеханов цену на муку не возвышает дороже 1 руб. 20 коп. за пуд, а так как запас муки у г. П-ва очень ограниченный, то он муку отпускает исключительно городским жителям...*¹¹².

Такая активная гражданская позиция А.С. Плеханова не могла не вызывать со стороны горожан уважения. В частности, власти характеризовали его как *«человека безукоризненно честного, пользующегося общим уважением здешних граждан»*¹¹³.

И потому представляется закономерным факт избирания его в 1861 г. городским старостой¹¹⁴.

Все приведённые факты и свидетельства говорят о неординарности, социальной и гражданской активности славной семьи Плехановых.

После смерти Александра Степановича дело унаследовал его старший сын Пётр Александрович.

При советской власти «социально чуждые» дети и внуки А.С. Плеханова в полной мере хлебнули лиха: среди них были и сосланные, и расстрелянные, и погибшие на фронтах Великой Отечественной¹¹⁵.

Иван Фёдорович Гладкий

(1896—1944)

Вера Егоровна Гладкая

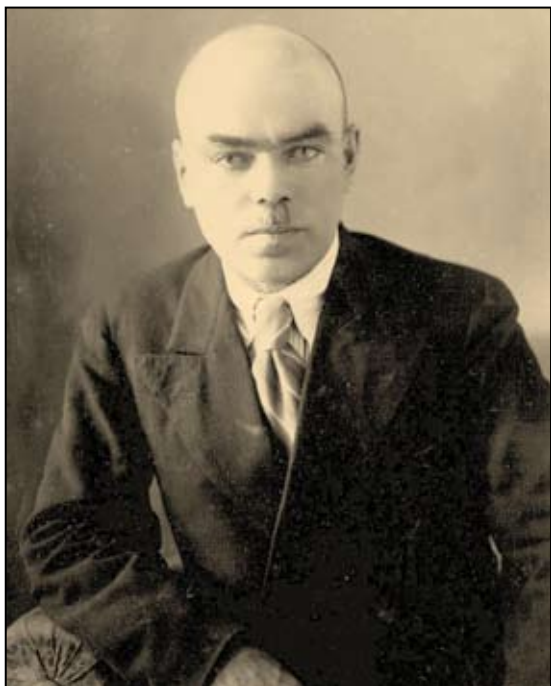
(1870—1946)

И.Ф. Гладкий родился 2 августа 1896 г. в г. Санкт-Петербурге. Там же окончил медицинский факультет университета¹¹⁶. Свою врачебную специализацию представлял как *«эпидемиолог чистой марки и частично инфекционист»*¹¹⁷ (ил. 22—25). Служил в медицинских учреждениях г. Ленинграда — сохранившиеся в Берёзовском краеведческом музее документы указывают на Государственный институт медицинских знаний, газетная публикация — на Ленинградскую областную клиническую больницу¹¹⁸ (ил. 26—33).

В 1935 г. защитил диссертацию на степень кандидата медицинских наук.

Репрессирован: 22 апреля 1937 г. исключён из рядов ВКП(б), 16 июля 1937 г. сослан из г. Ленинграда в п. Берёзов Омской области.

Для среды ленинградских коммунистов причина преследования И.Ф. Гладкого была банальной — принадлежность к троцкистам. Вот как обстоятельство этого дела представлял сам Иван Фёдорович: *«Хотя*

Ил. 23. Иван Фёдорович Гладкий. Обстоятельства, место и год съёмки неизвестны. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Ил. 24. Группа людей в военной форме. И.Ф. Гладкий — в верхнем ряду крайний справа. Обстоятельства, место и год съёмки неизвестны. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

в жизни троцкистом я никогда не был, но формальный предлог для обвинения нашёлся. И вот какой. В 1923 г. в г. Сольвычегодске на одном из партийных собраний я выступил с такой речью: «Генеральную линию партии мы должны признать правильной и резолюцию своевременной, но я боюсь, что на партсобрании мы только поговорим, а в жизнь свои решения проводить будем плохо. В письме Троцкого я не вижу какой-либо платформы, ошибки, им указываемые, могут иметь место...». Эта речь, о которой я совсем забыл, и привела к катастрофе...»¹¹⁹.

Видимо, «ссылный доктор» (как, по воспоминаниям, его называли берёзовцы) не слишком-то скрывал причину своего гонения. По крайней мере, досужие односельчане шушукались, что «он кого-то из партийного или советского начальства в 20-е годы критиковал, а в 37-м об этом вспомнили...»¹²⁰.

Вопрос о семье Гладкого, последовавшей вслед за ним по проложенной ещё декабристами дороге с берегов Невы до глухих уголков Сибири, достаточно запутан. А. Михайленко пишет: «В семье шесть человек: жена, трое детей, мать жены и сам он»¹²¹. В другом источнике называются имена: жена — Анастасия Фёдоровна Гладкая, дочери — Елена, Кира и Надежда. Но тут появляется ещё один член семьи (сын Владимир), зато не упоминается тёща¹²². По скудным данным известно, что супруга работала учительницей в Берёзовской школе, а сын, который, по одним сведениям, был пионервожатым, по другим — студентом-медиком, с началом войны был мобилизован и уже в 1941 г. погиб (по другим данным, пропал без вести).

К удивлению, ни в одной обнаруженной публикации об И.Ф. Гладком не упомянута Вера Егоровна Гладкая. А ведь именно её могила расположена рядом с могилой доктора. Именно она только на 2 года пережила его. Судя по её фамилии, отчеству и датам жизни (1870—1946), она не могла быть ни тёщей, ни дочерью, ни сестрой И.Ф. Гладкого — только матерью. Так, может быть, А. Михайленко ошибся, и на поселение в Берёзово выехала не тёща, а мать Ивана Фёдоровича?

Конечно, незаслуженное наказание, бесправие ссылного, обязанность регулярно отмечаться в комендатуре, невозможность выехать в крупный город даже для повышения квалификации унижали, оскорбляли, обижали... Эти чувства присутствовали у Ивана Фёдоровича постоянно. В феврале 1938 г. он отмечает в дневнике: «Работу люблю, без неё жизни не мыслю, но положение беспаспортного гражданина, положение бесправия угнетает»¹²³. Через месяц, 28 мая 1938 г., та же мысль по-

Ил. 25. Группа людей. И.Ф. Гладкий — сидит первым слева. 1936 г. Обстоятельства и место съёмки неизвестны. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Ил. 26. Билет № 13 Сольвычегодского уездного комитета РКП(б) на VI Сольвычегодский уездный съезд советов на имя члена фракции РКП(б) И.Ф. Гладкого. 1920 г. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Ил. 27. Билет № 5 Сольвычегодской уездной конференции РКП(б) на имя представителя Пучужской ячейки И.Ф. Гладкого. 15 января 1920 г. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Ил. 28. Делегатский билет № 22 VIII Северодвинского губернского съезда советов на имя представителя Сольвычегодского уезда И.Ф. Гладкого. 1922 г. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

вторяется в письме: «Север восхищает, удивляет, если бы не «пришлеченность» паспортом»¹²⁴. И — год спустя, 1 августа 1939 г.: «Завтра наш двухлетний юбилей — два года жизни в Берёзово. Живём всё ещё без паспортов и без реабилитации. Без реабилитации формальной. Фактически я давно уже реабилитировался своей работой... Морально я удовлетворён, но юридически я всё ещё бесправный гражданин. Много пережито за последние два года. Пережито резкое недоверие, безработица, тяжелейшие бытовые условия, открытое шельмование, шушуканье за каждым углом»¹²⁵.

Но Иван Фёдорович не смирился, а всеми доступными способами пытался отстоять своё честное имя: писал прошения о пересмотре дела, отправлял письма, в том числе Ежову и Берии, в Комиссию партийного контроля и Центральную контрольную комиссию ВКП(б), в адрес XVIII партсъезда¹²⁶... Самое главное — он не сломался. В письма другу А.В. Соколову ссыльный Гладкий с гордостью сообщал, что по Берёзову ходит с поднятой головой, так как каждый здоровается и кланяется, даже дети¹²⁷.

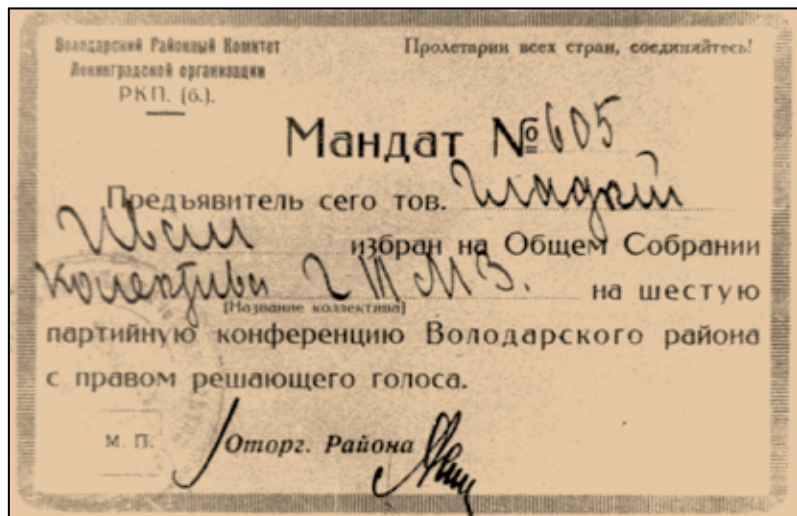
Ил. 29. Мандат № 169 VII губернского съезда Ленинградского губернского отдела союза «Медсантруд» на имя представителя Государственного института медицинских знаний И.Ф. Гладкого. 19 апреля 1926 г. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Понятно, что приветствия и поклоны надо было заслужить. В сибирских сёлах традиционным уважением, даже поклонением, вплоть до «эпохи развитого социализма» пользовались две категории жителей — врачи и учителя. И И.Ф. Гладкий не был исключением; простых сибиряков, которые в значительной своей массе были ссыльными либо потомками ссыльных, совершенно не волновало клеймо неблагонадёжного, выданное властями их доктору. Они прекрасно видели его огромную положительную роль в своей жизни. Ведь в условиях дефицита квалифицированных медицинских кадров предвоенной и военной поры тот вынужден был выполнять обязанности самых разных специалистов — хирурга, отоларинголога, акушера-гинеколога, терапевта, окулиста, паталогоанатома и пр. (ил. 34).

Несмотря на то что такая «многопрофильность» медицинской практики была вынужденной, то есть отрицательной, её результат для развития профессиональных качеств И.Ф. Гладкого оказался, наоборот, сугубо положительным. *«За два последних года я, пожалуй, нашёл себя. До Берёзова я был чистой марки профилактиком с админи-*

Ил. 30. Билет № 917 члена Ленинградского совета XI созыва на имя представителя Государственного института медицинских знаний И.Ф. Гладкого. 3 марта 1927 г. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Ил. 31. Мандат № 605 участника VI конференции Володарского районного комитета Ленинградской организации РКП(б) на имя представителя Государственного института медицинских знаний И.Ф. Гладкого. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Ил. 32. Мандат № 548 участника VII конференции Володарского районного комитета Ленинградской организации РКП(б) на имя представителя Государственного института медицинских знаний И.Ф. Гладкого. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

стративным уклоном. Теперь я переключился на больного и нахожу для себя значительно больше удовлетворения в работе...»¹²⁸.

Более того, поликлиническая практика И.Ф. Гладкого не только обусловила его профессиональное развитие. Загнанный в сибирскую глушь, но не оставивший своей привычки к аналитике доктор оценил современное ему здравоохранение, и эти оценки остаются актуальнейшими для России и сегодня — спустя три четверти века: «Организация здравоохранения, на мой взгляд, сейчас переживает определённый кризис. Везде говорят о специалистах и специальностях. Человека делят на части и считают полезным лечить эти части в надежде, что сам человек будет благодаря этому чувствовать себя лучше. Я всегда держался противоположного взгляда: лечить, прежде всего, человека; не болезнь, а больного; идти от общего к частному. Но обстановка заставляла и меня заниматься частностями, а не общими вопросами. Здесь, в Берёзове, я со всей остротой увидел, что нам ещё долго нужен будет тип общего поликлинического врача. Те, которые говорят о необходимости только узких специальностей, забывают, что на свете существуют не только Ленинград и Москва, но и много таких пунктов, как Берёзов, где насадить 10–15 специалистов просто невозможно... Здесь нужен общий врач...»¹²⁹.

Ил. 33. Гостевой билет № 372 на заседание II сессии ЦИК СССР на имя И.Ф. Гладкого. Из фондов Берёзовского краеведческого музея

Ил. 34. И.Ф. Гладкий проводит операцию в Берёзовской районной больнице. 1937–1944 гг. Из: Михайленко А. Выходные дни – для других // Краевед. Прилож. к газ. «Новости Югры». – Ханты-Мансийск, 1996. – № 8. – С. 4

Ил. 35. И.Ф. Гладкий проводит занятия с медперсоналом Берёзовской районной больницы. 1937–1944 гг. Из: Михайленко А. Выходные дни – для других // Краевед. Прилож. к газ. «Новости Югры». – Ханты-Мансийск, 1996. – № 8. – С. 5

Работал врач Гладкий самоотверженно и много. Конечно же, в первую очередь в Берёзове, куда его закинула судьба и где находились районные учреждения здравоохранения — больница и амбулатория. Вот описание только одного его рабочего дня — 23.08.1938.: *«В 8-30 пошёл в больницу, посмотрел трёх тяжело больных и побежал на приём в амбулаторию. Принял 45 человек. Закончил в 14-30. Ушёл домой, наскоро поел; вызывают в больницу — необходимо посмотреть пищевиков. До 17-30 работал в больнице, затем провёл осмотр пищевиков. Посетил больных на двух квартирах, вернулся в больницу, а здесь уже вызов на катер, где лежит больной командир. Отправился. После помещения больного в больницу около 23 часов лёг спать, а в 0-30 разбудили, надо идти в КПЗ, где есть раненый. Сколько же времени продолжался рабочий день? 17 с половиной часов напряжённой умственной работы...»*¹³⁰.

Однако границами райцентра зона ответственности врача Гладкого не ограничивалась — под его опекой находились жители всего огромного Берёзовского района. И нередко его рабочие будни выглядели так: *«Вечером вернулся в Шайтанск. Из Анеева выехал 18-го утром, под вечер вернулся в Игрим. 19.02. днём принимал больных в Игримской больнице и к вечеру уехал. По пути приехал в летние Люлюкарские юрты, где принял 12 человек, далее — в зимние, где принял 9. Утром выехал в Ванзетур, где меня ждали для осмотра нескольких тяжело больных... 22 февраля закончил осмотр школьников. 24-го вернулся в Берёзов и сразу же приступил к работе в больнице и амбулатории. Такова работа врача только за 3 дня!»*¹³¹.

Или так: *«26.10.1939. Только что приехал из Пашторских юрт... Попадать в юрты было очень трудно. Через Сосьву по льду переехали на другую сторону реки, а там до Вайсовой тащили лодку на себе. По Вайсовой поехали бечевой и на вёслах, а я пешком, и всю дорогу до юрт (40 км) пришлось брести снегом. В юртах лечил раненую девочку Лелехову и принял 70 больных. Из этих семидесяти — 32 трахоматозных! Жуть берёт. Всё население юрт заражено трахомой. Буду писать докладную записку в райздрав и настаивать на посылке в юрты, по крайней мере, на месяц, медсестры или фельдшера»*¹³².

И такие выезды были не героикой биографии провинциального доктора, а обыденностью его жизни и работы. Как подтверждение сказанного — описание новой поездки И.Ф. Гладкого, которая случилась буквально через неделю после вышеописанной: *«12.11.1939...*

С 4.11. ездил в Шухтунгорт, вернулся только сегодня... За первый день проехали километров 50 и заночевали в охотничьей избушке... Утром поехали дальше. Оказалось, что дороги нет совсем. Едем-едем и попадаем в такую чащу, что с большим трудом выбираемся. Два раза ломали нарты... Глубина снега большая. Олени идут с трудом, и был случай, когда они совсем утонули в снегу. Кое-как выбрались из этого места. Заехали на речку, но не проехали и 30 м, как два оленя провалились в воду. Лёд, оказывается, не держит... Скорее на берег в лес и ночевать. Ночевали под ёлкой. Утром дальше тронулись... Мне пришлось идти пешком, а глубина [снега] по пояс. Нет сил... Олени стали уставать и ложиться. Снова пришлось ночевать под ёлкой. Это была уже третья ночь в лесу... Олени стали совсем. А у нас нет хлеба и нет посуды, в которой можно приготовить хотя бы тёплую воду или растаять снег. Что делать? Остались опять ночевать, а проводник отправился искать ближайшие юрты... Лазарев вновь убил глухаря и пришлось есть... сырое мясо. Было ещё в резерве несколько мороженных щучек, пришлось их съесть и заедать снежком... Олени не могут идти с нартой. Пришлось запрягаться самим, тащить оленей до мхов за нартой. Тащили их километра 3–4. Наконец добрались до леса. Оленей оставили, сами пошли дальше. Только часам к 1–11 вечера добрались до человеческого жилья»¹³³.

Н.Я. Гребенщикова, занимавшая в 1944 г. должность помощника государственного санитарного инспектора Берёзовского района, вспоминала: «Шёл 1944-й год... Медицинские работники Берёзовского района прилагали все усилия, чтобы избежать распространения инфекционных заболеваний, поддерживать здоровье людей. Теперь, по прошествии почти 50 лет приходится только поражаться, как почти без лекарств, при минимальном количестве медицинских кадров удалось избежать страшного для военных лет явления – эпидемии. В этом большая заслуга и напряжённый труд главного врача Гладкого Ивана Фёдоровича...

Главным делом врача была районная больница. Рано утром он уже был на месте, всё видел, во всё вникал сам – от обхода больных до топки печей, доставки продуктов. Запомнилась его высокая требовательность к медперсоналу.

Кроме работы в больнице, Иван Фёдорович принимал сложных больных в амбулатории. Почти каждый день бывал у нас в райздравотделе, помогал нам, неопытным, словом и делом. Посоветоваться с ним можно было всегда обо всём»¹³⁴.

И.Ф. Гладкий стал поистине семейным доктором. Воспоминания — как устные, так и опубликованные — содержат немалое число конкретных примеров самого деятельного участия «милого, славного доктора» в избавлении от хворобы, в физической и моральной поддержке и даже в спасении человеческих жизней¹³⁵. Так что у опального медика были все основания записать в дневнике: *«Оказана помощь не одной тысяче людей, надеюсь, что есть довольно много людей, которые живут на белом свете благодаря моим усилиям, заботам и волнениям»*¹³⁶.

Помимо медпрактики, И.Ф. Гладкий, будучи всё же инфекционистом, не забывал и о профилактике: читал лекции и проводил беседы с населением, организовал занятия со средним медперсоналом (ил. 35), писал статьи в местные газеты. Если требовали интересы дела, не боялся вступать в открытый конфликт с местными властями. Например, 12—14 февраля 1938 г. во время посещения «Шайтанского детского городка» (непонятно — детского дома или школы-интерната) он провёл осмотр воспитанников, а потом *«созвал общее собрание воспитателей и педагогов, где сделал доклад о результатах медосмотра. Очень резко критиковал постановку воспитательной работы, т. к. ... её низкий уровень является причиной повышенной заболеваемости трахомой и кожными заболеваниями. В школе холодно, ребята в малицах. А местные власти равнодушны...»*¹³⁷.

Нередко условия берёзовской глуши заставляли его принимать нестандартные решения. Например, в 1940 г. при эпидемии кори и необходимости массовой вакцинации он заменил отсутствующую сы-воротку... родительской кровью¹³⁸.

Кроме того, И.Ф. Гладкого без преувеличения можно назвать одним из крупных организаторов здравоохранения в Югре. От районных и областных органов власти он добивался создания аптек при всех медпунктах Берёзовского района, обеспечения медицинских работников специальной литературой, создания курсов повышения квалификации среднего и низшего состава медработников, улучшения качества питьевой воды... В частности, по поводу последнего он писал в облздрав: *«Воды кругом Берёзова чрезвычайно много и, как ни странно, вода очень дорога. Воду приходится доставлять с реки, и особенно это трудно сделать в весеннюю и осеннюю бездорожную. Возчику доставать чистую воду из-за «няши» трудно, и он берёт воду у самого берега, с илом. Такую воду мы пьём. В результате много поносов и дизентерии. Несомненно, что вода — один из источников инфекции. Почему не строят на Севере колодец?»*¹³⁹.

А в конце марта 1938 г. И.Ф. Гладкий подал содержательную записку о здравоохранении в округе на пленум исполкома в Остяко-Вогульск. В ней он с тревогой указывал на распространение некоторых заболеваний (туберкулёз, ревматизм, порок сердца, глистные, трахома, дизентерия и туляремия), вскрывал причины их появления и предлагал меры по искоренению¹⁴⁰.

Подобные программные записки по развитию здравоохранения в Берёзовском районе он подавал не раз. Вот пример одной из них: *«1. Ликвидировать трахому. 2. Приступить к ликвидации туберкулёза. 3. Ликвидировать кожные болезни. 4. Всерьёз изучить причины развития описторхоза. Найти методы лечения этой тяжкой болезни. 5. При больнице поставить, наконец, дез. камеру. 6. Оборудовать амбулаторию. 7. Иметь стационарное отделение»*¹⁴¹.

Неугомонный врач даже мечтал открыть курорт в Берёзове: *«У меня «сумасшедшая» идея поставить вопрос об организации курорта около Берёзова, на Вогулке. Там есть прекрасные кедровые леса, есть и источники. Как только будет поменьше воды в Вогулке, съезжу к этим источникам, возьму пробы воды и пошлю на анализ. Если анализ даст хорошие результаты, непременно поставлю вопрос об организации курорта здесь»*¹⁴².

С началом войны ссыльный Гладкий написал заявление с просьбой направить его во фронтовой госпиталь, но получил отказ¹⁴³.

2 августа 1941 г. И.Ф. Гладкого назначили заведующим Берёзовской райбольницей. И это дало ему возможность претворить в жизнь своё понимание функций врача — бороться с причинами, а не следствиями заболеваний. По воспоминаниям жителей, *«Берёзово он делит на 15 участков (десятидворок), прикрепляя к ним медработников. Старожилы помнят, как медицинские работники проводили подворные обходы, осматривали население на педикулёз, чесотку, трахому»*¹⁴⁴.

В те времена ещё сохранялась, а условиями военной поры даже утвердилась традиция самостоятельного хозяйствования учреждений здравоохранения и образования; выражаясь казенным языком, «с опорой на собственные силы». Поэтому главврачу приходилось организовывать не только лечебный процесс, но и самые разнообразные хозяйственные работы, иногда очень далёкие от сферы его непосредственной деятельности. Так, в 1941 г. берёзовские медики под руководством своего главного врача построили санпропускник — дезокамеру (в народе её звали просто вошебойкой), которая использовалась и как баня. Отремонтировали крышу больницы и прачечную. В 1942 г. собственными

силами соорудили большую лодку (неводник) и в первый же год выловили три центнера рыбы для сдачи в Фонд обороны. Открыли «санитарный барак» (инфекционное отделение). В ноябре 1943 г. протянули от рыбозавода к больнице электрический провод (а до того оперировали при керосиновых лампах). Все эти годы сами заготавливали дрова для больницы и сено для коров, во дворе больницы разбили огород и выращивали картофель и овощи для питания больных... В 1944 г. Иван Фёдорович не без гордости написал: *«Строю для больницы ферму, дом уже заканчиваю. После сенокоса соорудим себе и скотный двор. Там же и огород. Выдвинул идею постройки подвижной бани (на плашкоуте) для рыбаков. И рыбзавод её уже строит. Это будет первая подвижная баня в области. В Берёзово собираемся строить новую баню с парилкой и пропускного типа»*¹⁴⁵.

Кстати, о дезокамере. В 1941 г. к 10-летию образования Ханты-Мансийского национального округа в Омске вышло пропагандистское издание «Возрождённый народ». В перечне результатов «повседневной заботы партии и правительства» в области здравоохранения приведена статистика вновь открытых медучреждений: «За время существования Ханты-Мансийского национального округа построен 61 корпус лечебно-профилактических учреждений, в том числе больниц — 21, поликлиник — 1, родильных домов — 2, детских яслей — 3, фельдшерско-акушерских пунктов — 21, аптек — 3, дезопункт и пр.»¹⁴⁶. То есть дезопункт на всю югорскую территорию к началу войны был единственный, и создал его именно И.Ф. Гладкий. И про другое детище Ивана Фёдоровича — аптеку — в этом образчике агитпропа тоже было упомянуто: «В Сургуте и Берёзове появились районные аптеки»¹⁴⁷. Но среди имён ведущих медработников округа для Гладкого места в этой книжонке не нашлось — причины можно не указывать, они очевидны.

Война внесла свои коррективы, уровень социальной изоляции ссыльных всё же снизился. И в июле 1944 г. И.Ф. Гладкого, к той поре уже прекрасно зарекомендовавшего себя в качестве и практикующего врача, и умелого администратора, несмотря на его бесправное положение и сомнительные перспективы на реабилитацию, пригласили в Ханты-Мансийск на должность главврача окружной больницы. А спустя немного времени последовало ещё более лестное предложение — занять место главы эпидемуправления Омской области, в которую в те годы входил Ханты-Мансийский автономный округ. Однако Иван Фёдорович с достоинством отказался, намереваясь после окончания войны начать новый этап борьбы за реабилитацию и возврат своего честного имени¹⁴⁸.

Однако до конца войны он не дожил.

В устах Р.М. Роговой, лично знавшей семью Гладкого, история его смерти в сентябре 1944 г. выглядит так: *«Врач И.Ф. Гладкий хлопотал о лекарствах перед Омском, в ту пору областным центром. И вот в сентябре 1944 г. доктор, получив лекарства, возвращался пароходом в Берёзово. Рядом шла баржа, на которой ехали ссыльные калмыцкие семьи и другие переселенцы. В пути, который длился более недели, на пароходе и барже вспыхнул тиф. Иван Фёдорович, как врач, знал масштабы этой эпидемии и сразу включился в борьбу с ней. Как говорили позднее больные, Иван Фёдорович был рядом с ними день и ночь: он делал инъекции, давал таблетки, измерял температуру, отделял детей от взрослых больных, требовал для детей и больных на стоянках молока, картошки, если нет – хлеба. И выходил всех – никто не умер.*

*А сам, вернувшись в Берёзово больным, изнурённым, умер на руках у своих близких. Горю селян не было предела. Его оплакивали все – и взрослые, и дети, и глубокие старики... Гроб с телом Ивана Фёдоровича несли на руках»*¹⁴⁹.

Говорят, что *«пока был в сознании, сам назначал себе лечение, просил жену делать записи о ходе болезни, изучая коварство её на себе»*¹⁵⁰.

История заболевания и смерти И.Ф. Гладкого постепенно превращается в легенду и, как и положено устному народному творчеству, обрастает противоречивыми деталями. Например, по другой версии, больные невольники находились не на барже, а в трюме парохода¹⁵¹. Но основная сюжетная линия остаётся неизменной.

По иронии судьбы человек, который спас от смерти очень многих людей, в трудную минуту сам оказался без врачебной помощи. Было ему тогда 48 лет. Семь из них было отдано служению жителям Берёзова и Берёзовского района.

Признательность югорчан доктору Гладкому, которая наиболее ярко проявилась при похоронах, подтверждает и его дочь Елена: *«...В юртах он снискал безграничное доверие и любовь. Это мы почувствовали в день его похорон, когда больничный двор наполнился людьми в малицах, только что приехавшими из ближайших селений... Провожали как отца родного»*¹⁵².

Когда-то И.Ф. Гладкий с горечью написал: *«Я уже и мечтать перестал. Устал. Но как хочется хоть изредка побывать в больших городах и повидать своих друзей, побеседовать с ними не только в*

письмах...»¹⁵³. Желание оказалось несбыточным — Ивану Фёдоровичу судьбой было уготовлено упокоиться в Берёзове и быть похороненным в берёзовской земле.

Реабилитации невинно осужденный И.Ф. Гладкий так и не дождался, это случилось уже после его смерти¹⁵⁴.

Как и официальное признание его заслуг. Долгое время имя Ивана Фёдоровича, так много сделавшего для Берёзова и его жителей, даже не отражалось в топонимике посёлка. И чем меньше оставалось в посёлке тех, кто знал доктора и лечился у него, тем меньше оставалось шансов на этот акт признательности. Только в 1999 г. со страниц районной газеты прозвучало соответствующее предложение — ветеран здравоохранения А. Головин призвал увековечить имя И.Ф. Гладкого в названии центральной районной больницы. Однако эту идея не поддержала главврач Л.Д. Плесовских¹⁵⁵. И в следующем 2000 г. именем «ссылного доктора» назвали одну из новых поселковых улиц¹⁵⁶. Правда, сделано это было в некорректной грамматической форме «улица Гладких». Теперь не сразу можно догадаться о связи этого берёзовского топонима с доктором Гладким, но это полбеды. Хуже, что эта ошибка теперь множится. Вот и весьма серьёзное «толстое» издание, выпущенное коллективом маститых историков к 415-летию Берёзова, уже пишет о докторе «Ф.И. Гладких», а не о докторе «Ф.И. Гладком»¹⁵⁷.

Но и это ещё не самая большая ложка дёгтя в бочке мёда памяти о Фёдоре Ивановиче. На грустные мысли наводит и заброшенное место его упокоения на берёзовском кладбище с осыпавшейся штукатуркой на кирпичной оградке, с покрытыми мхом и грязью гранитными¹⁵⁸ обелисками, с побитой фотографией, с сорняками на могилах... В прессе 14-летней давности имеются сведения, что за могилой ухаживала жительница Берёзова Л.А. Болюшина¹⁵⁹, но, видимо, что-то изменилось, ибо сегодня никаких следов ухода не видно, и общий вид могилы не соответствует публичным заявлениям о доброй памяти о докторе Гладком, как и не оправдывает надежд его дочери: *«Верю: пока живы люди его поколения и их дети, которых он лечил, его будут помнить»*¹⁶⁰. Ведь кое-кого из ныне здравствующих жителей Берёзова и Берёзовского района могло и не быть на этом свете, если бы в своё время их родителей и дедов не спас похороненный в этой запущенной могиле человек. Привести в порядок могилу Ф.И. Гладкого и его матери, исправить оскорбительную ошибку в названии улицы — это моральный долг ныне живущих берёзовцев. И почему бы всё же не воздать должное и не присвоить-таки местной больнице достойное имя Ф.И. Гладкого?

Мемориальные могилы некоторых значимых для города
персоналий, погребённых на старом кладбище Берёзова,
и образцы кладбищенской архитектуры

*Мемориальная могила и образец кладбищенской архитектуры
(есаул Берёзовской пешей команды
Александр Михайлович Буторин
и его супруга Анна Кузьмовна Буторина)*

Расположена на восточной кромке современной территории некрополя, напротив часовни.

Судя по современному оформлению участка, прежде всего оградки, надмогильный памятник установлен в восточной части могил (ил. 36).

Выполнен он в виде православной псевдочасовни — четырёхгранной призмы под двухскатной крышей. Высота — 2,29 м. Богатый декор выдержан в классическом стиле.

Материал — кварцит или сильно окварцованный мрамор¹⁶¹.

Сооружение собрано из пяти индивидуально изготовленных элементов. Снизу вверх они представляют собою следующее.

Первый ярус (основание). Прямоугольная плита с заovalенными углами. Размер — 1,00x1,10 м, высота (над уровнем современной поверхности) — 0,10 м. Верх и боковые грани полированы (ил. 36).

Второй ярус (цоколь). Форма и этого, и всех верхних ярусов повторяет прямоугольную форму основания с незначительным преобладанием одной пары сторон над другой. Более широкие плоскости развёрнуты в сторону могил — фасадная и задняя. Размер яруса — 0,71x0,83 м. Высота — 0,38 м. Верхняя его половина украшена полосой смыкающихся между собой вертикальных ромбов, выступающих над плоскостью углубленного орнаментального поля (ил. 36, 40).

Третий ярус. Размер — 0,50x0,63 м. Высота — 0,47 м. Примыкающие к рёбрам участка сопредельных плоскостей орнаментированы двумя вертикально расположенными и соединёнными друг с другом углубленными шестиугольниками, заключёнными в выступающие прямоугольные рамки. Две более широкие плоскости (фасадная и задняя) декорированы рельефными картушами, две боковые плоскости пустые. В картуш на фасадной (западной) стороне вписана цитата из молитвы за усопших из «Откровения Иоанна Богослова» (глава 14:13):

БЛАЖЕНИ МЕРТВІИ
УМИРАЮЩІИ В ГОСПОДЕ
ДА ПОЧІЮТЬ ОТЬ
ТРУДОВЪ СВОИХЪ
ДЪЛА КОИХЪ ХОДЯТЬ
ВСЛѢДЪ СЪ НИМИ
АПОК. XIV.13

В канонической форме она звучит так: «И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мёртвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (ил. 36, 39, 40).

Четвёртый ярус (часовня). Размер — 0,44х0,57 м. Высота — 1,20 м. Рёбра этого яруса оформлены горельефами, представляющими собою выступающие на три четверти пилястры со спиральными каннелюрами, базами в форме вазонов и плоскими капителями.

Ил. 36. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Общий вид. Снято с запада. 2004. Фото: А.Н. Кондрашёв

Ил. 37. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник в интерьере кладбища. Общий вид. Снято с юго-запада. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Значительную часть фасадной (западной) плоскости занимает ниша в виде арки с размерами: ширина — 0,14 м, максимальная высота — 0,41 м, глубина — 0,10 м. Ниша и её рельефное обрамление имитируют окно часовни. Под ней в технике барельефа изображена горизонтальная линия из трёх S-образных волют, замкнутая в прямоугольный картуш. Верх этого яруса скошен на боковые стороны и подведён под двухскатную крышу, которая с фасадной и задней сторон образует карнизы с фигурными фронтонами. Помимо декоративной функции, этот карниз выполнял и прагматическую — предохранял от агрессивного внешнего воздействия (дождя, солнечных лучей) содержимое ниши — свечи, иконы, цветы и т. п.

Ил. 38. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Фасадная плоскость (развёрнутая в сторону могил). Общий вид. Снято с запада. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 39. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Фасадная плоскость (развёрнутая в сторону могил). Надпись. Снято с запада. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

В глубине карниза, над верхней точкой арочной ниши размещён рельефный символ «Всевидающего Ока Господнего» в треугольнике, на котором необходимо остановиться подробнее (ил. 36).

Историк В.В. Фарносова вслед за московским архитектором И.Г. Ивановой прочитывает этот знак на надмогильном памятнике Буториных однозначно — это знак масонов. И даже гипотетически относит жителей Берёзова, чьи надгробные памятники несут такой знак, «к ложе масонов, о которых большинство из нас знают из произведений А.С. Пушкина»¹⁶². Так трактовать этот многозначный символ то же самое, что объявлять свастику «фашистским знаком».

«Всевидающее Око в иконописи и православном зодчестве сложная символика-аллегорическая композиция, символизирующая Всевидающего Бога. Появляется в русской иконографии с конца XVIII века как купольное изображение в храмах: на вершине свода или какой-либо его части. Позднее из купольного изображения переходит в изображение, выполненное на иконописной доске, как икона. Изображение проникло из католической иконографии и является неканоническим. Библейским обоснованием такого изображения являются слова: «Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его» (Пс.32:18). Также Всевидающим Оком может называться символическое изображение «Всевидающего Божьего глаза», вписанное в треугольник — не каноничный символ Троицы Божьего Бога»¹⁶³. Именно на кон. XIX — нач. XX в., когда и изготавливалось надгробье Буториных, пришёл расцвет популярности этого символа в России. Стоит лишь напомнить, что его несут на себе большинство отчеканенных в ту пору российских медалей — «В память Отечественной войны 1812 года», «За усмирение Венгрии и Трансильвании», «За защиту Севастополя», «В память войны 1853—1856 гг.», «19 февраля 1861 г.», «В память 50-летия защиты Севастополя», «В память Русско-японской войны». Списки награждённых этими медалями во много раз превосходят списочный состав всех масонов мира.

Этот же знак отлит на надгробной чугунной плите А.А. Нижегородца с Берёзовского кладбища (ил. 3).

Конечно же, масоны в случае с памятником Буториным совсем не при чём. Казак и масон («жидомасон») — вещи несовместные. Православные земляки есаула и его супруги поместили этот знак в его самом первом и незамутнённом значении. А в совокупности с помещённой на этой же стороне памятнике цитатой из «Откровения Иоанна Богослова» вся композиция получает завершённое оформление идеи об основополагающей роли земных дел, постоянно зримых Все-

вышним, для загробной судьбы человека.

Там же под карнизом, выше знака Всевидящего Ока, около конька изображена четырёхлепестковая цветочная розетка.

Левая от фасада (северная) плоскость сообщает о дате изготовления и установки надмогильного памятника (ил. 40, 41):

Ил. 40. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Левая плоскость. Общий вид. Снято с севера. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

ПАМЯТНИКЪ СЕЙ
ВОЗДВИГНУТЬ ВЪ 1901 ГОДУ
СЪ БЛАГОСЛОВЕНІЯ
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕГО
АНТОНІЯ,
ЕПИСКОПА ТОБОЛЬСКАГО
И СИБИРСКАГО
НА СРЕДСТВА КОМИТЕТА
ПО ПОСТРОЙКѢ
ВЪ Г. БЕРЕЗОВѢ
ЦЕРКВИ – ШКОЛЫ.

Ил. 41. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Левая плоскость. Надпись. Снято с севера. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Задняя (восточная) плоскость по оформлению повторяет противоположную фасадную (западную). Только на месте ниши в такой же рельефной имитации арочного окна часовни расположена информация (ил. 42, 43):

Ил. 42. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Задняя плоскость. Общий вид. Снято с востока. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

НА
ПОЖЕРТВОВАННЫЙ
А.М. и А.К.
БУТОРИНЫМИ
КАПИТАЛЬ
ВЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ
ТЫСЯЧЪ РУБЛЕЙ
УСТРОЕНО
ВЪ Г. БЕРЁЗОВЪ
КАМЕННОЕ ЗДАНИЕ
ЦЕРКВИ-ШКОЛЫ
ДЛЯ ДЕВОЧЕК И
ОБРАЗОВАНЪ ФОНДЪ
НА СОДЕРЖАНИЕ
ПРИ СЕЙ ШКОЛЬ
ОБЩЕЖИТІЯ.

Ил. 43. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Задняя плоскость. Надпись. Снято с востока. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Правая от фасада (южная) плоскость содержит надпись (ил. 44, 45):

Ил. 44. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Правая плоскость. Общий вид. Снято с юга. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

ЗДѢСЬ ПОКОИТСЯ ПРАХЪ
ЕСАУЛА БЕРЕЗОВСКОЙ
КАЗАЧЬЕЙ ПЕШЕЙ КОМАНДЫ
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА
БУТОРИНА
РОДИВШАГОСЯ
1808 ГОДА НОЯБРЯ 17
И СКОНЧАВШАГОСЯ
1888 ГОДА ЯНВАРЯ 21
И ЖЕНЫ ЕГО
АННЫ КУЗЬМОВНЫ
БУТОРИНОЙ
УРОЖЕННОЙ КОРЕПАНОВОЙ
РОДИВШЕЙСЯ
1814 ГОДА 1 ФЕВРАЛЯ
И СКОНЧАВШЕЙСЯ
1886 ГОДА МАЯ 14

Ил. 45. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильный памятник. Правая плоскость. Надпись. Снято с юга. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Пятый ярус (завершение) представляет собою стилизованную двухскатную крышу часовенки со свесами на боковые стороны. Толщина крыши — 0,14 м. Размеры скатов: длина — 0,60 м, ширина — 0,52 м. С фасадной и задней сторон сооружены фигурные фронтоны, опирающиеся на пилястры. В верхней части фронтонов, примыкающих к коньку крыши, вырезана четырёхлепестковая цветочная розетка. Фасадная плоскость карнизов представляет собою углубленную поверхность, орнаментированную рельефными четырёхконечными крестами (эмблема — греческий крест) — четыре по каждому скату. На примыкающих к коньку краях скатов с фасадной и задней сторон размещены зубчатые венчающие карнизы в виде трёхчастной короны (ил. 36, 40, 42, 44).

Во время обследования к цоколю надгробного памятника А.М. Буторина и А.К. Буториной была прислонена поставленная внаклон чугунная надгробная плита с эпитафией следующего содержания (ил. 46):

Слеза родителей могилу
оросила,
Изъ нежныхъ ихъ сердець
вздох скорбный излетелъ.
Ихъ милого птенца смерть
рано поразила,
И ихъ семейный кругъ как
бы осиротелъ.
Въ объятіяхъ земли, покой-
ся милой прахъ,
Небесная душа, ликуй на
небесахъ

Ил. 46. Старое кладбище Берёзова. Могила А.М. Буторина и А.К. Буториной. Надмогильная чугунная плита с неизвестного захоронения, приставленная к надмогильному памятнику. Снято с запада. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

На более ранних фотографиях этой плиты нет. Скорее всего, этот предмет не имеет отношения к семье Буториных и описанной могиле и происходит с заброшенной детской могилы — теперь безымянной и утраченной.

Оградка оконтуривает участок размером 2,0х2,8 см. Представляет собою две линии массивных чугунных цепей, закреплённых на восьми вкопанных либо вбитых в грунт опорных столбах из чугунной трубы диам. 89 мм. С западной стороны могил (противоположной памятнику) цепи отсутствуют, хотя наличие обломанных петель на столбах свидетельствует об их былом наличии (ил. 37, 38, 40, 41, 42, 44). По информации В.В. Фарносовой, ограждение было установлено в 1985 г. студенческим строительным отрядом¹⁶⁴.

Утраты.

Надмогильный памятник.

Фасадная плоскость:

— сколы камня в нижней части карниза на правом скате, на границе ниши, левой колонне, правой грани третьего яруса;

Задняя плоскость:

— сколы камня на гранях третьего яруса.

Правая от фасада плоскость:

— выщербины на основаниях колонн в виде вазонов.

Крышка:

— трещина на левом скате;

— утрата части среднего зубца декоративного оформления с задней стороны.

Оградка:

— ограждение из двух линий чугунных цепей с западной стороны могил.

***Мемориальная могила и образец кладбищенской архитектуры
(купец Семён Петрович Карпов)***

Две могилы — купца Семёна Петровича Карпова (севернее) и, предположительно, его матери Анны Димитриевны Карповой (южнее) — расположены в юго-восточной части современной территории кладбища, южнее могилы А.М. и А.К. Буториных, которая уникальностью памятника и расположением около входа на кладбище давно уже служит надёжным ориентиром для посетителей (ил. 1).

Могилы Карповых устроены в соответствии с сохранившейся донине русской традицией хоронить близких людей рядом. Надмогильные памятники выполнены в едином стиле и из одинакового материала (предположительно, мрамора белого или светло-серого цвета¹⁶⁵). Вполне возможно, они были изготовлены и установлены одновременно.

Скорее всего, оба памятника, как и на могиле Буториных, установлены в восточной части могил (ил. 47). Отсутствие насыпи не позволяет

утверждать это однозначно, однако ориентация ниши на памятнике С.П. Карпова в западную сторону (к могиле) достаточно убедительно подтверждает это предположение.

Памятники выполнены в распространённом в то время образе стилизованной православной часовни — в виде четырёхгранной приострénной призмы.

Памятник Семёну Петровичу ниже, его высота — 1,45 м. А вот его декоративное оформление более сложное, чем на памятнике Анны Димитриевны.

Сооружение смонтировано из трёх индивидуально изготовленных элементов.

Ил. 47. Старое кладбище Берёзова. Могилы С.П. Карпова и А.Д. Карповой. Надмогильные памятники в интерьере кладбища. Общий вид. Снято с юго-запада. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 48. Старое кладбище Берёзова. Могилы С.П. Карпова. Надмогильный памятник в интерьере кладбища. Общий вид. Снято с северо-запада. 2004. Фото: А.Н. Кондрашёв

Ил. 49. Старое кладбище Берёзова. Могила С.П. Карпова. Надмогильный памятник. Фасадная плоскость (развёрнутая в сторону могил). Общий вид. Снято с запада. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 51. Старое кладбище Берёзова. Могила С.П. Карпова. Надмогильный памятник. Левая плоскость. Общий вид. Снято с севера. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 50. Старое кладбище Берёзова. Могила С.П. Карпова. Надмогильный памятник. Фасадная плоскость (развёрнутая в сторону могил). Цоколь. Надпись. Снято с запада. 30.09.2013. Фото: Д.О. Стародумов

Ил. 52. Старое кладбище Берёзова. Могила С.П. Карпова. Надмогильный памятник. Левая плоскость. Цоколь. Надпись. Снято с севера. 30.09.2013. Фото: Д.О. Стародумов

Нижний ярус (цоколь). Прямоугольная призма с сечением 0,49х0,66 м, развёрнутая более длинной стороной к могиле. Именно эти — фасадная и задняя плоскости, более крупные по площади, — обрамлены по контуру рельефным картушем за счёт углубления центрального участка (ил. 48, 53). Боковые стороны цоколя только полированы, без дополнительного декорирования поверхности (ил. 51, 55).

Фасадная и правая стороны цоколя содержат стандартную стихотворную эпитафию из набора текстов, предлагавшихся в то время заказчикам в каменотёсных мастерских. На фасаде (с запада) — начало текста (ил. 48—50):

*Прости къ твоей могиль
опять семья твоя пришла
Чтобы поплакать над тобой
И помолиться за тебя
И эти искрення слезы
мольбы услышит
сам Творец*

На правой (северной) плоскости цоколя — окончание (ил. 55, 56):

*И ты о насъ въ своихъ
молитвахъ не забывай род-
ной отецъ Къ тебе мы Боже
прибѣгаемъ с надеждой върой
и тоской изъ глубины души*

Это краткая редакция эпитафии отцу. В полнотекстовом варианте одна из её редакций выглядит так:

*Прости, отец, к твоей могиле
Опять семья твоя пришла,
Чтобы поплакать над тобою
И помолиться за тебя.
И эти искренние слезы,
Мольбы услышит сам творец,
И ты о нас в своих молитвах
Не забывай, родной отец,
К тебе мы, Боже, прибегаем
С надеждой, верой и тоской.
Из глубины души взываем —*

*Души наши упокой.
Ей отверзи двери Рая
И нас здесь не покидай.
О, милые дети, Бога чтите,
Отца, родных и всех любите,
Что честно добро творите,
От зла, как от ада, вы бежите.
Случится горе, скорбь — терпите,
На промысл Божий не ропщите.
Вот вам в слезах на утешенье
От отца благословение¹⁶⁶.*

На задней (восточной) плоскости (в рельефном картуше, как уже было сказано выше) помещена именная информация о похороненном (ил. 53, 54):

*Подъ симъ памят. покоится
прахъ березовского 2^й гил. купца*

Семена Петровича

Карпова

*скончался 14 июня 1906 г. в 4 ½ ч.
вечера житія его 53 г. 4 м. 11 д.*

Надпись на левой (южной) плоскости цоколя индивидуальна и достаточна лична (ил. 51, 52):

*Оставилъ жену и
двухъ дочерей,
Миръ праху твоему
любезный супругъ*

Средняя (самая крупная) часть памятника стилистически повторяет архитектурные линии православного храма. На фасадной и задней сторонах рельефным кокошником стилизованно передан купол православной постройки. Помимо этого, на фасаде выбита арочная ниша, символизирующая оконный проём, и краткая молитва (ил. 48, 49, 53):

**ВО ИМЯ ОТЦА
И СЫНА И СВЯТОГО
ДУХА АМИНЬ**

Третий (верхний уровень) — это венчающая памятник призматическая капитель. Она не наложена на нижний ярус, как это имеет место на цоколе, а глубоко врезана и жёстко зафиксирована (ил. 51, 55). Её неожиданно плоская вершина, эстетически диссонирующая с общим стилем памятника, заставляет предположить изначальное наличие здесь креста, логически завершавшего псевдочасоноу, а позже утраченного.

Качество нанесения надписей невысокое. Тексты изложены неграмотно: достаточно посмотреть на небрежную разбивку строф в поэтической эпиграфике, чтобы убедиться в этом. Рельеф очень мелкий,

Ил. 53. Старое кладбище Берёзова. Могила С.П. Карпова. Надмогильный памятник. Задняя плоскость. Общий вид. Снято с востока. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 55. Старое кладбище Берёзова. Могила С.П. Карпова. Надмогильный памятник. Правая плоскость. Общий вид. Снято с юга. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 54. Старое кладбище Берёзова. Могила С.П. Карпова. Надмогильный памятник. Задняя плоскость. Цоколь. Надпись. Снято с востока. 30.09.2013. Фото: Д.О. Стародумов

Ил. 56. Старое кладбище Берёзова. Могила С.П. Карпова. Надмогильный памятник. Правая плоскость. Цоколь. Надпись. Снято с юго-востока. 30.09.2013. Фото: Д.О. Стародумов

и потому в настоящее время надписи видны очень плохо и читаются только после смачивания и при косом освещении (сравни ил.: 49 и 50, 51 и 52, 53 и 54, 55 и 56). Не удивительно, что при их публикации столь многочисленны ошибки и даже искажения¹⁶⁷.

Ныне оградки вокруг могилы нет. Её наличие в прошлом неизвестно.

Утраты.

Фасадная плоскость:

— сколы камня на правой грани и в основании среднего яруса (на углах на границе с цоколем).

Задняя плоскость:

— крупный скол камня на левом нижнем углу среднего яруса (на границе с цоколем).

*Мемориальная могила и образец кладбищенской архитектуры
(Анна Димитриевна Карпова)*

Могила Анны Димитриевны Карповой расположена южнее могилы её сына (?) — купца Семёна Петровича Карпова.

Описываемый памятник, как уже указывалось в представлении погребения С.П. Карпова, тоже выполнен, скорее всего, из белого мрамора¹⁶⁸ и опять представляет собою стилизованную православную часовню.

Высота памятника — 1,85 м (ил. 57).

И конструктивно, и декоративно он более прост, чем соседний памятник С.П. Карпову.

Во-первых, он смонтирован только из двух индивидуально изготовленных элементов — цоколя и водружённого на него собственно памятника — псевdochасовни. Во-вторых, надписи на этот раз нанесены только на цоколе. В-третьих, на верхней части памятника, в отличие от монументов на могилах Батуриных и С.П. Карпова, нет не только эпитафий, но и ниши.

Нижний ярус (цоколь) имеет почти квадратное сечение размерами 0,56х0,58 м. Все его четыре боковые плоскости полированы и оформлены одинаково — достаточно широкое обрамление фигурным картушем по границе и углубленный фон с текстом в середине (ил. 58, 60, 62, 64).

На фасадной (западной) стороне нанесена именная информация (ил. 57, 58):

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ПРАХЪ РАБЫ
БОЖІЕЙ БЕРЕЗОВСКОЙ МЕЩАНКИ
АННЫ ДИМИТРИЕВНЫ
КАРПОВОЙ,
СКОНЧАВШЕЙСЯ 4 ФЕВРАЛЯ 1863 Г.
ЖИЛА НА СЕМЪ СВѢТѢ 33 ГОДА
И 1 ДЕНЬ. ПОГРЕБЕНА ВЪ Г. БЕРЕЗОВѢ.

Ил. 57. Старое кладбище Берёзова. Могила А.Д. Карповой. Надмогильный памятник. Фасадная плоскость (развёрнутая в сторону могил). Общий вид. Снято с запада. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 58. Старое кладбище Берёзова. Могила А.Д. Карповой. Надмогильный памятник. Фасадная плоскость (развёрнутая в сторону могил). Надпись. Снято с запада. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

На остальных трёх плоскостях нанесены стихотворные эпитафии. Один ли это текст, что и на соседнем памятнике С.П. Карпову, или разные, неизвестно. С одной стороны, строфы написаны в разных стихотворных размерах, и это не позволяет объединить тексты. С другой — уровень «кладбищенских стихотворцев» и обилие ошибок, не позволяющие увидеть первоначальную редакцию, не исключают вероятности отнесения этих фрагментов к одному произведению.

На левую (северную) плоскость нанесено следующее (ил. 59, 60):

*Гдѣ ты откликнис родная
И на призыв мой больной
Ты как бывало живая
Тихо встанешь пребо мной*

Ил. 59. Старое кладбище Берёзова. Могила А.Д. Карповой. Надмогильный памятник. Левая плоскость. Общий вид. Снято с севера. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 60. Старое кладбище Берёзова. Могила А.Д. Карповой. Надмогильный памятник. Левая плоскость. Надпись. Снято с севера. 2004. Фото: А.Н. Кондрашѐв

Наяву две ошибки: надо «откликнись» (вместо «откликнис») и «предо» (вместо «пребо»). Об отсутствии знаков препинания, как и в текстах на других надмогильных памятниках, даже говорить излишне.

На задней (восточной) плоскости (ил. 61, 62):

*Прими от нас привѣтъ
последний
от друга жизни и дѣтей
Представ пред Вышняго
с молѣньемъ
Да защитит десницею своей
Сирот уж много испытавшн
Тяжолых жизненных путей.*

Ил. 61. Старое кладбище Берёзова. Могила А.Д. Карповой. Надмогильный памятник. Задняя плоскость. Общий вид. Снято с востока. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 62. Старое кладбище Берёзова. Могила А.Д. Карповой. Надмогильный памятник. Задняя плоскость. Надпись. Снято с востока. 30.09.2013. Фото: Д.О. Стародумов

Здесь тоже ошибка в написании: надо «испытавших» (вместо «испытавин»), тяжёлых (вместо «тяжолых»).

Правая (южная) плоскость цоколя снабжена следующим (ил. 63, 64):

*Покойся ты здѣсь терпеливая
Вспоминая в загробной о нас
Незаметно прошла твоя
жизн сиротливая
Рано пламен любви
в твоём сердцѣ унас*

Ил. 63. Старое кладбище Берёзова. Могила А.Д. Карповой. Надмогильный памятник. Правая плоскость. Общий вид. Снято с юга. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

Ил. 64. Старое кладбище Берёзова. Могила А.Д. Карповой. Надмогильный памятник. Правая плоскость. Надпись. Снято с юга. 30.09.2013. Фото: Д.О. Стародумов

Ошибки малограмотного каменотёса продолжают и здесь: пропущено слово «*жизни*» во второй строке; надо «*жизнь*» (вместо «*жизн*»), «*пламень*» (вместо «*пламен*») и «*угас*» (вместо «*унас*»).

Верхнему уровню, как уже было сказано, был придан вид часовни. В нижней части имеется некое подобие фундамента. Средний участок оформлен по граням прямоугольными пилястрами с простыми базами и капителями и плоскими стенами между пилястрами (ил. 57, 59, 61, 63). Выше него ступенчатым рельефом изображены кокошники с опорой на пилястры, символизирующие позакомарное завершение православного храма. Венчает псевдочасовню массивная крыша шипцовой конструкции. Её неожиданно плоское завершение, как и в случае с надмогильным памятником С.П. Карпову находящимся по-соседству, позволяет предположить наличие здесь когда-то венчающего креста.

Оградки вокруг могилы в настоящее время нет.

Утраты:

- сколы камня в северо-западном углу основания цоколя;
- сколы камня в северо-западном и северо-восточном углах основания верхнего яруса (на границе с цоколем);
- небрежные мазки синей масляной краски на всех плоскостях верхнего яруса, кроме северной (следы варварской чистки кисти после покраски оградки соседней могилы).

***Образцы кладбищенской архитектуры
(купец Александр Степанович Плеханов и его сын
Пантелеймон Александрович Плеханов)***

В данном разделе, посвящённом купцу Александру Степановичу Плеханову и его сыну Пантелеймону Александровичу Плеханову, представлены только надмогильные памятники, поскольку участки их захоронений уже утрачены.

Оба памятника расположены в северо-восточной части современной территории некрополя, севернее могилы А.М. и А.К. Буториных — ориентира для посетителей старого берёзовского кладбища (ил. 1).

Плита А.С. Плеханова лежит горизонтально на поверхности земли без всяких иных признаков могилы на этом месте. Ориентация — по линии запад—восток. Сверху она варварски перекрыта металлической оградкой вокруг могилы В.К. Фомина, умершего в 1962 г. (ил. 65).

Ил. 65. Старое кладбище Берёзова. Плита А.С. Плеханова. Современное месторасположение. Снято с востока. 30.09.2013. Фото: Д.О. Стародумов

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь

[Изображение
распятия]

[Изображение
Евангелия]

*Здесь покоится прахъ
Березовскаго 2^й гильдии купца
**Александра Степановича
Плеханова**
родившагося 24 Августа 1834 года
скончавшагося 5 Марта 1904 года
проживши в семь
мире 69 летъ
шесть месяцевъ и 11 дней
Миръ праху твоему*

Ил. 66. Старое кладбище Берёзова.
Плита А.С. Плеханова. Общий вид.
Снято с юго-востока. 30.09.2013.
Фото: Д.О. Стародумов

Расположена плита на месте своего возложения или была сдвинута и уже не фиксирует месторасположение могилы, теперь неясно.

Каменная¹⁶⁹ плита имеет прямоугольную форму: длина — 1,24 м, ширина — 0,5 м, толщина — ок. 0,1 м (ил. 66).

Вверху плиты нанесена краткая молитва, под ней — рельефные изображения православных символов — Святого Распятия (слева) и Священного Писания (справа). Размеры последнего — 0,2х0,3 м. Метрически крест сопоставим с книгой.

Плита для умершего во младенчестве сына купца Плеханова — Пантелеймона Александровича — в настоящее время расположена немного южнее только что описанной плиты. Она явно утратила связь с захоронением, поскольку находится в вертикальном положении — приставлена к дереву (ил. 67).

Ил. 67. Старое кладбище Берёзова. Плита П.А. Плеханова. Современное месторасположение. Снято с юга. 30.09.2013. Фото: Д.О. Стародумов

Материал изготовления — предположительно, гранито-гнейс¹⁷⁰. Цвет — розовый.

Плита имеет форму перевёрнутой капли с горизонтальным основанием. Размеры: ширина (внизу) — 0,41 м, толщина — 0,10 м, высота — 0,91 м (ил. 68).

Вверху вырезана та же краткая молитва, что и на камне отца, ниже — именной текст:

В отличие от некоторых других надписей на надмогильных памятниках берёзовского кладбища (тех же С.П. и А.Д. Карповых), тексты на плитах А.С. и П.А. Плехановых не содержат орфографических ошибок.

Утраты.

Плита А.С. Плеханова:

— крупный (узкий, но длинный — примерно на треть длины плиты) скол камня справа внизу.

Плита П.А. Плеханова:

— мелкие сколы камня по граням.

*Во Имя Отца и Сына и
Святаго Духа Аминь
Здесь покоится прахъ
младенца*

*Пантелеймона
сына Березовскаго купца
А.С. Плеханова
прожившего в мире
10 месяцевъ и скончавше
гося 5 Мая 1883 года*

Ил. 68. Старое кладбище Берёзова.
Плита П.А. Плеханова. Общий вид.
Снято с юга. 30.09.2013. Фото:
Д.О. Стародумов

*Мемориальная могила и образец кладбищенской архитектуры
(врач Иван Фёдорович Гладкий и его мать (?))
Вера Егоровна Гладкая)*

Две могилы — врача Ивана Фёдоровича Гладкого и его матери (?) Веры Егоровны Гладкой — расположены в восточной части современной территории кладбища.

Возможно, могилы были выкопаны рядом, но, учитывая всего лишь двухлетний разрыв в датах погребения, отсутствие свободного места для захоронения на более чем вековом к тому времени некрополе, примыкание друг к другу надмогильных памятников и общую оградку, можно смело предположить подзахоронение В.Е. Гладкой в расширенную могилу И.Ф. Гладкого.

Как и все остальные православные могилы на берёзовском кладбище, эти две тоже ориентированы по линии запад — восток, но на этот раз памятники установлены в западной части погребений, то есть развёрнуты фасадом к востоку (ил. 69).

Могильных холмов нет, рельеф плоский.

Памятники представляют собою два разноразмерных прямоугольных параллелепипеда. Материал — гранит¹⁷¹.

Более ранним по времени установки, судя по всему, является памятник с именной информацией о В.Е. Гладкой. Это массивный каменный блок с основанием 0,22х0,64 м и высотой 0,33 м (ил. 70). Снаружи к его левой (южной) половине впритык установлен памятник Ивану Фёдоровичу — это плита строгих геометрических форм с размером основания 0,08х0,45 м и высотой 0,70 м. Памятники явно не одновременны: несмотря на более раннюю смерть И.Ф. Гладкого, посвящённая ему плита была изготовлена позже и приставлена к уже имевшемуся каменному надгробию. Объясняется это популярностью врача Гладкого у благодарных жителей Берёзова и вполне естественным желанием последних обновить состояние надмогильного памятника.

Сказанное подтверждается и оформлением надписей. На плите И.Ф. Гладкого буквы вырезаны глубоким рельефом, современным шрифтом и даже сохранили в углублении остатки золотой краски:

ГЛАДКИЙ
ИВАН ФЕДОРОВИЧ
1896 – 1944

Овальная фотография на металлокерамике и вырезанная в граните веточка довершают современную кладбищенскую стилистику.

Ил. 69. Старое
кладбище Берёзова.
Могила И.Ф. Глад-
кого и В.Е. Глад-
кой. Общий вид.
13.08.2013. Фото:
Я.А. Яковлев.
А — снято с вос-
тока;
Б — снято с се-
вера;
В — снято с юго-
востока

А информация о В.Е. Гладкой нанесена на табличке из нержавеющей стали, зафиксированной на камне цементом:

ГЛАДКАЯ
ВЕРА ЕГОРОВНА
1870 – 1946

Эта табличка тоже, скорее всего, появилась не так давно — возможно, одновременно с установкой индивидуального памятника Ивану Фёдоровичу. Материал таблички, стиль шрифта, место на старом камне, композиционно гармоничное с новой плитой, — всё это говорит в пользу сказанного.

Околомогильная оградка сложена из кирпича и оштукатурена. Она ограничивает пространство размерами 1,8х3,2 м. Ширина кладки — 0,13 м, высота — 0,70 м. В восточной стене оградки около южного угла оставлен проём для прохода. По углам и в середине длинных сторон кладка «в полкирпича» для устойчивости усиливается кладкой «в кирпич». Калитки нет (ил. 69).

Утраты.

Памятник И.Ф. Гладкому:

— сильные выщербины на фотографии.

Оградка:

— осыпь штукатурки, разрушение верхнего слоя кирпича.

Ил. 70. Старое кладбище Берёзова. Могила И.Ф. Гладкого и В.Е. Гладкой. Надмогильные памятники. Снято с востока. 13.08.2013. Фото: Я.А. Яковлев

*Историко-культурная ценность объекта,
обладающего признаками объекта культурного наследия,
«Старое кладбище Берёзова»*

Бурные события XX в., сильно изменившие демографию страны в целом и Берёзова в частности, вкупе с традиционно недолгой у русских генеалогической памятью привели к тому, что нынешние жители посёлка не осознают родства с давно захороненными на кладбище людьми и не ощущают мотивации к уходу за их погребениями. Поэтому старые могилы неухожены и заброшены, в отличие от поздних, о которых пока ещё заботятся живые родственники.

Такое отношение морально уязвимо и несправедливо. Похороненные на берёзовском старом кладбище люди творили историю Сибири, а значит, и страны в целом. Их деяниями сформировано сегодняшнее социально-экономическое положение Берёзова — одного из процветающих и важных поселений Югры.

Но не только моральная обязанность защищать могилы умерших является поводом для сохранения старого кладбища Берёзова. Есть ещё и важная социальная мотивация. Логика развития и старения, если можно так выразиться, кладбища такова, что в небытие ранее других уходят могилы бедного населения — без оградок, с недолговечными деревянными крестами. Могилы, помеченные дорогостоящими каменными и металлическими надмогильными памятниками, сохраняются намного дольше. Часть их присутствует в Берёзове донныне. Но именно они и поставлены людям, игравшими первые роли в экономической и социальной жизни края. И биографии этих людей, отражением которых являются и могилы тоже, — это не только персональные данные, но и факты локальной истории. Предметом изучения некрополистики — вспомогательной исторической дисциплины — как раз и являются кладбища. Описание, изучение и сохранение последних в совокупности с данными геральдики, палеографии, эпиграфики, архитектуры, искусствоведения и других наук и вспомогательных исторических дисциплин в состоянии привести к тем достижениям в локальной истории, которые недоступны на основании изучения других видов источников. Приведённые выше биографические данные некоторых именитых жителей Берёзова, которые были уточнены на основании надписей на их надмогильных памятниках, — яркий пример сказанного.

Помимо наличия научной, художественной и источниковедческой ценности, объект, обладающий признаками объекта культурного наследия,

старое кладбище Берёзова имеет и другое основание для статуирования и включения в государственный реестр — логику развития системы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры.

По данным государственного учёта Госкультахраны Югры на 01.12.2013., на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры находится 5076 объектов культурного наследия, подлежащих государственной охране. При этом ни одного исторического кладбища, максимально аккумулирующего в себе историческую информацию, художественные пристрастия и духовные ценности местного населения, в этом перечне нет. Это несмотря на то, что и некрополи, и отдельные захоронения, согласно ст. 3 Закона Российской Федерации от 25.06.2002. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», могут быть статуированы в качестве объектов культурного наследия, и в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации такие объекты имеются. Территориально ближайшие и известные примеры — это Завальное кладбище в г. Тобольске и Текутьевское кладбище в г. Тюмени.

На территории ХМАО — Югры именно старое кладбище Берёзова имеет право первым войти в список объектов культурного наследия, поскольку только здесь могилы и редкие для северных провинций каменные образцы кладбищенской архитектуры XIX — начала XX в. присутствуют в наиболее сохранившемся и концентрированном виде. В других старожильческих населённых пунктах (Сартынье, Селярове...) подобные надмогильные памятники единичны и находятся в более плохом состоянии.

Судьба старых погребений и надмогильных памятников (образцов кладбищенской скульптуры) в Берёзове, особенно безымянных или заброшенных, вызывает большое опасение. Об этом многократно говорилось в устных выступлениях и публикациях¹⁷². Эта статья — ещё один голос в поддержку необходимости включения старого кладбища Берёзова в число объектов культурного наследия и заявка на новое направление деятельности Госкультахраны Югры.

*Рекомендации по изучению и сохранению объекта,
обладающего признаками объекта культурного наследия,
«Старое кладбище Берёзова»*

1. Дальнейшее выявление старых (XIX — начало XX в.) могил и надгробных памятников. Последние, как показывает опыт, могут быть

выявлены на месте их установки, за пределами могилы, за границами кладбища, а даже вне пгт. Берёзова.

2. Дальнейшее изучение (историческое, искусствоведческое, текстологическое) обнаруженных надгробных памятников.

3. Биографические разыскания в отношении выявленных по эпитафиям персоналий.

4. Выявление надмогильных памятников, лишённых места своей первоначальной установки, потерявших связь с могилой и в настоящее время бессистемно распределённых по территории кладбища, и сосредоточение их на специально выделенном участке с элементами экспонирования¹⁷³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приведённые подсчёты периметра и площади кладбищенского участка, а также оформление ил. 1 выполнены моим коллегой Д.О. Стародумовым. Им же сделаны некоторые фотографии. За указанную помощь выражаю ему самую искреннюю признательность.

² Свидетельство о государственной регистрации права от 12.09.2012. на часовню в пгт. Берёзове. — Частный архив А.В. Креховецкого (пгт. Берёзово Берёзовского района ХМАО — Югры).

³ Фарносова В.В. Предназначение: Статьи. Очерки. Интервью. — Екатеринбург: Сократ, 2011. — С. 104.

⁴ Указ Тобольской духовной консистории благочинному М. Путинцеву о необходимости освидетельствовать место, выбранное в г. Берёзове для постройки кладбищенской церкви // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 369. В этом и последующих случаях при привлечении документов из ГУТО ГА в г. Тобольске ссылки оформлены на публикации, хотя при работе параллельно использовались и оригиналы. Последнее стало возможным благодаря любезной и бескорыстной помощи директора архива Т. Коклягиной.

⁵ Распоряжение главы администрации п. Берёзова от 17.02.1997. № 14 «Об открытии нового кладбища в п. Берёзово».

⁶ Бакулин В.В., Фарносова В.В. Берёзово // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа — Ханты-Мансийск, 2000. — Т. 1. — С. 100.

⁷ Финш О. Путешествие в Западную Сибирь. — М., 1882. — С. 482.

⁸ Финш О. Путешествие в Западную Сибирь... — С. 478.

⁹ Финш О. Путешествие в Западную Сибирь... — С. 478.

¹⁰ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 21.

¹¹ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 20.

¹² Фарносова В.В. Предназначение... — С. 18.

¹³ Символика [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://granit-ab.ru/simvolika>

¹⁴ Надпись прочтена В.В. Фарносовой: Фарносова В.В. Предназначение... — С. 18.

¹⁵ Все нижеприведённые даты до 1918 г. указаны по старому стилю.

¹⁶ Земельный вопрос в Берёзове // Сибирский листок. — Тобольск, 1890. — 4 апр. — № 26. — С. 2; 7 апр., — № 27. — С. 1—2; То же // Сибирский листок 1890—1894 / Сост.

В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень: Мандр и Ка, 2003. — С. 107—112; [Белобородов В.К.] Инцидент на Белоярской пристани // Подорожник. — Тюмень: Мандр и Ка, 2004. — С. 63. Источник: Дело Тобольского общего губернского управления по ходатайству сургутских казаков о переселении их в станицы Сибирского казачьего войска для понесения службы. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 152. Оп. 40. Д. 10.

¹⁷ Земельный вопрос в Берёзове... — С. 107—108.

¹⁸ Список прихожан берёзовского Воскресенского собора с отметкой о принятии исповеди и причастия в Великий пост или непринятия таковых с указанием причины // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 67.

¹⁹ Белобородов В.К. Тропинки к дому. Русские берёзовского края в конце XVIII — начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном. — Тюмень: ИД «Титул», 2013. — С. 223.

²⁰ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). — Екатеринбург: ИД «СОКРАТ», 2008. — С. 204, 213, 229 и др.

²¹ Фарносова В.В. Берёзово: история и современность. — Тюмень: Мандр и Ка, 2003. — С. 109.

²² Список прихожан берёзовского Воскресенского собора... — С. 67.

²³ Постановление Берёзовского полицейского управления по делу о взыскании долга по векселю вдовой А. Буториной с купеческого сына М. Фофанова // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 169; И др.

²⁴ Список прихожан берёзовского Воскресенского собора... — С. 67.

²⁵ Указ из Тобольской духовной консистории благочинному И. Сургутскому о доставке в Консисторию сведений о результатах продажи имущества покойной А. Буториной, завещанного на строительство кладбищенской церкви в г. Берёзове, о возвращении проекта кладбищенской церкви в Консисторию и о создании комитета по строительству церкви из числа прихожан // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 178.

²⁶ «Надмогильный памятник — мемориальное надмогильное сооружение (плита, стела, обелиск, изваяние), на котором могут быть указаны фамилия, имя, отчество захороненного, даты рождения и смерти и могут быть помещены изображения трудовых, боевых и религиозных символов, а также эпитафия...» (Приказ Госстроя РФ от 10.01.2000 № 3 «Об утверждении Инструкции о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации»).

²⁷ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки: Пер. с нем. Н.В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — 178 с. — С. 80.

²⁸ Духовное завещание оставшегося есаула Берёзовской пешей казачьей команды А.М. Буторина // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 110—111.

²⁹ Опись имущества, оставшегося после смерти вдовы А.К. Буториной // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 120—121.

³⁰ Духовное завещание отставного есаула А.М. Буторина и его жены А.К. Буториной // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 111–113.

³¹ Постановление Берёзовского полицейского управления по делу о взыскании долга по векселю вдовой А. Буториной с купеческого сына М. Фофанова // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 169–170.

³² Подсчитано Я.А. Яковлевым по документу: Опись имущества, оставшегося после смерти вдовы А.К. Буториной... — С. 120–169.

³³ Духовное завещание А.К. Буториной // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 119–120.

³⁴ Переписка по поводу заявления отставного коллежского секретаря Ф.М. Буторина в Берёзовское окружное полицейское управление с просьбой выдать копии с духовных завещаний А.К. Буториной // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 171–172.

³⁵ Указ Тобольской духовной консистории благочинному И. Сургутскому по поводу строительства кладбищенской церкви в г. Берёзове // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 357–359.

³⁶ Рапорт протоиерея М. Путилова (надо: Путинцева. — Я.Я.) благочинному И. Сургутскому с просьбой объяснить берёзовскому духовенству и прихожанам причины промедления с постройкой кладбищенской церкви в г. Берёзове // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 171–172.

³⁷ Указ Тобольской духовной консистории о переделке проекта постройки каменной кладбищенской церкви г. Берёзова // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 360–361.

³⁸ Указ из Тобольской духовной консистории благочинному И. Сургутскому о доставке... — С. 178; Сдаточно-приёмная квитанция имуществу и суммам кладбищенской церкви г. Берёзова, сданным исполняющим должность благочинного священником Иоанном Сургутским протоиерею Михаилу Путинцеву 1891 года марта 7-го дня // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 361–364. Более подробно о составе и работе строительного комитета см.: Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней)... — С. 265–267.

³⁹ Письмо священника С. Шахова протоиерею Путинцеву с изложением обстоятельств закупки леса на постройку кладбищенской церкви в г. Берёзове // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 364–365.

⁴⁰ Письмо тобольского епархиального архитектора Б. Цинке благочинному священнику И. Голошубину с просьбой опубликовать объявления о торгах на строительство кладбищенской церкви в г. Берёзове и доставке в Тобольск денежных средств для выплаты задатка победителю торгов // ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1. Д. 32. Л. 708—708 (об.).

⁴¹ Указ Тобольской духовной консистории благочинному М. Путинцеву о необходимости освидетельствовать место, выбранное в г. Берёзове для постройки кладбищенской церкви // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 368—370.

⁴² Подписка прихожан берёзовского Воскресенского собора об ознакомлении с решением Тобольской консистории об отклонении их просьбы в изменении порядка использования унаследованных приходом денег // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 230.

⁴³ Сибирский листок. — Тобольск, 1900. — 6 июля.

⁴⁴ Баушкин П. Школа в Берёзове // Югра. — Ханты-Мансийск, 1998. — Октябрь — декабрь. — № 4. — С. 48.

⁴⁵ Фарносова В.В. Берёзово: история и современность... — С. 186; Фарносова В.В. Предназначение... — С. 108, 136.

⁴⁶ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 98.

⁴⁷ Баушкин П. Школа в Берёзове... — С. 48.

⁴⁸ Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Берёзово: историко-архитектурные очерки. — Красноярск: СФУ, 2010. — С. 123—126.

⁴⁹ Проект зон охраны объектов культурного наследия, находящихся в границах пгт. Берёзово ХМАО — Югры. — Нефтеюганск, 2011. — Т. 1: Пояснительная записка. — С. 107. — Архив Госкультахрани Югры.

⁵⁰ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней)... — С. 294.

⁵¹ Новая школа // Школьный листок. Приложение к Тобольским епархиальным ведомостям. — Тобольск, 1906. — 1 окт. — № 18—19. — С. 128.

⁵² Тарakanов А. Литературно-вокальный вечер в градо-Берёзовской женской второй-классной школе 3 декабря 1906 года // Школьный листок. Приложение к Тобольским епархиальным ведомостям. — Тобольск, 1907. — 16 сент. — № 18. — С. 151—153.

⁵³ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней)... — С. 294.

⁵⁴ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней)... — С. 294.

⁵⁵ Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Тобольского и Берёзовского уездов // Тобольские епархиальные ведомости. Часть официальная. — Тобольск, 1910. — 1 нояб. — № 21. — С. 496.

⁵⁶ Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительственного Синода преосвященному Антонию, епископу Тобольскому и Сибирскому 1901 года сентября 13 дня. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1. Д. 35. Л. 617—618.

⁵⁷ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней)... — С. 295.

⁵⁸ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней)... — С. 294.

⁵⁹ Фарносова В.В. Берёзово: история и современность... — С. 187.

⁶⁰ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 82.

⁶¹ Постановление губернатора ХМАО от 04.03.1997. № 89 «О постановке на государственный учёт и охрану как памятников истории и культуры окружного значения вновь выявленных объектов историко-культурного наследия ХМАО». Приложение 2, № 17.

⁶² Морозов И. Неисполненная воля Буториных // Жизнь Югры. — Берёзов, 2005. — 5 июля. — № 51.

⁶³ Баушкин П. Школа в Берёзове... — С. 48—49; Фарносова В.В. Предназначение... — С. 86, 98.

⁶⁴ Фарносова В.В. Берёзово: история и современность... — С. 186.

⁶⁵ Даты рождения высчитаны по надписям на надмогильных памятниках.

⁶⁶ Белобородов В.К. Карповы // Югра, 2012. — № 11. — С. 50—52; Белобородов В.К. Тропинки к дому... — С. 47—48.

⁶⁷ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. — Новосибирск: ВО «Наука», 1995. — Т. 2, кн. 1. — С. 171; Белобородов В.К. Карповы // Югра... — С. 52; [Белобородов В.К.]. Примечания // Сибирский листок 1895—1900 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень: Мандр и Ка, 2003. — С. 57; Белобородов В.К. Тропинки к дому... — С. 52—56, 317—318.

⁶⁸ Фарносова В.В. Предназначение: Статьи. Очерки. Интервью. — Екатеринбург: Сократ, 2011. — С. 11.

⁶⁹ Титов А. Где тонко, тут и рвётся; Обдорская ярмарка: по рассказам очевидцев и деятелей // Подорожник. — Тюмень, 2001. — С. 102.

⁷⁰ Указ Тобольской духовной консистории о распределении капитала, завещанного купцом Ф.Н. Карповым в пользу церквей Берёзовского благочиния // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 220—221; Указ Святейшего Синода епископу тобольскому и сибирскому Антонию об использовании капитала, завещанного берёзовским купцом Ф.Н. Карповым в соответствии с волей завещателя // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 227—228; Решение общего собрания жителей г. Берёзова по поводу постройки нового собора // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 234; Белобородов В.К. Тропинки к дому... — С. 51—52, 314—317.

⁷¹ Решение общего собрания жителей г. Берёзова по поводу постройки нового собора // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 234.

⁷² Фарносова В.В. Предназначение... — С. 19.

⁷³ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 19; Фарносова В.В. Примечательные берёзовские личности // Тобольск и вся Сибирь. — Тобольск, 2013. — Вып. 22: Берёзов. — С. 282.

⁷⁴ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. — Новосибирск: ВО «Наука», 1995. — Т. 2. Кн. 1. — С. 171.

⁷⁵ Белобородов В.К. Тропинки к дому... — С. 50.

⁷⁶ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. — М.: Либерия, 1995. — Т. 1:

Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. — Прилож. 1. — С. 12, 13.

⁷⁷ Донесение берёзовского купца С.М. Карпова благочинному М. Вишневному о продаже имущества умершего крестьянина А. Гудкова // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 226.

⁷⁸ Фарносова В.В. Примечательные берёзовские личности... — С. 282.

⁷⁹ Фарносова В.В. Примечательные берёзовские личности... — С. 282.

⁸⁰ Фарносова В.В. Примечательные берёзовские личности... — С. 282.

⁸¹ Софронов В.Ю. Тобольский биографический словарь. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. — С. 381; Софронов В.Ю. Культурное наследие Сибири. Биографический справочник. — Екатеринбург, 2008. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1433/2/1333097_bibliogrsprav.pdf

⁸² Белобородов В.К. Плехановы // Югра. — Ханты-Мансийск, 2003. — № 11–12. — С. 64.

⁸³ Цит. по: Школа Тобольской губернии в XVIII — начале XX вв.: Хрестоматия. — Тюмень: Вектор Бук, 2001. — Т. 1. — С. 90. См. также: Расторгуев Е. Посещение Сибири в 1837 г. Его Императорским Высочеством Государём Наследником Цесаревичем. — СПб.: Тип. Х. Гинце, 1841; То же. 2-е изд. — М.: Тип. Т. Волкова и К., 1861.

⁸⁴ Белобородов В.К. Плехановы... — С. 62.

⁸⁵ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 139, 143.

⁸⁶ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 9.

⁸⁷ Белобородов В.К. Плехановы... — С. 62.

⁸⁸ Данные взяты из: Фарносова В.В. Предназначение... На с. 10 говорится, что в семье Плехановых умерли четверо младенцев; на с. 143 перечислены трое.

⁸⁹ Белобородов В.К. Плехановы... — С. 64.

⁹⁰ Фарносова В.В. Примечательные берёзовские личности... — С. 282.

⁹¹ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 10–11.

⁹² Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. — Новосибирск: Рипэл плюс, 1997. — Т. 3, кн. 3. — С. 14.

⁹³ Финш О. Путешествие в Западную Сибирь... — С. 327.

⁹⁴ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — С. 78–79.

⁹⁵ Финш О. Путешествие в Западную Сибирь... — С. 326–327.

⁹⁶ Условие о найме берёзовского мещанина М.Е. Силина приказчиком по коммерческим делам к берёзовскому купцу А.С. Плеханову // ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1.

⁹⁷ ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 716. Оп. 1. Д. 32.

⁹⁸ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 11–12.

⁹⁹ Фарносова В.В. Предназначение... — С. 12–13, 142.

¹⁰⁰ Фарносова В.В. След прошлого. — Подорожник. Краеведческий альманах. — Тюмень, 2005. — С. 78–79.

¹⁰¹ Белобородов В.К. Плехановы... — С. 62, 63.

¹⁰² Сибирский листок. — Тобольск, 1902. — № 101.

¹⁰³ Примечания // Сибирский листок 1895–1900 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень: Мандр и Ка, 2003. — С. 574.

¹⁰⁴ Белобородов В.К. Плехановы... — С. 63—64. Репродукция акварели: Сибирские реликвии. Из собрания Тобольского музея. — Тобольск: Изд-во общественного фонда «Возрождение Тобольска», б.г. — С. 56—57.

¹⁰⁵ Белобородов В.К. Плехановы... — С. 64.

¹⁰⁶ Внутренние известия // Сибирский листок. — Тобольск, 1896. — 15 сент. — № 72. — С. 3; То же // Сибирский листок 1895—1900. / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень: Мандр и Ка, 2003. — С. 195—197.

¹⁰⁷ Прощение прихожан берёзовской Богородицерождественской церкви епископу Тобольскому и Сибирскому Иустину о замене священника Голошубина более достойным // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 187.

¹⁰⁸ Приговор прихожан берёзовской Богородицерождественской церкви о назначении другого священника вместо И. Голошубина // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 182—183; Прощение прихожан берёзовской Богородицерождественской церкви епископу тобольскому и сибирскому Иустину о замене священника Голошубина более достойным... — С. 187, 188.

¹⁰⁹ Прощение прихожан берёзовской Богородицерождественской церкви в Святейший Синод о перемещении местного священника И. Голошубина // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 189.

¹¹⁰ Подписной лист добровольных пожертвований прихожан берёзовской Богородицерождественской церкви на постройку бани при доме приходского священника // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 206.

¹¹¹ Указ Тобольской духовной консистории благочинному М. Вишневскому о награждении похвальными листами купца Плеханова и мещанина Нижегородцева за сделанные ими пожертвования в берёзовские церкви // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 219; Ведомость о лицах светского звания, пожертвовавших на украшение храма в 1899 г. по градо-берёзовской Богородицерождественской церкви // Православные приходы Берёзовского края в XIX — начале XX века (материалы для истории местных сообществ Азиатской России). — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — [Сибирский раритет. Вып. 5]. — С. 220.

¹¹² Цит. по: Белобородов В.К. Плехановы... — С. 63.

¹¹³ Примечания... — С. 574.

¹¹⁴ Белобородов В.К. Плехановы... — С. 63.

¹¹⁵ Белобородов В.К. Плехановы... — С. 64—65.

¹¹⁶ Головин А. Он отдал нам жизнь свою, нужно ли нам имя его? // Жизнь Югры. — Берёзово, 1999. — 12 мая. — № 32. — С. 1.

¹¹⁷ Гладкий И.Ф. Из дневников // Югра. — Ханты-Мансийск, 1993. — № 6. — С. 32.

¹¹⁸ Головин А. Он отдал нам жизнь свою... — С. 1.

- ¹¹⁹ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 6. — С. 31.
- ¹²⁰ Рогова Р.М. Наш милый, славный доктор // Ленинская правда. — Ханты-Мансийск, 1989. — 17 июня. — № 116—117. — С. 6; То же // Югра. — Ханты-Мансийск, 1996. — Сентябрь. — № 9. — С. 9.
- ¹²¹ Михайленко А. Выходные дни — для других // Краевед. прилож. к газ. «Новости Югры». — Ханты-Мансийск, 1996. — № 8. — С. 4—5.
- ¹²² Рогова Р.М. Наш милый, славный доктор...
- ¹²³ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 6. — С. 34.
- ¹²⁴ Гладкий И.Ф. Из дневников // Югра. — Ханты-Мансийск, 1993. — № 7. — С. 32.
- ¹²⁵ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 32.
- ¹²⁶ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 31.
- ¹²⁷ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 31.
- ¹²⁸ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 32.
- ¹²⁹ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 32.
- ¹³⁰ Бородихина Е.И. О моём отце // Югра. — Ханты-Мансийск, 1993. — № 6. — С. 30.
- ¹³¹ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 6. — С. 33.
- ¹³² Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 33.
- ¹³³ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 30.
- ¹³⁴ Гребенщикова Н.Я. Доктор Гладкий И.Ф. // Путь к коммунизму. — Берёзово, 1989. — 17 июня. — № 71, 72.
- ¹³⁵ Рогова Р.М. Наш милый, славный доктор... — С. 8—9.
- ¹³⁶ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 32.
- ¹³⁷ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 6. — С. 32.
- ¹³⁸ Головин А. Он отдал нам жизнь свою... — С. 2.
- ¹³⁹ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 30.
- ¹⁴⁰ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 6. — С. 33.
- ¹⁴¹ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 33.
- ¹⁴² Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 32.
- ¹⁴³ Бородихина Е.И. О моём отце... — С. 30—31.
- ¹⁴⁴ Головин А. Он отдал нам жизнь свою... — С. 2.
- ¹⁴⁵ Михайленко А. Выходные дни — для других... — С. 5.
- ¹⁴⁶ Возрождённый народ. К десятилетию образования Ханты-Мансийского национального округа. — Омск: Омское областное издательство, 1941. — С. 98.
- ¹⁴⁷ Возрождённый народ... — С. 100.
- ¹⁴⁸ Головин А. Он отдал нам жизнь свою... — С. 2.
- ¹⁴⁹ Рогова Р.М. Наш милый, славный доктор... — С. 9.
- ¹⁵⁰ Михайленко А. Выходные дни — для других... — С. 4.
- ¹⁵¹ Михайленко А. Выходные дни — для других... — С. 4.
- ¹⁵² Бородихина Е.И. О моём отце... — С. 30.
- ¹⁵³ Гладкий И.Ф. Из дневников... — № 7. — С. 32.
- ¹⁵⁴ Бородихина Е.И. О моём отце... — С. 31.
- ¹⁵⁵ Головин А. Он отдал нам жизнь свою... — С. 2.
- ¹⁵⁶ Распоряжение Берёзовской территории п. Берёзова ХМАО № 76-р от 30.10.2000.
- ¹⁵⁷ Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней)... — С. 331.
- ¹⁵⁸ Определение заместителя генерального директора по геологии ОАО «Ямалзолото» геолога В.В. Кенига (г. Лабитнанги ЯНАО).

- ¹⁵⁹ Головин А. Он отдал нам жизнь свою... — С. 2.
- ¹⁶⁰ Бородихина Е.И. О моём отце... — С. 30.
- ¹⁶¹ Определение заместителя генерального директора по геологии ОАО «Ямалзолото» геолога В.В. Кенига (г. Лабытнанги ЯНАО).
- ¹⁶² Фарносова В.В. Предназначение... — С. 18, 21.
- ¹⁶³ Википедия [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%F1%E5%E2%E8%E4%FF%F9%E5%E5_%CE%EA%EE
- ¹⁶⁴ Фарносова В.В. Берёзово: история и современность... — С. 186.
- ¹⁶⁵ Определение заместителя генерального директора по геологии ОАО «Ямалзолото» геолога В.В. Кенига (г. Лабытнанги ЯНАО).
- ¹⁶⁶ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://rushkolnik.ru/docs/225/index-1160962.html>
- ¹⁶⁷ Напр.: Фарносова В.В. Примечательные берёзовские личности... — С. 282.
- ¹⁶⁸ Определение заместителя генерального директора по геологии ОАО «Ямалзолото» геолога В.В. Кенига (г. Лабытнанги ЯНАО).
- ¹⁶⁹ Заместитель генерального директора по геологии ОАО «Ямалзолото» геолог В.В. Кениг (г. Лабытнанги ЯНАО), проводивший визуальный минералогический анализ, в этом случае не дал определения.
- ¹⁷⁰ Определение заместителя генерального директора по геологии ОАО «Ямалзолото» геолога В.В. Кенига (г. Лабытнанги ЯНАО).
- ¹⁷¹ Определение заместителя генерального директора по геологии ОАО «Ямалзолото» геолога В.В. Кенига (г. Лабытнанги ЯНАО).
- ¹⁷² Туров С.В. Отчёт о НИР: Берёзов: от острога до города (конец XVI — начало XX вв.) — Нефтеюганск, 2005. — Архив Госкультохраны Югры.
- ¹⁷³ Позитивный пример оригинального и эффективного решения проблемы каменных надгробий XIX — начала XX вв., потерявших связь с местом их установки, даёт г. Таганрог: для спасения таких памятников от вандализма и забвения их перевезли в закрытый двор местного художественного музея и придали им экспозиционный вид (Таганрогский художественный музей [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Angel_monument_Taganrog_Museum_of_Art.jpg?uselang=ru).

О.И. Приступа

г. Ханты-Мансийск

Музей природы и человека

Для историко-краеведческих исследований некрополистика является важным этапом изучения прошлого. В данной статье предлагается проследить историю возникновения и функционирования кладбищ с. Самарова. Самаровский ям был основан в 1637 г., и первыми его поселенцами стали ямщицкие семьи. В 1807 г. Самаровский ям был переименован в с. Самаровское, которое к XX в. стало с. Самарово.

В нач. 1930-х гг. Самарово превратилось в спутник строящейся административной столицы национального округа — п. Остяко-Вогульска. В Самарово первоначально располагалась столичная администрация. В 1940 г. столица была переименована в п. Ханты-Мансийск (с 1950 г. — город), а Самарово со временем стало микрорайоном города, историческая ценность которого переосмысливается в веке текущем.

На волне интереса к прошлому старейшей части города, а также в связи с бурными темпами строительства в Ханты-Мансийске стали актуальными темы, касающиеся памятных и исторических мест, в том числе и старинных кладбищ. Сюжеты о кладбищах и отдельных захоронениях в черте города часты в прессе, при этом субъективные мнения авторов приводятся без всякого обоснования научной литературой или архивными данными. Единственная публикация по истории кладбищ г. Ханты-Мансийска была опубликована в 2004 г. первокурсницей Югорского университета и носила скорее ознакомительный, чем научный характер¹.

Данная публикация представляет наиболее полные на сегодняшний день сведения о некрополях Самарова XVII — нач. XX в.

Некрополь на территории Никольской часовни

История Никольской часовни тесно переплетается с историей первой деревянной церкви Самаровского яма — во имя св. Николая Чудотворца. Точная дата постройки церкви не известна, но в 1651 г. Сибирский приказ по причине недостатка богослужебных книг в этом храме купил в Москве «Полууставье» и препроводил его в Самаровский ям (вероятнее всего, именно для этой церкви)². Следует полагать, что церковь во имя св. Николая Чудотворца была возведена вскоре после основания Самаровского яма, ведь культовые здания возводились русскими переселенцами в Сибирь при обустройстве нового места одними из первых.

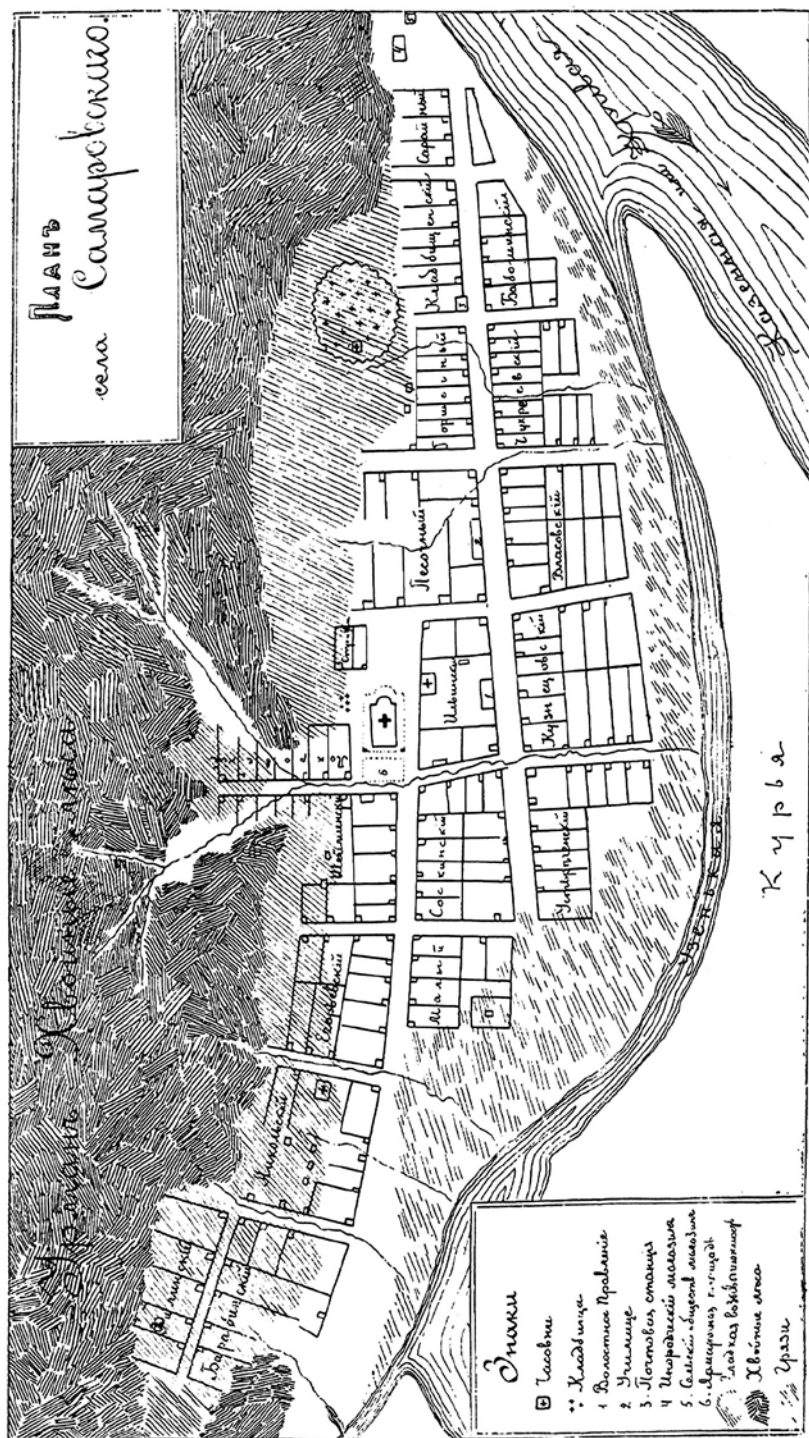
В письменных источниках тех лет (1675 г.) есть упоминание об этой церкви. Н.Г. Спафарий: *«А на яму (Самаровском. — Прим. авт.) есть 50 паёв против Демьянского яму, и прикащик на нём есть, сын боярский, послан из Тобольска, и церковь святага Николая есть...»*³.

Точное место первой церкви неизвестно, однако у Х.М. Лопарева есть данные, что заселение и застройка Самаровского яма начинались с так называемой Барабы (западная, нижняя часть Самарова)⁴. Также нет никаких указаний на то, что построенная позже другая церковь (во имя Покрова Пресвятой Богородицы) была каким-то образом приурочена к месторасположению храма во имя св. Николая Чудотворца.

Время возведения Никольской часовни (посвящена св. Николаю Чудотворцу) тоже точно не установлено. Х.М. Лопарев в своей работе указывает, что в 1728 г. *«упоминается, кроме того, ещё и часовня (Никольская), время основания которой неизвестно»*⁵. К сожалению, источник этого факта не упоминается — в работе Х.М. Лопарева нет ссылки.

Этот же автор в рассказе о плане с. Самарова, составленном неким инженером-поручиком в 1838 (39?) г., отметил, что в селе *«одна церковь (в то время — уже во имя Покрова Пресвятой Богородицы. — Прим. авт.) и одна часовня (Никольская), два кладбища: одно там, где оно стоит (в восточной части села. — Прим. авт.) и теперь другое около Никольской часовни...»*⁶. Это единственное письменное упоминание о кладбище возле Никольской часовни.

В православной традиции часовню могли ставить на месте разрушенной церкви, если последнюю по какой-либо причине не восстанавливали. Также были часовни, приписанные к храму, но в силу различных причин «оторвавшиеся» от него территориально. Часто такие

Ил. 1. План с. Самаровского, составленный М.Н. Кузнецовым. 1891 г. Из кн.: Самаровский петербуржец; письма земляков к Х.М. Лопареву. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 63

приписные часовни стояли на кладбище, где могли использоваться для отпевания.

Можно предположить, что Никольскую часовню построили после того, как первая деревянная церковь сторела или обветшала, и было принято решение возвести церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы с тремя престолами. Или часовня просто осталась от церкви во имя св. Николая Чудотворца и функционировала как типичная кладбищенская. Этим можно объяснить и посвящение культовых строений одному и тому же святому — Николаю Чудотворцу, особо почитаемому у сибиряков.

При первой церкви было образовано и первое кладбище Самаровского яма, функционировавшее примерно до 1840 г. На плане 1891 г., составленном М.Н. Кузнецовым, возле Никольской часовни кладбище уже не обозначено, а это значит, что к указанной дате оно уже не функционировало (ил. 1)⁷.

Никольская часовня за время своего существования не раз перестраивалась и была закрыта при советской власти. В 1920-х гг. культовую постройку приспособили под жилой дом. Сохранились фотографии часовни нач. XX в., современный вид часовни также многократно зафиксирован (ил. 2)⁸

Ил. 2. Вид на Никольскую часовню. Современное состояние 2010 г. Фото: О.И. Приступа

Ил. 3. Остатки погребения (фрагменты костяка и гроба), найденного возле Никольской часовни. Фото получено от А.Г. Шнайдера (жилец дома), год и автор съёмки неизвестны

Фактическим подтверждением наличия некрополя на территории часовни являются погребения, которые были найдены нынешними владельцами дома (бывшей часовни) при земляных хозяйственных работах. Со слов очевидцев, могилы находились на южной и восточной сторонах участка, прилегающего к постройке, а также в подполье под домом. Специалистам, к сожалению, удалось ознакомиться только с фотоматериалами, так как все останки были перезахоронены или выброшены. Также со слов известно, что все погребения залегали на глубине более 1,5 м. Были обнаружены фрагменты деревянных дощатых гробов (частично, возможно, ко-

Ил. 4. Нательный крест из погребения, найденного возле Никольской часовни. Фото получено от А.Г. Шнайдера (жилец дома), год и автор съёмки неизвестны

лод), нательные крестики, кованые гвозди, костяки умерших разных возрастов (ил. 3, 4).

В 2012 г. здание Никольской часовни и прилегающее к ней кладбище в составе ансамбля вошли в список объектов культурного наследия регионального значения⁹. Вопрос о переселении жильцов из дома-часовни до сих пор не нашёл решения.

Примерно с 1840 г. погребения стали совершать на новом кладбище, расположенном в восточной части села, а также возле церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

Некрополь в ограде церкви Покрова Пресвятой Богородицы

Дата постройки первой деревянной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы не установлена. Известно лишь, что до 1816 г. церковь была деревянной и пережила пожары 1743 и 1815 гг.¹⁰ В 1816 г. новая церковь Покрова Пресвятой Богородицы была отстроена уже из «камня» (точнее, из кирпича). Строительству кирпичного здания способствовал и правительственный запрет на возведение деревянных церквей.

Храм был поставлен в центре села, у подножия горы, названной позже Комиссарской. Здание обнесли каменной оградой, внутри которой,

Ил. 5. С. Самарово, церковь Покрова Пресвятой Богородицы. 1906 г. Фото: Е.В. Земцов. *Фонды Музея природы и человека*

Ил. 6. С. Самарово, церковь Покрова Пресвятой Богородицы (слева — кладбище). 1906 г. Фото: А.И. Галкин. *Фонды Музея природы и человека*

Ил. 7. Кладбище возле церкви на окраине с. Самарова. Вид с юго-востока. 1909 г. Фото: А.И. Галкин. *Фонды Музея природы и человека*

как пишет Х.М. Лопарев, обосновали кладбище «преимущественно для лиц богатых»¹¹. Х.М. Лопареву удалось переписать читаемые надписи на надгробиях, по которым устанавливается определённый хронологический промежуток функционирования этого некрополя, — 1840—1889 гг.¹² Верхняя граница — 1889 г. — не окончательная, так как сведения переписывались Хрисанфом Мефодиевичем перед выходом книги (1-е издание вышло в свет в 1896 г.). Кладбище могло функционировать, как минимум, до установления советской власти в с. Самаровском.

Ил. 8. Каменное надгробие, найденное при восстановлении церкви Покрова Пресвятой Богородицы. 2013 г. Фото: О.И. Приступа

Кладбище возле церкви зафиксировано на плане М.Н. Кузнецова за 1891 г. и на фотографиях первой трети XX в.¹³ (ил. 5, 6, 7).

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы просуществовала до 1930 г., затем была разрушена. На её месте появились различные общественные постройки.

В 1994 г. были начаты работы по восстановлению храма. В ходе строительных работ были найдены не только фундамент церкви 1816 г., но и могилы (сведения о захоронениях устные; по этим же данным, останки были перезахоронены возле церкви). В настоящее время в церковной ограде стоит надгробный камень, обнаруженный при земляных работах (ил. 8).

Кирпич от здания церкви был использован в 1930-х гг. для строительства рыбзавода и рыбоконсервного комбината. Колокола, по местной легенде, были спрятаны в земле возле церкви, где до сих пор и находятся.

Некрополь в восточной части села (верховое, на Кибре)

Восточная часть села считалась верхней (в противопоставление нижней части — Барабы) и именовалась Кибра¹⁴. Кладбище в этой стороне называлось «верховским». Сведения об этом некрополе также сохранились во многом благодаря Х.М. Лопареву. В его работе имеются данные (информация, переписанная с крестов и надгробий) о погребенных там людях¹⁵. Самые ранние погребения относятся к период 1840—1850 гг.

В 1930 г. кладбище было разрушено в связи со строительством рыбоконсервного комбината. В окружной газете «Ханты-Манчи шоп (шой)» от 7.11.1931. в заметке под названием «Там, где раньше было угрюмое кладбище» сказано: *«Там, где год тому назад на окраине Самарова, угрюмо выглядело захудалое кладбище и старые хибарки, теперь развернул свою деятельность мощный консервный комбинат...»*¹⁶.

В фондах Музея природы и человека хранится металлическая надгробная плита с могилы тобольского мещанина Матвея Яковлевича Бронникова, умершего 39 лет от роду в 1843 г. (ил. 9). Она была найдена жителем Самарова в земле, в районе рыбокомбината (так старожилы называют место, где располагались рыбоконсервный цех и рыбокомбинат).

После разрушения кладбища, кроме производственных построек, на его месте выросли жилые дома. И сегодня здесь находится большой

Ил. 9. Надгробная металлическая плита, найденная в районе рыбзавода в Самарове. 2014 г. Фото: О.И. Приступа. *Фонды Музея природы и человека*

частный сектор, от старожилов которого можно услышать рассказы о найденных в земле на своих участках остатках гробов.

На этом кладбище была также поставлена часовня во имя Всех святых. Она упоминается в ведомости о Самаровской Покровской церкви за 1917 г.: «16) Приписанных к сей церкви церквей нет, часовен четыре: во имя пророка Божия Илии; во имя «Всех святых» на кладбище; в предместье «Барабы» во имя святого Николая, архиепископа Мирликийского»¹⁷.

Эта часовня, как и само кладбище, обозначена на плане Кузнецова 1891 г. Сохранились фотографии, на которых можно увидеть место расположения этого кладбища. На заднем плане села, в восточной части виднеются могильные кресты (ил. 10, 11). Расположение

«верховского» кладбища соответствует и вышеуказанному плану, и рассказам самаровских старожилов.

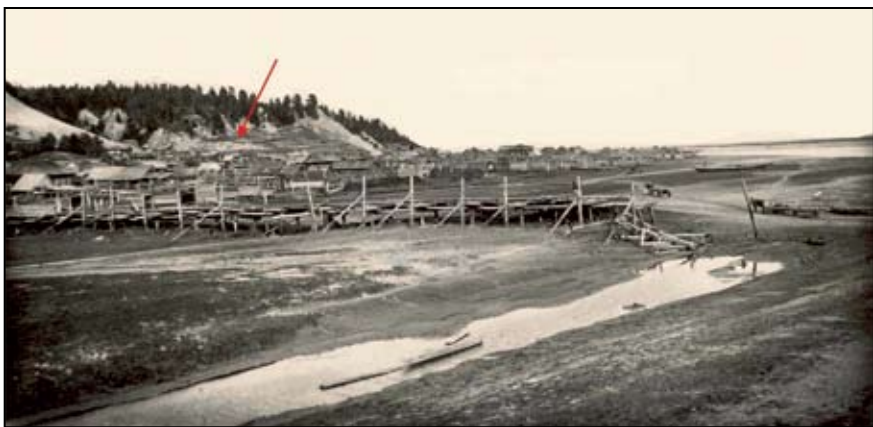
Некрополь в западной части села (низовое, на Барабе)

Сведения о кладбище в конце Барабы (сегодня — район горнолыжного спуска «Урманый») довольно противоречивы. Из фактических свидетельств имеется одно захоронение, находящееся на границе с трассой и поныне. Речь идет о могиле Ф.А. Зеленского (1885—1931). Все остальные сведения — устные, недокументированные. Нет упоминаний о таком некрополе в краеведческой литературе. Неизвестна достоверная информация о кладбище на Барабе краеведам и старожилам Самарова.

Напрашивается вывод, что кладбища здесь не было или оно функционировало очень короткое время. Могли быть единичные захоронения, например, связанные со ссылкой и спецпереселением. Самарово

Ил. 10. С. Самарово (справа, под красной стрелкой — кладбище). 1909 г. Фото: А.И. Галкин. Фонды Музея природы и человека

Ил 11. С. Самарово (справа, под красной стрелкой — кладбище). 1928 г. Автор неизвестен. Из электронного ресурса, режим доступа: <http://ugrainform.ru/materials/ugra/71263/>

с 1930-х гг. стало местом приёма ссыльных, которые работали на строительстве дороги из Самарова в Остяко-Вогульск, рыбокомбината и рыбоконсервного цеха.

От ныне живущих старожилов известно, что с нач. 1930-х гг. умерших стали хоронить на Южном кладбище, которое было закрыто в 1990-х гг.

Таким образом, до 1930-х гг. в Самарове достоверно функционировали три кладбища:

- возле Никольской часовни,
- возле церкви Покрова Пресвятой Богородицы;
- в восточной части села.

Сегодня, когда строительство в Самарове идёт бурными темпами, немаловажным является вопрос сохранения и остатков указанных некрополей, и всего культурного наследия исторической части столицы округа в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Медведева А. История кладбищ г. Ханты-Мансийска // Роль, основные направления и уровни взаимодействия общества и церкви в сохранении и развитии национальных, культурных традиций России. Мат-лы IV межрегиональных всероссийских научно-практических Кирилло-Мефодиевских чтений. — Ханты-Мансийск, 2004. — С. 267—270.

² Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. — Изд. 2-е, Г.В. Юдина, испр. и доп. — С. 10.

³ Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. — СПб., 1882. — Т. X, вып. 1. — С. 40.

⁴ Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа... — С. 116—117.

⁵ Лопарев Х.М. Мелочи из прошлого Тобольской губернии: о митрополите Филофее; Вид с. Самарова XVIII в. // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1893—1918: сб. публикаций. — Екатеринбург: Баско, 2007. — С. 206; Самаровский петербуржец: письма земляков к Х.М. Лопареву. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. — С. 119.

⁶ Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа... — С. 53.

⁷ Самаровский петербуржец... — С. 63.

⁸ Самаровский петербуржец... — С. 119.

⁹ Постановление Правительства ХМАО — Югры от 16.12.2011. N 465-п «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры»; Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 18.09.2012. № 11-нп «Об утверждении границ территории, режима использования территории, предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль Никольской часовни в составе: здание Никольской часовни, могильник Никольский».

¹⁰ 1743 г., апреля 14. Промемория Сибирской губернской канцелярии митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию II (Нарожницкому) с известием о том, что в ночь на 5 марта сгорел деревянный двухэтажный трёхпрестольный Самаровский Покровский храм со всеми «церковными украшениями», с приложением реестра его утраченного при этом имущества. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. И-156. Оп. 1. Д. 64. Л. 1;

1816 г., января 28. Прошение жителей разных селений Самаровской вол. Денциковского комиссарства Тобольской округи архиепископу Тобольскому и Сибирскому Амвросию I (Келембету) о разрешении построить в Самаровском яме на кладбище вместо сгоревшей новую небольшую однопрестольную деревянную Покровскую церковь и выдаче 2 шнуровых книг для сбора от «боголюбцов» средств на возведение затем её нового каменного здания. — Ф. И-156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 2.

¹¹ Лопарев Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа ... — С. 142—143; Самаровский петербуржец... — С. 214.

¹² Лопарев Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа ... — С. 207.

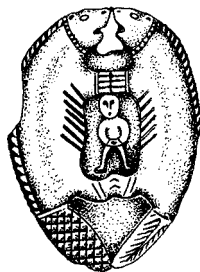
¹³ Лопарев Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа ... — С. 91.

¹⁴ Лопарев Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа ... — С. 116.

¹⁵ Лопарев Х.М. Самарово: село Тобольской губернии и округа ... — С. 207—209.

¹⁶ Казарик В. Там, где было угрюмое кладбище // Ханты-Манчи шоп (шой). — Ханты-Мансийск, 1931. — 7 нояб. — С. 2.

¹⁷ 1917 г. Ведомость о Самаровской Покровской церкви (из клировой ведомости). — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. И-156. Оп. 19. Д. 331. Л. 347—348 (об.).

Купцы Новицкие и рыбопромышленность Обского Севера в XIX – начале XX века

А.М. Лосунов, М.Ю. Сафаров

г. Омск

ООО «Лаборатория комплексных исследований»

В период с июля по ноябрь 2013 г. ООО «Лаборатория комплексных исследований» (г. Омск) в рамках государственного контракта с Госкультохраной Югры выполняло работы по обследованию состояния, описанию предмета охраны и установлению границ территории объекта архитектуры, обладающего признаками объекта культурного наследия, «Усадьба купцов Новицких» (ХМАО — Югра, Октябрьский р-н, с. Шеркалы, ул. Нестерова, д. 26 — ил. 1). Помимо полевых и камеральных работ, в задачи исследования входило проведение историко-архивных изысканий. В ходе подготовки исторической справки были изучены соответствующие фонды государственных архивов в г. Омске и г. Тобольске, а также материалы, находящиеся в собраниях омских краеведов.

Весьма познавательные сведения, собранные в ходе научно-исследовательских работ, послужили основой для написания данной статьи.

Рыботорговля всегда считалась одной из первых и самых значительных сфер вложения капитала и товарообмена на Тобольском Севере. До 1917 г. на рынках северных городов торговля рыбой шла пудами, коробками и даже возами¹.

Довольно долго рыбный промысел оставался вне интересов «промышленных» и «гулящих» людей ввиду удалённости рынков сбыта. Рыболовные промыслы находились в исключительном пользовании инородцев. Служилые люди Берёзова, Обской и Собской застав занимались рыбной ловлей только для личного потребления, ограничиваясь промыслом в «градских дачах». Ясачные сборщики, отправлявшиеся в инородческие волости за «мягкой рухлядью» (пушнина), не брезговали и «рыбным сбором» с коренного населения.

Ил. 1. Дом купцов Новицких: с. Шеркалы, ул. Нестерова, д. 26. Фото: М.Ю. Сафаров. 2013 г.

По данным Берёзовской таможенной книги за 1701 г., тобольские рыбопромышленники скупили и отправили в Тобольск рыбы, икры, рыбьего клея и рыбьего жира на 45 руб. 7 гривен. Партия товаров, закупленных и отправленных в Тобольск жителями самого Березова, была в 10 раз меньше².

В кон. XVIII в. в Нижнем Приобье зарождается рыбный рынок и рыбопромысловое предпринимательство. Ежегодно сюда отправлялись промысловые суда туринцев и тоболяков, совмещавших добычу рыбы со скупкой её у местного населения. Главным объектом товарного промысла были проходные рыбы: сиговые (муксун, шокур, сырок, пыжьян), нельма и осётр. Остальные виды рыб (стерлядь, щука, налим, язь) добывались для собственного потребления. Промышленная добыча рыбы на Обском Севере началась в XIX в. В низовьях Оби были сосредоточены лучшие рыболовные угодья Западной Сибири, изобилующие ценными породами рыб.

В 1800—1810 гг. в берёзовском крае ежегодно добывалось от 1,5 до 2,0 млн штук различной рыбы. При этом затраты на её промысел

составляли 70–80 тыс. руб., а выручка от реализации — 85–100 тыс. руб., что, в свою очередь, приносило владельцам рыболовных судов прибыль в размере 13–25 % от объёма затрат³.

В нач. XIX в. повсеместно практикуется аренда («кортом») рыболовных угодий у коренных жителей. В 1802 г. у инородцев Куноватской волости «кортомили» неводные пески Вандиязский и Лангивожский (Малая и Большая Обь) берёзовский мещанин И. Ногин и казак М. Сутормин. Остязки Подгородной волости сдавали в аренду рыболовные угодья берёзовским купцам И. Сверчкову и И. Торлопову. В 1805 г. правительство официально разрешило брать в аренду «рыбные ловли» сроком на один год при обязательном согласии инородческих князцов и старшин.

Рубеж XVIII–XIX вв. уже отмечен жалобами ясачных подданных Берёзовского ведомства на злоупотребления тобольских купцов, занимавшихся промыслом рыбы в их рыболовных угодьях. Из материалов, отложившихся в ходе разбирательства этих жалоб, следует, что в это время в низовьях Оби был уже развёрнут промышленный лов рыбы, который вели купцы (тобольские А. Дьяконов и Г. Дьяконов, Н. Брагин и Г. Брагин, О. Куюган, И. Дранишников, Я. Никанов, А. Тюленев, К. Колосов; туринский Коновалов; тюменский А. Захаров; берёзовские И. Сверчков и Нижегородцев; сургутский И. Вергунов), мещане (тюменские И. Шукшин, Зырянов, Захаров; тобольские Ф. Чермных и Е. Чермных, П. Шитов; сургутские В. Баталин, И. Рыткин, С. Чусовитин; берёзовский И. Ногин), ямщики (тюменские Ф. Рыболов и В. Рыболов), отставные воинские чины и их родственники (солдат Новицкий — *возможно, родоначальник династии Новицких*, капрал М. Кушников, солдатский сын Н. Щедрин) и др.⁴

К сер. XIX в. сдача инородцами рыболовных угодий в аренду купцам и рыбопромышленникам достигла широкого размаха. По сведениям Н. Абрамова, в 1848 г. инородцами Берёзовского края было отдано «в кортом» 150 рыболовных угодий за 6050 руб. 50 коп. серебром. Арендная плата варьировала в зависимости от качества угодья: обычно она составляла от 20 до 70 руб. за лето, в исключительных случаях (богатые рыбоугодья) достигала 300 руб. и более. Аренда производилась как с участием вотчинников в промысле, так и без него. Русских рыбопромышленников, которые вели добычу рыбы в этот период, насчитывалось ок. 50 чел., а крупных из них — более десятка.

В кон. 1850-х гг. активизировалось участие в рыбных промыслах берёзовских купцов и мещан. Именно в это время на тобольском рынке добычи и продажи рыбы появляется фигура Т.В. Новицкого. Думается,

что причиной тому стала антимонопольная кампания, проводимая губернскими властями против засилья рыбопромышленников из России. Так, 8 октября 1856 г. Берёзовский военно-окружной начальник доносил Тобольскому гражданскому губернатору Арцимовичу следующее: *«Рыболовные угодья, принадлежащие инородцам Берёзовского округа, с незапамятных времён содержат в аренде одни и те же лица и оттого сами обогащаются, а инородцы с каждым годом всё более и более приходят к разорению. Арендаторы сии обеспечили себя хотя незаконными, облечёнными в форму, актами; так, например, заключая с инородцами контракты на 10, 12 и более лет, они помещают в них... условие, чтобы инородцы по истечении контрактного срока не смели отдавать кому-либо в аренду принадлежащих им угодий без согласия прежнего своего содержателя, почему держатели песков обратились в вотчинников, а сами же вотчинники-инородцы, находясь под влиянием арендаторов, сделали как бы их крепостными людьми. Всё, что имеют и приобретают инородцы, поступает к арендаторам, на которых они работают, а сами остаются в рубище, без пищи и в страхе умереть с голоду, если не получают казённого хлеба. При всём этом они остаются всегда в неоплатных долгах у своих арендаторов. Оградить инородцев от обязанности быть в зависимости у своих прежних держателей можно привлечением в Берёзовский край большего, чем ныне, числа торговых и промышленных людей (из числа местных купцов. – Авт.), чрез что доставится инородцам случай получать большие выгоды за принадлежащие им рыбопромышленные места, а для этого необходимо устранить непосредственное участие инородцев в отдаче их угодий одним и тем же русским промышленникам. Но с тем, чтобы все таковые угодья отдавались с торгов... Для исполнения сего майор Колпаковский поручил земскому исправнику и отдельным заседателям разъяснить инородцам выгоды отдачи с торгов принадлежащих им рыболовных мест, и, в случае согласия на это инородцев, истребовать от них подписки. По объявлении об этом инородцам, они, поняв пользу предпринимаемой меры для улучшения их быта, единогласно и охотно согласились с вышесказанными предположениями, в чём и дали подписки ... Рыболовные статьи и промыслы в Сибири должны быть отдаваемы с торгов в казённых палатах, в ведении коих состоят Государственные Имущества, а как порядок этот, по отдаленности Берёзовского края от губернского города Тобольска неудобноисполним и даже невозможен, потому*

что из местных рыбопромышленников весьма немногие, бывая в Тобольске, могут явиться к торгам в казённую палату, а большая часть арендаторов рыболовных мест люди бедного состояния, при том же содержат незначительные места, так что аренда за них плата и вся извлекаемая польза не покрывает издержек, потребных на проезд в город Тобольск, то по этим причинам окружной начальник ходатайствует разрешить ему отдачу в содержание рыболовных статей, принадлежащих берёзовским инородцам, производить с торгов... но не в инородческих управах, где по простоте старшин и неблагонадёжности писарей могут быть допущены при торгах разные беспорядки и злоупотребления, а в общем окружном управлении на тех правилах, как предписаны... для казённых палат...»⁵.

Как видим, власти стремились сохранить рыболовные угодья Берёзовского края как за местными арендаторами, так и за коренным населением. По новому положению аренда неводных песков и прочих промысловых мест (ям, соров, проток, салм, плавных песков) у остяков и самоедов ограничивалась четырьмя годами, по истечении срока должен был заключаться новый контракт. Арендные отношения с инородцами оформлялись в письменном виде при согласии двух третей всех вотчинников. Правовое значение документ приобретал после регистрации в инородной управе и у обдорского земского заседателя.

В 1866—1868 гг. было возбуждено дело «Об ограждении интересов инородцев Берёзовского округа по рыбопромышленности». По рапорту берёзовского земского исправника, только по Обдорскому участку инородцы сдавали в аренду 42 рыболовных угодья. Самая низкая цена — 8 руб. 57,5 коп. — была взята за рыболовное место Пуор-Лор инородцами юрт Кушеватских, самая высокая — 400 руб. — за принадлежащий берёзовским крестьянам песок Мелексимский (Большой). Крупными арендаторами являлись тобольский купец Плотников, промышленники Новицкие и Протопоповы, О. Котовщикова, Ф. Карпов, С. Броников, Ф. Корнилова. Приезжие и местные рыбопромышленники, наряду с ловлей рыбы, скупали её крупными партиями у местных инородцев. Таким образом, берёзовские и сургутские купцы и мещане, в том числе и Новицкие, выполняли роль своеобразных посредников между аборигенным населением и оптовыми торговцами. Они выменивали рыбу на хлеб и другие товары, запрашиваемые инородцами, сбывали скупленную рыбу крупным рыбопромышленникам, у которых и кредитовались в счёт будущих поставок рыбы. Главным местом сбора товарной рыбы считались торжок на острове Семипосте (в 20 верстах

от Обдорска вниз по Оби). В Тобольске реализовывалось от 1/5 до 1/3 всей добываемой в низовьях реки Оби рыбы. Остальной же улов вывозили по зимнему пути на Ирбитскую и даже Нижегородскую ярмарки, а зимой переправляли в уральские и зауральские города.

Нередко случалось, что ранней зимой суда замерзали за 400—500 вёрст от Тобольска. Тогда рыбу перегружали на сани, и дальнейшая её транспортировка осуществлялась уже гужевым транспортом. Севернее Тобольска провоз оплачивался по 20—30 коп. с пуда груза, а за доставку в другие города — по 10—17 коп.⁶ Подобная история произошла и с берёзовским купцом С.В. Новицким в 1891 г., когда его паузок в сопровождении шхуны «Север» (принадлежала братьям Вардроппер), выйдя 14 сентября из Обдорска, вследствие раннего ледостава до Тобольска не дошёл и вынужден был зазимовать у Елизарова⁷.

В целом берёзовская рыбопромышленность являлась заметным явлением в экономической жизни Сибири XVIII — нач. XX в. Не случайно объём добываемой здесь рыбы составлял около 1/5 общесибирского улова⁸.

Активно занимался рыбной промышленностью на Тобольском Севере во втор. пол. XIX в. берёзовский купец 2-й гильдии Тимофей Васильевич Новицкий (1823—1899). По сибирским меркам XIX в. его капитал не дотягивал и до среднекупеческих размеров⁹.

Тимофей Васильевич имел в Берёзовском округе двухэтажный деревянный дом и баржу. Дела предпочитал решать как сам, так и через сыновей¹⁰. Например, в 1863 г. он сам выезжал на Обдорскую ярмарку, а годом позже его интересы на ярмарке представлял уже один из сыновей. Умер Т.В. Новицкий 12 июня 1899 г. в возрасте 76 лет. После его кончины состояние, оценённое в 59000 руб., перешло сыну Ефиму (1857 г.р.). Помимо основных товаров, к нему относились: двухэтажный жилой деревянный дом в с. Шеркальском (2000 руб.), паровой катер (3000 руб.), баржа и домашняя утварь (200 руб.)¹¹. В результате активной предпринимательской деятельности Ефим Тимофеевич вместе с братом Андреем несколько увеличили отцовский капитал. В 1901 г. в Обдорском крае, вслед за консервной фабрикой торгового дома «Михаил Плотников и сыновья» (1898 г.) и его филиала (1900 г.), на песке Сумутнёл (ниже Обдорска) появилось ещё одно консервное заведение, принадлежавшее уже Е.Т. Новицкому. В 1902 г. на ней трудились 7 чел. Всего за время работы предприятия было изготовлено 10000 банок консервов. В 1904 г. Е.Т. Новицкий состоял гласным Тобольской городской думы¹², а годом позже числился в тобольских купцах и торговал мукой по свидетельству 2-го разряда.

Помимо торговли Е.Т. Новицкий и А.Т. Новицкий занимались благотворительностью. Об одной из её сторон нам повествует «Путевой журнал по обозрению церковей Сургутского и Берёзовского округов, произведённому по указу Тобольской духовной консистории от 29 мая 1882 г. за № 3246 протоиереем Петром Поповым». В нём, в частности, говорится: *«17 [июля 1882 г. – Авт.] в 3 часа утра прибыли в село Шаркальское. По церкви с внутренней и внешней стороны порядок и исправность во всех отношениях. По экономической части церковь весьма достаточна, 130 руб. наличных денег и 2600 в банковских билетах, та самая сумма, которая значится за последнее время по приходно-расходным книгам. Утварью, ризницей, богослужебными книгами снабжена вполне, приготовлена отличная площадь, изготовлена часть леса, так что к постройке новой церкви в скором времени можно будет приступить. ...Приход здешний немногочислен, мужского пола 628 и 548 женского, но, благодаря русских здешних жителей, церковь Шаркальская не менее Сухоруковской поставлена хорошо. Здесь также есть и училище, устроенное братьями Новицкими с учителем от Министерства народного просвещения, в котором обучается до 15 детей русских, но и здесь в училище быть не довелось, потому что дети распущены из училища на летнее время. Библиотека церковная в порядке и с достаточным количеством богослужебных книг, но, как в прочих обозренных церквях, нет здесь книг для назидательного чтения и собеседования с народом. Архив церковный в хорошем порядке, наличность бумаг, в нём хранящихся, согласна с описью (опись церковного имущества), богослужебный журнал, метрики и росписи находятся в наличии и исправности. Богослужение совершается по воскресным и праздничным дням, а иногда и в будничные дни. С формальной внешней стороны шаркальский священник по делам очень исправный и о своей деятельности заявляет себя даже в епархиальных «Тобольских ведомостях», но на месте служения между прихожанами, соседними причтами и во мнении своего непосредственного и земского начальника не пользуется расположением и доселе не прекратил враждебного отношения своего к лучшим из своих прихожан, братьям купцам Новицким, чем немало может задерживать постройку нового храма, а через то навлечь на себя всеобщее негодование, забыв, что гордым Бог противится, а смиренным даёт благодать. Сверх того неоднократно со стороны остяков, его прихожан, доводилось слышать нелестный отзыв на притязательность малой жертвой, не бывает доволен*

малой жертвой, требуя большего, от чего, вероятно, зависит доходность шаркальского причта, за 400 руб. братского дохода...»¹³.

По мнению некоторых историков¹⁴, берёзовские Новицкие являлись потомками сосланного в Тобольск воспитанника Киево-Могилянской академии Григория Новицкого — автора ценного этнографического труда «Краткое описание о народе остяцком»¹⁵. В 1715 г. он был назначен надзирателем за исполнением новокрещёнными инородцами «христианских обязанностей». Кстати, генеалогическую связь между купцами Новицкими и автором знаменитого труда попытался установить ещё известный знаток Тобольского Севера А.А. Дунин-Горкавич. Констатируя тот факт, что половина угодий района против с. Кушеватского сосредоточена в руках трёх арендаторов по фамилии Новицкие, он говорит о том, что это потомки Г. Новицкого¹⁶.

Во втор. пол. XIX в. было также известно несколько берёзовских купцов по фамилии Новицкие: Иван Васильевич, Павел Васильевич и Степан Васильевич, Михаил Степанович. Все они занимались рыбной промышленностью.

Известный ихтиолог Н.А. Варпаховский, командированный в 1895—1896 гг. Министерством земледелия и государственных имуществ России для исследования бассейнов рек Оби и Иртыша, в своём отчёте отмечал, что рыбопромышленники Новицкие в Котской инородческой управе и Кондинской волости из 21 песка владели десятью. При этом на них трудились всего 29 рабочих, тогда как на 7 участках в этом же районе, принадлежавших Матошиным, числилось 119 рабочих, да и арендная плата у Матошиных была многократно выше, чем у Новицких, — 150—240 руб.¹⁷ Это, скорее всего, говорит о больших объёмах добычи Матошиных, чем Новицких. Однако Новицкие почти полностью владели песками в Казымской инородческой управе¹⁸. Имели также Новицкие и пески в Куноватской инородческой волости.

Картину рыбопромышленности в северных округах Тобольской губернии на Оби и Иртыше, данную Н.А. Варпаховским, дополняет труд А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север. Обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения», изданный в Петербурге в 1904 г. В нём подробно описан процесс изготовления сосьвинской сельди на производстве Павла Новицкого на «песке Игрюмском». Сосьвинская сельдь являлась важной статьёй в рыботорговле. Только в кон. 1899 г. её было заготовлено 6000 пудов (96 т). В нач. XX в. (по А.А. Дунину-Горкавичу) в Елизаровской волости Берёзовского уезда также не менее 10 рыболовных угодий

принадлежало роду Новицких. Это составляло половину рыболовных угодий этого района (участки № 69—90) на протяжении 370 верст от Ишварских юрт по Малой Оби. Новицкие имели свои суда и баржи, на которых вывозили рыбу и доставляли товары для коренных жителей. Так, например, на берегу протоки Кочегатка в 1909 г. появилось хантыйское поселение Азово, что в переводе с языка ханты означает «устье реки». Первыми поселенцами здесь была семья Тарасовых, а с 1911 г. в поселке обосновались купцы Новицкие. Они скупали у местного населения рыбу и пушнину, которые увозили на своём транспорте в г. Тобольск, там продавали, а обратно везли сети и провиант.

Фамилия Новицких появляется в Берёзовском округе во втор. пол. XVIII в. По метрическим записям Шеркальской церкви Спаса Нерукотворного, исследованным в кон. XIX в. священником Иоанном Кузнецовым¹⁹ и нашим современником краеведом В.К. Белобородовым²⁰, складывается такая картина. Переписью 1782 г. в с. Шеркальском была зафиксирована семья отставного солдата Павла Яковлевича Новицкого с женой Екатериной Захаровной. От этого брака родилось 5 детей — сыновья Григорий, Матвей, Дмитрий, Михаил и дочь Татьяна. От сыновей Григория и Михаила потомки были купцами и мещанами. От Дмитрия — крестьянами-ремесленниками и рано умирали. От Матвея потомства не было вообще.

У Григория Павловича было большое потомство от сына Василия, который в 1831 г. записался в государственные крестьяне Кондинского общества, а позднее стал купцом. Его сын Тимофей Васильевич Новицкий (ок. 1827 — 12.06.1899.), в свою очередь, занимался рыбопромышленностью и торговлей разными товарами в с. Кондинском. В 1864 г. он избирался заместителем старосты Берёзовского городского хозяйственного управления, а в 1884 г. сделал единовременное пожертвование в пользу Общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии. Сыновья Т.В. Новицкого Андрей и Ефим были известны в Тобольской губернии также как купцы.

Андрей Тимофеевич Новицкий (2.10.1846 — 30.04.1919) числился мещанином, а не купцом. Несмотря на это, он продолжил дело отца и расширил торговлю до верховий р. Северной Сосьвы, для чего построил склады в Саранпауле, Игриме и лавку-амбар в юртах Анеевых. Занимался продажей продуктов и скупкой пушнины. В 1900-х гг. избирался членом Берёзовского уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия. А.Т. Новицкий был старостой Шеркальской церкви и принимал участие в её строительстве. Кроме того, в 1889 г.

он построил здание для школы в с. Чемашевском и отдал его местной Николаевской церкви. Школа просуществовала до 1894 г. В 1905 г. вступил в общество Тобольского губернского музея и помогал в собирании коллекции, посвящённой быту коренных народов Севера. Умер А.Т. Новицкий в с. Чемаше и похоронен на местном кладбище.

Ефим Тимофеевич Новицкий (1856—1916) промышлял в низовьях Оби рыбной торговлей. Кроме того, торговал пушниной и другими товарами. Слыл оборотистым коммерсантом. Занимался производством рыбных консервов. В 1902 г. одна из его консервных фабрик находилась в летнее время на песке Устремском в низовьях р. Обь, а зимой в г. Тобольске. Годом позже после пожара на Питляровском консервном заводе купцов Плотниковых Ефим Тимофеевич остался монополистом в деле консервирования рыбы²¹. Кроме того, он имел собственный дом напротив Рождественской церкви в Тобольске. После смерти отца в 1899 г. Ефим Тимофеевич добавил по наследству к своему состоянию двухэтажный дом со службами в Шеркалах; товары в сёлах Кондинском, Мужевском и Шеркальском, паровой катер, три баржи и квартирную обстановку в г. Тобольске. В 1906 г. Е.Т. Новицкий заказал новый мелкосидящий колёсный пароход. Правда, через 8 лет с ним случилась авария. В разделе «Городская хроника» одной из тобольских газет читаем: *«В низовском крае бурная погода наделала немало бед... Между Лензито и Лидой выбросило на берег пароход Е.Т. Новицкого, баржу проломило и товар подмочило...»*²². Кстати, свои баржи Новицкий использовал не только для перевозки грузов, но и людей. Для этого на вышеуказанных судах были устроены специальные помещения²³.

В 1909 г. Ефим Тимофеевич начал строить новый дом в г. Тобольске — по ул. Абрамовской под номером 20. В 1902 г., как и в последующие годы, он избирался гласным в Тобольскую городскую думу. В 1909 г. состоял членом Тобольского отдела Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства²⁴. Годом позже его кандидатура была даже выдвинута на должность председателя правления данного отдела, но Ефим Тимофеевич взял самоотвод²⁵. В 1909 г. Е.Т. Новицкий пожертвовал 200 руб. на изыскательские работы по устройству железной дороги от г. Тобольска²⁶. Закончил свой жизненный путь он в с. Шеркалы. У него был сын Николай Ефимович Новицкий.

Другая ветвь рода Новицких пошла от сына П.Я. Новицкого — Михаила. Его сын Василий Михайлович занимался рыбной ловлей и арендовал в 1850-х гг. рыболовный песок Мулигорский около с. Кон-

динского. Имел шестерых сыновей (Егора, Фёдора, Степана, Ивана, Павла, Михаила) и дочь (Антонину) (ил. 2). Все сыновья продолжили дело отца. В 1877 г. Егор, Фёдор, Степан и Иван удостоились благодарности генерал-губернатора Западной Сибири за строительство помещения сельского приходского училища в с. Шеркальском.

Сын Фёдора Васильевича Новицкого (1825—?) Диомид (1853—1910) в 1880 г. удачно женился на дочери богатого самарского крестьянина И.Г. Кузнецова. Его сыну Якову Диомидовичу в браке также повезло.

Ил. 2. В.М. Новицкий с женой и дочерью. Фотография И. Шустера (г. Тобольск)

В спутницы жизни он избрал дочь зажиточного крестьянина с. Кондинского В.И. Киргизова.

Я.Д. Новицкий (1899–1933), по-видимому, учился в Тобольской семинарии, и в кон. 1907 г. был направлен псаломщиком в Преображенскую церковь с. Малый Атлым. В 1915 г. был рукоположен в сан священника и переведён в с. Полноват, где имел дом. Свой земной путь закончил в 1933 г. в Берёзово. Его братья Василий Диомидович и Диомид Диомидович в годы советской власти подверглись раскулачиванию, суду и ссылке в Ямало-Ненецкий округ.

Сын Ивана Васильевича Новицкого — Василий Иванович Новицкий (1862 — после 1918 гг.) — также занимался рыбной промышленностью. Пик его общественной деятельности пришёлся на 1914–1918 гг. В 1916 г. он избирался в состав образованной по предложению тобольского губернатора продовольственной комиссии, для выяснения потребностей в запасах предметов первой необходимости²⁷.

Сын Павла Васильевича Новицкого — Кузьма Павлович (1887 — после 1917 г.) — родился в с. Полновате Берёзовского округа. В 1904 г. по выходе из 3-го класса Тобольской духовной семинарии поступил в инженерную академию в г. Фридбуре (Германия), где получил специальность электроинженера. С 1915 г. заведовал в Тобольске городским водопроводом и электростанцией²⁸. После взятия Тобольска белыми войсками 23 июля 1918 г. был арестован и под охраной увезён в Омск. Дальнейшая его судьба пока остаётся неизвестной.

Другой сын Павла Васильевича и Анны Дмитриевны Новицких — Василий Павлович (26.04.1868 — ?) — родился в г. Берёзове. Окончил Тобольскую духовную семинарию. Служил канцелярским служащим 3-го разряда в Тобольской казённой палате и в 1900 г. получил чин коллежского регистратора. Женился на Марии Львовне Низковской. В 1913 г. семья перебралась на постоянное место жительства в г. Тару, где Василий Павлович вначале руководил тарским казначейством, а затем временно возглавлял уездный финансовый отдел исполкома Тарского совета. С 1 октября 1920 г. В.П. Новицкий заведовал приходно-расходной кассой. В семье у него к этому времени было двое детей: Людмила, 7 лет, и Константин, 5 лет²⁹.

Сын Василия Михайловича Новицкого Степан (ок. 1828 — 24.11.1903) — рыбопромышленник, арендовавший песок Ванзеватский и сора Ватмапор, торговавший пушниной, хлебом и прочим. Отец 13 детей — Василия, Александра, Дмитрия, Александра, Ивана, Михаила, Константина,

Ил. 3. Семья Степана Васильевича Новицкого у нового дома в Шеркалах

Ил. 4. Андрей Николаевич и Мария Степановна Уткины

ещё одного Василия, Марии, Ольги, Христины, Акилины, Матвея. Из-за высокой детской смертности многие из них не дожили до совершеннолетия. Степан Васильевич с семьей были частыми гостями в Шеркалах.

В одной из частных коллекций хранится уникальный снимок. На фотографии возле того самого дома, что недавно был построен в Шеркалах, расположилась семья Новицких: за столом у самовара сидит купец и рыбопромышленник Степан Васильевич Новицкий, справа от него (слева на фотографии) сидит Мария Степановна (урождённая Новицкая), с другой

стороны, опираясь на плечо отца стоит его вторая дочь Александра, а далее за столом сидят сын Иван и его жена (ил. 3).

Иван Степанович Новицкий числился тобольским купцом и жил за Абрамовским мостом. Мария Степановна была повенчана с другом отца купцом Андреем Николаевичем Уткиным (ил. 4).

Она была его второй женой, поскольку его первая жена умерла от туберкулёза, оставив на руках супруга четырёх детей. Семья Марии Степановны Уткиной (Новицкой) покинула с. Шеркалы после революции и уехала в г. Тобольск. Здесь их сын Степан Андреевич женился на Надежде Константиновне (девичья фамилия неизвестна). В Тобольске у них родилась дочь — Зинаида Степановна.

С.А. Уткин работал бухгалтером расчётного стола в «Госрыбтресте», после был направлен бухгалтером в Салехардский рыбокомбинат. Во время войны Зинаида Степановна Завьялова (в девичестве Уткина), будучи старшеклассницей, работала на рыбокомбинате. В 1944 г. семья вернулась в г. Тобольск, где в 1948 г. Зинаида Степановна окончила фельдшерско-акушерскую школу и получила направление на работу в Вагайский р-н Тюменской обл. Оказывая фельдшерскую помощь, молодой специалист обошла по тарским болотам все деревни. В Тазовске вышла замуж за Михаила Афанасьевича Завьялова. От этого брака у неё родилось двое дочерей: Светлана и Надежда. В дальнейшем семья переехала в Берёзов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жиров А.А. Купцы-рыбопромышленники Тобольского Севера (к характеристике предпринимательской деятельности провинциального купечества Сибири) // Архивные чтения памяти Н.В. Горбаня. Тез. докл. и сообщ. — Омск, 2002. — С. 177.

² Жиров А.А. Рыбопромышленность и рыбороторговля как сферы предпринимательской деятельности населения Тобольской губернии в XVII — нач. XX вв. // Вопросы социальной и экономической истории Сибири XVII — нач. XX вв. Сб. науч. ст. — Омск, 2002. — С. 5.

³ [...]. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 8. Оп. 1. Д. 258. Л. 1—1 об.; [...] — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 8. Оп. 1. Д. 278. Л. 65—68, 123, 130 об. — 131 об.; Из отчёта генерал-губернатору Западной Сибири I отделения ГУЗС [1826—1827 гг.] — ГИАОО. — Ф. 3. Оп. 3. Д. 4066. Л. 5.

⁴ Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX вв. — Барнаул, 1999. — С. 381.

⁵ Список с журнала Тобольского губернского совета 20/22 декабря 1856 г. — ГИАОО. — Ф. 3. Оп. 3. Д. 4059. Л. 2—4.

⁶ Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. — Омск, 1997. — С. 158.

⁷ По Сибири // Тобольские губернские ведомости. — Тобольск, 1891. — № 43. — С. 16.

- ⁸ По Сибири // Тобольские губернские ведомости. — Тобольск, 1857. — № 17. — С. 13.
- ⁹ Жиров А.А. Купцы-рыбопромышленники Тобольского Севера... — С. 179.
- ¹⁰ Из рапорта штаб-офицера Тобольского жандармского управления полковника Зараника от 14 февраля 1864 г. — ГИАОО. — Ф. 3. Оп. 4. Д. 5982. Л. 9.
- ¹¹ [...] — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 154. Оп. 26. Д. 725. Л. 2—48; [...] — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 158. Оп. 15. Д. 1037. Л. 4об., 6об.
- ¹² Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 г. — Тобольск, 1904. — С. 8.
- ¹³ Путевой журнал по обозрению церквей Сургутского и Берёзовского округов, произведённому по указу Тобольской духовной консистории от 29 мая 1882 г. за № 3246 протоиереем Петром Поповым. — ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. 156. Оп. 26. Д. 864. Л. 32—32 об.
- ¹⁴ Личный фонд А.Ф. Палашенкова — ГИАОО. — Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 1477. Л. 1а.
- ¹⁵ Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком. — СПб., 1884; То же — Новосибирск, 1941.
- ¹⁶ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. — М., 1995. — Т. 1: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. — С. 195.
- ¹⁷ Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейнах реки Оби. — Тюмень, 2003. — С. 119—122.
- ¹⁸ Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейнах реки Оби... — С. 122—123.
- ¹⁹ Кузнецов. Из Берёзовской старины. — Б/м, б/г. — С. 5.
- ²⁰ Белобородов В.К. Тропинки к дому. Русские Березовского края в конце XVIII — начале XX вв.: краеведческие заметки о былом и насущном. — Тюмень: Титул, 2013.
- ²¹ Внутренние известия. Берёзов. 25 августа // Сибирский листок. — Тобольск, 1903. — 11 сент. — № 71. — С. 3.
- ²² Городская хроника // Сибирский листок. — г. Тобольск, 1914. — 1 июля. — № 76. — С. 4.
- ²³ Костюрин В. На собрании рыбаков // Сибирский листок. — Тобольск, — 1907. — 9 дек. — № 101. — С. 4.
- ²⁴ Внутренние известия // Сибирский листок. — Тобольск, 1909. — 22 марта. — № 34. — С. 4.
- ²⁵ Городская хроника // Сибирский листок. — Тобольск, 1910. — 10 янв. — № 5. — С. 4.
- ²⁶ Городская хроника // Сибирский листок. — Тобольск, 1909. — 3 дек. — № 143. — С. 4.
- ²⁷ Сибирский листок: 1912—1919 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень, 2003. — С. 548.
- ²⁸ Сибирский листок: 1912—1919 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень, 2003. — С. 547.
- ²⁹ Жиров А.А. Если бы стены могли говорить... (Очерки и статьи). — Омск, 2008. — С. 237—239.

Деятельность Тюменского общества изучения местного края по охране культурного наследия в 1920-е гг.

А.В. Союрова
ИКНПЦ «Барсова Гора»
(г. Сургут)

После установления советской власти, в соответствии с задачами социалистического строительства, охрана и использование историко-культурного наследия стали рассматриваться как одна из составляющих социального развития страны.

Новая система охраны культурного наследия предусматривала создание специальных структур, ответственных за охрану памятников истории и культуры в регионах, — губернских комитетов по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы (губмузеев), входящих в систему Народного комиссариата просвещения. Однако в Тюменской области в связи с развернувшимися военными событиями в ходе установления советской власти, а также из-за труднодоступности и удалённости территории возникли большие трудности в организации дела охраны культурных ценностей. В этой ситуации большая часть ответственности по охране культурного наследия региона легла на краеведческие общества, возникшие в нач. 1920-х гг. в Тюмени и Тобольске. Несмотря на сходные задачи, области интересов обществ были чётко разделены: первое занималось сбором материалов по археологии и этнографии сибирских старожилов, тюменских татар и бухарцев, второе — археологией и этнографией северных народов¹.

Тюменское Общество изучения местного края (ОИМК) было образовано 3 августа 1920 г. усилиями инициативной группы, состоявшей из сотрудника Московского археологического института П. В. Албычева, председателя народного университета² В.А. Макарова, заведующего губернской музейной секцией Л.Р. Шульца (он же был директором созданного в 1920 г. Тюменского губернского музея) и др.

К сер. 1925 г. в Тюменском ОИМК действовало три секции — историко-археологическая, этнографическая и экономическая. В состав правления общества в это время входили Л.Р. Шульц, П.А. Мартэн, А.К. Серебренников, А.Н. Серебренников и Л.И. Шокальский. В общество входило 56 чел.³

Отметим также и тот факт, что Л.Р. Шульц, кроме должностей директора Тюменского губернского музея и председателя правления Тюменского ОИМК, занимал и должность заведующего секцией музеев и охраны памятников старины при Тюменском губернском отделе народного образования⁴.

Среди мероприятий, осуществлённых Тюменским ОИМК в первые годы своей деятельности, можно отметить составление и распространение рекомендаций по сбору материалов по естествознанию, археологии, этнографии, истории, подготовку программы для организации экскурсий по губернии, начало составления археологической карты губернии и библиографии Западной Сибири, издание первого выпуска «Записок» общества⁵.

Тюменское ОИМК в 1920-е гг. принимало активное участие в краеведческих съездах, которые организовывало Уральское общество естествознания, а позднее — Уральское областное бюро краеведения. Например, в октябре 1924 г. в г. Свердловске состоялся II Уральский съезд краеведов, на котором председатель Тюменского ОИМК Л.Р. Шульц сделал доклад о положении Тюменского музея и краеведческого общества⁶. На IV Уральской областной краеведческой конференции, состоявшейся в г. Свердловске 20—22 декабря 1929 г., также присутствовали представители Тюменского ОИМК⁷.

О деятельности общества по сохранению археологического наследия Тюменской области в 1920-х гг. известно немного. Так, в газетной заметке от августа 1925 г. сообщается, что «музей ... и общество изучения местного края со времени своего основания ведут учёт этих (археологических. — А. С.) памятников»⁸. Ещё в 1924 г. сотрудниками Тюменского музея возле с. Липчинского была открыта стоянка неолитического периода, аналогичная памятникам на Андреевском озере. «Судя по отдельным находкам, направленным для определения специалистами в Ленинград, стоянка обещает много чрезвычайно интересного материала и в то же время грозит разрушением от разлива протекающей вблизи речкой»⁹. В 1925 г. часть этой стоянки была раскопана археологом П.А. Дмитриевым, случайно оказавшимся в Тюмени¹⁰. Кроме большого количества керамики, здесь

были найдены «кремневые орудия грубой техники, отдельные кости и следы жилищ»¹¹.

Ещё об одном случае выявления археологических памятников в 1925 г. сообщается в статье одной из тюменских газет: «При работах по устройству полотна под мостовую на Ленинской улице рабочие наткнулись на следы древнего кладбища» и «следы строений», которые «принадлежат «рубленому городу» — «укреплению из брёвен, окружавшему место первой крепости, построенной русскими». Музей и краеведческое общество приняли меры «к дальнейшему обследованию находки, к охране и описанию добытых вещей». Однако провести полноценные археологические раскопки выявленного памятника не удалось, так как президиум окружного райисполкома отклонил ходатайство музея и Тюменского ОИМК «О разрешении производства раскопок на части улицы Ленина, не подлежащей замощению, и на участке земли перед бывшими казармами»¹².

Кроме организации и проведения археологических исследований, Тюменское ОИМК занималось и просветительской деятельностью: совместно с музеем организовывало экскурсии по Тюменскому округу¹³ и летние научные экспедиции (в том числе археологические) в окрестности оз. Андреевского¹⁴.

В подведение итогов отметим, что Тюменское ОИМК, как и многие другие краеведческие общества в стране, занималось выявлением, описанием и учётом культурного наследия, то есть, по сути, выполняло функции государственных органов по охране памятников истории и культуры. Но, поскольку краеведческие организации не обладали необходимыми финансовыми и кадровыми ресурсами и реальными полномочиями, они объективно не могли осуществлять деятельность по охране памятников в полной мере. После того как в кон. 1930-х гг. краеведческое движение было ликвидировано, а многие его участники репрессированы, охрана культурного наследия на периферии долгое время оставалась далеко за пределами государственных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карпухин В.И. Тюменский музей в 1940-е годы // Словцовские чтения — 2002. Мат-лы докладов и сообщений Всерос. науч.-практ. краеведческой конф. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002. — С. 131.

² Народные университеты в советский период — общественные учебные организации, способствующие самообразованию, культурному развитию и повышению профессионального уровня трудящихся.

³ Письмо Тюменского ОИМК в УОБК № 153 от 14.04.1925. «О структуре и составе общества». — ГАСО. — Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 13. Л. 50.

⁴ Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сб. док.. 1918–1975 гг. — Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. — С. 65.

⁵ Письмо председателя Тюменского ОИМК б/н от 18.10.1924. «Информация о деятельности Тюменского общества изучения местного края». — ГАСО. — Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 13. Л. 11–11 (об.).

⁶ Прения по докладам о краеведческой сети Уралобласти, о деятельности ЦБК и УОБК. — ГАСО. — Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

⁷ Состав IV Уральской областной краеведческой конференции. — ГАСО. — Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.

⁸ Л. Ш[ульц]. Научные сокровища Тюменского округа // Трудовой набат. — Тюмень, 1925. — 4 авг.

⁹ Л. Ш[ульц]. Научные сокровища Тюменского округа...

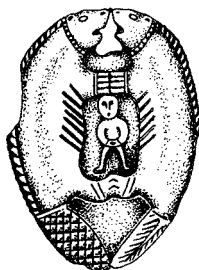
¹⁰ Письмо Тюменского ОИМК в УОБК № 13 от 22.01.1925. «Об археологических раскопках неолитической стоянки возле с. Липчинского». — ГАСО. — Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 13. Л. 111.

¹¹ Письмо Тюменского ОИМК в УОБК № 13 от 22.01.1925...

¹² Л. Ш[ульц]. Найден памятник древности // Трудовой набат. — Тюмень, 1925. — 8 авг.

¹³ Экскурсии по округу // Красное знамя. — Тюмень, 1928. — 9 марта.

¹⁴ Музей и краеведение // Красное знамя. — Тюмень, 1929. — 17 февраля.

Последние полевые сезоны:
2012 – 2013 гг.

Работы 2013 г. на Приобском месторождении нефти в ХМАО – Югре

М.Ю. Баранов

г. Нефтеюганск

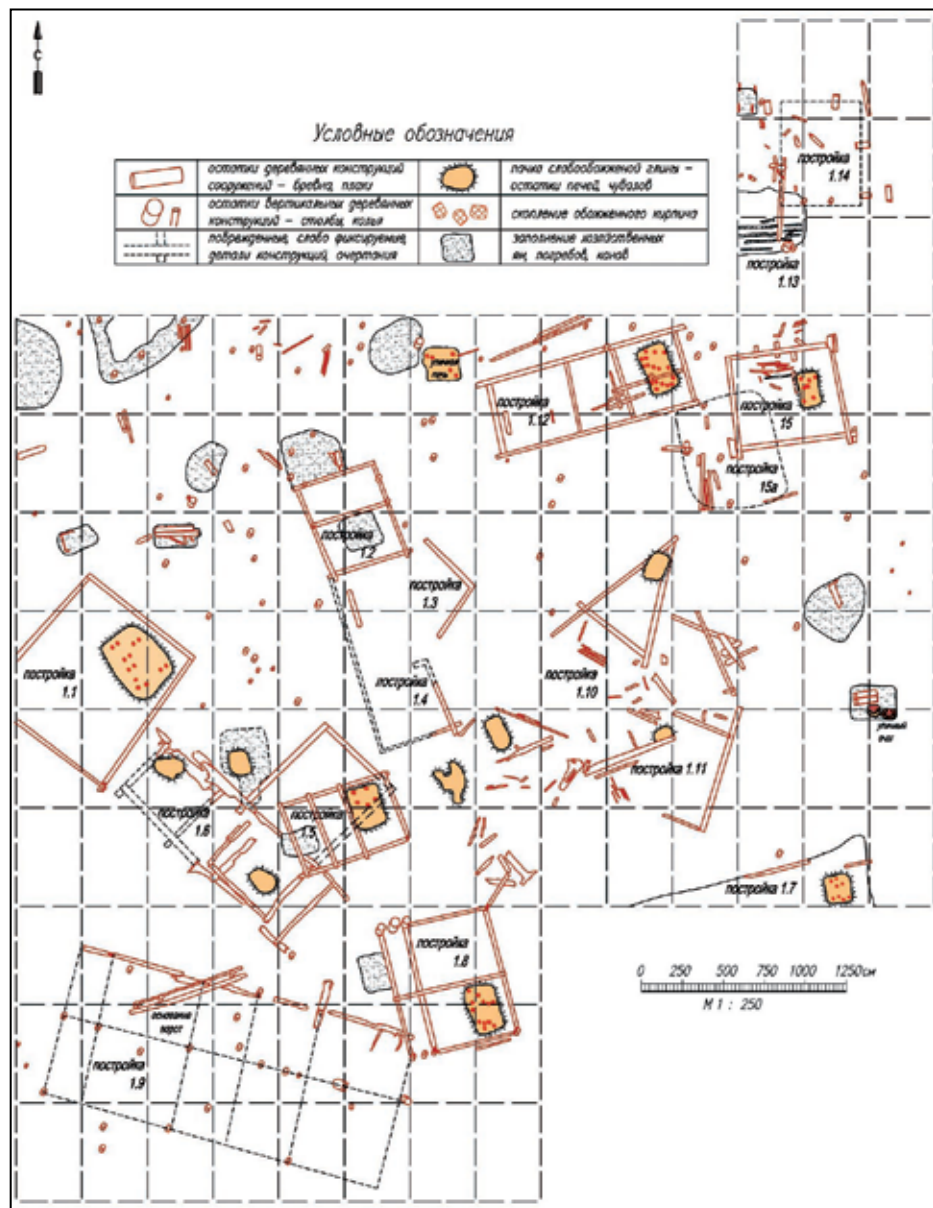
ООО «НПО «Северная археология – 1»

В Ханты-Мансийском р-не ХМАО – Югры, в правобережной части Приобского месторождения нефти, на поселении Урочище Бала 1 проведены спасательные археологические полевые работы площадью 3000 кв. м.

На основании анализа собранной коллекции, исторических источников и картографических материалов памятник интерпретирован как зимнее поселение аборигенного хантыйского населения, функционировавшее как постоянный двор (почтовая станция) на зимнем пути к востоку от Самаровского яма. Тракт связывал Европейскую Россию и Тобольский Север.

В ходе работ исследованы остатки более двадцати жилых и хозяйственных сооружений с сохранившимися деревянными конструкциями: аборигенные каркасные постройки, срубные одно- и двухкамерные жилые постройки, трёхчленная изба-связь, подсобные постройки, хозяйственные ямы, погреба, развалы уличных глинобитных очагов (ил. 1). Основания многочисленных вертикальных столбов интерпретированы как стойки амбаров, крытых дворов и навесов.

Коллекция артефактов датирована периодом перв. пол. XVIII – кон. XIX в. (ил. 2). Промысловое снаряжение представлено оснасткой сетевых орудий, фрагментами луков, деталями шомпольных ружей. Кузнечно-слесарные инструменты и кустарная кузнечная продукция подтверждают существование кузницы. Найдены орудия для обработки древесины, сельскохозяйственный инвентарь. Детали обозно-конского снаряжения свидетельствуют о широком использовании лошадей. Костные остатки указывают на развитое скотоводство (крупный рогатый скот – 35 %, лошадь – 15 %) и домашнее оленеводство (северный олень – 18%). В охотничьем промысле преобладала пушная охота

Ил. 1. Поселение Урочище Бала 1. Сводный план сооружений в раскопе 2013 г.

при малой доле добычи копытных, активно добывалась водоплавающая птица и рыба.

Часть обуви и вязаные вещи изготовлены в местных аборигенных традициях. С торговлей по Сибирскому тракту связано наличие тканых изделий и обуви фабричного производства. На поселении велась выделка сыромятной кожи и обработка кости.

Многочисленна привозная металлическая кухонная утварь. В керамическом комплексе представлена местная грубая лепная посуда, привозные чернолощёные, морёные и серолощёные сосуды, бытовавшие в XVIII в. Более поздняя керамика представлена сероглиняными и поливными изделиями сер. XVIII — XIX в. На дне некоторых сосудов выцарапаны крупные буквы. Дальний импорт представлен единичными фрагментами белоглиняной керамики из светло-жгущихся глин. Обнаружены фрагменты штофов с клеймами нач. XIX в., европейских керамических кувшинчиков из белой глины, винных бутылок и больших бутылей, использовавшихся в торговых заведениях. В слоях втор. пол. XIX в. залегали фрагменты фаянса.

Наряду с бытовыми предметами выделяется комплекс вещей, связанных с постоянным двором: мундирные офицерские пуговицы столичных полков, фрагменты столовых приборов и самоваров, качественной обуви и упряжи. Торговлю и делопроизводство иллюстрируют навесные замки и сундучные детали, разновесы, обломки подсвечников. Украшения представлены оловянными литыми накладками местного производства, привозными перстнями, кольцами, бусами и бисером, пользовавшимися повышенным спросом у аборигенного населения.

Ил. 2. Поселение Урочище Бала 1. Вещевой инвентарь: 1 — плотничный топор; 2 — боевой нож; 3, 4 — ножи хозяйственные с берестяными рукоятками; 5 — гвоздильня; 6 — навесной винтовой замок; 7 — внутренний сундучный замок; 8–10 — столовые приборы; 11 — рюмочка; 12 — фрагмент штофа с клеймом; 13 — кресало; 14 — ружейный кремь; 15 — зимняя ледоходная подкова; 16 — пряжка запряжная; 17 — нагрудная солярная бляха; 18 — поддужный колокольчик; 19 — фрагмент бубенчика; 20 — карабин конской упряжи; 21 — конские удила; 22 — деталь оленьей упряжи; 23 — вильчатый срезень; 24 — наконечник стрелы на выдру; 25–29 — декор конской упряжи; 30–32 — литые накладные украшения; 33 — фрагмент створки литейной формы; 34 — нагрудный крест; 35, 36 — перстни; 37, 38 — серьги; 39 — курительная трубка; 40 — свечник подсвечника. *Материал:* 1–8, 10, 15, 16, 20, 21, 23, 24 — железо; 9, 11, 17–19, 25–29, 34–38, 40 — цветной металл; 12 — стекло; 14 — камень; 22 — кость; 30–32 — олово; 33, 39 — глина

Найдены предметы христианского культа. Монеты царского чекана датируются периодом с 1742 по 1916 г.

По источникам известно, что в XVII–XIX вв. у аборигенного населения Средней Оби сложился хозяйственный комплекс, связанный с оседлым образом жизни и производящим типом хозяйства (при значительном включении элементов присваивающего). Основными занятиями были скотоводство, рыболовство, охота и собирательство. «Они, сравнительно с другими, культурны, живут в бревенчатых избах, которые строят сами, держат лошадей повсеместно, а в некоторых юртах даже коров и овец; их женщины пекут хлеб, ткнут холст, вышивают бисером и шерстью»¹. Сформировавшееся к XIX в. население Средней Оби есть результат этнической конвергенции, в которой участвовали выходцы с Русского Севера (русские, коми) и аборигены ханты. Подавляющая часть коренного населения была аккультурирована, а затем инкорпорирана в состав русского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. — М.: Либерия, 1995—1996. — Т. I: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. — С. 130.

Результаты мониторинга и установления границ археологических памятников в бассейне р. Ендырь

Т.Н. Собољникова

г. Ханты-Мансийск

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

А.В. Кузина

г. Ханты-Мансийск

ООО НИПИ «Этно-археоцентр»

А.В. Кениг

Югорская лаборатория археологии и этнологии ИАЭТ СО РАН

В полевом сезоне 2013 г. в соответствии с государственным контрактом на оказание услуг по организации обследования технического состояния и установления границ территорий объектов культурного наследия были проведены археологические изыскания в Октябрьском районе ХМАО — Югры. Объектами исследования являлись памятники археологии, расположенные в левобережье р. Ендырь — левого притока р. Оби (список см. далее в таблице).

Они достаточно компактно расположены на территории урочища, протянувшегося примерно на 4 км вдоль высокого левого берега р. Ендырь. Ландшафтная ситуация здесь типична для северо-таёжной зоны Западной Сибири: рельеф местности холмистый, высотные отметки варьируют от 40 м до 89 м. На территории расположения памятников произрастает смешанный лес с преобладанием хвойных пород.

Обследованные в 2013 г. памятники были выявлены в 1993 г. археологической экспедицией Института истории и археологии УрО РАН под руководством С.Ф. Кокшарова¹. Не углубляясь детально в историю исследования данной территории, отметим, что в ходе стационарных археологических работ, проводившихся в этом микрорайоне с 1994 по 2007 г., были подробно исследованы следующие памятники: городище Ендырское 1 (Эмдер)², поселения Ендырское 7³ и Ендырское 8⁴, могильники Ендырский 1⁵ и Ендырский 2⁶. По данным объектам была получена исчерпывающая информация, позволившая

провести их культурно-хронологическую атрибуцию, реконструировать не только внешний облик археологизированных сооружений, но и культурно-исторические процессы, протекавшие здесь в древности и Средневековье⁷. По результатам проведённых работ исследователями было установлено, что территория урочища активно осваивалась в разные хронологические периоды. Так, к наиболее ранним этапам — эпохе неолита-энеолита и раннего бронзового века — отнесены жилищные комплексы поселения Ендырское 8⁸. Могильник Ендырский 2, расположенный на той же территории, что и поселение, датирован эпохой позднего Средневековья (XVI — нач. XVII в.). Исторически он, как и могильник Ендырский 1, связан со временем функционирования городища Ендырское 1 (Эмдер)⁹.

Таким образом, к 2013 г. территория урочища археологически была изучена достаточно хорошо. Данное обстоятельство существенно облегчило реализацию ряда задач, прежде всего, связанных с установлением границ территории памятников. Исходя из рельефа урочища, естественными границами для всех ендырских памятников являлись склоны береговой террасы р. Ендырь. Условные границы объектов археологического наследия, учитывая опыт проведённых в таёжной зоне Западной Сибири этно-археологических исследований¹⁰, проводились с напольной стороны береговой террасы, на расстоянии в среднем до 25 м от археологизированных объектов — остатков древних сооружений (впадин, обваловок, валов, наземных площадок и т. д.), а также между отдельными памятниками, если они не разделялись естественными рубежами. При проведении инженерно-геодезических работ были проложены тахеометрические ходы протяженностью более 2,6 км. Общая площадь съёмки составила более 20 га.

Обобщённая информация по обследуемым археологическим объектам, данные о техническом состоянии, разрушениях, площади и пр. представлены ниже в таблице. При указании датировки учитывались результаты предшествующих исследований, а также данные, полученные в ходе мониторинга 2013 г.

Кардинальных изменений в состоянии ендырских памятников по сравнению с 1993 г. не зафиксировано. Тогда, 20 лет назад, состояние памятников не было определено, однако были отмечены повреждения почвенного слоя, связанные как с природными факторами (буреломы, выворотни), так и с антропогенным воздействием (разъезды гусеничной техникой, геофизические профили и др.). В 2013 г. на территории исследуемых памятников зафиксирована следующая ситуация: нижний

ярус растительности большей частью выгорел в результате пожара 2012 г., в связи с чем на ряде участков был нарушен поверхностный почвенный покров (в ходе тушения пожара, падения деревьев и т.д.). Кроме того, в результате ветровалов территория многих памятников частично завалена крупными деревьями — особенно это касается участков, расположенных близко к береговой линии и вдоль сейсмопрофилей. Несмотря на эти негативные моменты, техническое состояние большинства памятников было определено как «хорошее», поскольку факторов, угрожающих состоянию объектов, на момент обследования не выявлено.

От человеческого воздействия больше других пострадали городище Ендырское 1 (Эмдер) и селище Ендырское 1. Территории этих памятников попали в зону санитарной рубки горельника, проведённой здесь после пожара 2012 г. В результате у городища Ендырское 1 были сnivelированы южный и юго-восточный отрезки внешней фортификационной системы, а в юго-восточной части территории селища Ендырского 1 появились тракторные дороги шириной от 3 до 4 м. Состояние памятников определено как «плохое».

В процессе осмотра разрушенных участков на территории нескольких ендырских памятников был собран подъёмный материал, который позволил подтвердить уже имеющиеся данные (могильник Ендырский 2; городища Ендырское 1 (Эмдер), Ендырское 3, Ендырское 8; поселение Ендырское 7) либо получить новую информацию (поселение Ендырское 5; городище Ендырское 6) по культурно-хронологической атрибуции. Находки, приобретённые в ходе исследований, были переданы на хранение в БУ ХМАО — Югры «Музей природы и человека» (г. Ханты-Мансийск).

Наибольшее количество артефактов было получено на территории городища Ендырское 8 (92 ед. хр.) и поселения Ендырское 7 (49 ед. хр.). Керамическую коллекцию с последнего памятника по орнаментальным и технологическим параметрам можно разделить на две группы:

1. Сосуды, орнаментированные горизонтальными рядами отпечатков косого креста и волны (ил. 1—1). Их можно соотнести с атлымской культурой Нижнего Приобья эпохи поздней бронзы — X—VIII вв. до н. э.¹¹
2. Сосуды, декорированные оттисками фигурных штампов («глазчатые» ромбы) (ил. 1—2). Подобный орнамент характерен для керамической посуды карымского этапа нижнеобской культуры (втор. пол. IV — нач. VI в.)¹².

По результатам раскопок памятника в 2008—2009 гг. С.Ф. Кокша-ровым был сделан вывод об освоении территории данного поселения

на протяжении позднего бронзового и раннего железного веков (X—VIII вв. до н.э.), а также эпохи Средневековья (IV—VI вв.).¹³ Полученные в 2013 г. материалы не противоречат данной информации.

Керамика, собранная в вывортнях на площадке городища Ендырское 8, по орнаментации относится к фигурно-штампованной (ил. 1—3—5). Декора-

Ил. 1. Керамика с археологических памятников в бассейне р. Ендырь. 1–2 — поселение Ендырское 7; 3–5 — городище Ендырское 8

тивные схемы вариативны: чередование горизонтальных и вертикальных поясов гребенчатого и фигурного штампов (ромбы, треугольники, различные вариации углового штампа). В верхней части венчиков расположен ряд глубоких ямочных вдавлений округлой формы, образующих с внутренней (а иногда и с внешней) стороны «жемчужины». Подобные орнаментальные мотивы характерны для керамической посуды эпохи Средневековья (зеленогорский этап, VI—VII вв.)¹⁴. Данные выводы соотносятся с материалами, полученными в сборах 1993 г. С.Ф. Кокшаровым¹⁵.

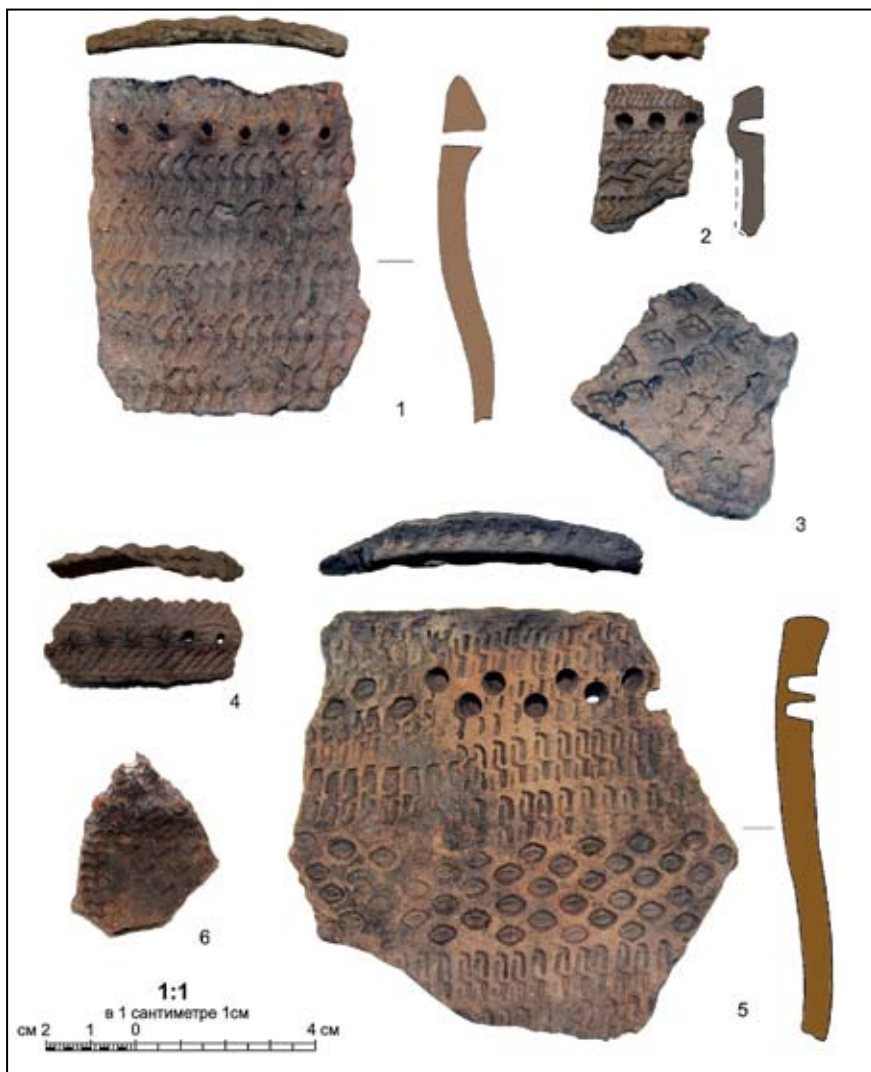
В ходе исследований 2013 г. были получены материалы, позволившие атрибутировать памятники, не датированные ранее. К ним относятся поселение Ендырское 5 и городище Ендырское 6.

На повреждённых участках территории поселения Ендырское 5 было собрано 24 фрагмента керамики, орнаментированных монотонными узорами из горизонтальных рядов волнистых линий; гребенчатым штампом и оттисками различных фигурных штампов — «глазчатыми» ромбами, меандровыми узорами (ил. 2—1—4). Подобные мотивы характерны для керамической посуды карымского этапа эпохи Средневековья (втор. пол. IV — нач. VI в.). В отчёте 1993 г. С.Ф. Кокшаров выдвинул предположение о том, что впадины на поселении могут быть отнесены к разному времени, отметив при этом, что объекты не «перекрывают» друг друга¹⁶.

Сборы на территории городища Ендырское 6 в 2013 г. были не так многочисленны — 6 фрагментов керамики (ил. 2—5—6). Тем не менее общее представление об их культурно-хронологической принадлежности получить можно. Сосуды баночной формы, с хорошо заглаженными стенками толщиной 4—7 мм. На одном венчике сохранился орнамент, представляющий собой пояски разнонаклонных отпечатков штампов. По срезу венчика нанесён ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа, по шейке — ряд глубоких ямочных вдавлений округлой формы, образующих с внутренней стороны «жемчужины». Такая посуда находит аналогии в материалах раннего железного века (VII—VI вв. до н. э.) — ярсалинской культурой¹⁷.

Таким образом, в результате мониторинга 2013 г. в Октябрьском районе ХМАО — Югры обследован 21 памятник археологии. На каждом были проведены тахеометрическая съёмка и фотофиксация; установлены границы территории. По результатам работ подготовлена учётная документация (акты технического состояния, акты установления границы, учётные карты), 16 памятников поставлены на государственный учёт. Были получены и научные результаты: на поселении Ендырское

5 и городище Ендырское 6 получены материалы, позволившие уточнить культурно-хронологическую датировку указанных памятников. На территории могильника Ендырский 2, городищ Ендырское 1 (Эмдер), Ендырское 3, Ендырское 8 и поселения Ендырское 7 был собран подъёмный материал, который позволил подтвердить и дополнить результаты предыдущих исследований.

Ил. 2. Керамика с археологических памятников в бассейне р. Ендырь. 1–4 — поселение Ендырское 5; 5–6 — городище Ендырское 6

Таблица 1

Общая характеристика памятников археологии Октябрьского района ХМАО – Югры, обследованных в ходе мониторинга 2013 г.

№	Наименование объекта археологии	Номер объекта по спискам выявленных объектов	Датировка	Техническое состояние [площадь разрушений (кв. м)]	Площадь памятника (га)	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
1	Ендырский 1 могильник	Выявленный объект № 5198 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Средневековые (втор. пол. XV – XVI в.)	Хорошее [не менее 0,1]	0,4899	В центральной части могильника фиксируются рекультивированные археологические раскопы 1997–1998 гг. общей площадью 251 кв. м
2	Ендырский 2 могильник	Выявленный объект № 1644 по «Списку вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» от 26.06.2002.	Средневековые (XVI – нач. XVII в.)	Хорошее [не менее 168,0]	0,8090	В центральной и северо-западной частях могильника фиксируются рекультивированные археологические раскопы 1999–2005 гг. общей площадью 529 кв. м
3	Ендырское 1 городище (Эмдер)	Выявленный объект № 1640 по «Списку вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» от 26.06.2002.	Ранний железный век (VII–VI вв. до н. э.); Средневековые (VI–VII, XI–XII, XII–XVI вв.)	Плохое [не менее 82,7]	0,8794	На территории городища находятся рекультивированные археологические раскопы разных лет общей площадью 364 кв. м
4	Ендырское 1 селище	Выявленный объект № 5199 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Средневековые (VIII–XIII вв.)	Плохое [не менее 91,2]	1,0400	Визуально выраженных в рельефе объектов не обнаружено. Памятник зафиксирован по сборам с поверхности и наличию культурного слоя
5	Ендырское 2 городище	Выявленный объект № 5200 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Ранний железный век – Средневековые (I тыс. до н. э. – I тыс.)	Хорошее [не менее 39,2]	0,2612	–
6	Ендырское 2 селище	Выявленный объект № 5201 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Ранний железный век – Средневековые (I тыс. до н. э. – I тыс.)	Хорошее [не менее 0,1]	0,1861	–

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
7	Ендырское 3 городище	Выявленный объект № 5202 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры», от 06.12.2013.	Ранний железный век (кульминский тип, VI–V вв. до н. э.)	Хорошее [ок. 42,0]	0,1355	–
8	Ендырское 3 селище	Выявленный объект № 5203 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Ранний железный век (кульминский тип, VI–V вв. до н. э.)	Хорошее [ок. 227,1]	0,4681	–
9	Ендырское 4 городище	Выявленный объект № 5204 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Средневековые (карымский, зеленогорский этапы, втор. пол. IV – нач. VII в.)	Хорошее [не менее 80,0]	0,8170	–
10	Ендырское 4 селище	Выявленный объект № 5205 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Средневековые (карымский, зеленогорский этапы, втор. пол. IV – нач. VII в.)	Хорошее [не менее 0,1]	0,4794	–
11	Ендырское 5 городище	Выявленный объект № 5206 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Ранний железный век – Средневековые (I тыс. до н. э. – I тыс.)	Хорошее [не менее 91,5]	0,0658	–
12	Ендырское 5 поселение	Выявленный объект № 5207 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Ранний железный век – Средневековые (I тыс. до н. э. – I тыс.)	Хорошее [не менее 574,0]	0,8290	В ходе работ 2013 г. дополнительно выявлен 1 объект – жилищная впадина № 25
13	Ендырское 6 городище	Выявленный объект № 5208 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Ранний железный век (VII–VI вв. до н. э.)	Хорошее [не менее 55]	0,1609	–
14	Ендырское 6 поселение	Выявленный объект № 1641 по «Списку вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» от 26.06.2002.	Средневековые (карымский этап, IV–V вв.)	Хорошее [957,6]	2,1970	В ходе работ 2013 г. дополнительно выявлен 1 объект – жилищная впадина № 23
15	Ендырское 7 городище	Выявленный объект № 5209 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Ранний железный век (саровский этап, нач. I тыс.)	Плохое [257,8]	0,1772	В ходе работ 2013 г. на площадке городища дополнительно выявлено 5 объектов – жилищных впадин № 8–12

1	2	3	4	5	6	7
16	Ендырское 7 поселение	Выявленный объект № 1642 по «Списку вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» от 26.06.2002.	Поздний бронзовый век, ранний железный век (X–VIII вв. до н. э.); Средневековые (XI–XVI вв.)	Хорошее [118,8]	1,4530	На территории памятника зафиксированы рекультивированные археологические раскопы 2008–2009 гг. общей площадью 96 кв. м. В ходе работ 2013 г. дополнительно выявлено 3 объекта – жилищные впадины № 39–41
17	Ендырское 8 городище	Выявленный объект № 5210 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры», от 06.12.2013.	Средневековые (зеленогорский этап, VI–VII вв.)	Хорошее [46,3]	0,1465	–
18	Ендырское 8 поселение	Выявленный объект № 1643 по «Списку вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» от 26.06.2002.	Неолит – позднее Средневековые (VI–V тыс. до н. э. – XIV–XV вв.)	Хорошее [не менее 168,0]	0,8090	На территории памятника зафиксированы рекультивированные археологические раскопы 1999–2005 гг. общей площадью 529 кв.м
19	Ендырское 9 селище	Выявленный объект № 5211 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Неолит (VI–V тыс. до н. э.); бронзовый век (ок. сер. II тыс. до н. э.); ранний железный век (IV–III вв. до н. э.).	Плохое [539,0]	0,1937	–
20	Ендырское 10 селище	Выявленный объект № 5212 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Неолит (VI–V тыс. до н. э.); бронзовый век (ок. сер. II тыс. до н. э.)	Хорошее [157,5]	0,3470	–
21	Ендырское 11 селище	Выявленный объект № 5213 по «Списку выявленных объектов культурного наследия ХМАО – Югры» от 06.12.2013.	Ранний железный век – Средневековые (I тыс. до н. э. – I тыс.)	Хорошее [60,0]	0,3477	–

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Октябрьском районе Тюменской области в 1993 г. (Ханты-Мансийский автономный округ). — Екатеринбург, 1994. — С. 19.

² Кокшаров С.Ф. Отчёт о раскопках городища Ендырского I, проведённых в 1994 г. — Екатеринбург, 1994; Кокшаров С.Ф. Отчёт о раскопках городища Ендырского I, проведённых в 1995 г. — Екатеринбург, 1995; Кокшаров С.Ф. Отчёт: Археологические раскопки в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 1999 г. — Екатеринбург, 2000; Зыков А.П. Отчёт о рекогносцировочных раскопках городища Ендырского I, проведённых в 1998 г. — Екатеринбург, 1999; Зыков А.П. Отчёт о раскопках городища Ендырского I в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённых летом 2001 г. — Екатеринбург, 2002.

³ Кокшаров С.Ф. Раскопки Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2008 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2009. — Вып. 7. — С. 217—219; Кокшаров С.Ф. Отчёт о НИР: Раскопки поселения Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО — Югры Тюменской области, проведённые в 2009 г. — Екатеринбург, 2010.

⁴ Кокшаров С.Ф. Отчёт: Археологические раскопки в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 1999 г....; Зыков А.П. Отчёт о НИР: Раскопки Ендырского II могильника и Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2003 г. — Екатеринбург, 2004; Зыков А.П. Отчёт о НИР: Раскопки Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2004 г. — Екатеринбург, 2005; Зыков А.П. Отчёт о НИР: Раскопки Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2005 году. — Екатеринбург, 2006; Каменский С.Ю. Раскопки поселения Ендырское VIII в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008. — Вып. 6. — С. 171—172.

⁵ Кокшаров С.Ф. Отчёт о раскопках могильника Ендырского I в 1997 г. — Екатеринбург, 1998; Кокшаров С.Ф. Отчет: Археологические раскопки могильника Ендырского I в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, 1998 г. — Екатеринбург, 1999.

⁶ Кокшаров С.Ф. Отчёт: Археологические раскопки в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 1999 г....; Кокшаров С.Ф. Отчёт о НИР: Раскопки могильника Ендырского II в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2000 г. — Екатеринбург, 2001; Зыков А.П. Отчёт о НИР: Раскопки могильника Ендырского II в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2002 году. — Екатеринбург, 2003; Зыков А.П. Отчёт о НИР: Раскопки Ендырского II могильника и Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2003 г....

⁷ Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. — Екатеринбург: Волот, 2001. — С. 7.

⁸ Кокшаров С.Ф. Отчет: Археологические раскопки в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 1999 г....; Зыков А.П. Отчёт о НИР: Раскопки Ендырского II могильника и Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2003 г....; Зыков А.П. Отчёт о НИР: Раскопки Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской об-

ласти, проведённые в 2004 г...; **Зыков А.П.** Отчёт о НИР: Раскопки Ендырского VIII поселения в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области, проведенные в 2005 году...; **Каменский С.Ю.** Раскопки поселения Ендырское VIII в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2007 г....

⁹ **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... — С. 200.

¹⁰ **Кениг А.В.** Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селкупов). — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010; Методика определения границы территории объекта археологического наследия. Письмо Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 27.01.2012. □ 12-01-39/05-АБ. Пункт 7.2.

¹¹ **Чемакин Ю.П.** Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск, 2008. — С. 59.

¹² **Зыков А.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и Новое время. — Екатеринбург, 2012. — С. 47.

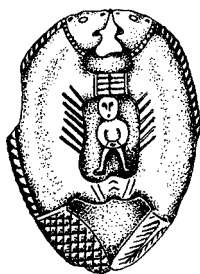
¹³ **Кокшаров С.Ф.** Раскопки Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2008 г...; **Кокшаров С.Ф.** Отчет о НИР: Раскопки поселения Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО—Югры Тюменской области, проведенные в 2009 г....

¹⁴ **Зыков А.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и Новое время... — С. 61.

¹⁵ **Кокшаров С.Ф.** Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Октябрьском районе Тюменской области в 1993 г... — С. 38—39.

¹⁶ **Кокшаров С.Ф.** Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Октябрьском районе Тюменской области в 1993 г... — С. 26.

¹⁷ **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... — С. 54—55.

Археологическая разведка в Берёзовском и Ханты-Мансийском районах ХМАО — Югры в 2013 г.

Д.А. Сурков

г. Ханты-Мансийск

БУ ХМАО — Югры «Музей природы и человека»

Летом 2013 г. сотрудники отдела археологии БУ ХМАО — Югры «Музей природы и человека» провели археологическую разведку в Берёзовском и Ханты-Мансийском р-нах ХМАО — Югры. Целью работ являлось обследование двух участков. В окрестностях пгт. Берёзово (Берёзовский р-н) требовалось оценить состояние уже известных объектов археологии (городище Берёзово 1, поселения Соровый Мыс и У Пристани, могильник Усть-Сосьвинский) и провести поиск новых. В Ханты-Мансийском р-не работы были нацелены на выявление новых объектов культурного наследия на протоке Байболаковской.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ОКРЕСТНОСТЯХ ПГТ. БЕРЁЗОВО

Городище Берёзово 1

Со времени своего последнего изучения в 1999 г. городище подверглось сильному антропогенному воздействию: на выступающем мысу берега (площадь памятника) был организован учебный полигон по военному делу, в том числе выкопаны шесть окопов, а вынутый грунт сложен в мешки для сооружения бруствера по периметру окопов (ил. 1)¹. Ямы и отвалы были тщательно осмотрены. Найдены следующие предметы: костяной и железные наконечники стрел (ил. 2), кость, кованый гвоздь и отходы от производства металла — шлак. Вся информация о разрушениях городища Берёзово 1 передана в Службу государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры.

Поселение Соровый Мыс

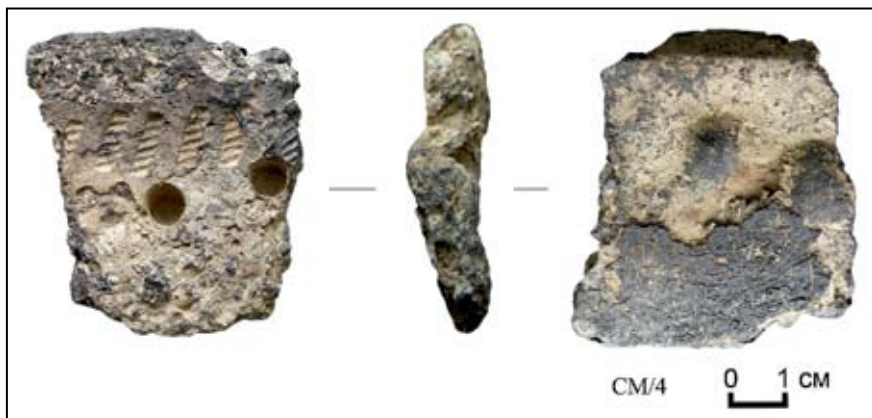
Первые научные обследования Сорового Мыса были проведены в 1930-х гг. С.Г. Бочем и А.Ф. Палашенковым. С.Г. Боч описал «стоянку

Ил. 1. Городище Берёзово 1. Общий вид. Снято с востока

Ил. 2. Городище Берёзово 1. Находки: 1—3 — наконечники стрел; 1, 2 — металл, 3 — кость

Ил. 3. Поселение Соровый Мыс. Шурф 1. Фрагмент венчика сосуда

№ 14», которая находилась на Соровом мысу и дала много подъёмного материала. Однако, судя по этому описанию, к поселению эта стоянка не имеет никакого отношения². В 1937 г. А.Ф. Палашенков сдал в Омский областной краеведческий музей находки — сборы с поселения Соровый Мыс. Памятник обследовал В.Н. Чернецов во время экспедиций 1946 и 1948 гг.³

Нами снят инструментальный план поселения Соровый Мыс.

Поселение расположено на южном краю урочища Соровый Мыс, на левой коренной террасе р. Глубокой (левого притока р. Северной Сосьвы). Высота положительных элементов рельефа над пойменным уровнем в месте расположения памятника достигает 12 м. Площадь памятника — 10690 кв. м. Территория покрыта смешанным лесом с преобладанием деревьев лиственных пород (берёза) и кустарника. В современном рельефе поселение выражено 8 объектами-котлованами от археологизированных построек. Для выявления и характеристики культурного слоя было заложено два рекогносцировочных шурфа, в одном из которых был найден фрагмент венчика сосуда (ил. 3), во втором — обломок шлака.

Поселение Глубокое 1

При визуальном осмотре примерно 5-километрового отрезка левого берега р. Глубокой от её устья (от поселения Соровый Мыс) вверх по течению был обнаружен новый объект археологии. В 0,7 км от левого берега р. Глубокой (в 1,5 км от поселения Соровый Мыс) расположе-

Archaeological plan of the site "Глубокая Речка" (Deep River). The plan shows three pits (1, 2, 3) with their depths and ceramic finds. The plan includes a scale bar (1:100), a north arrow, and a legend for the symbols used.

Legend:

Symbol	Description
0.3 1	Пит, номер, глубина объекта от уровня современной поверхности
△	Место обнаружения керамики

Ил. 4. Поселение Глубокое 1. Глазомерный план

Ил. 5. Поселение Глубокое 1. Западина 1. Снято с севера

Ил. 6. Поселение Глубокое 1. Западина 2. Снято с севера

Ил. 7. Поселение Глубокое 1. Западина 3. Снято с севера

Во время зачистки обнажения (норы грызуна) между западинами № 2 и 3 были найдены два неорнаментированных фрагмента керамики. Это фрагменты стенок сосудов тёмно-охристого цвета с остатком нагара на обеих поверхностях.

Датировка поселения затруднительна.

Работы в пгт. Берёзово

В июле — августе 1956 г. Ханты-Мансийский окружной краеведческий музей совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР организовал экспедицию, в которой работали Т.П. Воробьёва (сотрудник музея) и З.П. Соколова (сотрудник ИИМК АН СССР). Отрядом экспедиции были осмотрены окрестности пгт. Берёзово и открыты два объекта археологии (поселение У Пристани и могильник Усть-Сосьвинский), датировки которых не были определены⁴.

В 1999 г. археологический отряд Музея природы и человека под руководством О.И. Приступа обследовал те же места с целью уточнения данных о выявленных в 1956 г. памятниках, однако последние ни в какой форме — ни в деталях рельефа, ни подъёмным материалом — обнаружены не были⁵.

Предпринятая в 2013 г. ещё одна попытка обнаружить вышеуказанные памятники оказалась столь же безуспешной.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ РАЙОНЕ

В 2011 г. сотрудниками отдела археологии Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) была получена устная информация о могильнике на протоке Байболаковской, в 17,5 км к западу от г. Ханты-Мансийска. Судя по материалам грабительских раскопок, он может быть предварительно датирован XV—XVI вв.⁶

Предполагаемое место нахождения могильника Байболаковского было обнаружено на правом берегу протоки Байболаковской (правобережный приток р. Оби) и представляет собой надпойменную возвышенность (ил. 8). Площадь надпойменной возвышенности небольшая: длина — ок. 650 м, ширина — 150 м. Участок сильно залесён (преимущественно лиственным лесом, кустарником и молодым подлеском), много поваленных деревьев. На восточной окраине возвышенности обнаружена большая частично закопанная яма (ил. 9). При обследовании отвала и при зачистке восточного края этой ямы следов археологического объекта не обнаружено. Поисковые работы по берегам протоки Байболаковской требуют продолжения.

Ил. 8. Протока Байболаковская. Вид на надпойменную террасу. Снято с запада

Ил. 9. Протока Байбола-
ковская. Надпойменная
терраса. Яма. Снято с
востока

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приступа О.И. Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Юргы летом 2000 г. — Ханты-Мансийск, 2001. — Архив Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). — Без №. — 55 с.

² Боч С.Г. Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. — М.; Л., 1937. — Т. 5. — С. 156.

³ Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М., 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 113—114.

⁴ Воробьёва Т.П. Отчёт о научной экспедиции по р. Казым. — Ханты-Мансийск, 1956. — Архив Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). — № ХМ 832/185. — С. 76.

⁵ Приступа О.И. Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе...

⁶ Приступа О.И. Мартиролог предметов археологии из Ханты-Мансийского района ХМАО — Юргы // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 68—100.

Итоги археологических исследований 2013 г. на участках промышленного освоения ОАО «Сургутнефтегаз»

А.В. Плеханов, С.А. Гусев

г. Сургут

ООО «Альфа-Ресурс»

В полевом сезоне 2013 г. силами ООО «Альфа-Ресурс» на территории Сургутского, Нефтеюганского, Ханты-Мансийского, Октябрьского и Белоярского р-нов ХМАО — Югры проводились историко-культурные изыскания на земельных участках, испрашиваемых ОАО «Сургутнефтегаз» под хозяйственное освоение. Подавляющее большинство обследованных участков приурочено к бассейнам основных правобережных притоков Оби — р. Казыма, Назыма, Лямина, Пима, Тромъегана. Исследования в левобережье Оби носили преимущественно точечный характер и были сосредоточены в верховьях р. Большого Салыма.

Всего в ходе работ исследованиями затронуто 44 объекта археологии, из которых в полосе отвода земельных участков выявлено 16 (три из них были обследованы повторно). Это:

- одиночная впадина Пимская 3;
- группы впадин Большой Охтах 1, Большой Охтах 2, Ляркниягун 1, Назымская 6, Тотымаявин 31, Моховая 100, Моховая 103, Моховая 104;
- селища Пимское 2, Лёкъявин 3, Калинкинское 7, Эгутъягун 10, Почекуйское 27, Тотымаявин 29, Моховая 101.

За пределами земельных участков открыто ещё 15 ранее не известных объектов культурного наследия:

- одиночные впадины Малая Карымкарская 1, Малая Карымкарская 2, Малая Карымкарская 3, Малая Карымкарская 5, Назымская 7, Назымская 8, Почекуйская 29, Моховая 102;
- группы впадин Ляркниягун 2, Малая Карымкарская 4, Моховая 105;
- селища Пимское 1, Почекуйское 28, Тотымаявин 30, Моховая 101.

Нами также повторно обследовано 13 памятников археологии, расположенных за пределами участков натурных работ:

- группа ловчих ям Малая Моховая 2;
- селища Эгутъягун 8, Эгутъягун 9, поселения Большие Леуши 2, Большие Леуши 3;

— группы впадин Почекуйская 8, Тотымаявин 17, Тотымаявин 18, Тотымаявин 20, Тотымаявин 21;

— одиночные впадины Почекуйская 9, Почекуйская 10 и Тотымаявин 19.

На территории всех выявленных памятников выполнена топографическая съёмка, оформленная в виде цифровых планов М 1:200—500 м с обозначением угловых точек границ объектов культурного наследия. Ранее открытые и повторно обследованные памятники фиксировались с помощью GPS координат с последующей их привязкой на картах-схемах, спутниковых и аэрофотоснимках высокого разрешения. Сведения о некоторых из них дополнены, в составе ряда памятников выявлены новые объекты.

Все объекты можно разделить на две группы:

— поселенческие (селища, поселения), включающие в себя от одного до шести археологизированных сооружений;

— промысловые, представляющие собой одиночно расположенные объекты (впадины) или их группы с характерными морфологическими признаками, присущими ямам-ловушкам.

В первой группе можно отметить ряд наиболее выразительных памятников археологии — селища Почекуйское 27 и Моховая 101.

Селище Почекуйское 27

Расположено в 17,5 км северо-восточнее г. Сургута, в правобережье р. Почекуйки, в 0,12 км к юго-западу от ближайшей петли реки.

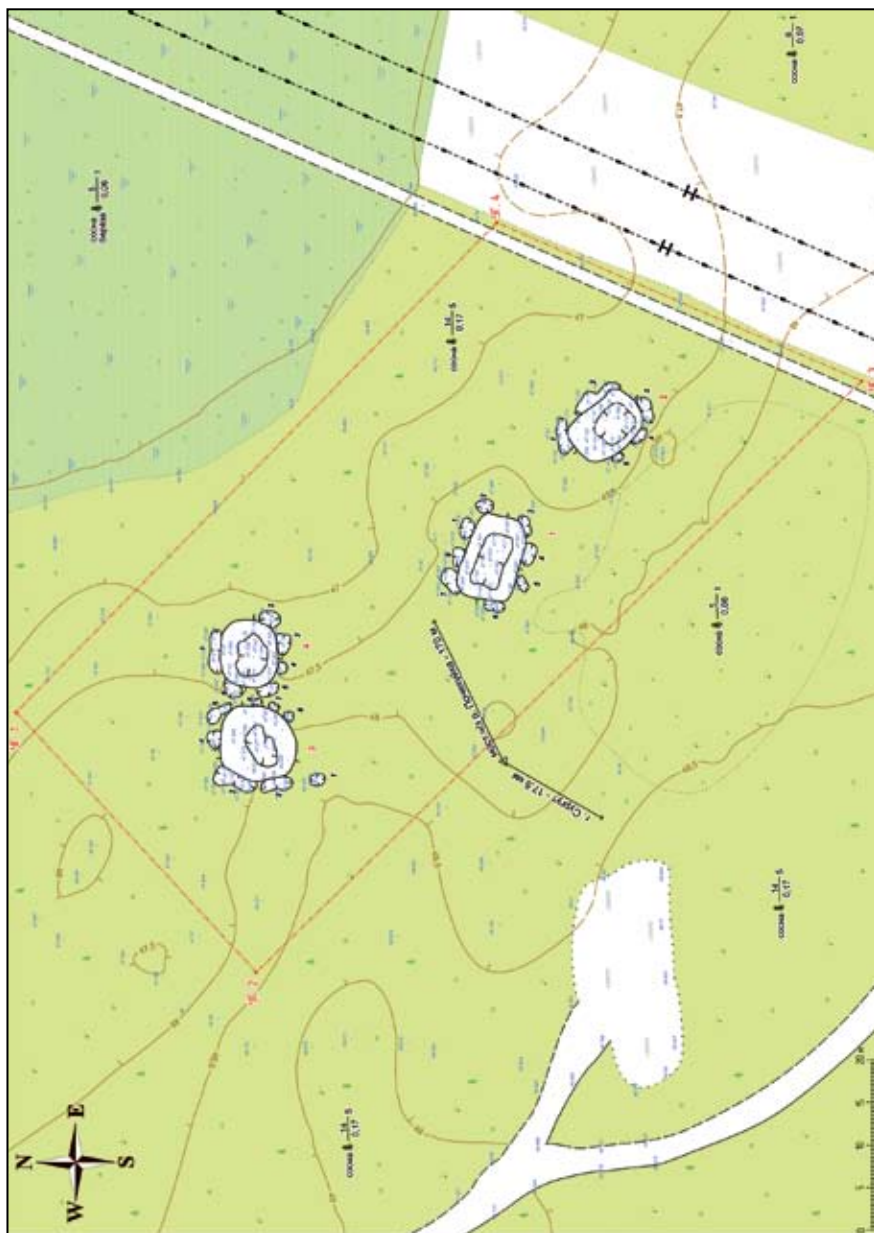
Селище выявлено в 2011 г. А.А. Богдановой (ООО «НПО «Северная археология — 1») при проведении натурных экспертных работ. Тогда был обнаружен лишь один объект (№ 1) в виде наземной площадки, проведена GPS- и фотофиксация, сделано его краткое описание без съёмки топографического плана¹.

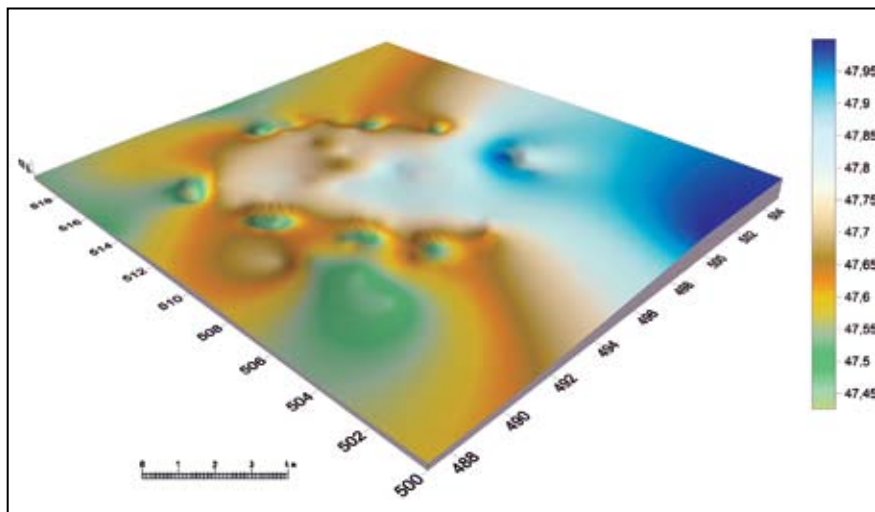
Памятник находится на краю разноуровневой террасы, имеющей пологий склон в сторону водотока. С юго-запада вплотную к площади памятника подступает вал корчевания, образованный строительством коридора коммуникаций, с востока — система нефтепроводов.

При проведении натурных работ по обследованию земельных участков под строительство высоконапорного водовода на куст скважин №641 Восточно-Сургутского месторождения памятник был обследован повторно. В зоне прямой видимости, на расстоянии не более 20 м от первого ранее выявленного, обнаружено ещё три внешне аналогичных объекта. Таким образом, памятник включает в себя 4 приподнятых площадки подпрямоугольной и подовальной форм, расположенных на разных уровнях коренной террасы (ил. 1—3).

Ил. 1.
Селище
Почекуй-
ское 27.
План

Ил. 2. Селище Почекуйское 27. Объект 1. Объёмно-гипсометрическая модель. Сн. с юга

Ил. 3. Селище Почекуйское 27. Объект 4. Сн. с севера — северо-востока

Таблица 1

**Селище Почекуйское 27.
Основные характеристики объектов**

№ объекта	Форма	Размеры (м)	Высота (м)	Примечания
1	Подпрямоугольная	10,0х6,5	0,35	Площадка ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. В центре имеется углубление подпрямоугольной формы размерами 6,0х3,2 м и глубиной до 0,2 м. Объект окружён восемью внешними ямами овальной формы длиной 2,0–3,3 м и шириной 1,0–1,8 м. Глубина варьирует в пределах 0,17–0,26 м
2	Подпрямоугольная	8,7х6,0	0,27	Площадка ориентирована по линии СЗ–ЮВ. На поверхности площадки, со смещением к ЮВ фиксируется углубление подпрямоугольной формы размерами 4,3х3,8 м, глубиной до 0,18 м. Объект окружён пятью внешними ямами овальной и неправильно вытянутой форм длиной 1,4–6,0 м и шириной 1,0–1,7 м. Глубина варьирует в пределах 0,15–0,26 м
3	Подовальная	9,0х8,5	0,33	В центре площадки имеется углубление овальной формы размерами 3,8х2,8 м и глубиной до 0,16 м. Объект окружён восемью внешними ямами округлой, овальной, подтреугольной и неправильно вытянутой форм размерами 1,1–5,0 м и шириной 1,1–2,2 м. Глубина варьирует в пределах 0,15–0,25 м
4	Подовальная	7,8х6,6	0,45	В центре площадки имеется овальное углубление размерами 5,0х3,3 м и глубиной до 0,2 м. Объект окружён шестью внешними ямами овальной, подтреугольной и неправильно вытянутой форм размерами 1,5–5,0 м и шириной 1,1–2,1 м. Глубина варьирует в пределах 0,14–0,24 м

Объект № 2 селища находится в 10 м к западу — северо-западу от визирной просеки, маркирующей коридор будущего водовода.

По внешнему виду и специфике объектов время бытования памятника предварительно можно ограничить I тыс. до н. э. — I тыс. Состояние памятника хорошее.

Селище Моховая 101

Расположено в 14,5 км юго-западнее п. Ульт-Ягун, на правом берегу р. Моховой, в 0,8 км к юго-западу от ближайшей петли реки.

Обнаружено при обследовании месторасположения будущего коридора коммуникаций и площадки куста скважин № 655 Восточно-Сургутского месторождения.

Селище приурочено к тыльной стороне правобережной коренной беломошной террасы, где её высота над уровнем окружающего болота не превышает 1,5 м. В современном рельефе оно представлено компактной группой из шести обособленных объектов в виде впадин в окружении обваловок и внешних ям (ил. 4–6).

Таблица 2

Селище Моховая 101. Основные характеристики объектов

№ объекта	Форма	Размеры (м)	Глубина (м)	Обваловка		Примечания
				Ширина (м)	Высота (м)	
1	Округлая	2,7х2,3	0,26	1,8	0,34	-
2	Подовальная	5,4х4,2	0,27	2,0–2,5	0,42	Впадина ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Е, окружают 5 внешних ям овальной и подтреугольной форм длиной 1,2–1,6 м, шириной 0,8–1,1 м и глубиной 0,18–0,27 м
3	Подпрямоугольная	6,7х5,6	0,35	1,6–2,2	0,38	Впадина ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Окружают 6 внешних ям овальной и трапецевидной форм длиной 1,5–2,2 м, шириной 0,9–1,6 м и глубиной 0,18–0,25 м
4	Подпрямоугольная	7,6х4,0	0,32	2,0–3,0	0,36	Впадина ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На поверхности обваловки фиксируются 2 ямы овальной формы длиной 0,9 и 1,3 м, шириной 0,6 и 0,9 м и глубиной 0,15 и 0,22 м.
5	Подквадратная	3,8	0,28	1,3–2,2	0,27	Впадину окружают 3 внешние ямы овальной и трапецевидной форм длиной 0,9–1,3 м, шириной 0,6–0,9 м и глубиной 0,14–0,21 м. В северной части впадины фиксируется коридорообразный выход длиной 1,2 и шириной 0,9 м
6	Подпрямоугольная	4,5х3,8	0,27	0,9–2,0	0,22	Впадина ориентирована по линии СЗ–ЮВ. С В к объекту примыкает внешняя яма неправильной формы размерами 2,6х2,4 м и глубиной 0,18 м. В южной части впадины фиксируется коридорообразный выход длиной 1,6 и шириной 1,0 м

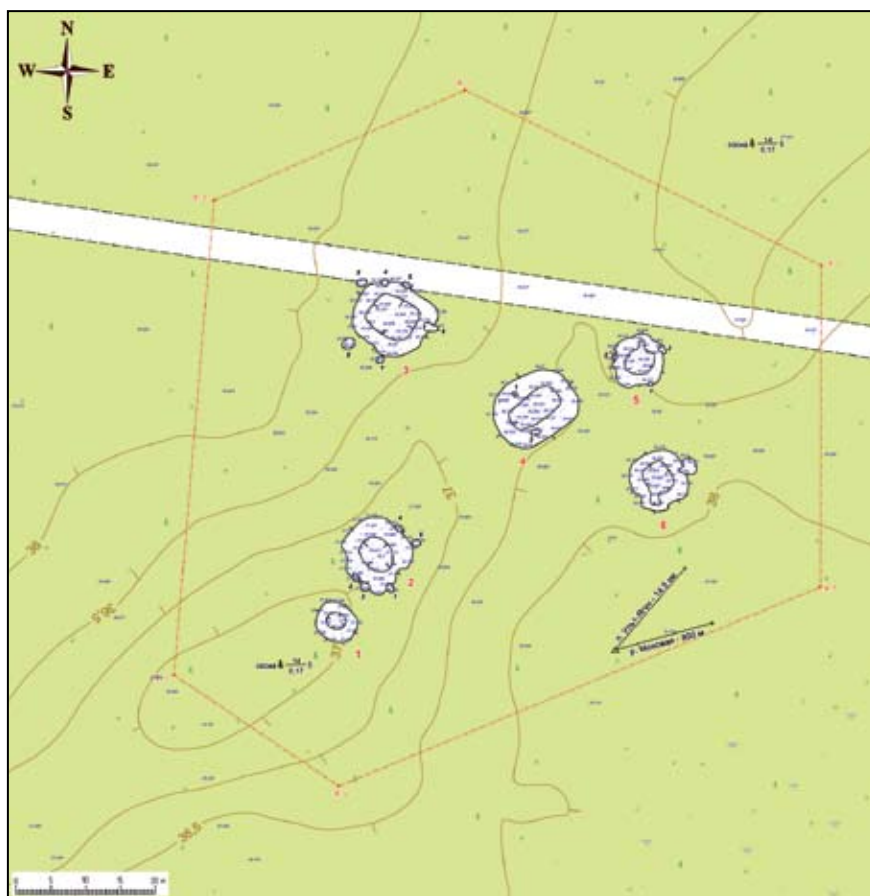
По внешнему виду объектов можно предположить, что один из шести (№ 1 на плане), возможно, являлся хозяйственной постройкой. О бытовой принадлежности других археологизированных объектов без проведения раскопок говорить преждевременно.

Внешний вид объектов не позволяет однозначно отнести их к какому-либо хронологическому периоду. По опыту работ и проведённым аналогиям можно лишь предварительно ограничить время их функционирования I тыс. до н. э. — I тыс. Состояние памятника хорошее.

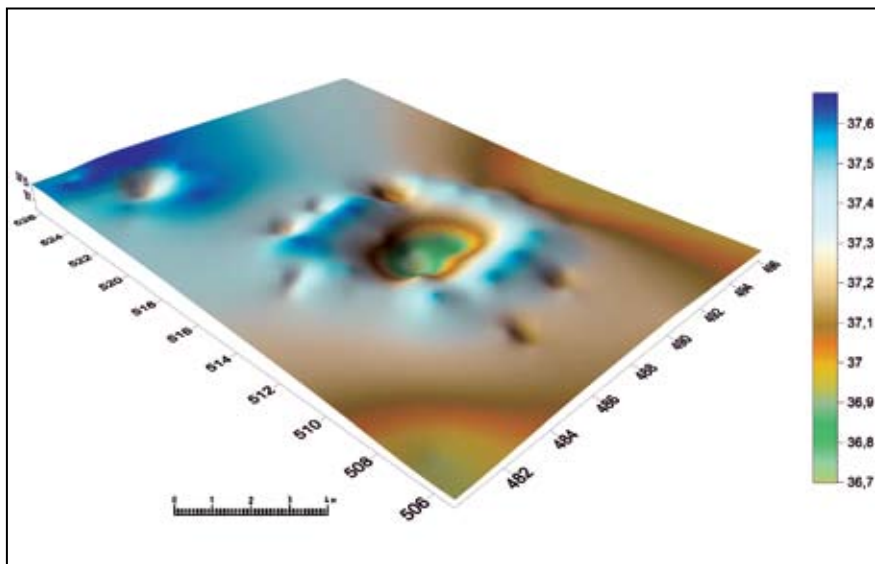
Ко второй вышеуказанной группе, среди прочих, можно отнести комплекс памятников, расположенный на левом берегу р. Тотымавин

и выявленный В.М. Морозовым в 2004 г.² Тогда на данном участке было открыто 5 объектов культурного наследия: группы впадин Тотымаявин 17, Тотымаявин 18, Тотымаявин 20, одиночная впадина Тотымаявин 19 и, немного южнее, группа впадин Тотымаявин 21. В ходе тех работ была проведена топографическая съёмка ближайших к автодороге объектов.

В 2013 г. при обследовании коридора коммуникаций на кусты скважин К-49 и К-52 Ай-Пимского месторождения эти памятники были осмотрены повторно. Была выполнена фотофиксация и спутниковое координирование всех объектов. Установлено, что группы впадин Тотымаявин 17, Тотымаявин 18, Тотымаявин 20 и одиночная впадина

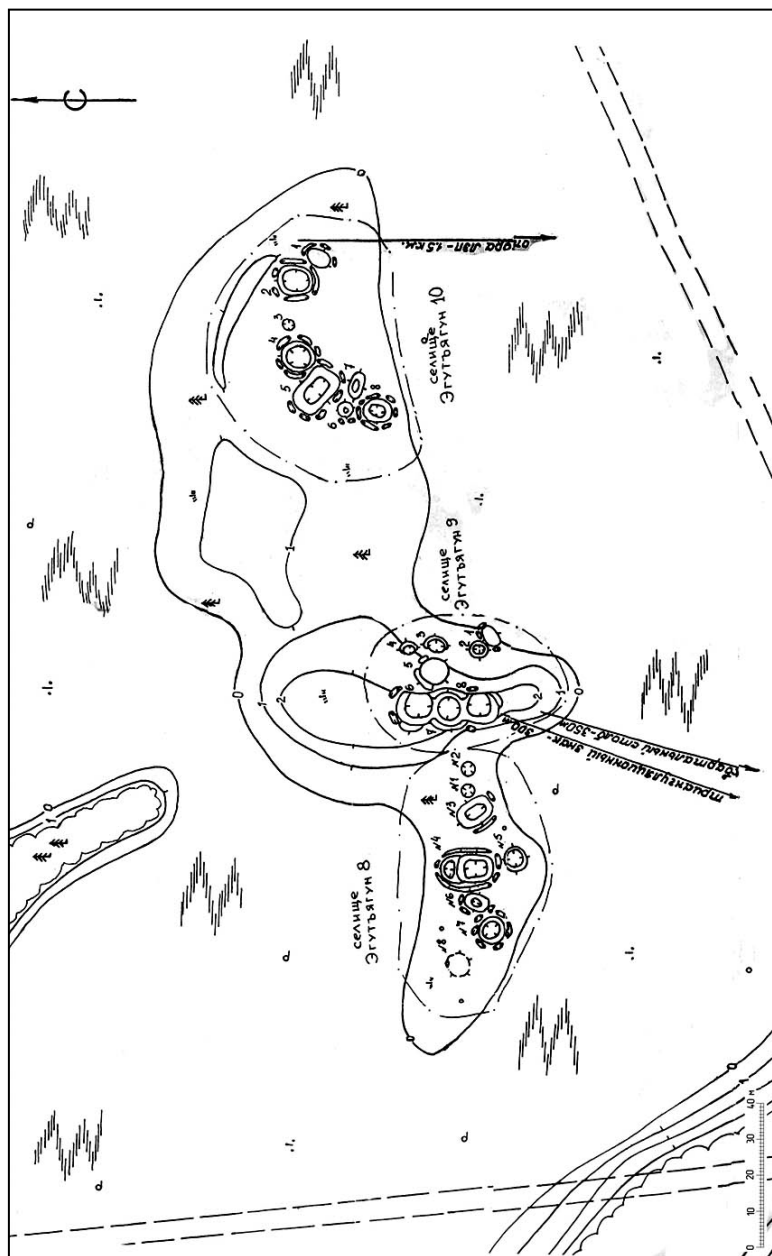
Ил. 4. Селище Моховая 101. План

Ил. 5. Селище Моховая 101. Объекты 1, 2. Объёмно-гипсометрическая модель. Сн. с востока

Ил. 6. Селище Моховая 101. Объект 2. Сн. с востока

Ил. 7. Селища Эгутьягун 8, Эгутьягун 9, Эгутьягун 10. План (по: Погодин А.А. Отчёт об археологической разведке в бассейне р. Тром-Аган в окрестностях бывшей деревни Ермаково в Сургутском районе ХМАО. — Екатеринбург, 1995. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1259. Д. 112.)

Тотымаявин 19 представляют собой единый комплекс из 17 внешне схожих между собой объектов в виде разноразмерных впадин овальной и округлой форм, расположенных на местности в форме дуги протяжённостью более 0,5 км, обращённой в сторону русла реки.

Группа впадин Тотымаявин 21 расположена в 0,65 км к югу — юго-западу от вышеупомянутого комплекса и занимает мысовидный выступ коренной левобережной террасы одноимённой реки. Состоит из четырёх впадин разных форм и размеров.

Если говорить о функциональной принадлежности всех пяти памятников, то, судя по внешнему виду объектов, а также их расположению на местности, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что впадины являются остатками ловчих ям.

Датировка памятников не определена. Состояние после выявления и первого обследования не изменилось и оценивается как среднее. Учитывая, что по результатам исследований 2004 г. была отражена лишь часть объектов, необходимо проведение детальной топографической съёмки, охватывающей всю группу этих объектов, а при близости коридоров коммуникаций важно оценить современное состояние памятника.

В ходе исследований 2013 г. были выявлены факты современного разрушения нескольких памятников археологии. Так, при проведении работ по обследованию участка под размещение трассы перевозки бурового оборудования и площадки скважины Р-4259 на Фёдоровском месторождении были повторно осмотрены 3 объекта культурного наследия, выявленных в 1994 г. А.А. Погодиным, — селища Эгутъягун 8, Эгутъягун 9, Эгутъягун 10³. Проведено обследование территории памятников, выполнена фотофиксация и спутниковое координирование.

Все три объекта расположены в 18,5 км северо-западнее п. Юбилейного, в междуречье р. Эгутъягун и Яккунъурий — правых притоков р. Тромъегана. Памятники находятся на вершине изолированного останца коренной террасы, окружённого с юга болотом, с юго-запада и запада — нешироким логом, с востока — пойменным лесом (ил. 7).

Селище Эгутъягун 8. Согласно плану А.А. Погодина памятник состоит из группы в 8 разнотипных объектов (впадин, приподнятых площадок), в центре которой в окружении рвов находится восьмёркообразный объект размерами 15х8 м.

Селище Эгутъягун 9. Памятник находится в 10—15 м восточнее селища Эгутъягун 8. На местности оба памятника отделены друг от друга небольшим понижением рельефа. Селище тоже состоит из восьми разнотипных объектов. Наиболее выделяется восьмёркообразный

объект размерами 23х10 м в западной части селища, состоящий, по-видимому, из трёх археологизированных построек.

Селище Эгутьягун 10. Так же, как и два соседних памятника, состоит из восьми разнотипных объектов в виде впадин и площадок. Имеет линейную планировку: все объекты расположены на местности в форме дуги.

На наш взгляд, разделение А.А. Погодиным внешне однотипных объектов на два селища (Эгутьягун 8 и Эгутьягун 9) носит достаточно условный характер. Объекты селища Эгутьягун 10 также типологически близки к ним. Возможное время бытования всех трёх памятников археологии ограничено А.А. Погодиным эпохой железа.

В ходе работ 2013 г. было установлено, что в пределах площади памятников и на окружающей территории в 2012 г. произошёл низовой лесной пожар. К моменту проведения исследований лесной массив в этом месте был вырублен неустановленной организацией. В ходе этих работ напочвенный покров оказался в значительной степени повреждённым в результате вывозки леса, а культурный слой перемешанным (ил. 8). Границы некоторых объектов к настоящему времени фиксируются достаточно условно.

В дальнейшем на площади всех трёх селищ необходимо проведение уточняющей топографической съёмки, отражающей их современное состояние. В настоящее время состояние памятников оценивается как аварийное.

Исследованиями 2013 г. также выявлен ряд объектов культуры коренного населения хозяйственно-бытового, промыслового и обрядового (культового) назначения.

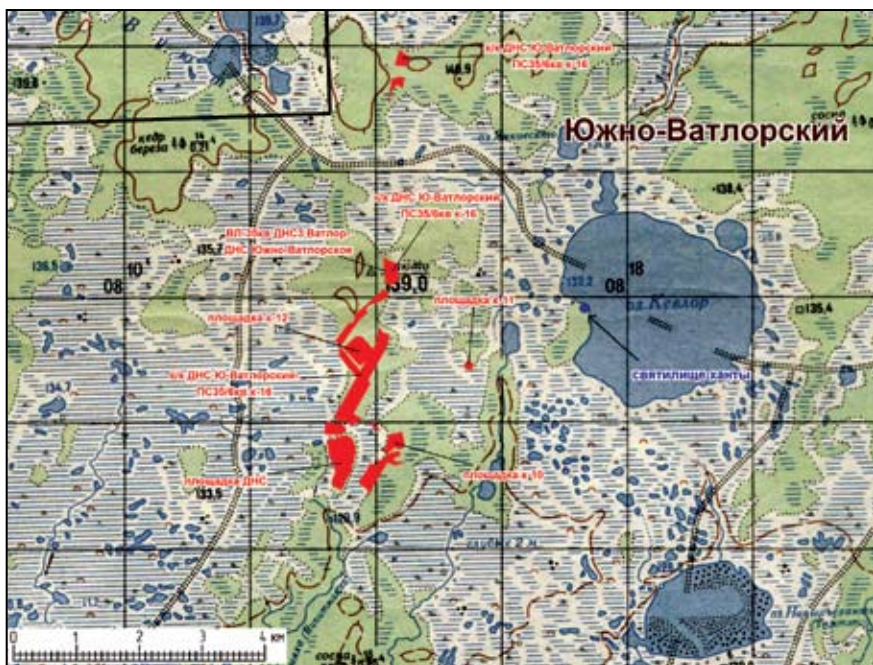
Ил. 8. Селище Эгутьягун 9. Объекты 6, 7, 8 после лесозаготовок (справа на переднем плане след тяжёлой колёсной техники). Сн. с северо-востока

Святылище ханты на западном берегу оз. Кевлор

В ходе проведения исследований на Южно-Ватлорском месторождении совершенно случайно за пределами участков наших работ был обнаружен обрядовый комплекс (святылище) коренного населения. Он расположен в 40 км к югу — юго-западу от п. Нум-То, в северной части Сургутского р-на.

Святылище занимает восточную оконечность мысовидного выступа западного берегового вала оз. Кевлор, вдающегося в акваторию озера на 0,5 км (ил. 9, 10). Центральная площадка святылища находится на безлесом пологом участке размерами 40х60 м (ил. 11). К западу от него простирается обширный лесной массив, окружённый водораздельным болотом.

На территории обрядового комплекса, вдоль края акватории, располагается цепочка одиночных деревьев (берёза, кедр). На них в большом количестве зафиксированы подношения (приклады) в виде повязанных отрезков разноцветной ткани и развешанных шкур оленей

Ил. 9. Святылище ханты на западном берегу оз. Кевлор. Южно-Ватлорское месторождение, Сургутский р-н ХМАО — Югры. Карта-схема месторасположения

Ил. 10. Святилище ханты на западном берегу оз. Кевлор. Общий вид. Сн. с востока (месторасположение указано стрелкой)

Ил. 11. Святилище ханты на западном берегу оз. Кевлор. Центральная площадка. Сн. с юго-запада

Ил. 12. Святилище ханты на западном берегу оз. Кевлор. Подношения (приклады) из ткани вдоль края акватории. Сн. с юго-запада

Ил. 13. Святилище ханты на западном берегу оз. Кевлор. Подношения (приклады) из ткани в западной части площадки. Сн. с северо-запада

(ил. 12). Аналогичные материальные проявления единично фиксируются и в западной (залесённой) части святилища (ил. 13). В северной части площадки, в 6—8 м южнее уреза воды обнаружено кострище с разбросанными на поверхности монетами-подношениями, наиболее ранние из них датируются сер. XX в.

К сожалению, не удалось установить ни названия святилища, ни фамилии его возможного хранителя. В опубликованных письменных источниках какая-либо информация о данном объекте отсутствует. Вероятно, эту информацию можно было бы получить в национальном посёлке Нум-То.

О принадлежности святилища можно предположить следующее. Место его расположения находится на водоразделе двух крупных обских притоков — р. Пим и Казым. Относительно недалеко от этих мест берут своё начало ещё два значительных водотока обского бассейна — р. Пякупур и Надым. Верховья всех этих рек, а также ряд крупных озёр вот уже на протяжении многих веков вплоть до настоящего времени

являются территорией традиционного проживания как хантов, так и лесных (таёжных) ненцев. Места расположения их современных стойбищ зафиксированы нами на окрестных озёрах, а также в верховьях основных притоков упомянутых рек. Особенно значительное их количество (прежде всего, стойбищ хантов) сконцентрировано на правом притоке Казыма — р. Курьёх. Бросается в глаза любопытная деталь местной гидронимии: все поименованные на картматериалах реки имеют лишь ненецкий вариант написания (Вуюяха, Тунгомыха и т.д.), а все озёра — только хантыйский (Патылор, Лорлыпимтыйлор, Соромлор). Подобное обстоятельство, на наш взгляд, лишний раз свидетельствует о том, что данная территория издавна была местом совместного проживания этих двух северных народов.

Говоря о сакральном назначении комплекса, можно предположить, что святилище является предметом поклонения божествам (духам) р. Казыма (основная речная артерия казымских хантов и ненцев) или Пима (главного водотока пимских хантов). При анализе картматериалов установлено, что вблизи оз. Кевлор берут начало левый приток Казыма (р. Янкоесятаяха) и левый приток Ай-Пима (р. Тунгомыха). В свою очередь, истоки основных русел и Казыма, и Пима фиксируются всего в нескольких километрах. Возможно, местное население с берегов данных рек считает, что озеро является источником как для Казыма, так и для Пима, чем и обусловлена его сакральность. Не исключено также, что и «пограничное» место расположения придаёт озеру Кевлор особый статус. С этими обстоятельствами и связано, на наш взгляд, присутствие здесь обрядового комплекса. В силу перечисленных причин нельзя исключать и того, что святилище может являться в равной степени почитаемым у обеих групп населения.

Традиционный промысловый объект

Среди современных промысловых объектов коренного населения, зафиксированных в минувшем полевом сезоне, отдельно стоит упомянуть о слопце на пушного зверя (соболя), обнаруженного в 17,5 км северо-западнее п. Нижнесортимского. Объект являет собой классический образец ловушки давящего типа — одного из способов пассивной охоты ханты.

Ловушка выглядит следующим образом: на двух вертикальных стойках высотой 1,3 м уложены две жерди одинакового диаметра длиной 1,6—1,7 м (ил. 14). С вертикальными стойками жерди скреплены с помощью сквозного пазы. Нижняя из жердей является основанием,

верхняя — давящим грузом. Для увеличения тяжести на верхнюю жердь сбоку дополнительно положена ещё одна. Для доступа зверька к конструкции сбоку наклонно приставлен «сбежек». В настороженном виде между основанием и давящим бревном устанавливаются вертикально один на другой два коротких колышка, соединённых между собой в четверть и зафиксированных под действием силы тяжести, а также установленного в месте соединения четвертей сторожка (тонкого деревянного прутка) с привязанным на конце пучком перьев глухаря или тетерева. Для защиты сторожка от снега сверху кладётся несколько веток лапника.

Принцип действия довольно прост. Зверёк, привлекаемый нагромождением конструкции, поднимется по «сбежку», тревожит прутки с перьями, размыкая тем самым соединение колышков, что, в свою очередь, приводит к падению давящего бревна и мгновенной смерти зверька.

По мнению коренного населения, подобный способ охоты является более гуманным по сравнению с капканной охотой. В настоящее время подобные ловушки можно встретить не только в Сургутском Приобье, но и в бассейнах Таза и Енисея, где они под названием «кулёмка» получили широкое распространение у профессиональных охотников-промысловиков⁴.

Ил. 14. Слопец на пушного зверя (соболя). Нижне-Сортимское месторождение, Сургутский р-н. Сн. с юго-востока

* * *

В заключение необходимо отметить, что процедура согласования хозяйственной деятельности, включающая проведение историко-культурных изысканий, себя полностью оправдывает. Исследования 2013 г. на территории земельных участков ОАО «Сургутнефтегаз» ещё раз подтвердили это. Все сведения об объектах культурного наследия (в том числе и о выявленных фактах их повреждения), полученные в результате проведённых натурных историко-культурных изысканий 2013 г., переданы в установленном порядке в Службу государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры.

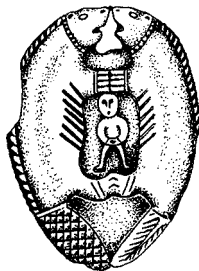
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Богданова А.А. Отчёт о НИР: Историко-культурные изыскания (натурное обследование) на земельных участках, испрашиваемых ОАО «НИПИгазпереработка» под объект «Продуктопровод Пуровский ЗСК — врезка в продуктопровод ШФЛУ «Сургутский ЗСК — Южный Балык» в Пуровском районе ЯНАО и Сургутском районе ХМАО — Югры, проведённые в 2011 году. В 2 кн. — Нефтеюганск, 2011. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 6526, Д. 1463 а, б.

² Морозов В.М. Отчёт о НИР: Археологическое обследование участков ОАО «Сургутнефтегаз», отводимых под промышленное освоение на территории Сургутского района ХМАО в 2004 г. В 2 кн. — Ханты-Мансийск, 2005. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 4959. Д. 837 а, б.

³ Погодин А.А. Отчёт об археологической разведке в бассейне р. Тром-Аган в окрестностях бывшей деревни Ермаково в Сургутском районе ХМАО. — Екатеринбург, 1995. — Архив АУ ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». — Инв. № 1259, Д. 112.

⁴ Действие таких ловушек подробно описывается в документальном фильме Д. Васюкова «Счастливые люди: Год в тайге» (2008 г.).

Библиографическое наследие

Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири*

Е.В. Кузнецов-Тобольский
г. Тобольск

I

Начинающему говорить о чём-либо из сибирской жизни нередко приходится начинать дело от времён блаженной памяти Ермака, но для повествователя о сибирских кладах и кладоискании представляется необходимо более отдалённая экскурсия: в последнем случае в интересах полноты он должен остановить внимание читателя и на тех отголосках седой древности, которые касаются уже сферы чисто мифических представлений.

Известно, что вера простого народа в клады как плод мифического мировоззрения зародилась в наших предках с незапамятных времён. Переходя от тёмной народной массы в высшие сословия, она постепенно окрепла и развила в своих последователях ту любовь к кладоискательству, которая жива в русском народе до наших дней. Благодаря этому в истории кладоискательства древней Руси следует различать два периода — языческий и христианский. Материалом для

* Печ. по: **Кузнецов-Тобольский [Е.В.]** Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири. — Тобольск, 1896. — 50 с. До выхода очерка отдельной брошюрой он был напечатан в газете «Тобольские губернские ведомости» (1896. № 23–25, 27, 29). Евгений Васильевич Кузнецов (1848–1911) родился в семье священника в с. Новом Тобольского округа (ныне Уватский р-н Тюменской обл.). Учился в Тобольской духовной семинарии. Работал в Тобольском музее, служил редактором «Тобольских губернских ведомостей». Плодотворно занимался не только широким кругом вопросов локальной истории, но и публицистикой, художественной прозой, поэзией. Помимо «Тобольских губернских ведомостей», публиковался и в других сибирских изданиях («Сибирский вестник», «Енисей», «Сибирь»). Среди отдельных изданий Е.В. Кузнецова стоит упомянуть: «О распорядах Чичерина в Тобольске» (Тобольск, 1891); «Тревога в Сургуте в 1745 г.» (Тобольск, 1891), «Воздушные страхи Тобольска в старину» (Тобольск, 1892), «Сибирский Летописец. Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, ведённая в Тобольске» (Тобольск, 1892); «Монахиня Прокла» (Тобольск, 1896).

ознакомления с первыми проявлениями верований в клады остаются пока одни упоминания русских былин и сказок о несметных богатствах, сокрытых в лесах, горах, пещерах, т. е. такой материал, полной оценки которого у нас ещё не сделано. Называя охранителями этих богатств то бессмертных Кощеев, то разных Змеев Горынычей, да Тугаринов Змеевичей¹, народная фантазия довела сказания о кладах до пределов баснословия, в котором названные мифические существа, выступавшие обыкновенно в роли врагов старых богатырей, считались нередко ужасом целой земли: так, напр[имер], на мрачном лесистом севере, в одной из пещер отдалённых Печорских гор жила крылатая змея с птичьим носом и двумя хоботами, которая известна была под именем Аспиды, никогда не садилась на землю, а всегда на камень, и куда бы [ни] полетела, могла всё опустошить; на пустынных же берегах Волги славилась Змиева гора: там обитал Дракон с шестью головами, долго летавший на Русь и делавший опустошения, пока один из богатырей не убил его, и он не превратился в камень². Несмотря, однако ж, на страхи, внушаемые охранителями кладов, языческая теория в общем не отвергала возможности добычи клада, считая орудием к тому физическую силу своих богатырей. Этот взгляд изменило уже христианство. Вместо мифического существа обладателем клада, скрытого в земле, по понятиям христиан, является дьявол, и даровым богатством [он] соблазняет неопытных и корыстолюбивых людей на погибель души, требуя от них за это или живой головы, или же какой-либо другой дани: *«Аще бо или серебро, или злато сокровенно будет под землёю, — говорится в «Сказании о Борисе и Глебе», — то мнози видят огонь горящ на том месте, то диаволу показующу сребролюбивых ради»*³. Тем не менее в народных понятиях клад представляется как бы живым существом, легко поддающимся на освобождение себя от опеки дьявола и охотно отдающим свои богатства всякому, кто только сумеет найти для этого какие-либо средства. На отыскание таких средств выступило во всеоружии древнее колдовство. Колдуны доискались, что в добыче клада имеют большую силу разные травы. Благодаря этому, старые травники содержат немало указаний на средства для отыскания кладов. Более всего рекомендуются травы: Плакун, Петров крест, Иванова глава, Спорынь, Бел-кормалец, Обьярь, Шапец и др. По записи одного из упомянутых травников, премудрость разыскания клада рассказана так: *«Если хочешь о кладе доподлинно изведать, есть или нет, и где положен, и на что, и кем и как его взять — возьми Шапцев корень, да [от] воскресенской [свечи] воск и раздели на двое; и одно по-*

ловину, очертя воском, положи на кладовое место, а с кладового места возьми земли и с оставшейся у тебя половиной опять раздели на двое и будет три части, одна в земле на кладе, а другую на ночь в головы кладу, а третью под бок себе или чистым платом у сердца привязывай на ночь, — то в то же ночь придёт клад и будет во сне с тобой говорить, как положен и на что положен, на худо или добро, и сколь давно, и как лежит, в том ли месте, где свеча воскресенска да Шапец или дале, и в которой стороне, и как взять, — и доподлинно тебе всё расскажет и взять велит. Сия трава и Спорышева, и Обьярева, и Кормолцева испытаны. А сие делать по три ночи, то всё изведаеть»⁴.

В некоторых местностях убеждение народа в силу трав при добыче кладов создало удивительные рассказы. По одному из таких рассказов, записанному В.Н. Витевским в Симбирской губернии, крестьянка села Подвалья Сенгилеевского уезда Абрамова-Азовская, жившая в шестидесятых годах, узнав об одном кладе, скрытом в деревне Матюниной того же уезда, несколько лет разыскивала для добычи клада траву Разрушевку. «На дворе Филиппа Самсонова, — говорила Абрамова, — положен клад во 104 миллиона рублей. Там находится жестяная таблица, прибитая к матице из чёрного дуба. В выходе стоит стол; на столе лежит Евангельска книга, тут же стоит и блюдо, а на блюде лежит камень самосвет весом в полтора фунта. В углу выхода поставлены 42 ружья, вокруг их — медная шпонычка или кольцо, блестящее как золото. В выходе же находится часовня, а в ней стоит животворящий крест, да тут же Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый; пред их иконами горит большая неугасимая свеча. В кладу положено двойное золото, серебро всё крестовики, жемчуг и медные деньги, все с конями. Около клада стоит пристав (чёрт) и никому не даёт денег: внезапно, говорит, трава найдётся с восхода, и казна туда пойдёт, — есть подвал, туда и пойдёт казна. Кто возьмёт этот клад, тому построить собор-церковь и поставить в ней животворящий крест, находящийся в выходе, а икону Арсидимы Божьей Матери отнести в Соловецкий монастырь, где она была раньше и откуда вывез её какой-то разбойник, побратавшийся с царём Иваном Васильевичем Грозным. Однажды, когда царь проходил по одной из московских улиц, на встречу ему попался разбойник. «Кто ты?», — спрашивает царь. «Разбойник», — отвечает тот. «А ты кто?», — любопытствует разбойник. «И я разбойник!», — отвечал Грозный и [ещё] сказал:

«Пойдём исхичивать царя!». Тогда разбойник ударил его в щёку и сказал: «Разве можно исхичивать Белого царя?!». Узнав потом при содействии своей хитрой жены, что он ударил царя, разбойник закручинился, что царь прикажет снести ему голову за обиду; но жена успокоила его, что царь этого не сделает, потому что он не ведал, что бьёт царя, а ударил разбойника и стоит за царя же. В другой раз тот же разбойник узнал, что царю хотят поднести после обедни просфору с ядом; он пришёл к царю и сказал, чтобы он не брал просфоры. Иван Васильевич обнял разбойника, поцеловал и назвал его меньшим братом. Видя скупость своего брата, разбойник задумал поживиться царской казной и стал молиться: «Помоги мне, Никола Милостивый, увезти у своего брата названного банк с казной и положить его на 42 человека бедных!». Никола Милостивый и помог ему: на семнадцати тройках разбойник увёз царскую казну и зарыл её в Матюнинском лесу. Огромный ларь с двойным золотом подпёрт железной рогатиной вроде ухвата. Казна положена ни купцу, ни боярину, а на бедных 42 человека. Кто подымет этот клад, тот должен камень самосвет и камень невидимый отослать к царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а в зень (карман) его не класть. От невидимого камня много пользы: если Белый царь объедет с ним Расею, она делается невидимой для её неприятелей; а кто найдёт и достанет замочную траву, тому — двойного золота гарнец. Траву нужна для того, чтобы шибить замок у сундука, в коем хранятся планы, а замок весом в 16 фунтом. В выходе слышится иной раз слабый женский голос: «Не усилийся, раб Божий, своей силой поднять казну! Найди траву Разрушевку и выручи Божью Матерь из неволи, и тогда всему своему роду и подродью будет царство небесное». Случайное созвучие слов «подвал», куда пойдёт клад или казна, и «Подвалье», где жила Абрамова, усиливали в ней уверенность, что клад должен достаться непременно кому-либо из жителей села Подвалья. Она истратила всё своё состояние на отыскание заветной травы, но не могла найти её, и умерла с глубоким убеждением в существование этого клада⁵. Иногда розыски трав лековерными представляли для хитрых людей лёгкий способ наживы: так, в сороковых годах в Орле жил крестьянин Милютин, который уверял, что у него под избою находится клад; он спаивал многих дурманом и уводил в подполье, где они в подробности видели клад и давали ему деньги, чтобы достать Разрыв-траву, без которой клад не давался⁶.

Таким образом, представляясь в народных понятиях живым существом, клады, вместе с тем, кажутся как бы и одарёнными волею и даже капризами. На это в любопытном труде покойного професс[ора] Н.Я. Аристова «Предания о кладах», касающемся преимущественно Симбирской губернии, приводится несколько примеров. Так, в 1752 г. священник села Помаева Буинского уезда Кирилл Михайлов решился во чтобы то ни стало добыть клад, зарытый в овраге между селом Помаевым и деревней Атяшкиной. Вооружившись крестом и Евангелием от бесовского наваждения, о. Кирилл, отличавшийся необыкновенной смелостью, отправился на место клада и принялся отрывать его, но страшные привидения до того перепугали его, что он бежал со страху, оставив на месте крест и Евангелие. В селе Елшанке Сенгилеевского уезда дьячок стал рыть яму, чтобы поставить воротную вереву; вырыв яму не более аршина в глубину, он наткнулся на громадную корчагу, наполненную доверху серебряными деньгами. Поражённый неожиданной находкой, он от радости и удивления выронил из уст неприличное словцо — и корчага с деньгами провалилась в землю⁷.

Насколько была распространена у старых людей вера в клады, показывает приверженность к ней русских князей, царей, духовенства. Но и в высших сословиях дела о кладах не обходились без дьявола. Так, по свидетельству одной из рукописей Румянцевского музея, однажды бес, желая нанести неприятность Авраамии Ростовскому, преобразился в воина и, явившись к великому князю Владимирскому, доложил ему, что Авраамий *«налезе в земли сосуд медян, в нём же множество сосудов золотых и поясов золотых»* и что на это сокровище, которому *«не мощно и цены уставити»*, Авраамий и монастырь устроил. Поверивши бесовской выдумке, князь приказал схватить подвижника, но у него оказалась лишь одна власяница. В Печёрском патерике приводится рассказ, как великий князь Мстислав мучил двух монахов, пытая, куда они спрятали клад, будто бы найденный ими в одной пещере⁸. Из русских царей кладоискательством занимался царь Иван Грозный. Одна из летописей половины XVI века передаёт рассказ о том, как Иван Васильевич открыл клад в новгородской Софийской церкви: *«Приехал нощию и начать пытати про казну ключаря софейского и пономари и много мучив и не допытався, понеже не ведаху; и прииде... на восход, где восхождаху на церковные палаты и на самом восходе, на правой стороне, повеле стену ломати, и просыпая велие сокровище, древняя слитки в гривну и в полтину, и в рубль, и, насыпав возы, посла к Москве»*⁹. Во времена Петра Великого

Ил. 1. Могильник Тохтымеипай. ХМАО — Югра. Вскрытые и разграбленные хантыйские могилы. 2009 г. Фото: Я.А. Яковлев (Инвентарь из ограбленных могил опубликован в статье Е.А. Зайцевой и А.В. Кузиной в этом же сборнике)

кладоискательству страстно предана была одна из сестёр Петра — Екатерина Алексеевна. Царевна завела сношения с костромским попом Григорьем Елисеевым и призналась брату, что поп Гришка был у неё для того, будто он по планетам клады узнаёт: последний же чисто-сердечно поведал, что говорил так царевне *«обманом для взятку»*. Несмотря на это, из головы царевны не выходило кладоискательство, и она посылала своих слуг на кладбища разрывать могилы и вообще проводывать, нет ли где кладов. Узнав, что в 220 верстах от Москвы, на дворе у мужика, в хлеве, под гнилыми досками стоит котёл денег, царевна послала туда *«для взятья кладу»* дворцового сторожа, но клада не найдено; лица же, указавшие на этот клад, по розыску Петра, оказались также *«обманщиками»*¹⁰.

Благодаря таким устоям народных верований в клады первые русские насельники Сибири, вслед за походами Ермака начали выдвигать на пространные дебри завоёванных землиц целые партии кладоискателей. Баснословные сказания о сибирских богатствах вообще и особенное изобилие в Сибири древних городищ, могил и курганов на первых же порах русской колонизации обратили сибирское кладоискательство в особый промысел, заманчивость которого развивалась и усиливалась местными преданиями о кладах.

К сожалению, литература сибирского кладоискательства весьма бедна и отрывочна: сибирские летописи не дают по этому предмету никаких указаний, а труды двух-трёх сибирских историков заключают весьма немногие, при том как бы случайные, замечания, вытекающие уже из популяризации других сторон сибирской жизни.

Не располагая вообще достаточным материалом, мы не можем обещать многого по исследованию сибирского кладоискательства и в предлагаемой статье. Задача её — передать в одном цельном изложении те отрывки, какие даёт для ознакомления с одной из любопытных сторон сибирской жизни общая история Сибири, и вместе представить по другим источникам такую же группировку народных преданий о кладах в отношении Западной Сибири¹¹.

II

Первые сведения о сибирском кладоискательстве встречаются в замечаниях иностранцев, бывавших в старой Сибири в половине XVII и начале XVIII столетий. Весьма образованный по своему времени учёный серб Юрий Крижанич, проживший в Сибири пятнадцать лет (с 1659 г.), в одном из своих сочинений о сибирских царствах, говорит:

*«В Сибири есть неизвестные могилы древних скифов, на которых уже выросли кустарники или лес: разыскать их можно не иначе, как при помощи колдовства. С этою целью некоторые люди отдаются чернокнижию и, найдя таковые могилы, иногда вырывают из них немного серебра. Я сам видел серебряные сосуды, вырытые таким образом»*¹². Известный географ Витзен, имевший в своём музее некоторые сибирские древности, в сочинении «Северная и Восточная Та[r]тария» («Noord en Oost-Tartarye»), изданном в 1692 г. в Амстердаме, говорит, что *«недалеко от Тоболя встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых, кроме костей покойников, была находима металлическая утварь из серебра, меди и железа»*. Подобные сведения встречаются и в сочинениях других учёных, путешествовавших по Сибири и обращавших внимание на культурные остатки древних сибирских народов, как, напри[ер], Штраленберга (1730 г.), Гмелина (1751), Палласа (1771—1776), Георги (1772—1774), Сиверса (1796) и друг. Но первым учёным, обратившим большое внимание на расхищение кладоискателями сибирских древностей, был доктор Мессершмидт, пробывший в Сибири по поручению Петра Великого около семи (1720—1727) лет. В обширном дневнике его о современных ему кладоискателях или «бугровщиках» встречаются между прочими следующие замечания:

«25 марта 1721 г. Русские, живущие по верхнему течению Оби, называются ишимцами; они-то и отправляются на промыслы за откапыванием золота и серебра, находимого в могилах; впервые занялись этим русские, жившие на Ишиме; оттуда они подвигались всё далее и далее, пока в своих поисках таких могил не дошли до Оби; поэтому всех поселяющихся здесь на Оби пришельцев из Тары, Нарыма, Тобольска, Казани, Соликамска и других местностей называют ишимцами и ишимскими. В этой Чаусской слободе около 150 жителей; занимаются они хлебопашеством и торговлей мехами... Но главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путём они отправляются на 20—30 дней езды в степи; собираются со всех окрестных деревень, в числе 200—300 и более человек, и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расходятся в разные стороны, но лишь на столько, чтобы иметь всегда между собою сообщение и, в случае прихода калмыков или казаков, быть в состоянии защищаться; им нередко приходится с ними драться, а иным и платиться жизнью. Найдя такие насыпи

над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей, фунтов по 5, 6 и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов.

31 октября 1724 г. Древние скифские могилы, какие я во множестве встретил 28 окт[ября] между *Halakannah-chadda* (на р. *Ylach*) и *Baldshinah-amüth*, забыв только отметить их в своём месте, были и здесь, при впадении Катанды в Туру, но в меньшем количестве. По-видимому, они уже давно были разграблены русскими, живущими на р. Ингоде и приходящими сюда отовсюду «гуляшниками» или бродягами, и древностей, требуемых его превосходительством г. президентом Блюментростом, по высочайшему Его Величества повелению, здесь нельзя отыскать, потому что они либо законно (по особому указу) сдаются бугровщиками в кассы и приказы, либо незаконно раздариваются воеводам и приказным за угощения пивом и водкой, устраиваемые с этою или подобною же целью под названием празднований тезоименитств и дней рождения, либо иногда продаются другим богатым русским. Сами же бугровщики или могильщики всегда бедняки и себе таких древностей не оставляют.

28 ноября 1925 г. Поручик Рудольфи сообщил мне, что несколько лет тому назад по берегам Оби находилось много языческих могил, наполненных множеством золота и серебра, но что в настоящее время они разрыты русскими бугровщиками так, что нужно обладать особенным счастьем, чтобы случайно напасть ещё на что-нибудь, да притом весьма неважное»¹³.

По словам первого историка Сибири Миллера, численность сибирских кладоискателей не уступала партиям охотников на соболиный промысел, а этот промысел доходил в Сибири до того, что «языческие народы ходили в соболях шубах, да и лыжи подбивали соболями»¹⁴. Повторяя первое замечание историка, путешествовавшего по Сибири с 1732 г., известный любитель сибирской старины Спасский в статье «О сибирских древних курганах» говорит, что редкие из замечательных памятников давнопрошедшего «до нынешнего времени (1812 г.) остались неразрытыми: золото и серебро побудило корыстолюбивых нарушить и в самых сих пустынях мирное убежище покойников»¹⁵.

Начальные отдельные случаи кладоискательства в старой Сибири следует относить к первым годам XVII столетия; с половины же сто-

Ил. 2. Городище Берёзовское. ХМАО — Югра. Грабительские шурфы.
2010 г. Фото: А.А. Богданова

летия, когда русские насельники, считавшие в первоначальный звероловный и бродячий период колонизации края главной прибыльной статьёй звероловство, с уменьшением улова пушного зверя и удалением инородцев в степи, горы и леса, приступили к хлебопашеству и скотоводству, сибирское кладоискание дошло до размеров общего весьма распространённого промысла. Видя на землях, отнятых у инородцев, множество курганов, бугров, могильных насыпей, целые артели так называемых «бугровщиков» устремили свою деятельность на разрытие их и добычу сокрытых в них сокровищ. Многие из этих могил или курганов были до того богаты находящимися в них золотыми вещами, что заслужили от кладоискателей название «золотарей». Находки в курганах и могилах золотых и других вещей были весьма не редки. Из множества примеров укажем на некоторые. В одном из курганов, находящихся на левом берегу р. Алея, впадающего в Иртыш, в два поиска¹⁶ кладоискателями найдено было, в разных изделиях, до 60 ф. золота. Доктор Бель, бывший в свите посланника в Китай, капитана гвардии Измайлова (1719—1720), между прочими редкостями, вырытыми из могил кузнецких, видел конного истукана, искусно отлитого из металла, и несколько зверьков из золота. По рассказу тому же Белью одного из кладоискателей, он дорылся однажды до свода, под которым лежал остов человека на серебряной доске с доспехами — луком, стрелами и колчаном¹⁷.

Развившееся кладоискательство и расспросы учёных путешественников о местных древностях возбудили к ним внимание и некоторых более образованных по тому времени сибиряков, особенно же из лиц, облечённых властью. Последние стали составлять у себя коллекции этих древностей, которые, несомненно, терялись для науки, так как собиратели смотрели на них как на курьёзы и раздаривали их разным лицам, по смерти которых вещи мало-помалу совершенно исчезали. Существует предание, что много таких древностей, полученных от сибирских воевод, погибло в общем богатстве известного губернатора Гагарина. Не так давно (в 1883 г.) сибирские кладоискатели почему-то вообразили, что князь Гагарин, возвращаясь из Тобольска в Петербург, зарыл свои сокровища в одном древнем городке, следы которого находятся против татарской деревни Мулаши, по правому берегу р. Пышмы, и принялись разрывать неповинный городок; немного же позднее, тюменский купец Т. (Текутьев? — Я.Я.) ради тех же воображаемых сокровищ разнёс, можно сказать, городок до основания и испортил лежащие близ него высочайшие курганы, не найдя, разумеется,

княжеских сокровищ¹⁸. Что старые сибирские власти присваивали себе значительную часть вырываемых кладоискателями вещей, мы это видели уже из дневника Мессершмидта. В том же дневнике 4-го мая 1723 г. рассказывается, что у красноярского воеводы Д.Б. Зубова *«могильного золота, по словам золотых дел мастеров, очищавших это золото, было более чем на несколько тысяч рублей»*, благодаря чему доктору *«не удалось добыть там ничего курьёзного»*; тот же путешественник в другом месте дневника замечает, что из могильных древностей ему весьма хотелось приобрести красивого шайтана из жёлтой меди в виде полуживого и получеловека, бывшего во владении нарымского воеводы Ф.Е. Кашинского, но после разных отговорок воевода сказал, что *«он сам хочет послать его в Тобольск к князю (Гагарину)»*¹⁹. По замечанию путешественника Гмелина (в 1735 г.), в числе могильных редкостей другого — красноярского — воеводы был вырытый из кургана род подноса и небольшой горшок из серебра под золотом; на подносе были изображены разные фигуры²⁰. В нашем столетии случаи обладания подобными могильными находками встречались между полицейскими чинами, которые иногда даже сами разрывали курганы. По рассказам покойного Н.А. Абрамова, один из бывших заседателей Кокбектинского округа (нынешней Семипал[атинской] обл.), разрывая древний курган, открыл в нём могилу, которая была выложена из глинистого сланцевого камня, покрыта внутри алой краской и закрыта плитами из того же камня; в могиле найдено было мелких золотых украшений 19 золотников. В 1853 г. в Туринском округе одним заседателем также в кургане найдено несколько серебряных вещей²¹. Подобные случаи обладания чинами полиции могильными находками, часто даже весьма значительными (как, напри[мер], целыми коллекциями вещей каменного века), были сравнительно и в недавнее время — 60—70-х гг.²²

Многочисленные случаи кладоискательства подали правительству повод к некоторым особым распоряжениям относительно кладов. Случаи преследования сибирских кладоискателей встречаются ещё за время царя Алексея Михайловича. Упомянутый выше Крижанич из своего житейского бытия в Тобольске рассказывает такой случай: *«У сибирских татар есть обычай погребать с знатными людьми их оружие, серебряные сосуды и конские украшения, а иногда и деньги. Во время моего (там) пребывания умер один бухарец по имени Мурат. Молва говорила, что с ним было зарыто восемь тысяч рублей золотом. Некоторые из московских стрельцов сделали попытку разрыть его могилу, но были уличены и наказаны кнутом»*²³. В 1669 г. до Москвы дошло из-

вестие, что в Тобольском уезде, около реки Исети и в окрестностях её, кладоискатели выкапывают из татарских могил золотые и серебряные вещи, почему правительство и задалось вопросом: откуда татары могли иметь золото и серебро? Ответом на вопрос послужил следующий любопытный, основанный будто бы на башкирских известиях рассказ старца долматовского монастыря Лота: *«В уфимском-де дистрикте, за каменными горами, при устьях реки Уфы, Гадая и Яика, в горах бесчисленное сокровище золотых и серебряных руд обретається, и в прежние-де времена старинные сибирские татары и калмыки из тех гор золотую и серебряную руду добывали и плавил: что-де и ныне те признаки плавильных печей и копанных ям видны, и об оных рудах те башкирцы нагайской нации у престарелой женщины, которая была в полону в улусе царевича Рючука и оной от роду имелось более ста лет, уведомились, что в древних летах оные люди, которые в тех местах жили, означенную руду копали и плавил»*. По рассказу Лота, в указанные им местности были командированы из Тобольска «служилые люди», по расследованию которых приведённые сведения будто бы и подтвердились: оказалось, что вблизи горы, лежащей около реки Тасми, впадающей в Вай, находится башкирское кочевье, жители которого добывают в горе руду, выплавляют из неё золото и серебро и «тайным образом продают российскому народу по 12 рублёв пуд»²⁴.

Это тёмное дело разъясняет нам рассказ того же серба Крижанича, где упомянутый старец Лот является действующим лицом под именем Иова. По этому рассказу, проживая в одном монастыре, лежащем на р. Исети, Иов стал известен тем, что выплавлял из руды, добываемой им из соседней горы, серебро и продавал его по частям в слитках; в действительности же находил его при помощи колдовства в древних могилах. Прибывший в то время в Тобольск воевода, как говорят, носил кольцо, в котором заключалась дьявольская сила. Получив сведение о руде, добываемой Иовом, воевода не замедлил добыть из монашеской горы большое количество камней, которые действительно блестили как серебро, но в сущности были простым тальком. Дело дошло до царя, которому воевода донёс, что в Сибири есть гора, где много камней, имеющих вид серебра, и что некоторый монах неоднократно выплавлял из них серебро. *«Узнав об этом, — говорится далее в рассказе, — царь немедленно послал гонца в Саксонию и велел пригласить оттуда какого-нибудь искусного рудознатца. Таким образом прибыл некоторый тайный чернокнижник из числа тех, которые называют себя братьями розенкрейцерами. Немного спустя был вызван в Москву и сам воевода; ему было приказано*

представить хвалёный камень, чтобы рудознатец в присутствии царя испытал его доброкачественность. Воевода дал камень; тот взял его, положил в огонь, растолок, подверг действию огня и расплавил. При опыте присутствовали царь и первый из его советников; они, не спуская глаз, наблюдали за тем, чтобы не было никакого обмана. Когда расплавка была окончена, рудознатец представил им две-три найденные на дне унции серебра. Но всё это произошло благодаря обману, заранее условленному между двумя вышесказанными чернокнижниками: воевода просверлил и продолбил этот мягкий камень буравчиком, а скважину наполнил серебряным песком и искусно прикрыл её тем же камнем; рудознатец же, будучи соучастником в обмане (и ему было выгодно обмануть царя, чтобы таким образом далее пользоваться щедрым жалованьем), нимало не осмотрев камня, поспешил его растолочь, чтобы нельзя было заметить скважины и обнаружить обман. Итак, царь послал этого самого рудознатца к вышеупомянутой сибирской горе, дав ему в помощь других товарищей того же ремесла и два отряда войска²⁵. Побыв там в течение года или более, они перекопали всю руду, плавили её и переплавляли, но не выплавили серебра ни капли. Итак, до смерти засекиши плетью вышеупомянутого обманщика-монаха (так как и он по приказанию находился при них), они возвратились в Москву. Воевода же вскоре погиб, убитый разбойниками, а рудознатец был лишён жалованья и некоторое время во всеобщем презрении проживал в Немецкой слободе»²⁶.

Обращаясь к колдовству сибирских кладоискателей, мы должны, однако ж, заметить, что старая Сибирь была известна вообще за страну, сильно заражённую суеверием; тем не менее сведений о приёмах, употреблявшихся сибирскими колдунами при отыскании кладов, до нас дошло весьма немного. С этим, впрочем, мы ещё познакомимся, а теперь продолжим перечисление тех мероприятий правительства, какие касались сокращения хищнического кладоискательства.

При Петре Первом правительство смотрело на клады как на богатство, ему принадлежащее. В 1721 г., когда последовало от сибирского губернатора кн[язя] Черкасского донесение о золоте, находимом в могилах, издан был известный указ: «Курьёзные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору или кому где надлежит настоящею ценою и, не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактур Коллегию»²⁷. Сообразно взглядам великого преобразователя принимала разные меры к уменьшению самовольного кладоискательства и местная сибирская администрация. В апреле 1727 г. одна

артель кладоискателей в числе восьми человек крестьян Малышевской слободы (Кузнецкого округа) *«пошла на степь бугровать и бугровала до июня месяца, и пошла назад в оную слободу и, будучи у озера Горшкова, искала уток лесных и разошлась в рознь; и наехала на них на том озере казачья орда киргизы, и взяла их в полон всех 8 человек, и повезла к Иртышу; и один из них ушёл с дороги ночью, а четырёх человек она казачья орда на становье убила до смерти; и с того места разъехались, и их Ямышевской крепости солдаты и служилые люди отбили»*. По этому делу сибирской губернской канцелярией 27 сентября того же года было определено: трём отбитым у киргизов кузнецким крестьянам, *«которые были на бугрованье, учинить наказание – бить батоги нещадно за то, что они ездили в степь без отпуска, и по учинении наказания выслать в Кузнецк, а в Кузнецке и в уезде о том публиковать, дабы никто под жестоким наказанием в степь для бугрования не ездил»*²⁸. Позднее, за время императрицы Екатерины II, 3 июля 1764 г., последовал особый указ Сената о запрещении выходить за границу, на степи для отыскания в древних могилах кладов²⁹, но взгляды правительства на принадлежность ему кладов изменились: на клады, как и [на] все богатства, сокрытые в недрах земли, распространяется право собственности владельца земли, что было особо подтверждено и жалованною грамотою дворянству³⁰. В 1803 г., 7 октября был издан указ, в котором Сенат изъяснял, что клад без позволения владельца земли, не только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не может³¹. В X-м томе Свода гражданских законов по изданию 1832 г. сказано, что *«клад принадлежит владельцу земли»*, и при том объяснено, что *«клад есть сокрытое в земле или строении сокровище»*³². В издании того же Свода законов 1842 г., т. е. через десять лет, повторена снова эта статья о праве владения кладом, но из определения понятия «клад» опущены слова «или строения»³³. Этот же закон о праве владения кладом вошёл и в издание Свода 1857 г.

Но для сибирских кладоискателей, за редкими исключениями, приведённые распоряжения оставались, видимо, мёртвыми: среди бесчисленного множества древних могил или курганов, разных городищ или древних укреплённых пунктов и, наконец, следов древних рудных разработок им казалось выгоднее прислушиваться к местным преданиям об этих богатых памятниках незапамятных времён, чем исполнять требования закона.

III

Народные предания о Сибири за хранилища кладов считают более всего «чудские могилы». Главное предание в этом случае сводится к тому, что в Сибири задолго до прихода русских жила белоглазая чудь. Она занималась в горах добычей золота и серебра. Перед походом Ермака в чудской земле стала расти берёза, которая до того времени была неизвестна. Шаманы объяснили это явление тем, что скоро придут воины белого царя и покорят чудь. Она испугалась и зарыла себя заживо со всеми своими сокровищами³⁴. Благодаря тому, что в некоторых сибирских курганах имеются наверху ямы, в народе существует убеждение, что такие курганы осели вследствие подгнивших внутри их стоек³⁵. Приведённое предание особенно распространено в Западной Сибири; в Восточной же Сибири оно встречается между некоторыми племенами инородцев: тунгусы, например, рассказывая о покорении их русскими, прибавляют, что многие из предков их сделали род навеса, на который насыпали земли и камней, затем собрались под навес, подрубили столбы и заживо погребли себя³⁶.

Несомненно, что рассказанное предание пережило несколько редакций, и две, приведённые из них, по упоминаниям «Ермака» и «русских» можно относить к числу более поздних. В соседнем Пермском крае предание это варьируется несколько иначе, и пермская редакция его, во всяком случае, древнее редакций сибирских. Ни Ермака, ни берёзы в последних не упоминается. По записи А.Е. Теплоухова, князя и начальники чуди, жившей в западных предгорьях Урала, теснимые русскими миссионерами и поселенцами, предпочли, чтобы спасти свою языческую религию и умереть как мученикам в стране своих отцов, прокопать подземные ходы, куда они скрылись со своими семействами и сокровищами и, наконец, сняв деревянные подпорки, зарыли себя живыми³⁷. По другому варианту предания, в чудских ямах при появлении в Пермской стране Стёпы-угодника (св. Стефана) чудь погибла не вся. *«Много тоже её в лес убежало»*, — говорят пермяки — *«мы вот теперь от этой чуди и народились»*³⁸. В чудских ямах, по другим рассказам, скрыты великие богатства, клады, так как в чуди все были большие разбойники, которые целыми ватагами нападали на деревни и города и грабили, а потому денег у них было видимо-невидимо. Многие обогатились от этих кладов³⁹. В Чердынском уезде, например, находятся два огромных массива — Золотая гора у села Акчима и Говорливая скала у села Говорливого. Обе эти возвышенности являются доминирующими над окрестностями и служат предметами многих сказаний и легенд о чуди: в Золотой горе будто бы скрыты многие чудские клады

и сокровища, и можно слышать даже, как звенит золото, которое пересыпают духи горы в часы полночной тишины⁴⁰.

Сопоставляя приведённое предание с тем материалом, которым старается осветить туманный доисторический период древних народов Сибири наша историческая наука, и задаваясь вместе вопросом, кого именно разумеет то предание под именем чуди, мы встречаемся с массой разнохарактерных обобщений. Заметим, что чудь упоминается в наших летописях как многочисленный народ. По словам Миллера, *«чудь знаменует на русском языке вообще первобытных жителей: ибо, ежели вы на берегах Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-нибудь укрепление, могилу, древнее здание, спросите у жителей «Кто соорудил их?», то они вам отвечают: «Чудь, народ, который обитал здесь прежде русских»*. Но к этому замечанию относился скептически уже Карамзин⁴¹, а за ним и позднейшие историки. Не входя в оценку образовавшихся по этому поводу весьма разнородных теорий, как не относящуюся к задаче настоящей статьи, мы коснёмся лишь того обобщения, которое, благодаря китайским указаниям, в связи с успехами современной археологии представляется как бы канвой, в которой можно находить узор, послуживший зародышем упомянутого предания.

Ил. 3. Городище Самарово 5. ХМАО — Югра. Грабительский раскоп. 2009 г.
Фото: Д.О. Стародумов

Известно, что древняя Сибирь, как и всё восточно-азиатское плоскогорье, была великим, редко затихавшим трактом народных эмиграций, направлявшихся от востока к западу. По сведениям китайских историков, самыми отдалёнными от нас по времени были перекочёвки с востока разных народов тюркского происхождения, а именно — хунну, сделавшихся могущественными в III веке до Р.Х., затем жунжан, позднее тукю, хойхой и, наконец, хагас. Начало таких перекочёвок относится к IV веку после Р.Х. Направляясь к западу, эти народы, в большей части своей, естественно, должны были сталкиваться с аборигенами Сибири, положение которых объясняется до некоторой степени теми же историками. В северной истории (Бей-Шы) говорится, что в 492 г. уйгурский царь Афуджило покинул с 100000 своего народа Селенгу, направился на запад и основал на верховьях Иртыша самостоятельное государство. Далее та же история сообщает, что Или-Хан-Тумын, царь восточных тукю, напал с севера (Алтая) на передвигавшихся к Иртышу телессов (уйгуров) и подчинил себе аймак, состоявших из 50000 кибиток. Под влиянием победы Тумын отправил к Анахуану — главе народа жунжан — предложение брачного союза с его домом, но Анахуан, разгневанный такой дерзостью, отвечал: «Как осмеливаешься ты, мой плавильщик (т. е. занимающийся обработкой металлов), делать мне такое предложение?» Впоследствии Тумын, породнившись с китайской династией Вей, в 532 г. послал войско против жунжан и одержал над ними победу. Затем, по другой истории (династии Тхан), между уйгурами и народом Хагас велись продолжительные войны. Государство Хагас, жителей которого позднейшие китайские писатели называют киликиси (киргизы), было весьма могущественно, имело до 80000 строевого войска и простиралось от верховьев Иртыша до верховьев Енисея, занимая собственно Алтай.

Однако ж владычество тюркских племён в Сибири, особенно процветавшее в IV—VII столетиях, вследствие внутренней борьбы насельников постепенно слабело, пока, наконец, в XIII в. не было низвергнуто стремившимися с востока народами монгольского происхождения под предводительством Чингиз-хана.

Таким образом, приведённые сведения указывают нам время, когда тюркские и монгольские народные волны попали в Северную Азию; по географическому же расположению туземцев на севере Сибири можно думать, что до этого времени две упомянутые волны таким же образом вторгнулись с юга на Алтай. Это племена енисейцев и угро-самоедов. *«Так как последние, — говорит автор любопытной*

статьи «Аборигены Сибири» В.В. Радлов⁴², — принадлежат по языку к семейству урало-алтайских народов, то угро-самоеды в прежние времена жили, без сомнения, близко от тюрко-монголов, и не без основания можно полагать, что они принадлежали к тому племени, которое до тюркских племён удалилось с древнего местожительства урало-алтайцев. Из этого следует, что енисейцы, совершенно отличающиеся по языку от урало-алтайских племён, собственно, самые древние жители Сибири. Это доказывает и малочисленность енисейцев, которые скоро совершенно исчезнут. За енисейцами же, может быть, во времена народа хунну, т. е. до начала нашего летоисчисления, последовали имена угро-самоедские. Что самоеды действительно перешли через Алтайский хребет, доказывают нам камассинцы, живущие на правом берегу Енисея; койбалы, которые только в начале прошлого столетия, переселились с Саянских гор в покинутую киргизами Абаканскую степь, и, наконец, некоторые племена саянцев, которые все, без сомнения, самоедского происхождения». Многочисленные археологические исследования, произведённые в Сибири в 1860-х гг. и позднее, особенно же исследования тех копей, которые упрочили за собою название «чудских», остановили В.В. Радлова на мысли, что угро-самоеды во время переселения в упомянутые местности знали уже употребление металлов, благодаря чему этот же народ оставил нам и все найденные в Сибири древности, относящиеся к бронзовому периоду, т. е. тому времени, когда ещё не было известно употребление железа. «Разрабатывая копи, — говорит академик в другом месте упомянутой статьи, — рудокопы этого народа следовали за направлением металлоносных штоков, которые поднимаются из глубины к поверхности земли. Все штоки наверху шире, чем внизу; недостаток в инструментах заставлял работать большею частью на поверхности земли. Глубина штоков нигде не превышает 7 сажень. Хотя угро-самоеды и умели подкреплять свои копи (во многих из них находились деревянные крепи в потолках камер), но они всё-таки, как кажется, не были опытны в искусстве установления крепей, т. к. нередко их штоки проваливались, и работники погибали, что доказывают нам встречающиеся в копиях скелеты и сумки с рудою. Громадное количество чудских копей свидетельствует о значительном распространении горного дела, так что угро-самоеды добывали не только необходимые для своего употребления металлы, но и вели ими обширную торговлю. Для расплавления медной и звонкой руды угро-самоеды имели в разных местах Алтая и Саянских гор

плавильные печи. Следов таких печей приходилось встречать очень много, особенно при устье реки Шульбы, впадающей в Иртыш»⁴³.

Легко может быть, что скелеты древних сибирских плавильщиков, мирно почивавших в своих случайных могилах, на пластах богатой руды, послужили в приведённом выше предании олицетворением той белоглазой чуди, которая в испуге от неприятеля зарыла себя живою. Не лишне заметить, что, по народным понятиям, эта белоглазая чудь или те «чудаки», которые хранят свои клады, внезапно оживают, лишь только кто-нибудь приблизится к их сокровищам. Последнюю подробностью упомянутое предание дополняется в Томской губернии; там говорят ещё, что вид этих чудаков до того ужасен, что некоторые смельчаки, разрывавшие могилы их, выходили оттуда совершенно помешанными и не могли поправиться во всю жизнь⁴⁴.

Наряду с общераспространённым преданием о кладах, оставленных чудью, в Западной Сибири существует немало преданий о кладах, относящихся ко временам татарского владычества. Подобно «чудским могилам», большинство курганов, скрывающих эти клады, давным-давно и в некоторых местностях даже по нескольку раз было разрываемо кладоискателями. Приведём из этих преданий более любопытные.

В 8 верстах от нынешнего гор. Кургана, на живописном левом берегу р. Тобола, там, где до города была первоначально (около 1663 г.) основана слобода Царёво городище, возвышается высокая местность, называемая татарами Алгинским или Знаменитым яром. Здесь в древности имел свой юрт один знаменитый из татарских или нагайских ханов. В семействе его отличалась необыкновенною красотою дочь. Судьбе угодно было прекратить её жизнь в годах расцветающей молодости. По смерти родители похоронили милое дитя вблизи своего жилища и над могилою приказали насыпать высокий земляной курган. Курган этот известен под именем Царёва. В первый раз русские кладоискатели разрыли его ещё до водворения своего в Сибири, и в нём найдены были серебряные сосуды, дорогие украшения и разные вещи. При таких поисках будто бы погребённая под курганом царица, не могшая выносить нарушения покоя, принуждена была оставить свою могилу. В одну летнюю ночь, когда кладоискатели разрывали курган, вдруг из глубины его на окованной серебром колеснице, запряжённой двумя белыми лошадьми, показалась юная девица-красавица с распущенными волосами, в блестящем разными камнями головном уборе и богатейшем татарском платье. Она мгновенно пронеслась к западу и вместе с колесницею утонула в глубине Чухломского озера,

находящегося в недалеком расстоянии от кургана⁴⁵. Есть сведения, что в XVIII столетии, до открытия в Тобольске наместничества, когда Курганский округ подчинён был Оренбургской губернии, оренбургский комендант Мещерский, начиная с Царёва кургана, разрыл ещё несколько курганов, но что нашёл в них, неизвестно⁴⁶.

В 20 верстах от Тюмени, кругом Андреевского озера (влево от тракта на Омск) до сего времени сохраняются следы находившихся тут когда-то древних городков, где также хранятся клады. Местные татары относят эти городки к глубокой древности, а сооружения их приписывают каким-то девицам-фуриям. Счёт ямок внутри каждого городка ведут по числу этих фурий. *«Здесь жило сорок злых девок»,* — говорил И.Я. Словцову, осматривавшему следы одного из этих городков, местный татарин Усман, — *а вот на Паише против Мулаши, — там много, старики рассказывают, семьдесят семь*. Воображение татар, вероятно, и в настоящее время населяет эти городища сонмом злых духов, так как после каждого посещения их они окуриваются. Окуривание делается женщинами с тою целью, чтобы злой дух не прокрался в комнату вместе с хозяином⁴⁷.

На месте старой татарской столицы Сибири, Искера, близи Тобольска сохраняются будто бы клады известного сибирского хана Кучума, бросившего здесь часть своего богатства. Миллер говорит, что *«окольные российские жители, ищущие закопанных в земле пожитков, везде глубокие ямы покопали, из которых некоторые недаром трудились»*⁴⁸; то же подтверждает и другой сибирский историк Фишер⁴⁹. Позднее любитель-археолог М.С. Знаменский между следами старого Кучумова жилья видел, между прочим, колодец, который некоторые считают подземным ходом: тут-то, говорит предание, и спрятаны ханом некоторые из своих пожитков. По словам одного старика, этот колодец сверху обложен был каменными плитами; *«На моих памятях, — говорил этот старик (в 1880 г.), — эти плиты алемасовские крестьяне разобрали себе в печи, да, видно, зарок был у татар наложен: все перемёрли, которые плиты-то взяли... не приведи Бог, и богатство его искать»*⁵⁰.

По преданиям тобольских татар, немало дорогого имущества Кучума сокрыто в местах старых городков, находящихся в ближайших к Тобольску окрестностях, где жили некоторые из жён хана. На одном из этих городков, следы которого находятся на крутом обрывистом берегу Иртыша в 7 верстах от Тобольска, где жила царица-красавица Сузге, в тёмные ночи нередко видится огонёк; по другим же рассказам, над обрывом горы видали даже всадника на огненном коне⁵¹.

Но самая значительная часть богатств Кучума заключается в кладах, хранящихся в могиле его. Предание об этом записано в 1862 г. в Кузнецком округе Томской губернии со слов крещёного татарина Алексея Малькова, считающего себя потомком Кучума. По словам предания, когда Кучума вытеснили из Искера, то хан поселился на реке, называемой ныне Кучу-Мында (Кузнецкого округа в Алтайском крае). Кучу-Мында течёт из высокой горы Абат и впадает с правой стороны в реку Тайдан, а эта последняя с правой же стороны в реку Томь. Здесь-то и окончил свои тревожные дни побеждённый русскими удальцами хан и похоронен с живою девицей, а над его могилой насыпаны три кургана (шихана). Средний шихан больше остальных: под ним находится самая могила Кучума; под двумя же боковыми зарыто его имущество. Эти курганы местные ясачные (Аильской инородной управы) инородцы хотели было разрыть, но побоялись⁵².

К северу Западной Сибири татарские предания о кладах сменяются русскими. Этих преданий немного. В большинстве случаев старые владельцы богатств, заключающихся в этих кладах, русскому человеку неизвестны; он знает одно: что клады эти есть, но добыть их нелегко — мешает «нечистая сила». Таково, например, предание о кладе,

Ил. 4. Самаров городок. ХМАО — Югра. Осыпавшийся край грабительского раскопа. Этот памятник кладоискатели перекапывают уже более трёх веков. 2008 г. Фото: Д.О. Стародумов

хранящемся на старом городище села Самаровского, в 500 верст[ах] к северу от Тобольска.

«Давно это было, если верить старикам, очень давно. Плыл самаровец на однодеревке, кажись с покоса. Глядит: на верху того, эвон, что белеет, Городищенского мыса горит матёрая (большая) свеча. Испугался он: «Что за напасть! Докуль (пока) живу, экого дива не видывал!». Приехал в село, скликал народ, рассказал. Покачали головами самаровцы; «Дивья бы (Будь бы) он пьян был, — бают, — а то мужик тверёзый, основательный!». Побежали на гору — там ничего нет; воротились назад, посмотрели с реки — всамделе (действительно) свеча горит; опять на гору — там опять ничего, и так каждый раз. Прошло немного-немало, ден восемь, ехал другой самаровец с перемётов (рыболовные ловушки), глядь — на Городищенском мысу, на том самом месте, где видели свечу, белая девка на золотом коне ездит. Он даже перекрестился со страху. Приехал в село: так и так, ребята! — «Да ты не врёшь, парень? Ззаболъ (В самом деле)?» — «Что вы, братцы! Зачем врать! Я не таковской». — «Эка вяха (беда)! Не к добру это... право слово, не к добру!». Поглядели с реки — и впрямь девка ездит: побежали на гору — ничего нет. Ну, прямо сказать, то же, что со свечой, выходит. Смекнули они, что дело не чисто; думали да думали, судили да рядили и порешили миром: зарыт этта-ка (здесь) клад, и клад очень большой! Но клад, известно дело, просто не даётся. Послали за знахарем: «Как быть? Что делать?». Тот погадал-поворожил. «Надо, — бает (говорит), — выкуп белой девке дать: али девичью голову, али кошачью. Самаровцы предпочли отделаться кошачьей головой. Убили на том самом месте под заклинания знахаря кошку и принялись отрывать клад. Много дней копали они яму (а копать, по мнению знахаря, можно было только днём, до заката солнца) и выкопали яму глубокую-преглубокую. «Ну, — сказал однажды знахарь, — сегодня больше робить нельзя, пора и пошабашить (закончить). А завтра придёте и кончите: теперь всего какой-нибудь аришин докопать осталось!». И попутай в эту ночь «нечистый» одного из копавших клад... «Если дождусь до утра, — подумал, — мне достанется одна только выть (пай, часть), а пойду сейчас — заполучу весь клад... Неужто за ночь аришина земли не докопаю?!». Пошёл он на Городищенский мыс, спустился в яму и принялся за работу. Умаялся парень копать, но и отдыхать не думал, тем более, что лопата уже звенела о что-то металлическое. В ту же минуту над головой его раздался громовой удар; он поднял голову и обомлел, выпустив из рук лопату:

белая девка на золотом коне стояла над ямой, зловеще сверкая очами; конь ударил копытом в верхний край ямы, и на голову алчного ослушника обрушились глыбы земли... Когда наутро самаровцы пришли докапывать яму, она оказалась засыпанной, и знахарь, рассказав о гибели товарища, заявил им, белая девка теперь осерчала, и потому вторично копать клад теперь бесполезно, он не дастся в руки. Много спустя лет, почитай (пожалуй) шестьдесят тому назад, пробовали самаровцы ещё раз копать городищенский клад, но и на этот раз как-то не пофартило»⁵³.

В Кетской волости Томского округа, саженях в 40 от выселка Курино находится курган, вышиною до 1¹/₂ сажен, в окружности около 40 сажен. Местные крестьяне уверяют, что если ударить по кургану чем-либо тяжёлым, то по звуку кажется, что внутри его существует пустота. Здесь будто бы похоронен был заколдованный богатырь и вместе с ним клад. Лет 30 тому назад они пробовали раскопать курган, но во время этой попытки у них выбило градом весь хлеб, после чего никто уже не решался снова приняться за раскопку из суеверного страха⁵⁴.

Оставляя север Западной Сибири, послушаем предания о кладах в южных степных её окраинах. Это — предания, которые сберегла нам память киргизов.

По одному из таких преданий, в 10 верстах от устья реки Калжира, текущей большими водопадами из озера Марки, около вытекающей из неё речки Карамодона есть довольно обширное укрепление, обнесённое стеной, сложенной из нежжёного кирпича. От этого укрепления в 20 верстах, в обрывистой высокими стремнинами каменной горе, сохраняется закладенная в пещеру «калмыцкая поклажа», состоящая из дорогих металлов и камней на большую сумму, которая положена была калмыками в то время, когда по возмущении против китайского правительства джунгарского князя Амурсаны они бежали в русские пределы. Место это называется «кайма», т. е. «поклажа»⁵⁵.

По другим преданиям, вблизи калмыцкого клада при речке Тарыке, впадающей справа в Иртыш, в высокой и крутой горе Боконбае находятся три пещеры, одна над другой. В нижней пещере когда-то найдена была каменная доска, с высеченными на ней монгольскими буквами. По этим буквам догадались, что около тех мест в древности жил монгольский князь, по смерти которого тело [было] сожжено, и прах его положен в чугунную большую чашу, причём тут же положено было на большую сумму из его имения дорогих металлов и камней. Впоследствии эта чаша [была] занесена в верхнюю пещеру, до которой будто бы некоторые из

смельчаков спускались по верёвкам, желая воспользоваться кладом, но по суеверию и предрассудкам удерживались от похищения⁵⁶.

Не лишне заметить, что киргизы, так же как и другие инородцы Сибири, преданы знахарству и чародейству. В преданиях о сибирских кладоискателях упоминаются между прочим и киргизские знахари. Так, в 1850 г. один из таких знахарей, оказавшийся киргизом Кокбектинского округа Манжором Елемесовым, проезжая по деревням Чарышской волости Бийского округа, вызвался пошаманить крестьянам деревень Пустынки, Чагырки и друг[их], не скрыто ли клада в большом кургане, находящемся вблизи этих деревень. Местные крестьяне обрадовались, напоили киргиза вином, дали ему денег, и он стал шаманить. Невидимые духи передали шаману, что в кургане лежит несметное количество золота. Крестьяне оставили все домашние работы и принялись за разрытие кургана, но были остановлены местным начальством; их едва было не предали суду за преступление против веры, так как они участвовали в шаманстве⁵⁷.

Любопытны также предания о кладах, существующие также в Барабинской степи. Об одном (Маслихинском) кургане рассказывают, наприм[ер], что какие-то приезжие люди копали его и откопали золотую телегу, но она ушла в землю. Передаётся также рассказ, что одному крестьянину-рыбаку во сне явился старец и приказал копать курган, где он за тремя чугунными дверями должен был увидеть красавицу и набрать золота и серебра, сколько угодно. Когда рыбак начал копать курган, то действительно встретил в подземелье красавицу, окружённую сокровищами; красавица велела ему отыскать трёх Иванов Ивановичей, детей одного отца, принести голову одного из Иванов⁵⁸ — и тогда только достанутся ему виденные им сокровища. Рассказывают ещё и так: девицу-царевну, окружив сокровищами, схоронил её отец-хан. Она сидит на богатом стуле с распущенными волосами и с золотым гребнем в руках. Она так прекрасна, что увидевший её не может утерпеть, чтобы не поцеловать, а, поцеловав, не может уже выйти из подземелья; в этом и заключается его гибель. А если он дотронется до гребня или до кольца, то раздаётся гром, и кладоискатель по-прежнему очутится на поверхности кургана с заступом в руках⁵⁹.

Но едва ли не самая большая коллекция преданий о сибирских кладах распространена на время походов в Сибирь старого разбойника Ермака и удалых его подвижников. Последние предания тем любопытнее, что находят себе подтверждение в трудах первых сибирских историков.

Послушаем и эти предания.

IV

Раздольное Поволжье, с его тёмными лесами, высокими горами и глубокими оврагами, где когда-то проходили свою науку шайки смелых русских разбойников, как известно, воспитало в той же среде разгульной вольницы и будущего завоевателя Сибири. Там, по многоводным притокам Волги, представлявшим удобные притоны беглецов, недовольных господствующим порядком дел старой Руси, жива и доселе ещё память об атамане Ермаке Тимофеевиче и есауле его Иване Кольце: в нынешнем Сызранском уезде Симбирской губернии, при так называемой Самарской луке память эта увековечена названиями двух сёл Ермакова и Кольцова, в других же местах её передают потомству в прихотливо украшенной форме народных преданий о кладах Ермака.

Продолжение подобных преданий, служивших часто приманкой к местам кладов славного Ермака сибирских кладоискателей, мы находим как на местах стоянок удалого атамана во время передвижения его с ратью на Сибирь в нынешнем Пермском крае, так и в бывших владениях сибирского хана Кучума или нынешней Западной Сибири.

По р. Чусовой, в 34 верстах ниже Кыновского завода, при устье рч. Ермаковки возвышается и доньше известняковая скала около 25 саж[ней] высотой и 30-саж[енною] длиною. Эта скала называется Ермак-камень и заключает в себе обширную пещеру, разделённую на множество гротов. Предание говорит, что во время своего похода в Сибирь Ермак зимовал в этой пещере и похоронил в ней свои сокровища. По поводу этого предания в истории Миллера встречается такое замечание: *«Ежели словесному преданию тамошних жителей верить, то Ермак до походу своего в Сибирь уже так богат был, что он запотребно не рассудил все свои сокровища с собою везти, но оные сохранил в пещере, которая в камне при реке Чусовой, около половины вышины его находится, в том намерении, что он возьмёт опять, когда из Сибири возвратится. Сей камень и поныне для памяти того дела называется Ермаков камень»*. Во времена Миллера в 7 верст[ах] от этого камня была деревня Копчик, которую населяли крестьяне Строгановых и вогулы, приписанные к Верхотурскому уезду, между которыми нашлись люди, бывавшие в упомянутой пещере. По расспросам историка оказалось, однако ж, что эти удалцы, *«понеже камень стоит утёсом, а отверстие пещеры есть от реки, то они сверху того камня до самого отверстия на верёвках спустились и, вошедши, нашли пещеру весьма пространну, токмо следов находившегося там сокровища никаких не видали»*⁶⁰. Очевидно, рассказчики

не были уже первыми посетителями заманчивой пещеры, скрывавшей в себе, по предположению Миллера, пожитки Ермака *«от повольских разбоев»* и частью *«от первого зимнего похода»*.

Кроме Ермак-камня, в Пермском крае находится несколько Ермаковых городищ, из которых в двух народная фантазия считает также нахождение дорогих кладов.

Первое городище находится в северо-восточной части Кунгурского уезда, на реке Серебрянке, при впадении в неё речки Кокуя. Тут была стоянка Ермака с казаками в течение зимы 1579—1580 гг., по окончании которой, с наступлением весны он перешёл Урал и, идя далее берегом реки Журавлика, достиг рч. Баранчи, по которой плыл уже на плотках в р. Тагил. В екатеринбургском Горном архиве имеется дело 1738 г. «о езде на Кувшинский завод бергмейстера Клеопина», горного офицера, из дневника которого видно, что упомянутая стоянка Ермака была в *«крепком месте, между двух речек в мысу, и от свободной стороны было два рва, кои (и) ныне значат, шириною не меньше 3 аршин, глубиною 1 1/2 аршина; внутри их и по всему мысу великий ельник и березник вырос и тут же копаны бывали ямы, знатно для каких поклад»*⁶¹.

Второе городище находится в Верхотурском уезде, в 16 верст[ах] от Нижнетагильского завода и в 4 верстах ниже впадения в Тагил реки

Ил. 5. Городище Кымычевское 1. ХМАО — Югра. Грабительские шурфы. 2010 г. Фото: Ю.В. Балуева

Баранчи, при устье рч. Медведки. Тут виден ров, который тянется параллельно с рекою на 36 арш[ин], а потом поворачивает под прямым углом и идёт в том направлении на 24 аршина. Внутри находится пять ям. По преданию, тут было укрепление, построенное Ермаком с дружиною после того, как он, прошедши через Урал, поплыл на плотах по Баранче и достиг Тагила. Академик Паллас, осматривавший это городище в июле 1770 г., между прочим говорит: *«Внутри рва выкопана четырёхугольная двухсаженная яма полтора аршина глубиною, а две, кажется, на подобие погребов или подземных жилищ, вырыты: одна близ самого рва, а другая саженьях в 25 от ручья Медведки и саженьях в 40 от Тагила; последняя сажени три шириною и аршина три глубиною, конечно, кладовым погребом служила, в коем при отъезде прятали добычу и тяжёлые припасы»*⁶².

Из кладов, оставшихся после боевых схваток Ермака с татарами, предания считают более богатыми клады, зарытые около устья Туры и где-то вблизи Бегишевского озера.

Плывя весной 1581 г. устьем Туры, Ермак при впадении этой реки в Тобол имел жестокое сражение с шестью татарскими князцами, продолжавшееся несколько дней. Главными из этих князцов были Кашкара, Варвара и Майтмас, имена которых сохранились и до настоящего времени в названии трёх татарских селений, расположенных в Ялуторовском округе по тракту на Тобольск. Здесь побито было множество татар, и, одержав полную победу, Ермак, *«столько получил добычи, что не можно было всего с собою на судах везти, но некоторую часть принуждён был закопать в землю»*⁶³.

В злополучный поход из Искера вверх по Иртышу, окончившийся смертью Ермака, храбрый атаман имел кровопролитную битву с татарским князцом Бегишем. Место это находится в нынешней Бегишевской волости Тобольского округа. Здесь Ермак также *«получил в добычу множество богатства и великое число всяких съестных припасов, которые он до своего (несостоявшегося) возвращения, приказал закопать в землю»*⁶⁴.

Подобные же предания не оставляют без кладов и некоторые другие места, иногда даже и такие, в которых Ермак вовсе не бывал. Так, около дер. Новофилатовой в 52 верст[ах] от Тобольска по тракту на Берёзов, на возвышенности до 5 саж[еней] вышины видны следы укрепления, внутри которого находится несколько ям; вблизи же укрепления видны два кургана. Последние не были оставлены без внимания со стороны кладоискателей, и в них находили жнитвенные серпы, уголья и кузнеч-

ные слитки и другие вещи из чугуна с изображением человеческих и птичьих голов. Народ считает эти курганы чудскими, а укрепление — татарским, сделанным для защиты от нападения Ермака. В 50 вер[стах] от Тобольска, вверх по Иртышу к Омску, на бугре, близ так называемой Ермаковой перекопи, также видны остатки укрепления, называемого Кысым-тура (Девичий город). Говорят, что место это названо так в воспоминание подвига тех татарок, которые во время поражения мужей их Ермаком наносили сюда земли и сделали вал, за которым и спасали себя и своё имущество. Ближе к Тобольску, в 25 верст[ах] от него и в $1\frac{1}{2}$ верст[ах] от дер. Нижнеярковой, при рч. Козловке видны следы валов и рвов; по преданию, здесь таилась со своими детьми и сокровищами во время приближения Ермака к Искеру жена сибирского хана Кучума Симбула. Такие же следы валов существуют в 29 верстах от Тобольска, между речками Асланиной и Белкиной, вблизи дер. Загваздиной и во многих других местах, особенно в Тобольском округе⁶⁵.

Кроме приведённых преданий, между простонародьем Западной Сибири существуют ещё предания о так называемых «разбойничьих» кладах, отличающиеся часто полумифическим и легендарным характером, но имеющие в основе своей какой-либо действительный факт, осколок правды.

В Тутальской волости Томского округа, в версте расстояния от деревни Митрофановой, за рекою Томью, находится конусообразный курган с ямою на вершине. С северо-западной его стороны протекает р. Томь, а с прочих сторон местность холмистая. По преданию здесь жили двенадцать разбойников, которые зарыли в кургане два медных котла, наполненных золотом и серебром, покрыв их каменной плитой. Это же предание распространено и на другой подобный же курган, находящийся в гористой местности около той же деревни. Говорят, что крестьяне когда-то, очень давно, пробовали раскопать этот клад, но ничего не нашли⁶⁶.

Из кладов алтайских разбойников, грабивших когда-то караваны, проходившие из Джунгарской Урчи на Томск, народное предание называет клад разбойника Селезнёва. Это был весьма популярный разбойник, часто укрывавшийся в вершинах небольшой речки, в 4 верстах от устья Бухтармы. В народе он известен был более под именем Селезня, так как, попадая часто в тюрьмы, всегда, лишь только наступала весна, доставал ложку воды и уголь, чертил последним на тюремном полу лодку, садился в неё и выплывал из тюрьмы на реку уже в настоящей лодке⁶⁷, а то иногда и, просто превратившись

в селезня, плыл открыто по реке, не стесняясь глазевшего на берегу народа. Предание, записанное в Бухтарминской станице, прибавляет, что яма, где стояла избушка Селезня, заметна ещё и теперь. «Главный склад его имущества был на речке Черновой, впадающей в Иртыш против Бухтармы, с степной стороны. Он хотел открыть его конвойным, которые в последний раз везли его в лодке по Иртышу, в Усть-Каменогорскую крепость, прося их воротиться к Черновой, но конвойные не согласились. Так имущество его и доселе лежит неоткрытым и должно превратиться в клад⁶⁸.

Клады сибирских разбойников упоминаются даже и в отдалённых от Сибири русских губерниях. Так, например, по преданию, записанному в Астраханской губернии, селе Ремонтном⁶⁹, к одному пастуху явился как-то утром неизвестный старик и спросил, хочет ли он, пастух, сделаться богатым; последний, конечно, отвечал утвердительно, и старик ему признался, что он — вернувшийся теперь из Сибири разбойник и что из-за клятвы он сам не может воспользоваться кладом, и при этом указал место, где находился клад — порядочный котелок с драгоценностями; пастух отправился и начал копать, но вдруг на него напал сильный страх, и он убежал, бросив всё, а впоследствии даже и совсем удалился из этих мест; ходили потом туда же разрывать клад и другие, но ничего не находили.

Некоторые следы кладов в Западной Сибири или, точнее, в юго-западных округах Тобольской губернии оставила и пугачёвщина. В 1889 г. некоторыми сибирскими газетами об одном из таких кладов передавалась следующая мудрёная история. В марте месяце этого года в Тобольске в числе вещественных доказательств по разным делам, хранившимся при местном окружном полицейском управлении, найден был «каменный крест вершков шести» с следующею надписью: *«Сей крест заветный кладенная сия поклажа сибирским[и] пугачёвским[и] воинами двадцати пяти человеками, есаулом Змеюлановым свидетельствована казна и положена в сундук счётом империалами сто тысяч, полуимпериалами пятьдесят тысяч, монетами тоже пятьдесят тысяч. Да кто сей крест заветный счастливым рабом найдёт, тот и казну нашу возьмёт. Нашу казну возьмите и по себе делите, друг друга не обидьте. Но вместо нашей казны по завету нашему положите в ту яму двух младенцов, то во избавлении их положите за каждую голову по двести монетов, но не звонкой, а бумажной царской для вечной потехи стражам нашим; а без исправного завета и к казне к нашей не приступайте, ибо наши стражи*

страшни и люты, чего делают рабам противно, их не видно, а за своё будут стоять крепко; по вынятии сего заветного креста и завета готового ищите отговоририка, а отговоририк должен знать, как показано на семи главах сего креста, как сделать завет, потом завещания, и как нашим сторожам управляться. По зделании завету к вынятии поклажи приступать в шестую полночь, а когда казну нашу вимите, то сей крест... и засыпте свой завет. Слушатся отговоририка; как сказано, выполните — и казну нашу получите. Аминь». По дальнейшим сообщениям корреспондентов, «на семи главах креста находится, должно быть, завет — следующие буквы со многими точками, поставленными то позади букв, то впереди, то по обеим сторонам; буквы следующие: К, Б, ТП, Н, ЦД, О, М. В тексте вместо буквы я пишется славянский малый юс, знаков препинания нет, за исключением точек, которые автор ставит где попало, буква ъ не употребляется». Загадочный крест передан был бывшему хранителю Тобольского музея (Н.А. Лыткину). По рассказу одного из тобольских старожилов (М.С. Знаменского) оказалось, что крест этот найден был крестьянами какой-то деревни на меже, отделяющей ту деревню от деревни соседней, и что на право владения крестом предъявляли свои требования крестьяне этой последней деревни, но возник спор, дошедший до дубинок; по этому поводу возникло дело, вещественным доказательством к которому и был представлен упомянутый крест⁷⁰. Несомненно, что спор и дубинки вызваны были желанием крестьян на завладение богатым кладом.

Но — возвратимся к кладоискательству.

V

Старая Сибирь, как уже замечено нами, была известна вообще за страну, сильно заражённую суеверием, но справедливость требует заметить, что наш крестьянин-сибиряк далеко ещё не так суеверен, как крестьянин-великоросс, и часто относится совершенно скептически к тому, что для последнего составляет неоспоримую истину. Этому скептицизму, несомненно, и должно быть приписано то обстоятельство, что колдуны и знахари в Сибири, вообще, явление редкое, и всякая деятельность их в сфере чудесного прекращается большею частью в самом начале. Тем не менее сибирское кладоискательство, исключая, разумеется, случаев, где оно являлось открытым промыслом, в котором принимали участие многочисленные артели, составлявшиеся, по замечанию Мессершмидта, в размере 200—300 и более человек⁷¹, не

обходилось без участия колдовства. Практика колдунов касалась тех кладов, известность которых составляла каким-либо образом сокровенную тайну немногих лиц, или же кладов, места которых ещё нужно было разыскивать. Последнее подтверждается и знакомым уже нам замечанием учёного серба Крижанича о том, что в Сибири *«некоторые люди отдаются чернокнижию»*, при помощи которого находят и разывают *«неизвестные могилы древних скифов»*⁷². В этом случае представляется особенно любопытным вопрос о средствах колдовства, но для разъяснения этих средств за отсутствием фактических указаний можно сделать лишь некоторые догадки, основу коих могут составить те же взгляды на клады, которые были исконной принадлежностью великороссов, явившихся главными колонизаторами Сибири.

Очутившись на сибирских пустырях, русские колонизаторы, разумеется, не забыли того, чему учили их на родине, и свято верили, что в деле освобождения клада от опеки дьявола и добычи скрытого в нём богатства имеют большую силу разные травы. Такая вера, по нашему мнению, могла развиться в новопокорённой стране ещё более прочные устои, так как Сибирь того времени считалась страной, где произрастали и «всякие травы», и «всякие воровские корни», чем особенно интересовалась Москва. Это подтверждают и некоторые из царских грамот. Так, из грамоты верхотурскому воеводе кн[язю] Пожарскому от 13 октября 1625 г. видно, что он, Пожарский, нашёл у проезжего протопопа Якова в коробке *«траву багрову, да трои корени, да камок пухчеват бел, и того протопопа расспрашивал: какая трава и корень, и какое угодье»*. Оказалось, что протопопу дал эти любопытные и вместе подозрительные вещи тобольский казак Степанко Козьиноги, и воеводе предписывалось *«того протопопа Якова с коробью, что у него вынята, с воровским кореньем, прислать к Москве с приставом»*⁷³. Другую грамотою (в октябре 1675 г.), не один раз повторявшеюся, требовалось из сибирских трав *«строить лекарства и водки»*, присылая *«к Москве»*⁷⁴. Из многих трав, рекомендовавшихся для отыскания кладов, у сибирских кладоискателей считалась лучшей Разрыв-трава, называемая иначе Спрынь-трава. Выше мы уже видели⁷⁵, что для хитрых людей, попавших в круг кладоискателей, эта трава служила лёгким способом наживы. К сказанному ранее не лишне добавить, что, пользуясь невежеством простого народа, такие мудрецы за чудесное действие сильной будто бы в добыче кладов Разрыв-травы выдавали иногда действие известного «гремучего серебра» (*argentum oxidatum fulminans*). В.Н. Витевский, статья которого о кладах была

уже цитирована выше, приводит, между прочим, следующий случай, имевший место в Орловской губернии. Крестьянин графа Шереметева Леонтий Ануфриев, имея только для виду какую-то травку в пузырьке, при помощи «гремучего серебра» производил в кузнице в присутствии кладоискателей опыт действия чудесной травы над железом, и опыт вполне удался; полоса железа почти в четверть аршина длиной и в ширину толщиной, положенная на наковальню, от одного прикосновения чудесной травы разлеталась на четыре части с треском наподобие выстрела; причём Ануфриев, производивший опыт своими руками, уверял, что без особенной сноровки и умения ничего не сделаешь, если даже и будешь иметь эту траву⁷⁶. Сибирские знахари утверждают, что найти эту траву чрезвычайно трудно. Корень её в отдельных его побегах представляет будто бы вполне человеческий образ, т. е. если собрать все отрывки корня и сложить, то составит подобие человеческого тела в уменьшенном виде⁷⁷. Между сибиряками недавно ещё распространено было предание, что Разрыв-траву умел находить известный разбойник Коренев; искал он её «по крупным росам, по ярким звёздам». С помощью этой чудодейственной травы ему никакие кандалы были не страшны, перед ним ни один замок не стоял, всякие двери и ворота отпирались⁷⁸.

Упомянув выше о проделке с воображаемою Разрыв-травой в Орловской губернии, считаем не лишним привести ещё рассказ, показывающий, как простодушные кладоискатели попадались в обман, переноса напрасно значительные издержки, в соседнем нашему району Пермском крае.

Дело происходило в 1851 г. в Оханском уезде, у крепостных людей гр[афов] Строгановых. Один крестьянин рассказал секретно трём человекам из мастеровых, что он знает место, где скрыт клад на сумму до 70 тысяч руб. по старому курсу, и что к этому сокровищу приставлен караульным лесной, который за выдачу клада требует 1½ тысячи руб. лёгкой монетой, ведро хлебного вина и рыбный пирог в 10 фунтов. Чтобы проверить этот рассказ, двое мастеровых отправились с указателем клада на место и действительно в лесном колке близ муравейника и большой ели увидели в земле на незначительной глубине окованный железом ящик; но в то самое время, когда хотели вскрыть его, они услышали из леса грозный голос, запрещавший им под опасением смерти делать это и вещавший, что если кто хочет получить клад, то приносил бы в полночь помянутое выше вознаграждение, а теперь ему, караульщику, выдавать клад некогда, — он идёт

на войну. Чрез несколько времени кладоискатели со знатоком клада унесли и оставили около него 447 руб. ассигн[ациями], рыбный пирог и ведро вина и, отойдя от клада, услышали тот же голос: принесённое де принято, но клада теперь они не получают: месяц молодой — будет им сильное увечье. Через две недели кладоискатели ещё унесли 38 руб., пирог и $\frac{1}{2}$ в[едра] вина, но неизвестный голос объявил, что клад выдаст тогда, когда получит остальную (до $1\frac{1}{2}$ т[ыс. руб.] сумму. Повременив немного, кладоискатели решились осмотреть место, где видели ящик, но последнего уже не нашли, — и обман обнаружился.

Подобные обманы в Пермском крае повторялись не один раз. Случалось и так, что в вырытых из земли ящиках находили вместо денег мелкие камни или разбитые стёкла. Обманы выполнялись столь хитро, что кладоискатели редко уверялись в них и чаще относили свои неудачи к тому, что при вскрытии клада не соблюли сами какого-либо условия: напри[м]ер, усомнились в действительности клада или не выдержали испытания, и оттого деньги превратились в камни или стёкла⁷⁹.

В заключение своей статьи нам остаётся коснуться ещё одного вопроса: в чём именно заключались те действительные причины, которые породили в нашем народе веру в клады вообще и развили в последователях её любовь к кладоискательству? Причины эти, по нашему мнению,

Ил. 6. Могильник Кинтусовский. ХМАО — Югра. Грабительский шурф. 2012 г. Фото: М.В. Коноваленко

совершенно одинаковы как для различных местностей нашего обширного отечества, так и для взятого нами района — Западной Сибири.

В старину, как известно, ни банков, ни сберегательных касс не было, а держать дома трудом нажитое добро было рискованно, и ещё более было опасно пускать капиталы в оборот при внутреннем неустройстве общества, при постоянных нападениях неприятелей. *«Сильные притесняли слабых, — замечает по этому поводу Н.Я. Аристов, — и отнимали их собственность; воры и разбойники нередко похищали имущество других; самовластие служителей правосудия доходило до того, что они вытягивали последнюю копейку с подсудимых. Поэтому умные люди старого времени считали самым практичным делом прятать деньги и ценные вещи как можно дальше от завистливого взгляда. Чтобы не подвергнуться неожиданному разорению, личным оскорблениям и преследованиям, чтобы обезопасить своё семейство на всякий случай и сохранить малую толику на чёрный день, они зарывали в землю имущество, нажитое потом и кровью. Припоминая постоянную борьбу русских с финскими, татарскими и немецкими племенами, затем внутренние междоусобия и неустройства общественных порядков, каждый теоретически может сделать вывод, что кладов, зарытых в древнее время, должно быть громадное количество»⁸⁰.*

В Сибири поводы к сокрытию имуществ, кроме изложенных причин, усиливала ещё и особенность юридических отношений между собою членов семьи. Здесь в имуществе, составляющем общее достояние семьи, полным его хозяином считается, обыкновенно, старший в семействе хозяин — неограниченный повелитель в доме. Он распоряжается всем общим достоянием семьи, как ему угодно. Отдельная собственность членов семьи, за исключением приданого жены, может существовать не иначе, как с согласия этого старшего члена. Всякий заработок того или иного младшего члена семьи идёт в общую массу имущества — одно целое достояние семьи. При таких условиях семейного домостроя каждый член семьи старается скрыть часть своего приобретения или заработка на тот же чёрный день, а сам домохозяин прячет от домашних своих приобретаемые общими силами деньги то в чулок, то в перину, то в трубу, чтобы никто не знал. Иногда место сокрытия денег не объявляется даже и при смерти, и спрятанное так и пропадает без всякой пользы для кого бы то ни было.

Несмотря на это, в Сибири весьма нередки случаи находок подобных кладов. Чаще всего такие клады обнаруживаются в подпольях, вышках и других тёмных местах жилых строений. Такие же клады встреча-

ются иногда и на пашнях. Происхождение упомянутых кладов можно объяснять ни чем другим, как приведёнными семейными условиями сибирского простолюдинства. В большинстве случаев старые люди любили класть деньги в глиняные корчаги и зарывать их в землю. Подполья домов в этом случае представляли самые удобные места: так, напри[ме]р, в 1858 г., в Пановской волости бывшего Омского округа крестьянин Василий Клепиков при перестройке дома вырыл под полом из земли две огромных корчаги, в которых оказалось 2505 пятикопеечных монет времён Екатерины и Павла. Клепиков был уверен, что клад этот зарыт его отцом⁸¹. Иногда же клад, находимый кем-либо из потомков спрятавшего и представлявший особую ценность, снова перепрятывался нашедшим его в другое место. Подобный перепрятанный клад найден недавно (28 июня 1893 г.) в Логиновской волости Тарского округа. Крестьянка деревни Тереховой Акулина Полынская, спускаясь с горы вблизи деревни, заметила в склоне горы торчавший из земли черепок, потянула его и вытащила вместе с ним следующие серебряные вещи: 1) два сосуда в форме гладких полукруглых чаш или ковшей без ручек, весом каждый в 34 золотника; 2) два сосуда в форме ковшей с рельефными на дне изображениями неизвестного зверя, весом каждый сосуд по 33 золотника; 3) два слитка в виде продолговатых полос, весом оба в 92 зол[отника]; 4) двадцать мелких серебряных бухарских монет. Положение вещей, едва прикрытых землею, ясно намекало на то, что первоначальная находка их была сделана в другом месте⁸².

Таковы в общих чертах причины, вызывавшие в наших предках верования в клады и любовь к кладоискательству, так сказать, с житейской, обыденной стороны; с научной же точки зрения дело представляет некоторые другие особенности.

Если современные раскопки археологами сибирских курганов и сообщения о находимом в них дают для науки много богатого материала, то не менее ценного материала для неё может представлять и изучение местного кладоискательства. С этой точки зрения особый интерес сосредотачивается на народных преданиях. При изучении духовной жизни народа эти предания настолько ценны для историка, настолько же ценны и для психолога и поэта. Некоторые исследователи не без основания в преданиях о кладах видят политико-экономический смысл русского народа. *«Предание — по замечанию Т.Н. Грановского, — не заботится о верности, но в нём есть истина другого рода: в нём высказываются любовь и ненависть народа, его нравственные понятия, его взгляд на собственную старину»*. Мы знаем, что русское

просто народе не может вспоминать своего прошедшего полной материальной обеспеченностью, и поэтому нет ничего странного в том, что наш крестьянин и до последней поры мало верит, чтобы можно было скоро разбогатеть своим трудом. *«От трудов праведных, не наживёшь палат каменных»*, — говорит он в пословице своей. У сибиряка, так же как и у всякого русского человека, мнения о собрате своём, нажившем богатство, чаще всего сводятся к тому, что последнему посчастливилось найти клад; в других же случаях он относит это к какому-нибудь нечестному делу. В упомянутом нами труде «О кладах» В.Н. Витевского встречается, между прочим, такое замечание: *«Особенно любопытно то обстоятельство, что все предания о кладах под влиянием христианства получили легендарный характер чисто в русском духе. Стенька Разин, Кудеяр, брат Разина Иван и другие разбойники, зарывая клад, оставляют в местах сокрытия клада или святые иконы, или милостыню нищим, а самый клад по большей части зарывают не для купца, не для боярина, а для людей бедных, простых, неопытных, для детей и тех, которые гонимы другими и претерпевают напрасно побои и притеснения, — словом, в преданиях о кладах отразился тот же взгляд народа, что и в его бытовых сказках о богатстве и бедности, о правде и кривде, о трёх братьях, о трёх сёстрах и снохах, о мачехе и падчерице и др., где бедные и правдивые, гонимые богатыми и притесняемые криводушными, младшие, преследуемые старшими, слабые — сильными в конце концов торжествуют и выходят победителями»*⁸³. Любопытен также в этом отношении рассказ, записанный Н.Я. Аристовым. В одном доме была женщина в загоне, нелюбимая в семье; ей не позволяли даже участвовать в общем деревенском веселье и играх, и потому она больше сидела дома. Как только останется она наедине, вдруг завоет в трубе ветер и послышится голос: «Упаду — расшибусь!»... Когда она рассказала о том родным, те подняли её на смех и обругали. Страх одолел несчастную женщину, и она рассказала о том своей соседке, которая научила её, как пособить горю. «Ты возьми, — говорит, — белую скатерть, расстели около печки, поставь хлеба-соли, и, как только заговорит в трубе голос, ты скажи: «Упади-расшибись на хлеб да на соль, да на добрые годы!» Припасла всё это молодуха, сидит одна-одинёшенька по-прежнему, а клад не является, перестал совсем голосить в трубе, так что она о нём и забывать стала. Сидит она однажды вечером задумавшись; вдруг завывло в трубе сильнее прежнего: «Упаду — расшибусь!»... Сначала молодуха оробела, потом оправилась и тотчас разостлала скатерть и

проговорила, по совету соседки, немудрые слова. Клад рассыпался из трубы серебром прямо на скатерть⁸⁴.

Нельзя, однако ж, не заметить, что в русском народе, особенно же в сибиряках, вера в клады начинает слабеть. Признаки этого мы видим в позднейших рассказах о находках кладов. Не далее как в прошлом году одна из сибирских газет передавала следующий случай: *«Недавно в селе Ладейках около Красноярска умер крестьянин, оставив большие деньги. О том, как достались они ему, рассказывают странную историю. Крестьянин этот несколько лет тому назад увидел во сне какого-то старика, который три раза снился мужику и каждый раз говорил ему, чтобы он шёл в соседнюю деревню Ботой и там бы нанялся копать подвал, где найдёт клад, который он советовал взять ночью. Мужик долго не верил этому и не поддавался на внушения сна, но после третьего появления загадочного старика он не выдержал, и пошёл в Ботой, где действительно ему удалось наняться за 2 рубля копать подвал. Долго рыл мужик этот подвал, но никакого клада не находил; наконец, подвал был вырыт, осталось только выбросить лопаты три земли, которая, как на грех, не поддавалась на лопату, но два-три усилия — и звук металла возвестил мужику, что здесь-то и лежит так долго ожидаемый клад. Мужик, конечно, бросил лопату и стал действовать руками и действительно обрёл котелок с золотыми. Помня наставление старика, явившегося ему во сне, не брать клада днём, он снова зарыл его в землю, а ночью взял его, и вот это-то золото послужило основанием к богатству мужика, который с тех пор и зажил со своею старухой в довольстве»*⁸⁵.

По времени это одно из преданий более позднего происхождения, и, как видим, [оно] во многом уже лишено той мифической окраски, которая придавалась подобным преданиям нашими предками: в нём уже не упоминаются ни приставник в виде дьявола, ни Разрыв-трава, ни воскресенская свеча, а дело обходится проще — одним только сновидением счастливец, которому клад отдаётся добровольно.

Очевидно, русский человек начинает доживать до той поры, когда вера в клады и предания о них будут считаться лишь характерной чертой былого времени...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В «Заметках о собственных именах в великорусских былинах» А. Соболевского сказано, что имя Кощей, как известно из «Слова о полку Игореве» и летописей, в XII в.

считалось за имя нарицательное, а позже означало «раб»; за собственное имя оно встречено в одном документе 1459 г.; имя же Тугарин не было редким в употреблении как имя собственное в XVI—XVII вв. «Живая старина», вып. II (1890), стр. 105.

² Костомаров, XXI, стр. 266, 267.

³ Витевский. Клады и кладоискание на Руси. «Извест. общ. арх. ист. и этног. при Казанском университете», т. XI, вып. 5 (1893), стр. 411.

⁴ Забелин. «Истор. русск. жизни», ч. II (1879), стр. 377 и 513, прим. 181.

⁵ Витевский. Клады и кладоискание на Руси, стр. 414—416.

⁶ «Труды Орловск. учён. архивн. комиссии», 1889, стр. 10—11.

⁷ Упомянутая статья Н.Я. Аристова, стр. 718.

⁸ Витевский. Клады и кладоискание на Руси, стр. 412.

⁹ Карамзин. История государ. Российского, т. VIII, прим. 153. По другому известию, подобный же клад (*«сребра древних рублев новгородских литых 170, а полтин 44»*) найден был ранее, в 1524 году, в земле, при поновлении новгородской Пятницкой церкви; через четыре года (в 1528 г.) летописец прибавил к этому известию такую подробность: *«28 октября, в час обедни, в церкви Пятницы опустился помост у левого крылоса, где прежде нашли клад; народ бросился из церкви, и множество людей задавили, 80 женщин и 4 мужчин...»*. Карамзин, [т.] VII, прим. 383.

¹⁰ Соловьёв. История России, т. XV, стр. 138 и 139; т. XIV, стр. 283 и 284.

¹¹ О кладах Восточной Сибири в своё время печатались статьи в «Северной пчеле» 1857 г. («Клады Восточной Сибири», Н.С. Щукин, № 222), Записках Сибирского отдела Имп. Русск. геогр. общ. 1864 г. («Клады за Байкалом», П. Кельберг, кн. 7, стр. 89—91) и «Живописн. обозрении» 1874 г. («Клады в Восточной Сибири», № 22, стр. 342—344); о кладах же Западной Сибири, если не считать найденной по смерти известного по разнородным сочинениям о Сибири С.И. Гуляева в рукописи любопытной статьи «Бугровщики», остающейся неизвестно почему до сего времени ненапечатанной, мы подробных трудов не знаем.

¹² «История о Сибири» в сборнике старин. русских статей «Сибирь в XVII веке», изд. Г. Юдина (1890), стр. 191.

¹³ «Материалы по археологии России», № 3: «Сибирские древности», т. 1, вып. I (1888), прилож. стр. 10 и 19.

¹⁴ «Ежемесячн. сочин. и изв. о учён. делах», 1764, март, стр. 220.

¹⁵ «Сибирск. вест.», 1818, ч. 2, стр. 28.

¹⁶ Костров. «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томск. губ.». (1876), стр. 42.

¹⁷ Словцов. «Истор. обзор. Сибири» (1886), I, стр. 304.

¹⁸ «Записки Зап.-сибир. отд. Русск. геогр. общ.», 1885, кн. VII, стр. 10 и 11. Вообще народная фантазия присваивает князю Гагарину владение огромными богатствами, о которых, между прочим, поётся в одной из былевых песен, записанной в Камышловском уезде А.Я. Кокосовым («Чтения в Общ. истор. и древн.», 1877, кн. 3, стр. 104 и 105).

¹⁹ «Материалы по археол. России», стр. 18[так в источнике; может быть, 8? — Я.Я.], 10 и 12.

²⁰ Словцов. I, 304.

²¹ «Извест. Археолог. общ.», т. II (1861), в. 4, стр. 225.

²² «Тоб. губ. вед.», 1892, № 37 и 42; «Сиб. лист.», 1892, № 80.

²³ «История о Сибири» в изд. Юдина, стр. 190 и 191.

²⁴ «Известия Археолог. общ.», т. V (1865), вып. 1, стр. 38—40.

²⁵ И. Тыжнов в «Обзоре иностранн. известий о Сибири XVI в.» («Сибир. сбор.», 1887, стр. 116) предполагает, что этот рассказ касается неудачно окончившихся в 1672-1674 гг. разведок руды в Сибири посланным из Москвы думным дворянином Яковом Тим. Хитрово.

²⁶ «История о Сибири» (в упомянутом в вып. 12-й изд.), стр. 190, 191, 193 и 194. Известный Спасский, помещая в своё время эту «историю» в «Сиб. вестн.», отнёсся к рассказу Крижанича скептически. По его словам, в отыскании древних сибирских могил (курганов), кладоискатели не могли встречать затруднений, так как на некоторых могилах находились высокие насыпи, на других были поставлены огромные камни или наложены груды камней, на многих же росли деревья и кустарники, хотя последние могила находились часто в бесплодных пустынях, не производивших ничего, кроме сухой солонечной травы. «Но в отличии богатых могил от бедных, гробокопатели имели особенный навык и искусство... Вообще заметно... что сочинитель верил чистосердечно чародейству...» («Сиб. вестн.», 1822, кн. 3, стр. 55 и 56.

²⁷ Полн. собр. зак., VI, № 3738.

²⁸ Костров. «Юридические обычаи», стр. 42.

²⁹ Полн. собр. зак., XVI, № 12199.

³⁰ Полн. собр. зак., XXI, № 15447.

³¹ Полн. собр. зак., XXVII, № 20958.

³² См. ст. 269.

³³ См. ст. 398.

³⁴ Костров. «Юридические обычаи...», стр. 42. В «Записках об Енисейск. губ.» И. Пестова (1883, стр. 294—297) помещена между прочим песня татарского башлыка о чудских могилах в Минусинском округе, передающая совет вещей шаманов чуди — закопать в землю.

³⁵ На дачах, например, Суэтского участка Барнаульского округа. «Топограф. сведения о курганах Запад. Сибири» В.М. Флоринского (1889), стр. 51.

³⁶ «Известия Восточ.-Сибир. отд. Географическ. общества», т. XXI, № 2, стр. 10.

³⁷ О доисторических жертвенных местах на Уральских горах. «Записки Уральского общ. любителей естествозн.». 1880, т. VI, вып. 1, стр. 29.

³⁸ «Вестн. Европы», 1883, март, стр. 235—236.

³⁹ По замечанию Н. Добротворского, эти рассказы составляют, несомненно, намёк на «разоренье», какое делали финские племена русским в XIII—XV стол. Там же, стр. 236.

⁴⁰ А.В. Елисеев. «По белу-свету» (1893), стр. 122.

⁴¹ Карамзин. «Истор. госуд. Российск.», I, прим. 73. Сибирский историк Фишер («Сибир. история», 1774, стр. 79 и 80) слову «чудь» даёт такое объяснение: «Заключая под ним не токмо эстлянцев и финнов, но и всех народов, говорящих сродным финскому языком; во всеобщем смысле слово «чудь» значит у россиян неопределённым образом чужого или человека, которого жилище никому неизвестно, почти так же, как прежде сего скиф и варвар, или ныне татарин».

⁴² «Живописная Россия», т. XI (1884), стр. 7, 8 и 9.

⁴³ Там же, стр. 11 и 12. По словам А.Е. Теплоухова («Записки Уральского общества любителей естествозн.», т. VI, вып. 1, стр. 29), до сих пор в бассейне р. Камы не открыто ни одного кладбища с кладами, и вышеупомянутое предание о чуди, быть может, зиждется на том, что в Алтайских горах, а отчасти и на Уральских, найдены брошенные серебряные и медные рудники. Они были давно известны местным жителям под именем «чудских» копей и во время заселения страны русскими служили поводом

к заложению правильных горных работ. В этом отношении особенно замечателен на Урале Гумешевский рудник, в 53 в[ерстах] к югу от Екатеринбурга, описанный Чупиным («Географ. и статист. словарь Перм. губ.», стр. 417—433).

⁴⁴ Костров. «Юридическ. обычаи», стр. 43.

⁴⁵ «Известия Археолог. общества», т. II (1861), вып. 4, стр. 224 и 226.

⁴⁶ Там же, стр. 224 и «Тоб. губ. вед.», 1860, № 5. Курганский округ вообще изобилует курганами. Они описаны в ст. Р.Г. Игнатьева «Памятники древностей в Курганском округе», помещённой в «Тоб. губ. вед.», 1873, № 18—22, 24 и 25. Царёв курган уже после раскопки Мещерского описан был и Палласом в его «Путешествии по России».

⁴⁷ «Записки Зап.-сиб. отд. Русс. геогр. общ.», 1885, кн. VII, стр. 32.

⁴⁸ Миллер. «Опис. Сибир. царства», 1750, стр. 135 и 136.

⁴⁹ Фишер. «Сибир. ист.», 1774, стр. 132.

⁵⁰ М. Знаменский. «Искер». (Тоб., 1891), стр. 8.

⁵¹ «Тобол. губ. вед.», 1882, № 34. Городки жён Кучума описаны в ст. Н. Абрамова «Алафейская гора», помещённой в «Тоб. губ. вед.», 1862, № 21 и 22. Один из вариантов упомянутых преданий — о ночной экскурсии местных татар в городок царицы Сузге — рассказан мною недавно в стихотворении «Утёс Сузге», помещённом в газете «Енисей» (1895, № 138).

⁵² Могила Кучума. (Из рассказов сторожила). Ф. Голубев. «Сибир. вестн.», 1889, № 79.

⁵³ «Сибирск. вестн.», 1896, № 126, статья «По Оби и по Иртышу». Некоторое сходство деталей, особенно в отношении выкупа самаровцами городищенского клада, встречается в одном литовском предании, записанном в Сувалк. губернии. Одному черноработному, шедшему поздно вечером вблизи пруда, в таком месте последнего, куда не может ступить человеческая нога по причине необыкновенно илистого дна, показался свет: подойдя ближе, он заметил на воде огромный плавающий сундук, крышка которого быстро открылась, и сундук оказался наполненным червонцами; на одном же конце сундука сидела дева с распущенными волосами и скоро принялась чесать их, а на другом конце сидел прекрасный юноша с мечом. Сундук подплыл к прохожему так близко, что он мог достать его бывшим у него совком. Оробев сначала, черноработный скоро, однако ж, оправился, захватил совком несколько червонцев и выбросил их на берег. Тут дева вступила с ним в разговоры и сказала, что можно завладеть и целым кладом, но надо достать для этого 12 голов. Исполнить это работному показалось невозможным и, не теряя времени, он снова протянул к сундуку совок, но юноша ударил по нему мечом и отрубил конец совка. *«Глупый!», — сказала дева, — много ли труда стоило тебе поймать двенадцать кур, воробьёв или даже мух, вот бы и завладел кладом; уже столько столетий мы бережём его, но ни одного не нашлось находчивого!»*. С этими словами стало темно, сундук с большим стуком закрылся и исчез в воде. Работник от испуга бежал и с рассветом вдвоём с женою снова отправился на это место. И что же? Пруд как был заросший травой, так и есть, на воде плавает отрубленный конец совка, а на берегу в траве лежит несколько червонцев. Место это литовцы считают заколдованным. — «Жив. стар.», 1890, вып. I, смесь, стр. 16 и 17.

⁵⁴ В.М. Флоринский. «Топограф. свед. о курганах», стр. 69.

⁵⁵ Н. Абрамов. Озеро Нор-Зайсан с его окрестностями. «Тобольск. губ. вед.», 1860, № 21, стр. 159.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Костров. «Юридические обычаи», стр. 42 и 43.

⁵⁸ Иногда условия добычи клада были ещё мудрёнее. Так, в Вологодской губернии (в Троицко-Енальской вол. Кадниковского уезда) в местечке Большая Осина существует клад — целый котёл денег исключительно золотой монеты — для отыскания которого требуется *«спеть 40 песен, не упоминая ни дружка, ни подружки, и, кроме того, во время пения надо быть на осине вверх ногами»*. Охотников, разумеется, не находится. «Жив. стар.», 1892, вып. III, стр. 119.

⁵⁹ «Живописн. Россия», т. XI, ст. Г.Н. Потанина «Бараба», стр. 101.

⁶⁰ Миллер. «Опис. Сибир. царства», 1750, стр. 101.

⁶¹ Н.К. Чупин. «Географ. и статистич. словарь Пермской губ.» (1873), стр. 484–486.

⁶² Там же. См. также заметку П. Калашникова «Память о Ермаке в Пермском крае» в «Истор. вестн.», 1881, сент., стр. 210–212.

⁶³ Миллер. «Опис. Сибир. царства», стр. 111; Фишер. «Сибир. истор.», стр. 122 и 123.

⁶⁴ Миллер, стр. 183.

⁶⁵ «Сибирск. вестн.», 1818, ч. 1, стр. 30, 32 и др. В статье Р.Г. Игнатьева «Памятники древностей в Курганском округе», упомянутой выше (вып. 46), между прочим, описано несколько курганов, находящихся в Усть-Суерской волости названного округа, между которыми проходит дорога, называемая Казачьей. Там, между прочим, сказано: *«Здесь, по преданию, сражался Ермак с татарами, и курганы христианские перемешаны с татарскими»*. Есть подобные же указания на курганы, находящиеся на местах некоторых битв Ермака с кучумовцами, где должны храниться татарские сокровища, и в ст[атье] г. Голодникова о сибирских курганах, помещённой в «Тоб. губ. вед.» 1878 г. (№ 39–41, 44, 46 и 47) и 1879 г. (№ 2 и 3). Приводить все эти указания нам не позволяют размеры настоящей статьи.

⁶⁶ В.М. Флоринский. «Топограф. свед. о курганах», стр. 69.

⁶⁷ Подобное искусство выплывать из тюрьмы на лодке, начерченной углём, народная фантазия приписывала позднее другому разбойнику — казаку Голенкову. Последний разбойничал около Омска и, скрывшись оттуда в Оренбургскую губернию, служил там на гражданской службе («Тоб. губ. вед.», 1858, № 15, стр. 311). Такая же легенда существует и о другом сибирском разбойнике Кореневе, сидевшем в начале 50-х годов наст. столетия в тобольской тюрьме на цепи («Сибирь и каторга» С. Максимова, (СПб., 1891), II, [стр.] 20 и 21).

⁶⁸ Афанасий Селезнёв, разбойник. «Тоб. губ. вед.», 1858, № 16.

⁶⁹ «Жив. старина», 1891, вып. III, стр. 232.

⁷⁰ «Делов. корреспондент», 1889, № 50 и 57; «Тоб. губ. вед.», № 43 и друг. газеты. Любопытно было бы иметь более подробное сообщение по этому предмету от бывшего хранителя тобольского музея Н.А. Лыткина: упомянутого креста мы в музее не нашли.

⁷¹ См. выноску 15-ю.

⁷² См. выноску 12-ю. Припомним приведённое выше замечание Крижанича (вып. 25-я) о тобольском воеводе-колдуне, в кольце которого заключена была будто бы дьявольская сила. В другом месте своей «Истории» тот же Крижанич говорит: *«В Тобольске проживал один воинский начальник (которого назовём здесь Антонием), муж почтенной жизни. Однажды к нему пришёл другой начальник и рассказал, что у него есть книга малая величиною, но великая по достоинству. «Всякий раз, — говорил он, — как я прочту её, жизнь моя в течение тридцати дней бывает*

безопасна от всякого оружия, я пользуюсь расположением каких угодно начальствующих лиц и во всяком споре бываю победителем....». «История о Сибири» в изд. Юдина, стр. 200.

⁷³ «Историч. акты» (1841), III, № 137.

⁷⁴ «Историч. акты» (1842), IV, № 256. Остальные документы, касающиеся сбора в Сибири трав и кореньев, помещены в «Дополн. к историческ. актам» (1857 и 1859), VI, стр. 360–364 и 375–376; VII, стр. 329–330.

⁷⁵ См. выноску 6-ю.

⁷⁶ «Клады... на Руси», стр. 419: ссылка на «Журн. М[инистерства] вн[утренних] дел», 1845, IX, стр. 313 и след., а также заметку к статье «Предания о кладях» Л. Майкова.

⁷⁷ Разрыв-трава сибирскими знахарками рекомендуется и в других случаях. Если беременная женщина будет пить настой её, то плод в утробе её разорвётся на части и изойдёт в виде кровей. Но так как Разрыв-травы в действительности не существует, то под именем её знахарки в нужных случаях дают земляничный корень, луковичные перья, цветочки ржи, крутой щёлок, серу и порох, которые будто бы действуют с постоянным успехом, открывая весьма сильные регулы. — Костров. «Юридические обычаи...», стр. 70.

⁷⁸ С. Максимов. «Сибирь и каторга», II, [стр.] 21.

⁷⁹ «Пермский край», т. III (Пермь, 1895), стр. 215 и 216.

⁸⁰ Упомянутая выше (вын[оска] 7) ст[атья]. профес. Аристова «Предания о кладях», стр. 711.

⁸¹ «Тобольск. губ. вед.», 1858, № 32.

⁸² «Ежегодник. Тоб. губ. музея», вып. 1, 1893 (Зам. в текущей хронике).

⁸³ Витевский. «Клады...», стр. 422. В «Живой старине» (вып. II (1890), стр. 139) Ив. Мамакиным рассказывается, между прочим, следующее предание о Стеньке Разине, записанное им в Лукояновском уезде Нижегородской губернии: «В Орловском Кусте обитала атаманиа Марина-безбожница, а в Чукалах жил Стенька Разин. Местности эти в то время были покрыты непроходимым лесом. Марина со Стенькою вела знакомство, и вот когда Марина вздумает со Стенькою повидаться, то кинет в стан к нему вёрст за десять косырь, а он ей отвечает «Иду-де» и кинет к ней топор. Марина эта была у него первой наложницей, а прочих до 500, и триста жён. И не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, начертит угольком лодку, выльет воду — и поминай как звали. Уже товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушёл и спрятался на берегу между Окой и Волгой и до сих пор там живёт; весь оброс мохом, не знает ни губ, ни зубов. Не умирает же он оттого, что его мать-земля не принимает. И оставил этот разбойник здесь клад, под корнями шести берёз зарыл его. А узнали про это вот как: сидел один мужичок в остроге вместе с товарищем разбойника. Вот тот и говорит ему: «Послушай, брат, в таком-то месте лежит клад, мы зарыли его под корнями шести берёз, рой его в такое-то время». Стало быть, уж он не чаял, что его выпустят на вольный свет, а, может быть, раскаялся и дал зарок. Вышел этот мужик из острога, пошёл на указанное место, а берёзы уж срубили, и корней не знает; рассказал он про это всему селу: поделали щупы, однакоклада не нашли, а клад-то, говорят, всё золото да серебро — целые бочки».

⁸⁴ Упомянутая выше ст. Аристова, стр. 727.

⁸⁵ «Тобольск. губ. вед.», 1895, № 6, стр. 91 (Известие о кладе заимствовано из газеты «Енисей»).

Архивные разыскания

Коллекция городища Искер М.С. Знаменского

А.П. Зыков

г. Екатеринбург

Институт истории и археологии

Уральского отделения Российской академии наук

Пожалуй, во многих хранилищах (музеях, архивах, библиотеках и т.п.) ждут своего часа не востребованные пока документы, способные в один миг существенно изменить, уточнить и дополнить, казалось бы, уже устоявшиеся научные представления. Так случилось и в процессе изучения городища Искер. Только после 25 лет плодотворных занятий проблемами этого широко известного памятника мне посчастливилось прочитать невзрачную внешне рукопись нач. XX в. из библиотеки Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Это произошло благодаря неоценимой дружеской помощи Любови Николаевны Сладковой — старшего научного сотрудника отдела фондов.

Когда в 1988 и 1993 гг. я проводил раскопки на городище Искер, то отлично знал, что здесь же до меня копали В.М. Знаменский в 1880-е гг., В.Н. Пигнатти в 1915 г., Б.Б. Овчинникова в 1968 г. Работы моих предшественников сформировали богатые коллекции, но не смогли дать научных представлений о стратиграфии и планиграфии памятника. Поэтому моей целью стало формирование археологического контекста всемирно известного городища. Все слои и объекты памятника были разделены на шесть последовательных строительных горизонтов, соответствующих этапам жизни на этом участке от возникновения крепости во втор. пол. XIV — нач. XV в. до её окончательной гибели в кон. XVI в. (приблизительно в 1588 г.). Цитадель города Сибир, остатками которой является городище Искер, прожила короткую, но насыщенную драматическими событиями жизнь: лишь остатки самого раннего (1-го) строительного горизонта не имели явных следов пожаров и были уничтожены в ходе обычной перестройки. Все

же остальные остатки сооружений (2—6-го строительных горизонтов) погибали в сильных пожарах. Примечательно, что в моих раскопках 1988 и 1993 гг. никаких более ранних «дотатарских» слоёв и находок выявлено не было.

Если с раскопками Искера было всё отлично, то с работами в фондах музея дела обстояли не так гладко. В них меня допускали, но только для работы с материалами из моих раскопок. А к искерским находкам кон. XIX — нач. XX в. из раскопок В.Н. Пигнатти 1915 г. меня не допускали под надуманным предлогом, что дореволюционные материалы могут обрабатывать только штатные сотрудники Тобольского музея. И такая ситуация продолжалась на протяжении 20 лет — до 2010 г. Я был готов смириться с подобным положением, если бы сотрудники ТГИАМЗ все эти годы сами обрабатывали и публиковали искерские находки. Но за весь этот долгий период в печать была сдана только одна хорошая научная статья, выполненная сотрудником музея¹.

Благо, ситуация разрешилась к кон. 2010 г. За 2011—2012 гг. я смог зарисовать, сфотографировать и описать все коллекции, сформированные на Искере сборами тобольских краеведов с 1890-х гг. до 1908 г. и раскопками В.Н. Пигнатти 1915 г. В этот же период я получил электронные копии хранимых в ТГИАМЗ альбома М.С. Знаменского «Путешествие по историческим окрестностям города Тобольска» и публикуемой здесь рукописи.

О жизни и деятельности **Михаила Степановича Знаменского (1833—1892)** можно писать практически бесконечно (ил. 1). Он был человеком очень разносторонних интересов и талантов — художник, этнограф, писатель, журналист и т. д. Но последний период своей жизни, с возраста 44 лет (с 1877 г.), он полностью посвятил изучению истории своего родного края — Тобольского Прииртышья. И достиг в этом деле выдающихся успехов. Объектом его интереса стали городища у Чувашского мыса и Искер, а также другие средневековые археологические памятники вблизи

Ил. 1. М.С. Знаменский с племянником

Тобольска. В результате своих любительских раскопок, сбора вещей из разрушаемых иртышскими половодьями объектов археологии и скупки древностей у местного населения им за 15 лет была собрана огромная коллекция археологических предметов.

При этом М.С. Знаменский, как уже упоминалось, был, прежде всего, замечательным художником и популяризатором. Он с самого начала своей археологической деятельности стал зарисовывать находки и активно делиться с окружающими и рисунками, и знаниями. Так, уже в 1880 г. он предоставил итальянскому учёному и путешественнику С. Сомме информацию о раскопках и рисунки вещей с Искера и Чувашского мыса, которые были опубликованы в 1885 г. во Флоренции (её перевод и издание на русском языке выполнены в 2012 г.)². К 1884 г. М.С. Знаменский создал первый художественный альбом рисунков с городищ Потчеваш и Искер, который он продал в Санкт-Петербурге И.М. Сибирякову — миллионеру и меценату Сибирского Императорского университета в г. Томске. Самые восторженные отзывы об этом альбоме оставил Н.М. Ядринцев³.

Ещё в 1880 г. М.С. Знаменский, собираясь в будущем полностью сосредоточиться на исследовании Искера, предложил проезжавшему через Тобольск В.М. Флоринскому — врачу, профессору, попечителю Западно-Сибирского учебного округа и руководителю строительства Сибирского университета в Томске — купить у него коллекцию находок с Чувашского мыса для нужд будущего университета. В.М. Флоринский осмотрел коллекцию, расспросил о месте её нахождения и обещал изыскать средства на приобретение. Уже в 1881 г. потчевашская коллекция М.С. Знаменского была куплена за 300 руб. и передана на хранение председателю Тобольского губернского правления А.И. Дмитриеву-Мамонову — хорошему знакомому В.М. Флоринского. В 1885 г. эта замечательная коллекция была перевезена в Томск, став основой археологического музея Сибирского университета. А средства, вырученные от этой продажи, были необходимы Михаилу Степановичу для продолжения его исследований городища Искер.

Во втор. пол. 1880-х гг. Тобольск посетили несколько видных общественных деятелей и учёных Российской империи. Все они встречались и беседовали с М.С. Знаменским, осматривали его богатейшую искерскую коллекцию. Среди них были: в 1886 г. — известный публицист и исследователь Сибири Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894), в 1887 г. — финский историк и археолог, профессор Гельсингфорского университета Иоган Рейнгольдovich Аспелин (1842—1915). Последний

высказал желание купить некоторые вещи из коллекции, в чём ему было отказано. Однако Михаил Степанович подарил гостю одну вещь — бронзовую литую средневековую подвеску, происходившую, вероятно, с Нижнего Приобья. Эта первая встреча с финским учёным, его неподдельный интерес к коллекции были очень важны для М.С. Знаменского и позднее сыграли не последнюю роль в окончательном определении судьбы его собрания.

В 1888 г. через Тобольск из Санкт-Петербурга по поручению Министерства государственных имуществ проезжал коллежский секретарь **Серафим Керопович Патканов (1861—1918)**. Кроме исполнения служебных обязанностей по сбору сведений «об экономическом быте крестьян и инородцев» Тобольского округа Тобольской губернии, он проводил работы по открытому листу № 265, выданному ему Императорской Археологической комиссией. Также С.К. Патканов встретился с М.С. Знаменским и затем в своём предварительном отчёте в ИАК сообщил, что последний *«произвёл раскопки на городищах Искер и Чуваши и вскрыл несколько курганов в окрестностях города»*, а также *«имеет намерение издать карту памятников древностей окрестностей г. Тобольска»*⁴.

Художественный альбом, проданный И.М. Сибирякову в 1884 г., был отнюдь не последним творением Михаила Степановича. Существует и ещё один под поэтическим названием «Прогулка по историческим окрестностям города Тобольска», ныне хранящийся в фондах Тобольского музея-заповедника. В этом альбоме было не менее 567 цветных изображений только искерских находок; подробная карта окрестностей Тобольска с указанием месторасположения всех известных М.С. Знаменскому археологических памятников; топографический план городища Искер, снятый неизвестным топографом в 1820—1830-х гг.; рисунок городища с напольной (юго-западной) стороны.

К исходу 1880-х гг. вокруг М.С. Знаменского в Тобольске, где только что был открыт губернский музей, сгустилась атмосфера зависти и недоброжелательства. Негативное отношение исходило, прежде всего, со стороны тех, кто непосредственно работал в музее или сотрудничал с этим учреждением. Почему же? Потому что в течение почти десятка лет за счёт собственного времени, усилий и финансовых средств Михаил Степанович методично проводил любительские раскопки на высоком бугре городища Искер, ежегодно собирал археологические находки на иртышском пляже под городищем или методично скупал их у крестьян с Преображенского и д. Алемасово. В результате ему

удалось собрать огромную коллекцию с одного из величайших археологических памятников Западной Сибири. По сравнению с ней 20 предметов с Искера, упомянутые в каталоге Тобольского губернского музея 1890 г.⁵, были сущей ерундой.

Но кто мешал другим тобольским любителям старины, краоведам и археологам-любителям в течение этого десятка лет собирать находки из разрушающихся слоёв Искера? Ведь делал же это одновременно с М.С. Знаменским тобольский дворянин, житель с. Преображенского И.Н. Бутаков. Правда, в отличие от М.С. Знаменского, свою искерскую коллекцию он в 1891 г. преподнёс в подарок проезжавшему через Тобольск наследнику — цесаревичу и Великому князю Николаю Александровичу. Позднее, в 1893 г., от лица наследника, ставшего уже Высочайшим покровителем Тобольского губернского музея, бутаковская коллекция была возвращена из Санкт-Петербурга в музей с благодарственным письмом И.Н. Бутакову⁶.

2 сентября 1889 г. вышла небольшая анонимная заметка в № 242 газеты «Московские ведомости»: *«Тобольск. Кучумово городище. «Сибирский вестник» сообщает, что в 22 верстах от Тобольска по Сибирскому тракту находятся недалеко от с. Преображенское развалины знаменитой столицы Сибири — Кучумова городища, — омываемые с одной стороны р. Иртышом, а с другой — небольшой речкой Сибиркой. Место это зовётся Искером. Развалины сибирской столицы заключают в себе богатый археологический клад. Кучумово городище несколько лет тому назад разрывали гг. Дм. М. и С—ский. Они добыли здесь очень много археологических предметов. Но богатства городища ещё не исчерпаны вполне. В настоящее время Кучумово городище заброшено, и никто из любителей археологии в Тобольске почему-то не обратил внимания, чтобы сделать раскопки по всем правилам науки. А это очень жаль. Теперь там роются совершенные невежды. Находя различные предметы, они продают их г. З., который, между прочим, в последнее время, не разрывая сам ни курганов, ни городищ, собрал целую археологическую коллекцию (№ до 1500 по его словам), которую, по слухам, и продаёт в Англию. Неужели Высочайшее повеление о запрещении разрывать курганы и городища без разрешения Императорской Археологической комиссии неизвестно тобольцам?»*⁷.

На эту публикацию чиновники Императорской Археологической комиссии отреагировали очень оперативно — уже 5 сентября 1889 г. тобольскому губернатору было отправлено требование в кратчайший срок сообщить, насколько справедливы изложенные в газете сведения.

Тобольский гражданский губернатор В.А. Тройницкий ответил на запрос ИАК уже 28 сентября:

- раскопки М.С. Знаменского на Кучумовом городище действительно проводились, но с разрешения бывшего генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютанта Н.Г. Казнакова;
- собранная в результате этих раскопок коллекция пока не продана, имеется лишь запрос из Англии о цене собрания.

Таким образом, своим ответом тобольский губернатор фактически дезавуировал заметку в «Московских ведомостях», признав все изложенные в ней факты вымышленными или тенденциозными.

Талантливому администратору действительному статскому советнику Владимиру Александровичу Тройницкому в период его службы в 1886—1892 гг. на посту гражданского губернатора Тобольской губернии очень не повезло во взаимоотношениях с некоторыми археологами, проводившими свои исследования на территории вверенной его попечениям губернии (В.Ф. Казаковым, С.М. Чугуновым, Ф.Р. Мартином, М.С. Знаменским). Про первых трёх и их отношениях с В.А. Тройницким и чиновниками руководимой им администрации я уже подробно писал⁸. А в формировании его негативного отношения к М.С. Знаменскому в основном стоит винить сотрудников и руководителей созданного и опекаемого самим же Тройницким Тобольского губернского музея. Главное, что их раздражало в М.С. Знаменском, — это обладание огромной искерской коллекцией. Доказать же незаконность и даже ненаучность её формирования они были неспособны. Да и о каком научном археологическом исследовании памятников Тобольской губернии в 1889 г. могла идти речь, если первые два открытых листа ИАК были запрошены и поступили в Тобольск только поздней осенью 1890 г.? А первые санкционированные археологические раскопки на городище Искер состоялись и вовсе лишь через 25 лет по открытому листу на имя В.Н. Пигнатти, но назвать их действительно научными, несмотря на официальный документ, вряд ли возможно...

Я готов понять всё раздражение тобольского губернатора и директора только что созданного Тобольского губернского музея Н.А. Лыткина в их непреодолимом желании заполучить коллекцию М.С. Знаменского. Но принять и одобрить их крайне недостойные методы, извините, не могу. Если бы они только могли предвидеть, к каким неожиданным последствиям приведёт их неуместная активность...

Михаил Степанович Знаменский не мог не видеть всю кипевшую вокруг его искерской коллекции вакханалию интриг, обвинений, домыс-

лов и т. п., вырвавшуюся в 1889 г. на страницы центральной газеты и повлекшей унизительное для него губернаторское расследование. Но, не обращая на всё это внимания, он продолжал своё благородное дело исследования Искера: дополнял свой художественный альбом «Путешествие по историческим окрестностям города Тобольска», издал в 1891 г. отдельными брошюрами два больших историко-публицистических очерка⁹, продолжал подготовку материалов к книге. Казалось бы, ещё немного — и большое богато иллюстрированное издание по историческим памятникам окрестностей Тобольска — тот труд, о котором сообщалось С.К. Патканову ещё в 1888 г. — будет завершено. Но этого, к сожалению, не произошло. В 1892 г. на 59-м году жизни М.С. Знаменский скончался.

Зная о страданиях от унизительных нападков и абсурдных обвинений со стороны работников Тобольского губернского музея и покровительствовавшего музею тобольского губернатора, которые достались М.С. Знаменскому в последние годы его жизни, не приходится удивляться дальнейшей судьбе его искерской коллекции. Сам Михаил Степанович до последнего дня надеялся, что ему удастся завершить дело всей своей жизни, и никаких письменных распоряжений по поводу своих археологических собраний не оставил.

В 1893 г. Тобольск во время своей последней поездки в Сибирь посетил Аксель Олай Карлович Гейкель (1851—1924) — финский этнограф и археолог, член Финно-угорского общества, профессор Гельсингфорского университета. Целью его поездки было составление краткого описания коллекций музеев Западной Сибири. В частности, в Тобольске он посетил и поработал не только в губернском музее, но и осмотрел обширную археологическую коллекцию семьи умершего М.С. Знаменского. Разобравшись на месте с очень непростой ситуацией с этим собранием, А.К. Гейкель вновь, вслед за своим соотечественником И.Р. Аспелиным, предложил наследникам подумать о продаже коллекции в Финляндию. Высказанный неподдельный интерес финских учёных к делу, которому Михаил Степанович посвятил последние 15 лет своей жизни, явно импонировал его родственникам и слишком отличался от подхода их земляков из Тобольского губернского музея. А описание А.К. Гейкеля, в котором были и рисунки вещей коллекции М.С. Знаменского, вышло в следующем году¹⁰.

В 1897 г. в Москве при посредничестве профессора А.К. Гейкеля коллекция М.С. Знаменского из 2736 предметов за 3000 руб. была продана наследниками Финляндскому национальному музею (г. Гельсинг-

форс). Вместе с коллекцией были переданы и записи М.С. Знаменского с воспоминаниями об его раскопках на верхней площадке городища Искер, ставшими впоследствии основой музейного каталога, а также несколько цветных копий таблиц из авторского альбома, оставшегося у наследников в Тобольске. В этом событии на тот момент не было ничего противозаконного: с 1809 по 1917 г. Великое княжество Финляндское являлось частью Российской империи с особым статусом областной автономии, а финны по Уголовному уложению 1894 г. были ещё раз провозглашены российскими подданными.

Действительно неожиданным такое решение проблемы искерской коллекции М.С. Знаменского оказалось только для Тобольского губернского музея, администрация которого почему-то давно уже привыкла считать, что коллекция никуда из Тобольска не денется и станет основой экспозиции местного музея. В сложившихся условиях, не получив желанных материалов, тоболякам пришлось спешно формировать музейную искерскую коллекцию за счёт случайных сборов тобольскими краеведами-дилетантами 1890-х гг. и первого десятилетия XX в. В книге поступлений музея сохранились упоминания о лицах, сдавших на хранение предметы из культурного слоя городища Искер, — С.В. Герциге (1894 г.), А.К. Шапошникове (1896 г.), А.И. Черноногове (1900 г.), Тушарове (1907 г.), И.Н. Бутакове (1908 г.)¹¹. Любопытно, что в этот период, в отличие от кон. 1880-х гг., «любителей археологии в Тобольске» уже не очень-то беспокоило несоответствие их действий «всем правилам науки».

Следующий крупный этап в археологическом исследовании городища Искер связан с именем **Василия Николаевича Пигнатти (1877—1920)** — бывшего политического ссыльного, оставшегося в Тобольске и безвыездно прожившего там 16 лет (ил. 2). Он служил присяжным поверенным (адвокатом) в Тобольском окружном суде, но своё имя на скрижали сибиреведения вписал не этим, а фактом бескорыстной — на общественных началах (то есть без жалования) — службы в Тобольском губернском музее с 1908 по нач. 1917 г. Им была сделана блестящая музейная карьера, однако деятельной натуре В.Н. Пигнатти этого было мало! Он вслед за М.С. Знаменским по достоинству оценил значение уникального археологического памятника Западной Сибири — городища Искер, цитадели татарского позднесредневекового города Сибир. И решил организовать его официальные раскопки по открытому листу ИАК. Как юрист В.Н. Пигнатти отлично понимал, что такие раскопки необходимы для «легализации» многочисленного собрания

Ил. 2. В.Н. Пигнатти

искерских вещей, накопившихся в Тобольском музее в результате дилетантских сборов на рубежных десятилетиях XIX и XX вв. И такие вполне успешные раскопки он провёл в мае 1915 г., хотя, повторяюсь, назвать их научными сегодня нельзя. Чертежей планов и профилей раскопок В.Н. Пигнатти не вёл, каких-либо подробных описаний не составлял, хотя всё это уже присутствовало в арсенале полевой археологии нач. XX в. Но сбор находок — главная цель раскопок 1915 г. — был произведён тщательно. И большая статья «Искер (Кучумово городище)» появилась очень оперативно — уже в октябре 1915 г.¹²

В ней В.Н. Пигнатти писал, что ему известно о коллекции М.С.

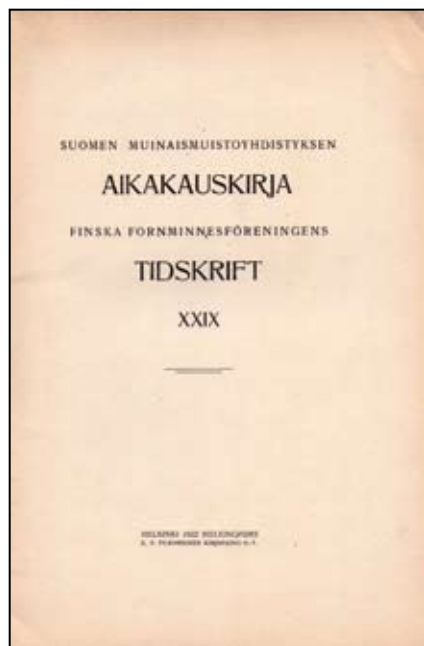
Знаменского, но *«где находится эта коллекция находок с Искера... неизвестно. В руках у меня лишь альбом М.С., в который он зарисовывал найденные вещи; альбом этот не окончен и ключ к нему потерян...»*¹³. По всей вероятности, те сотрудники музея, которые знали о продаже коллекции М.С. Знаменского его наследниками в Финляндский музей, предпочитали не афишировать приискорбный факт. Именно эта публикация В.Н. Пигнатти подтолкнула его коллег из Финляндского национального музея (г. Гельсингфорс) срочно закончить составление и публикацию каталога коллекции М.С. Знаменского, хранимой у них уже без малого 20 лет.

Исполнителем этой работы стал тогда ещё молодой талантливый финский археолог Аарне Михаэле Тальгрэн (1885—1945). Он был знаком с В.Н. Пигнатти, по крайней мере, состоял с ним в деловой переписке¹⁴. Коллекция М.С. Знаменского никак не относилась к сфере научных интересов А.М. Тальгрена, но он сделал свою работу быстро и качественно. Уже к 31 июля 1917 г. были готовы текст каталога, вступительная статья, иллюстративный ряд, перевод Ж. Пуаро с финского или русского на французский. При помощи доктора А.К. Гейкеля это сочинение было оперативно подготовлено к изданию. Так в кон. 1917 г. Аксель Олаф Карло-

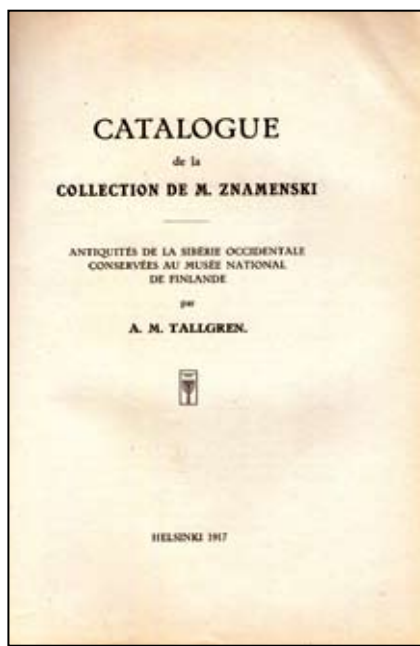

вич Гейкель достойно выполнил долг Финляндского национального музея перед памятью Михаила Степановича Знаменского — пусть и через 20 лет после приобретения его коллекции.

Но вскоре начались хорошо всем известные события: захват власти в России большевиками, официальное отделение Финляндии от России, ожесточённые гражданские войны в Финляндии и в России, период непримиримой межгосударственной вражды (1918—1944), заполненный тремя советско-финскими войнами 1918—1920, 1939—1940 и 1941—1944 гг. Вряд ли стоит удивляться, что финляндский археологический журнал «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja» вышел только в 1922 г. (ил. 3). В его выпуск XXIX вошли четыре статьи на немецком и французском языках, подготовленные ещё в 1917, 1919, 1921 и 1922 гг., в том числе и статья А.М. Тальгрена «Catalogue de la collection de M. Znamenski...» (ил. 4)¹⁵. Несколько экземпляров журнала всё же дошли до России (и даже до Tobolska), но быстро стали

Ил. 3. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki — Helsingfors, 1922. — XXIX. Титульный лист журнала

Ил. 4. Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski. Antiquites de la Siberie Occidentale conserves au Musee National de Finlande. Шмуктитульный лист журнала

библиографической редкостью. Лично я, долго занимаясь проблемами городища Искер, никогда не видел указанной работы А.М. Тальгрена и нашёл только четыре ссылки на неё — две в Интернете и две в литературе. И только в конце ноября 2013 г. благодаря помощи московского археолога Сергея Владимировича Кузьминых мне удалось стать обладателем этого журнала.

Чуть раньше, в кон. 2011 г., я получил в ТГИАМЗ электронную копию старой рукописи. Этот объемный документ состоит из двух частей, написанных разными почерками и разными чернилами, но на листах одного формата. Это оказались два отдельных независимых друг от друга перевода с французского на русский язык вышеуказанной статьи А.М. Тальгрена 1922 г.

Первый перевод был закончен 4 июля 1922 г. в Тобольске переводчицей «Е.Г. М-ой».

Второй перевод выполнен по заданию Тобольской губернской Чрезвычайной комиссии. На это указывает старательно, но не до конца стёртая надпись на первой странице: «Извлечена из ТобЧК». Там же написано: «Перевод с французского В. Т.». Сокращение могло быть как инициалами переводчика, так и аббревиатурой «внутренняя тюрьма». Таким лексическим оборотом традиционно обозначались тюремные строения, расположенные внутри внешних построек (стен «тюремных замков») России XVIII—XX вв. Профессиональный термин пенитенциарной системы, возникшей ещё в XIX в., сохранился и в официальной документации советских органов ЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД... Тобольский губернский тюремный замок строился по Высочайше утверждённому проекту в 1841—1849 гг. и достраивался до 1855 г. Он имел типовую структуру с внешними ограждениями, включавшими госпитальный корпус, помещение для временного содержания пересыльных и следственных арестантов, сиропитательное заведение для детей ссыльных и заключённых, а также другие службы. Внутри этого замкнутого ограждения находился тщательно охраняемый внутренний двор с двухэтажным зданием, в котором с 1871 г. располагалось военно-каторжное отделение на 600 арестантов¹⁶. Последнее сооружение в документах дореволюционных и советских тюремных ведомств и называлось «внутренней тюрьмой». После вооружённого подавления крупнейшего в России антибольшевистского Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г., названного большевиками и советскими историками «кулацко-эсеровским мятежом», и последовавших затем повальных арестов во внутренней тюрьме Тобольского тюремного замка

оказалось немало людей, знавших французский, и потому тобольским чекистам не составляло особого труда организовать перевод.

Зачем чекистам статья по археологии? Да затем, что она была опубликована во враждебной Финляндии и в ней упоминался «злейший враг советской власти, белогвардеец» В.Н. Пигнатти¹⁷. Но к чести тех следователей 1920-х гг. они после осознания ненужности узкоспециальной статьи А.М. Тальгрена для своей профессиональной деятельности не похоронили её переводы в недрах своих закрытых спецархивов, а передали в библиотеку безобидного Тобольского музея.

Именно здесь оба рукописных текста были объединены одним проводочным переплётom, снабжены штемпелями и инвентарными номерами (№ 26932 и 26933) библиотеки Тобольского музея. Судя по названию музея на штемпелях — «Тобольский государственный музей» — случилось это в период с 1925 по 1944 г., поскольку такое название музейное учреждение в Тобольске носило именно в те годы.

Я с удовольствием прочитал эти переводы. В тексте А.М. Тальгрена много добрых слов в адрес «превосходного археолога-любителя» В.Н. Пигнатти и, особенно, М.С. Знаменского, собравшего «коллекцию, самую значительную из происходящих с городища Искер». Подробно указано на происхождение, состав и численность коллекции М.С. Знаменского, хранящейся в Национальном музее Финляндии, приведён её полный каталог. Более всего меня поразило, что, судя по всему, я был первым археологом, читавшим эти рукописные переводы. Даже А.А. Адамов, который проработал в ТГИАМЗ 20 лет, с 1990 по 2010 г., дважды ссылается на издание А.М. Тальгрена, якобы опубликованное в 1917 г. на французском языке¹⁸.

Ниже публикуется текст более точного и более полного перевода труда А.М. Тальгрена, выполненного «В.Т.». Сохранены все особенности стиля и орфографии документа. Оставлены без изменений большинство ошибок и сбоев в нумерации каталога, а также все формулировки подстрочных ссылок А.М. Тальгрена. Незначительное редактирование для удобства восприятия текста коснулось только явных ошибок в грамматике и пунктуации текста.

902.6

К-29

*Каталог коллекции г. Знаменского.
Древности Западной Сибири, хранящиеся
в Финляндском Национальном музее
А.М. Талгрэн¹*

Перевод с французского В.Т.

*Извлечено из ТобЧК (оригинал Финляндского
Археологического о-ва) XXIX:4
Гельсингфорс 1917*

*Библиотека Тобольского
Гос. музея инв. № 26933*

Среди старейших приобретений древностей урало-алтайской области, вверенных заботам Делегации коллекций Antell, фигурирует коллекция г. Знаменского, купленная в Москве в 1897 г. при посредстве доктора Гейкеля. Коллекция состоит из 1906 номеров, которые представляют в общем 2736 предметов. Все они происходят из Западной Сибири, более точнее — из Тобольской губернии.

Небольшое число находок относится к каменному веку; некоторые предметы, именуемые чудскими, относятся к недавнему веку пермского железа; в то время как большинство считается из переходной эпохи между веком доисторическим и веком историческими в этой области, т.е. приблизительно 1400—1580 л. после Р.Х.

Только некоторые из этих предметов имеют общее научное значение; большая же часть из них имеет только местное значение.

Однако спрашивается, был ли смысл покупать коллекцию в Финляндию, так далеко от своей по происхождению страны, не имеющую значения для сравнительной археологии, а также может показаться совершенно бесполезным печатание о ней специального каталога. Но в виду принимая во внимание, что заключает в себе это приобретение, нужно думать по-другому. Коллекция, наверно, бы исчезла в неизвестном направлении и была бы потеряна для науки², если бы она не была спа-

¹ Так (без мягкого знака) в оригинале. В дальнейшем тексте переводчик допускает различное написание этой фамилии — и «Тальгрэн», и «Талгрэн» (Прим. ред.).

² Как произошло, напр[имер], с большой и ценной коллекцией Увека на Волге. Об этом имеется статья Ф.А. Пономарева. «Древний Увек исчезает». Казань, 1891.

сена, будучи помещённой в Финляндский Музей. Кроме того, коллекция включает в себе предметы древностей остяков, которые представляют особый интерес, и имеет большую относительную ценность для изучения этнографии остяков, которая имеет место в Финляндии.

Что касается издания, то это вполне естественно, так как, когда коллекция, имеющая исключительное местное значение, попадает в удалённое место, должны её сделать доступной местному изучению края посредством иллюстрированного издания. В настоящем случае, кроме того, это доказывается причиной исторического влечения, ибо большая часть коллекции происходит с доисторической крепости «Искер», где находилась древняя столица сибирских татар Сибирь; следовательно, коллекция представляет большую ценность для Сибири. Крепость Искер еще недавно стала предметом специального изучения, и археологические раскопки там, наверное, закончены.

В 1915 г. В.Н. Пигнатти, превосходный археолог-любитель, опубликовал в Ежегоднике Тобольского губернского музея интересную иллюстрированную статью об этой первобытной крепости³, где он отсылает к находкам с этого самого места, которые находятся в сибирских музеях. Он знал по отзывам коллекцию г. Знаменского, но не знал, что с ней случилось.

Другие материалы теперь также изданы; но наша коллекция — самая значительная из всех, происходящих с городища Искер⁴, и наша почётная обязанность — опубликовать ее, чтоб служить делу исследования доисторической Сибири.

Михаил Степанович Знаменский, создатель коллекции, был уроженец г. Тобольска. Он обладал достаточно замечательными художественными дарованиями и был художником по профессии. В одно и то же время он много интересовался древней историей своей страны и ещё рано он задался целью коллекционировать древности, происходящие из его родной страны, которая ими изобиловала. Его интерес был направлен исключительно на эпоху завоевания Сибири. В своём рукописном описании, приложенном к коллекции, купленной для Финляндии, он рассказывает сам, что, работая над коллекцией, он не имел целью предложить чисто научный материал для освещения колонизации доисторической Сибири, но исключительно собрать материалы, которые составляют «живые иллюстрации» к истории старины.

³ Искер / Кучумово городище / Ежегодн. Тоб. Губ. Музея. 1915.

⁴ Она содержит 1806 номеров, из них не менее 1400 с Искера. В Томском музее приблизит. 100 предметов этого происхождения, в Тобольском — 2118 (Пигнатти, Искер, стр. 19).

В непосредственном соседстве с нынешним Тобольском, Российский Пизарр, Ермак Тимофеевич основал русское владычество в Сибири своей решительной победой над татарами. И это тот период, которым исключительно интересовался г. Знаменский. Однако находки коллекции Знаменского не все происходят с одного и того же места. О местах находок в рукописной описи каталога, к[о]т[орый] находится в Гельсингфорском музее, странная вещь, не имеется никаких указаний. Всё же места находок могут быть определены при помощи источников, касающихся одной части предметов. В некоторых случаях место происхождения остаётся неизвестным и остаётся довольствоваться общим указанием г. Знаменского, что коллекция происходит с Искера.

Самым главным источником для определения местонахождения предметов коллекции являются документы, приложенные к коллекции Знаменского, а именно рукописная опись, приложенная к упомянутой коллекции, составленная самим Знаменским, и 2 таблицы, раскрашенные также рукой г. Знаменского, с иллюстрациями, представляющими некоторые предметы коллекции. Кроме того, имеется ссылка на работу д-ра Гейкеля, указанная на стр. 6⁵, и вышеупомянутая статья Пигнатти, к которым я буду часто отсылать впоследствии, и, кроме того, рассказы о путешествии по Сибири проф. У.Ф. Аспелина, изданные в 1867 г. в журнале *Ousi Sometar*, в № 199/А. Он рассказывает, между прочим, о своей встрече с Знаменским и о некоторых археологических предметах, имеющихся в распоряжении коллектора, между прочим — о каменном топоре (№ 1 в нашем издании) и предметах чудской культуры (№ 461—466). Кроме того, из письма выясняется напрасная попытка Аспелина приобрести эти предметы. Знаменский не хотел уступить ему в этом, но он подарил Аспелину один предмет⁶ (см. дальше стр. № 1). Насколько известно, предметы коллекции г. Знаменского происходят с[о] следующих 5 местонахождений. Самые ценные и многочисленные же — что помещены на 5-й таблице. Следовательно, коллекция может называться «Искерской коллекцией».

Украшения филиграновой работы, № 442—452. Табл. II: № 1—6⁷ происходят с одного местонахождения. Они воспроизведены также на

⁵ Древности Зап. Сибири, хранящиеся в Томском, Тобольском, Тюменском, Екатеринбургском, Московском и Гельсингфорском музеях. Гельсингфорс. 1894 г. Записи Угро-Финского общества. VI.

⁶ Подвесок в форме гуся, к которому подвешивался более маленький подвесок; оба из белого металла.

⁷ Фототаблицы из работы А.М. Тальгрена репринтно воспроизведены на ил. 5—10 данной публикации (*Прим. ред.*).

табл. XXV работы д-ра Гейкеля (стр. 41 прилож. II). Сам автор на стр. 79 своей работы говорит, что они были найдены у деревни Сосновки крестьянином Терчиевым⁸, когда он пахал поле. Дер. Сосновка расположена по соседству с г. Тобольском. Эти предметы воспроизведены на таблицах Знаменского с обозначением, что они найдены в Бегишевской волости на расстоянии 1 версты, приблизительно, от дер. Сосновка. Это место, кажется, расположено на юг от Иртыша напротив Чувашского мыса.

Что касается предметов чудской культуры, или пермских, обозначенных на табл. I: № 16—22, мы знаем, что они происходят не с Искера. На таблице, составленной г. Знаменским, которая находится [...] Финляндского Археологического Общества, обозначено, что они происходят из Берёзовского уезда на р. Оби. Это местонахождение, как уже было сказано выше, упомянуто в рассказе о путешествии пр[оф]. Аспелина.

Некоторые разобобщённые от коллекции предметы найдены на Сузгуне, косогор которого спадает мысом к Иртышу, около Тобольска⁹. Эти находки обозначены № 92, 99, 126.

Уже было сказано, что окрестности Тобольска богаты древностями, извлекаемыми в большом количестве из курганов и городищ. Среди последних особенно знамениты два: Чувашский мыс на Тоболе и Искер на Иртыше, в 19 верстах западнее Тобольска. Из этих двух мест г. Знаменским доставлялись большие археологические коллекции, и им совершены, между прочим, раскопки в этих [дву]х местах¹⁰. Коллекция с Чувашского мыса попала в Томский музей при Университете¹¹.

⁸ См. настоящий перевод стр. 1. Приложение I.

⁹ См. археологическую карту Знаменского в работе Пигнатти, т. VI.

¹⁰ Об этом говорит Пигнатти на стр. 7. Гейкель на стр. 38 своей работы, упом[янутой] выше, поясняет, что Знаменский не делал раскопок на Чувашском мысу и что им [раскопки] производились лишь в древней крепости. В то время как на таблицах Знаменского имеются предметы, которые, согласно его точным обозначениям, происходят с кургана Чувашского мыса.

¹¹ Флоринский. Археологический музей Томского университета, стр. 1, № 1 и следующие. Гейкель, стр. 29 и следующ. Наши костяные острия стрел происходят, без сомнения, частью с Чувашского мыса. Согласно указаниям Знаменского, в действительности имелось 270 наконечников стрел, происходящих с этого места, но в Томске же имеется лишь 214 (Гейкель, стр. 33). Также костяные топоры, зубы медведей, позвонки, просверленные дырами, глиняные изображения — все найдены между валами наружной крепости (стр. 32) и т. д.

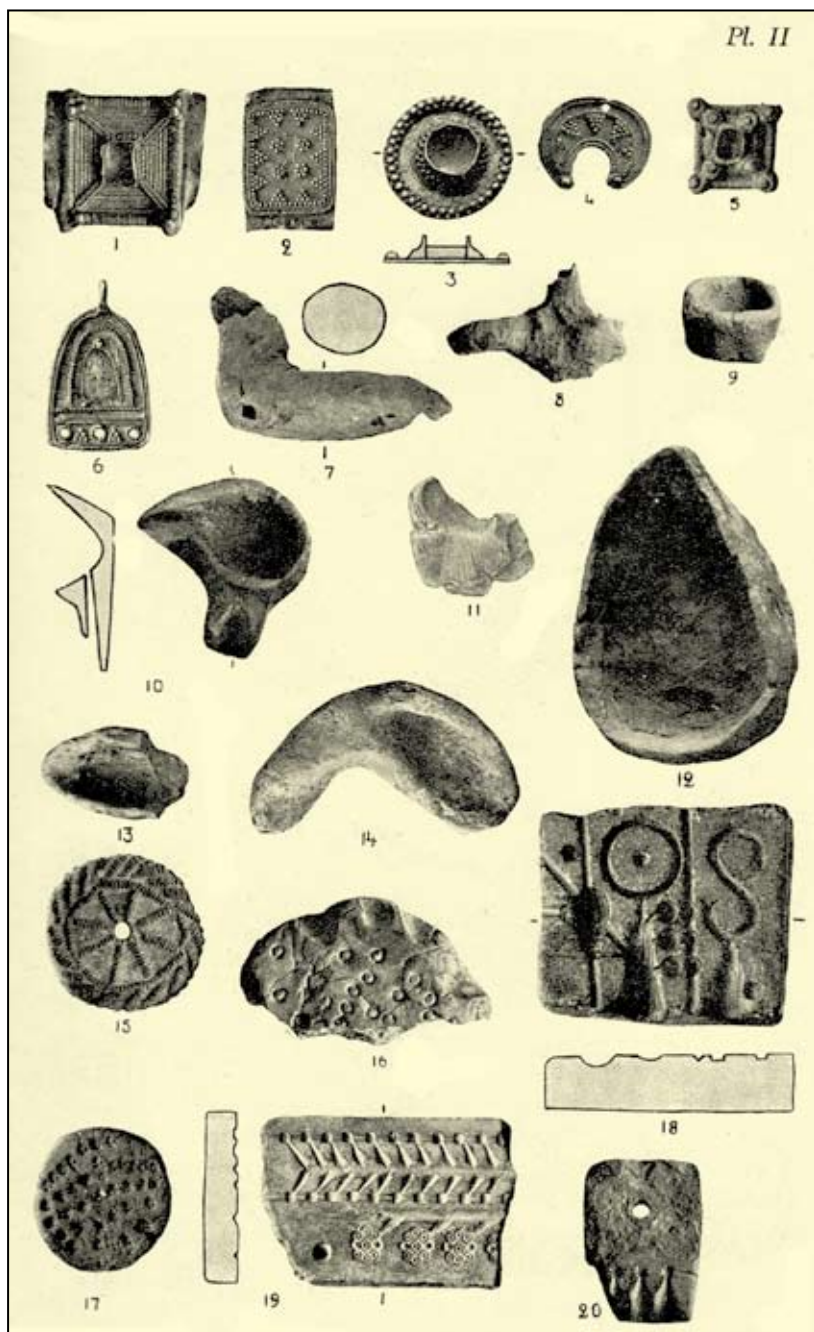
Ил. 5. Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski... Фототаблица I

В нашей коллекции имеются только некоторые редкие предметы, но очень интересные (№ 82, 83, 266—275(?) 331—394 (?))¹².

Когда русские под предводительством Ермака победили Западную Сибирь, татары [до того] были обладателями страны. Их столица помещалась как раз на том месте, где находится городище Искера, и называлась Сибир, откуда и произошло название страны. Властелин страны или хан назывался тогда Кучум. Со своим войском, состоящим из татар и остяков, он дожидался неприятеля, который, отправившись из владений Строгановых в Пермский губернии и вооружённый Строгановым[и], прибыл в Сибирь по р. Чусовой. Стычка была на восточном берегу Иртыша у Чувацкого мыса. Армия хана Кучума была совершенно уничтожена. (23 октября 1581 г.) он бежал в свою столицу Искер. В течение трёх дней он продолжал своё бегство дальше к западу приблизительно на 20 км у Ярковой (Пигнатти, стр. 18), в то время как Ермак жёг Искер и там расположился лагерем. Власть татар приблизилась к концу. Храбрость казаков и их огнестрельное оружие одержали победу, и русское государство получило огромные владения точно так же, как Испанское государство в Америке, приблиз. 60 лет тому назад благодаря храбрым испанским искателям приключений Кортесу и Писарру. В 1587 году основан был город Тобольск, чтобы служить центром управления Западной Сибирью. В него были переведены войска, и Искер стал безлюдным с 1588 г. С этого времени Искер стал необитаем. Обнаруженные на нём находки относятся к предшествовавшему времени и принадлежат исключительно татарам и остякам и в небольшом количестве ещё более древнему народу «чуди» (1200) или совсем недавние из эпохи русского владычества (1581—84). Теперь область древнего города простирается в большей части по Иртышу.

Так как наша коллекция есть действительно коллекция с Искера, думается, кстати, дать об этой доисторической крепости и раскопках, которые там произведены, краткие сведения, заимствованные частью из работы Пигнатти, частью из рукописи Знаменского. Затем мы воспроизведём каталог с некоторыми библиографическими указаниями. Между тем нельзя дать настоящий, подтверждённый доказательствами каталог, ввиду того что нет современных сравнительных материалов, происходящих из Туркестана, Бухары, Хивы и др. татарских центров.

¹² Знаменский (в рукописи, стр. 15) пишет, что, продавая свою коллекцию с Чувацкого мыса в Томский музей, он получил материальную возможность хоть на первое время продолжать своё дело и идти по следам Ермака к Искеру.

Ил. 6. Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski... Фототаблица II

Искер, Кучумово городище, расположен в 19 верстах западнее Тобольска, на территории дер. Алемасовой, на северном берегу Иртыша, при слиянии речки Сибирки. Берег в этом месте опускается мысом к Иртышу, от которого он возвышается на 52 м, и русло, по которому течёт Сибирка, также имеет крутые берега. Городище помещается, как, в общем, и все русские городища, на высоком треугольном мысу, который доступен лишь с одной стороны. Защищено оно тройным валом и рвом. На внутреннем [участке] находилось место пребывания хана Кучума. Края были укреплены деревянными заборами и предохранялись камнями, стрелами и дротиками.

Трудно знать, какая была земляная площадь на этом мысу. В настоящее время весенние половодья почти приступом охватывали весь мыс по ту сторону рва. Сто лет тому назад мыс был приблизит[ельно] на 60 м шире, чем теперь. Пигнатти издал интересную карту (изобр. 2) 1820 г., составленную, может быть, академиком Бэрм (или М.П. Словцовым?).

Если сравнить её с картой 1912 г., видно, насколько подвинулась вперёд работа разрушения. Ширина не больше как 12 саж. Но, по данным 1580 г., она была, вероятно, около 60 саж. Среди бумаг Знаменского фигурирует карта, к[о]т[орую] мы воспроизводим здесь (изобр. 2) и к[о]т[орая] показывает, по его предположениям, приблизительный вид вершины к 1580 г. Его изменение основывается на наблюдении, произведённом самим Знаменским, что курган в доисторических крепостях Западной Сибири был всегда помещён на середине плоскогорья. На карте 1820 г. остаётся половина кургана на краю вершины — то, что предлагает приблизительное изменение. По данным 1880 г., курган исчез совсем.

Что касается того, было правильно или нет предположение Знаменского, очевидно, однако, что вершина была слишком маленькой, чтобы вместить город в собственном смысле слова; вероятно, можно предположить, что хан обитал на вершине, в то время как большая часть народных юрт и мастерские ремесленников помещались вдоль валов; тут же мыслится кладбище. Что касается колодца, он находился на склоне, обращённом к Сибирке у берега.

В 1915 году г. Пигнатти изучал оставшуюся часть плоскогорья крепости, часть валов, ров, место постройки колодца и произвёл некоторые раскопки вглубь в полях впереди вала. Плоскогорье крепости на глубине 10—75 см было покрыто пеплом и углем (дома были, очевидно, деревянные и были сожжены), и под этим пластом находится,

Ил. 7. Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski... Фототаблица III

говоря точнее, плотный слой культуры приблизительно 2 м. Найден нетронутым на вершине мыса ров с нечистотами города, с большими грудями костей животных, с кусками глиняных сосудов и с обломками точильных камней. В другом месте найдены особые рвы с нечистотами, с рыбьей чешуей и в третьем месте — остатки мастерской ремесленника. Находки были бедны и редки. Река, очевидно, уже уничтожила всё, что было самое замечательное.

О своих раскопках и наблюдениях на Искере г. Знаменский даёт отчёт в следующих выражениях, которые мы приведём здесь целиком (*in extenso*), так как они имеют ценность подлинных документов, хотя сведения, к сожалению, будут довольно неясны. В одном месте (№ 3 на карте, воспроизведённой нами) г. Знаменский пометил [словом] «мастерские». По этому поводу он говорит, что они были помещены «вдоль лога, продолжающегося до стен главной крепости. Этот лог смело называю местом жилища ремесленников: здесь собраны инструменты ремесленников (см.: т. I: № 4—5, 13; II: № 9—10, 12—14, 18—20; VI: № 16—17, 25—30); здесь жили кузнецы, ювелиры, чеботари, литейщики; мы имеем отсюда молотки, напарья и свёрла разного типа, иглы, обух к начатому топору, плуг и серпы попали сюда, вероятно, как только что изготовленные вещи. Тут же найдены нами формы для литья разных украшений и образец постепенного производства серьги, остатки кожи со следами шитья, нарезные куски рогов лося и пр. Здесь стекловидные сплавы, окалина железа, масса угля и кирпича...».

На плоскогорье самим Знаменским также произведены раскопки, результат которых он излагает в следующих выражениях: «Обуглившиеся остатки основания строений, находимые нами в земле городища, дают нам понятие о неправильно расположенных жилищах, идущих то параллельно, то примыкающих углом к строению соседнему; точь — в — точь как в современных юртах, в тех частях их, где располагаются хозяйственные постройки. Такое неправильное расположение построек замечено нами более к левому краю холма, и найденные здесь обломки ручных жерновов, черепки огромных глиняных сосудов, остатки берестяной посуды, показывают, что тут было место слуг и рабов. Место господствующего люда было в центре и к краю Иртыша, теперь уже уничтоженное и временем, и рекой; оттого ж и находки вещей, принадлежавших более зажиточным (китайский и ташкентский фарфор, поделки из серебра, пёстрые бусы, серьги и проч.), находимы были не в почве на холме, а уж на берегу реки и даже в реке».

Ил. 8. Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski... Фототаблица IV

Однако очевидно, что на холме были не только татарские юрты, но и остяцкие зимние жилища. Это из одного из этих жилищ, по словам Знаменского, происходит железный идол, который найден им на плоскогорье и который значится в нашей коллекции под № 1245, табл. V: 32.

Вне всякого сомнения, что на Искере в мирное время жило множество гражданских обитателей. Это доказывается находками. Кроме женских украшений (колец, камней, драг. серег и т. п.), обнаружены мастерские ремесленников, потом сельскохозяйственные инструменты (сохи и серпы), предметы хозяйства (напр.: ручные мельницы, обломки котлов, сосуды разного вида, крышки от чайников и т.д.). Некоторые предметы указывают на отдалённые коммерческие сношения. Камни сердолика, малахита и др. (происх. из Бухары), китайские зеркала, туркестанский фарфор, свинцовые печати и т. д.

Из рассказа г. Пигнатти выясняется, что находки с Искера, которые находятся в Тобольском музее, в главном похожи на наши, хотя, конечно, имеются различия; но в общем находки доказывают, что Искер был местом обитания в одно и то же время для воинов и мирных жителей, и женщин. Татары были, очевидно, в действительных коммерческих сношениях с тогдашними современными ханами туркестанскими (Ташкент) и болгарскими (Казань), с Китаем и русской Москвией. Один из замков, воспроизведенных в ст. Пигнатти (табл. IV: № 10), представляет форму лошади, какую имели типичные татарские замки из Болгарии на Волге.

Г. Знаменскому удалось обнаружить скелеты с цельными черепами на берегу реки, в полях, расположенных впереди вала («жилище воинов Кучума»). Из обвалившихся скелетов я отобрал четыре более других сохранившиеся черепа. Один из них, согласно определению г. Гондатти, был череп великоросса. Три других имели, по словам Знаменского, одинаковые признаки 86, 12; 84, 21 и 91, 67 и имели, по его мнению, особенно в лицевых частях, видимые следы монголизма (№ 431—437).

В заключение дадим краткое описание предметов коллекции Знаменского. Имеется пригл. 200 номеров бронзовых, пригл. 40 серебряных, 11 свинцовых, пригл. 1100 железных, 176 костяных, 198 глиняных и 67 каменных¹³. Найдены с Искера следующего происхождения.

¹³ По мнению Пигнатти (стр. 19), цифры Тобольской коллекции с Искера следующие: 30 бронзовых, 136 серебряных, 14 свинцовых, 386 (+23) железных, 157 костяных, 171 глиняных, 195 каменных и т. д.

Ил. 9. Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski... Фототаблица V

Предметы русские: священный ореол (№ 635), обломки кольчуг (№ 1047—1058), свинцовые пули и формы для литья пуль (№ 63—64), дуло ружейное (№ 1233—1244), пуговицы с русскими надписями или с московскими оружиями, Св. Георгий Победоносец, 3 серебряные монеты с именем царя Иоанна Грозного и др. (№ 640, 644—647).

Татарские предметы: серпы [дву]х видов, молотки, гвозди, предметы сбури, фарфор, железные предметы, наконечники стрел, ножи, удочки, замки, ключи и т. п., жемчуг, кольца, серьги, подвески.

Предметы, может быть, остятские: костяные наконечники стрел, амулеты из зубов медведя (Пигнатти, табл. II: № 13), продолговатые четки, железный идол (табл. V: 32), обломки глиняной посуды и т. п.

Имеются ещё дополнительно предметы более древние, доисторические: бронзовый нож (№ 453). В Тобольском музее имеется обломок бронзового топора с Искера (Пигнатти, стр. 21) и каменные топоры (№ 1—3).

По вопросу о времени колонизации на Искере автор солидарен с Пигнатти. Вероятно, что перед тем, как Искер стал столицей татарской Сибири, к 1200 после Р.Х., на этом месте находилась остятская доисторическая крепость, похожая на некоторые другие, что теперь встречаются по обеим сторонам Среднего Урала. Возможно также, что люди поселились на этом мысу задолго раньше, но тогда случайным способом.

Между тем укрепления в полном смысле считаются с татарской эпохи: глубокий ров и вал, мост, что перекинут через ров, колодец на берегу Сибири глубиной приблизительно 5 м и деревянные заборы, которые должны были находиться как раз против вала. В течение этого татарского периода, в продолжение прибол. 200 лет, Искер был центром Западной Сибири, и, без сомнения, это оттуда отправлялись магометанские миссионеры, проникавшие к языческим народам, к остякам и вогулам. Но когда русские взяли Искер, завоевания стали быстро продолжаться в западном направлении; магометано-татарская цивилизация исчезла перед цивилизацией греко-русской; и через 20 лет позднее, в начале царствования династии Романовых, восточная граница Российской империи находилась на Енисее.

Заканчивая, приношу благодарность д-ру А.О. Гейкелю за услугу, которую он оказал мне в издании настоящего каталога, и д-ру Жану Пуаро за перевод моей рукописи.

Рисунки клишированы акционерным анонимным о-вом Кюва; напечатано в типографии К. Ф. Пюроми. Клише № 1 и № 2 заимство-

Ил. 10. Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski... Фототаблица VI

ваны из статьи г. Пигнатти, другие сфотографированы с оригиналов хранителем музея Е. Гольтбергом. Формы предметов нарисованы М-лле Ли́ли О́рн.

Гельсингфорс, 31 июля 1917.

А.М. Тальгрэн

Каталог коллекции Знаменского

Опись Гельсингфорского музея, главный № 3626 соответствует № 12 списка приобретений комиссией коллекций Antell. Предметы обозначены с 1-ого номера.

1. Прямой топор из чёрного камня, гладкий, овальной формы, заострённый. 152, 67, 37 мм. Найден приблизительно 100 л[ет] тому назад женщиной у корня наполовину сгнившего дерева возле деревни Елизаровой, на левом берегу р. Оби, в Берёзовском уезде. (Журн. U.S., 1877: 199 А). Табл. I: № 1.

2. Обломок каменного топора, сверху утончённый. Местонахождение неизвестно. Табл. I: № 2.

3. Каменный инструмент с косым острием, тонкий, с двумя отверстиями на обратной стороне для прикрепления черенка. Местонахождение неизвестно Т. I: № 3.

4–41. Точильные камни и обломки подобных камней из песчаника, испещрённые отверстиями или бороздами, чтоб быть повешенными на пояс. Обыкновенно они узкие по сравнению с длиной, четырёхугольные, исключительно гладкие; № 4–5 – удлинённые, другие – с острыми рёбрами; № 18, 20, 10 воспроизведены на табл. I: № 4, 5, 13.

На № 30 приклеена этикетка с обозначением «Искер». Все эти точильные камни происходят правдоподобно оттуда, из «мастерских». Находятся подобные им [и] в находках Пигнатти.

42–46. Жернова и обломки жерновов ручных мельниц, № 45, по крайней мере, происходит с Искера. По словам Пигнатти, подобные находятся в Тобольске (стр. 13 вышеп. ст.).

47–59. Камни, служащие для взвешивания. Местонахожд[ение] неизв[естно].

60. Каменная литейная форма. Мест[онахождение] неизв[естно]. Табл. II: № 18.

61. Каменная литейная форма. Мест[онахождение] н[еизвестно]. Т. II: № 19.

62. [Каменная литейная форма] плоская, четырёхугольная, с впадиной для ручки или стержня. Местонахожд[ение] неизв[естно].

63. Камен[ная] литейная форма. Форма кубическ[ая]..., с впадиной сбоку. Для мушкетного ядра. Воспроизведена в описи Знаменского как происходящая с Искера и обозначена как русская из эпохи Ермака.

64. Обломок камен[ной] литейн[ой] формы для 9 маленьких пуль. Местонахожд[ение] неизв[естно].

65а. Глиняная обломан[ная] литейн[ая] форма. Табл. II: № 2а.

65в. Каменная [литейная форма], подобная 62.

66. [Каменная литейная форма] плоская, с впадинами для маленьких стержней с здездообразной верхушкой. Местонах[ождение] неизвестно.

67. Каменное украшение с отверстием на краю.

68–81. Разливательные ложки и чашки и обломки подобных предметов из глины. Согнутый черенок испещрён дырочками по краям, через которые мог бы пройти деревянный или металлический черенок. Многие чаши имеют острый носик, по которому металл мог бы стекать в маленькие формы. Большей частью внутри почерневшие; свидетельствуют, что они были в употреблении. Такие образцы встречаются также в русских городищах (№ 68, 71, 74, 76, 81; воспроизведены на т. II: № 12, 9, 10, 14, 13).

По указанию Знаменского, эти предметы, часть которых перепечатана, происходят из мастерских на Искере.

По этому поводу можно отметить, по словам д-ра Сирелиуса (Ручные изделия остяков и вогул, жур. J.S.F.Ou., XXII: 1, стр. 54), что остяки наших дней умеют отливать только свинец и олово. Их литейные формы состоят из берёсты¹⁴, тополя (белый тополь). При плавлении употребляют как вторую половину лит[ейную] форму из коры берёзы¹⁵, поддерживаемую ровным деревян[ным] обломком. Впадина для литья – в виде разливательной ложки из дерева или белого металла. Литейные формы для украшений из олова – из коры берёзы (современные остятские [литейные] работы перепечатаны у Ф.Р. Мартэна: Сибирика, табл. 4, текст).

¹⁴ Неправильный перевод. Имеется в виду толстая кора тополя, растущего в пойме. Сибирские старожилы называют это дерево «осокорь» и активно используют его кору в качестве поделочного материала (Прим. ред.).

¹⁵ Скорее всего, опять имеет место неточный перевод, и речь идёт о коре осокоря (Прим. ред.).

82. Изображения лошади из обожжённой глины, без ног, но с [четырь]мя отверстиями для ног. Табл. II: № 1. Этот предмет воспроизведен на табл. VII: № 3 работы Гейкеля. Эта работа и заметка Знаменского показывают, что он происходит с наружной крепости Чувашиского мыса, где было найдено около 20-ти подобных. Большая часть поступила из Томского музея. Этот предмет, так же как и следующий, был занесён из Туркестана. Это суть интересные доказательства самаркандского влияния (смотри: S.M. 1916: 16).

83. Седло из глины, принадлежавшее игрушечной лошади; совсем такое, как у Гейкеля (выш. ст., табл. VII: № 4; см. № предыдущий, табл. II: № 11).

84. Торт (пирог) из глины¹⁶, круглый, один из боков слегка поломан.

85. [Торт (пирог) из глины], с украшениями на поверхности в виде глубоких впадин.

86. Половина большого торта (пирога) из глины, украшенного сверху. Табл. II: № 16.

87. Обломок глиняного пирога, поверхность которого из украшений из линий.

88–89. Два куска глиняного предмета.

90. Обломок глиняной фигуры птицы с распростёртыми крыльями (?) (см.: S.M., 1916, № 18, изобр. 2, табл. II: № 8).

91–158. Сосуды и обломки глиняных сосудов с плоским дном, большей частью с закругленным книзу. Некоторые из этих сосудов (95, 97, 100) низкие, в виде солонок. Украшения см. на табл. III: № 2–6, под которыми воспроизведены № 96, 98, 104, 107, 116. В каталоге сказано, что № 92, 99, 126 произошли с Сузгуна, № 104, 108, 112, 113 – с Чувашиского мыса. Остальные, может быть, произошли с тех же мест, но в работе г. Пигнатти о многих обломках глиняных ваз сообщено как о происходящих с Искера, где впоследствии встречались подобные сосуды. Кроме того, Знаменский воспроизвёл в своём альбоме, подлинник которого находится в Тобольске (см.: Пигнатти, стр. 33, зам. 31), снимки которого фигурируют в Гельсингфорском музее, массу обломков глиняных сосудов, которые, согласно указаний в альбоме, происходят с Искера. Таковы наши № 107–109 (лента) 110, 116, 118, 120, 138, 141.

159–161. Обломок сосудов из глины с примесью талька. Без украшений. № 159 – табл. III: № 7. К сожалению, без обозначения местонахождения.

¹⁶ Этим термином автор (или переводчик) обозначает пряслица (Прим. ред.).

162–165. Обломок от глиняных ваз – [таких], как № 91–158.

166–254. Подвески глиняные и каменные, большей частью без украшений, некоторые снабжены концентрическими кругами или другими украшениями на поверхности. № 250 имеет голубую глазировку. № 219 изобр[ажён] на табл. II: № 15.

255. Около 150 стеклянных камней из мозаики или сердолика. Некоторые камни из мозаики плоские, с боков представляют особый интерес. Табл. III: № 1. Я знаю только о маленьких одноцветных плоских камнях, найденных на кладбище, из эпохи нашествий в Казанскую губернию (см.: А.М. Тальгрэн. Два могильника железного века в Казанском уезде. – Изв. Общ[ества] истор[ии], археол[огии] и этнографии при Казанском Университете, 1917 г.).

256. 12 экз. мелкой кипридской монеты. Происходят с Искера, согласно заметке Знаменского.

257–259. 14 стёкол зелёного цвета, 1 край от глиняного глазированного кувшина, 18 кусков шлака, 34 обломка фаянсовых предметов, 14 черепков от глиняных сосудов с голубой и зелёной глазировкой и 1 обломок кирпича с голубой глазировкой.

260–265. Кирпич и обломки кирпичей. № 260 обозначен как происходящий с Искера.

266. Прямой топор с костяным лезвием, четырёхугольный, остроконечный с краёв. Совершенно подобен каменному топору. Точно такие же имеются в Томском музее. Как уже было сказано о нём в предисловии, топор этот, наверное, был найден в доисторической крепости на Чувашском мысу. 160, 54, 31 мм. Табл. I: № 6.

267–275. Обломки топоров изображ[ены] под № 266.

276. Костяной цилиндр с украшениями, составляющий, наверное, часть черенка от ножа. Табл. IV: № 15. Замечательная работа. Местонахождение, к сожалению, неизвестно.

277. Украшение костяное, прямоугольное, плоское, с поперечных линий по краям и тремя группами из точек.

278. Кусок обратной стороны костяного гребня, украшенный концентрическими кругами.

279. Кусок черенка от костяного ножа, украшенный концентрическ[ими] кругами.

280. Костяной предмет, плоский, с квадратным украшением на одной из сторон, с зубчатым краем, как у хлебной пилы. Табл. IV: № 7.

281. Костяной жетон, плоский, с двух сторон украшен точно таким же способом. Табл. V: № 22.

282. Костяная ложка, впадина ложки немного попорчена. Черенок с одной стороны украшен. Остяцкая работа? Табл. IV: № 14. Происходит с Искера. Перепечатано у Знаменского.

283. Маленькая штучка от костяных шахматов. Табл. IV: № 13.

284. Изломанная костяная палка. 76,7 мм.

285. Половина костяного камня. 22, 12, 10 мм.

286–287. Два костяных цилиндра; первый украшен поперечными и ломаными линиями. В масшт. 35, 18, 10 и 22, 20, 12 мм.

288. Позвонок рыбы.

289. 21 костяная разломанная иглока.

290. Костяной предмет в виде шила. Табл. IV: № 16.

291–296. Настоящие кости, удлинённые. Из некоторых мозг выбран.

297. Часть от удил для северного оленя, из слоновой кости. Остяк[ские] (см.: Мартэн, табл. 17: № 4, табл. 16: текст, табл. III: № 3).

298–300. Обломок удлинённых костей, отчасти немного отшлифованный.

301–305. Позвонки с отверстиями для подвешивания, употребляемые как амулеты.

306–330. Зубы животных (клыки кабанов и зубы медведей), употребляемые как амулеты (см.: Пигнатти, табл. II: № 13).

331–394. Костяные наконечники стрел со щетиной, треугольной формы (из мамонтовой кости), отчасти ромбовидно (см.: Пигнатти, табл. II: № 1–9; № 331, 343, 356, 370, 372 имеются на табл. I под № 8–12). Эти наконечники стрел произошли, может быть, с Чувашского мыса. По словам Гейкеля (стр. 33), Томский музей насчитывает их в действительности 214 экз., но, согласно подлинного описания Знаменского, число это достигает 270.

395–420. Костяные шила с острыми кончиками.

421. Костяной цилиндр прямоугольного сечения.

422. Костяной предмет с трещиной посредине. Табл. I: № 7.

423–424. Предмет, похожий на предыдущий, но немного меньше. Дл. 423: 71 мм.

425–428. Кости животных без мозга, некоторые из них с поперечным отверстием сбоку.

429. Орудие, согнутое из рога лося, настоящего рога. Происходит с Искера.

430. Приблиз[ительно] 130 предметов: обломки наконечников стрел, куски рогов животных и кости животных довольно больших

размеров. Костяные предметы коллекции Знаменского могут быть рассматриваемы с большой достоверностью как предметы древне-остяцкие. Ещё в настоящее время остяки употребляют предметы из кости и рога. (См. среди других Мартэна, Сибирика, табл. 12: № 6 (нож из рога северного оленя) и т.д.; Сирелиус. Ручные работы, фиг. 27, 28, 103; статья этого же автора «От века каменного до наших дней»... 1912, стр. 66–69).

431–437. 4 целых черепа с Искера (см. наше вступление, стр. 12) и обломки от черепов.

438–439. Черепа грызунов и 2 зуба животных.

440. Четырёхугольный кусок коры, испещрённый отверстиями.

442. Серебряная вещь филиграновой работы, квадратная, без камней, в виде вставки, № 442–452; найдена в д. Савиной Бегишевской волости; воспроизведена у Гейкеля на табл. XXV. По словам Знаменского, они подобны современным соотв[етствующим] татарским драгоценным вещам. Между тем наши вещи, вероятнее всего, доисторического происхождения¹⁷.

443. Драгоценная вещь, подобная № 442.

444. [Драгоценная вещь].

445. [Драгоценная вещь] круглая, филиграновой работы. Табл. II: № 3. Найдена [там же], где и № 442.

447. [Драгоценная вещь] как № 445

448–450. Три подобных драгоценных вещи формой полумесяца. № 448 изобр[ажена] на табл. 2: № 4. (О подвесках в виде полумесяца см.: Гольмстэн. Лунницы. — И[звестия?] Росс. Ист. музея в отчёте Историческ. музея, 1913 г., стр. 89, находки см. 442).

451. Подобная драгоценность, прямоугольная. Табл. II: № 2.

452. Подобный подвесок, похожий на петлю. Две стороны одинаковые. Табл. II: № 6.

453. Бронзовый нож минусинского образца, дл. 180 мм. Табл. I: № 14.

454. Наконечник стрелы, бронзовый, «скифский», треугольной формы, с [тре]мя зубчиками. Табл. I: № 15.

455. Бронзовое зеркало, круглое, без украшений, из 4 кусков. Диамет. 118 мм.

456. Бронзовая ножка от треножного котла. Табл. III: № 15.

457. Бронзовое зеркало? Восточное, с разбитым черенком, 92 мм в диаметре. Табл. IV: № 11.

¹⁷ Приблиз. 1000 л. после Р.Х. (см.: Спицын, Записки Русск. арх. общ., VIII, 248; Аспелин, Древности, изобр. 738–763).

458–460. Китайские бронзовые зеркала. 458–459 – с рельефными украшениями, 460 – с инкрустациями, выполненными из известного¹⁸ вещества? Табл. IV: № 8. Воспроизведены на табл. IV: № 8–10, 12.

461–466. Подвески, именуемые чудскими, найденные в могилах по реке Оби. Появились благодаря весеннему половодью у Берёзова (Аспелин в U.S., 1887, 199 А). В группе этих находок числится также подвесок в форме гуся, к которому подвешивается более маленький подвесок (оба из белого металла) и к[о]т[орый] Знаменский подарил Аспелину в Тобольске в июне 1887 г. Эта фигура значится под № 2999:2 Гельсингфоргского музея, и подобное изображение [помещено] на табл. X: № 24 Спичина¹⁹ – Теплоухова (Мат. по арх. России, т. XXVI). Что касается так называемых шаманских изображений, ...смотреть исключительно: А. Спичин, Шаманские изображения. Зап.-[Сиб.] отд. Рос. арх. общ., VIII: 1 и Матер. по арх. России, XXVI.

461. Драгоценная вещь в виде лошади, топчущей что-то, к[о]т[орое] первоначально представляло змею. Табл. I: № 21.

462. Подвесок плоский, изображающий зайца (VIII–IX века?). Табл. I: № 19.

463. Драгоцен[ная] вещь, представляющая медведя, к[о]т[орый] держит в своих когтях четвероногого (собака?). Плоский. Табл. I: № 22.

464. Вогнутый предмет в виде полушария, плоский, открытый внизу; или подвесок; или головка шпаги, изображ[авшая] четвероное животное? Табл. I: № 16.

465. Филиграновая драгоценная вещь подобная 442. Табл. II: № 5.

466. Бронзовый подвесок с тремя короткими цепочками. Табл. I: № 17.

467–470. Пермские подвески, цилиндрич[еской] формы, с висульками (XII–XIV век). Местонахожд[ение] неизвестно. № 468 изобр[ажён] на табл. I: № 18, № 470 – на табл. I: № 20.

471. Висулька, подобная № 469, происходящая от подвеска из пермского железа.

472. Обломок пермского подвеска. Табл. V: № 26.

473. [Обломок пермского подвеска] с рельефным украшением.

¹⁸ В оригинале написано «известного», но, скорее всего, переводчик имел в виду – «неизвестного» (Прим. ред.).

¹⁹ Здесь и далее: так в оригинале документа переводчик ошибочно написал фамилию А.А. Спицына (Прим. ред.).

474. Бронзовая трубочка, заключающаяся, может быть, в находке 461–466 (Аспелин в жур. U.S. указывает как на принадлежащую к этой находке длинную трубочку, которая казалась собранной из многих медн[ых] камней²⁰).

475. Бронзовая трубочка, поверхность которой напоминает бронзовую проволоку, свертывающуюся в спираль. Табл. V: № 21.

476. Бронзовый подвесок пермский с рельефными украшениями. Табл. V: № 25.

477–485. Девять обломков от цилиндров и др. подобные им. Табл. I: № 20.

486. Пуговица из пермской бронзы.

487. Браслет бронзовый, кручёный.

488. Бронзовая серьга.

489. [Бронзовая серьга] с овальным бронзовым камнем, застёгнутая, подобная изображенной в атласе Аспелина.

490. Бронзовое кольцо круглое. Табл. V: № 1.

491. Весы бронзовые. Табл. IV: № 1.

492. Ручка коромысла от весов.

493. Бронзовая трубочка. Табл. V: № 23.

494. Два куска от бронзовых цепочек с 8-угольными звеньями.

495. Бронзовая проволока, кручёная, заострённая к краям.

496–497. Бронзовая цепь в один ряд, состоящая из простых колец.

498–499. 2 бронзовых пермских подвесков в виде колокольчиков. Табл. IV: № 8.

500–518. Ушные подвески или жемчужины, или камни, похожие на подвески, из бронзы или из серебра (517–518). № 506 – с золочёнными украшениями, другие – с металлическими украшениями белого цвета или жёлтого. № 500, 506, 508 воспроизведены на табл. V: № 6–7, 19; № 500–506 – на табл. V: № 6–7).

519–520. Обломок серебряного предмета.

521. Браслет из белого металла (из 3 кусков), без украшения, тонкий, с круглой застёжкой.

522. Половина подобного браслета.

523. Обломок подобного браслета.

524. Обломок бронзового браслета, сделанного лентой, прямой, утончающейся к краям. Украшен рисунками в виде квадратов, сделанных небрежно.

²⁰ Здесь и далее: так в оригинале переводчик перевёл слово «отливки» (Прим. ред).

525. Тоже широкая лента, прибр[изительно] 12 мм, украшенная в длину прямыми и ломаными линиями.

526–530. Бронзовые широкие перстни со стеклянными вставками или из камней. № 526 изобр[ажён] на табл. V: № 2.

531–540. Бронзовые широкие перстни. Пластинка украшена кругами с точкой посередине (№ 531–534), гравированными изображениями (№ 535–536, 539, 540), человеческими изображениями (печати) (№ 537, 538). № 531, 536, 537 – табл. V: № 1, 3, 4.

541–542. Оловянные широкие перстни.

543–546. Кольца простые бронзовые (543, 546), железные (544) и серебряные (545)

547. Широкий перстень, сделанный целиком из сердолика.

548–555. Бронзовые пряжки – полукруглые, четырёхугольные и прямоугольные. № 548 – табл. V: № 36.

556–557. Маленькие бронзовые пряжки. № 557 – поломанная.

558–560. Железные уховёртки, все похожие на № 558. Табл. V: № 44.

561–566. Бронзовые щипчики. № 561–562 одинаковые; № 561 изобр[ажены] на табл. IV: № 27. № 563 и 564 одинаковые; № 563 изобр[ажены] на табл. V: № 28. № 565, 566 похожие, очень узкие. № 561, 562, 566 – бронзовые, другие железные.

567. Бронзовые украшения. Табл. IV: № 24.

568–569. [Бронзовые украшения]. Табл. IV: № 25 (№ 569).

570. Железные украшения с потёртыми позолоченными орнаментами. Табл. IV: № 23.

571. Обломок бронзовой пластинки. Табл. IV: № 22.

572. Бронзовое украшение. Табл. V: № 39.

573–575. [Бронзовые украшения]. Табл. IV: № 20; V: № 43.

576. Медная пластинка, посеребренная с одной стороны.

577. Подобный предмет.

578. Бронзовое позолоченное украшение из трёх частей, соединённых гвоздём. Табл. V: № 23.

579. Бронзовое прямоугольное украшение. Табл. V: № 30.

580. [Бронзовое прямоугольное украшение], четырёхугольное.

581. [Бронзовое прямоугольное украшение], широкое, прибр[изительно] 7 мм, с [дву]мя отверстиями.

582. [Бронзовое прямоугольное украшение]. Табл. V: № 42.

583–584. [Бронзовые прямоугольные украшения], одинаковые.

585–609. Бронзовые украшения, круглые, в виде полушарий, по-

серебрянные, с отверстиями посередине; часть предназначена для сбруи. № 585 – табл. V: № 31 (35–40 мм в диаметре).

610–626. Украшения сбруи, круглые или прямоугольные, частью посеребренные. № 615 – табл. V: № 28, 15.

627–628. Бронзовые украшения в виде сердца – целые и обломок. Оттиснуто: две смело нападающие птицы. Табл. V: № 9.

629. Бронзовая пластинка с украшениями из кривых линий, инкрустированных серебром. Табл. IV: № 16.

630–631. Обломки сосудов из прозрачного металла с цветочными украшениями. Табл. IV: № 4, 5.

632. Бронзовая пластинка из кусков, с тиснён[ыми] украшениями животных, похожая на [цветочек]²¹

633. Бронзовая пластинка с украшениями растений. Табл. IV: № 3.

634. Обломок подобной пластинки.

635. Венчик от русской иконы из золотых листьев. Происходит с Искера (по заметке г. Знаменского).

636. Обломок серебряной пластинки, 2 куса. Табл. V: № 24.

637. Кусок литого серебра.

638. 5 обломков бронзовых позолоченных предметов.

639. 3 обломка от маленького серебряного медальона, круглого, без украшений, окаймлённого по краям.

640. 8 обломков российских серебр[яных] монет. Табл. V: № 17–18.

641. Медная восточная монета, потёртая. Табл. V: № 14. С Искера.

642. Медная потёртая монета, испорченная огнём.

643. Бронзовая пуговица с рельефным²²

644. Бронзовая пластинка с изображением Св. Георгия и дракона. Табл. V: № 13.

645. Бронзовая пластинка с человеческой головой, с надписью «Се печать Ивана Васильевича». Табл. V: № 16. На другой стороне Искер.

646–647. Потёртые пластинки, подобные предшествующим.

648. Бронзовая пуговица от ботинка.

649. [Бронзовая пуговица] в виде полушария.

²¹ В оригинале перевода слово «цветочек» зачёркнуто (Прим. ред.).

²² В оригинале фраза не завершена (Прим. ред.).

650. Бронзовая подкова. Табл. VI: № 21.
651. Бронзовый обломанный предмет. Табл. V: № 20.
652. Бронзовое украшение. На одном краю изображена птица с петелькой на спине. Табл. V: № 10.
653. Пластика в виде льва. Табл. V: № 11.
654. Кольцо из жёлтой меди, круглое, диаметр внешний 25 мм.
655–658. Обломок бронзы.
659. 4 маленьких медных коротких гвоздя.
660–662. Обломки бронзы, может [быть], частью посеребрённые.
663. Бронзовый прут, с одного боку поперечные полосы.
664. Квадратная пластина, бронзовая, с отверстием посередине.
665–667. 3 ленты из бронзы шириной пр[имерно] 5 см, свёртывающиеся в спираль.
668–670. Ушки от бронзовых котлов. № 668 – табл. III: № 10.
671–673. Бронзовые новейшие [современные] крышки поломанные.
674. Украшение от бронзового замка. Табл. III: № 14.
675. Бронзовый замок.
677. Бронзовый простой ключ.
676. Железный висячий замок, похожий на изобр[ажение] на табл. III: № 7.
678–680. Кольца и ленты из бронзы.
681. Бронзовый крючок.
682. Бронзовый предмет неизвестного назначения. Табл. III: № 8.
683. Бронзовая согнутая трубочка. Т. V: № 33.
684–687. Бронзовые пластинки и обломки сосудов. Приблизительно 170 кусков.
688–693. Обломки свинцовых пластинок и др. предметов. № 692 – обломок от напёрстка, № 693 – [обломок] от свинцовой заклёпки.
694–695. Пломбы с готическими надписями. № 695 – табл. V: № 8. Об их значении см.: Пигнатти, стр. 26.
696–698. 50 свинцовых шаров с впадиной с одной стороны (табл. III: № 11); 8 весок свинцовых в виде безмена (табл. III: № 12) и 19 удлинённых (табл. III: № 13).
699–785. Железные ножи со щетиной (в общем 355 экз.). № 699, 700 имеют ручку немного согнутую, другие – прямую. Щетина проходит наравне с лезвием без выступа, наблюдающегося в № 701–711(22), 774–778; с коротким выступом в № 723–773. Все они старинной

формы. № 774–778 напоминают столовые ножи. № 780–785 поломанные. Местонахожд[ение] неизвестно. Вероятно, все с Искера (см.: Пигнатти, табл. IV: № 11, 5).

786–792. Семь железных серпов двух видов. № 786, 787 – табл. VI: № 30.

793. Железко от кирки. Табл. VI: № 23.

794–805. 12 железных ножниц, целых и поломанных по типу № 796. Табл. VI: № 30.

826–924. Железные наконечники стрел со щетиной, всего 165 экз. № 806–880 – типа № 817 (табл. VI: № 7); № 881–884 – с зубчиками; № 885–889 – в виде штыка; № 890–899 – с широким концом (№ 892 – табл. VI: № 8); № 898–899 содержат 4 наконечника с клинком, разделённым на[двое], подобные есть у Пигнатти (табл. II: № 6); № 900, 902 – подобные № 901 (табл. VI: № 11); № 903, 906 – как № 903 (табл. VI: № 9); № 907 содержит 2 наконечника (табл. VI: № 10); № 908–910 – заострённые; № 911, 924 – обломанные.

925–931. Железные буравы – целые и поломанные, все с вогнутым целым острием. № 929 – с плоским острием (№ 926 – табл. VI: № 12).

932–989. Сапожные подковы. № 944 – табл. VI: № 22. Другие более закруглённые (см.: Пигнатти, табл. III: № 2).

990. Половина лошадиной подковы

991–1039. Железные пряжки – квадратные и прямоугольные. № 998 – табл. V: № 35.

1040–1046. Железные круглые пряжки. № 1040 – табл. V: № 34.

1047–1058. Обломки кольчуг, частью испорченные огнём. № 1052 – табл. VI: № 24.

1059. Чешуя от железной брони.

1060–1075. Железное огниво. № 1061, 1064 – табл. VI: № 18, 19.

1076–1090. Железные музыкальные игрушки. № 1076 – табл. IV: № 19; № 1078–1090 – более продолговатые и более узкие.

1091–1110. Железные замки и обломки этих замков. Ящик без задвижек. № 1093, 1094 – табл. III: № 16, 17.

1111–1124. Ключи от замков.

1125–1156. Железные удочки. № 1125, 1128 – табл. VI: № 2, 5.

1157–1158. Удочки железные с расширенным верхним краем. № 1157 – табл. VI: № 3.

1159–1162. Двойные удочки. № 1162 – табл. VI: № 4.

1163–1165. Ушки от кастрюлей или железных котлов, подобные бронзовым, помянутым выше. Табл. III: № 10.

1166–1208. Обломки от железных котлов.

1209–1211. Факел с [тре]мя разветвлениями. № 1210 – табл. VI: № 29.

1212–1220. Железные ручки от маленьких сундучков.

1221. Сошник плуговой, железный, дл. 28 см. Табл. VI: № 25.

1222–1223. Железный топор и обломок топора. Табл. VI: № 27. По описанию Знаменского, № 1224–1225 найдены на месте мастерских на Искере. Этот вид был употребляем остяками (см.: Сирелиус, изобр. 83).

1224–1225. Железные молотки № 1224 – табл. VI: № 26.

1226. Железное желобовидное долото, свойственное остякам. Табл. VI: № 28 (см.: Сирелиус, изобр. 93).

1227–1231. Современные железные ножи.

1232. Форма для плавления с впадиной с маленькую ложку. Целиком из железа.

1233–1244. Каменные винты от ружья и пружина к каменным ружьям²³ (русские из эпохи Ермака)

1275. Идол из тонкой железной пластинки. С Искера. Предмет остятский. Ими употреблялись ещё подобные из дерева и из металла. Табл. V: № 32.

1246. Железные удила; недостаёт одного кольца. Табл. VI: № 20.

1247–1263. Части удили.

1264. Открытое железное кольцо.

1265. Железное кольцо, прикрепляемое к украшению возка.

1266–1269. Железное украшение для возка.

1270. Крючок с железной петлёй к поясу.

1271–1284. Железные звенья.

1285–1331. Железные щитки замочной скважины.

1332–1373. Железные крючки, согнутые [под] прямым углом.

1374–1381. Головки круглых заклёпочных гвоздиков.

1382–1386. Обломки заклёпочных гвоздей.

1387–1398. Подошвенные гвозди с большой шляпкой.

1399–1400. Гвозди с костяной головкой.

1401–1438. Гвозди и головки гвоздей. Табл. VI: № 1 (№ 1417).

1439–1555. Железные предметы в виде шила, четырёхугольной формы. Большинство имеет самую большую толщину посередине и

²³ Так в оригинале (Прим. ред.).

утончается к обоим краям или к одному. № 1446 – табл. VI: № 6. Эти предметы напоминают бронзовые ножницы из Минусинска. У них острые оба края или один край острый (см.: Тальгрэн, *Collection*, стр. 33А, Гельсинг[форс], 1917).

1556–1583. Маленькие треугольные или прямоугольные клинышки.

1584. Иголка большого размера для упаковочного холста. 295 мм. Табл. VI: № 14.

1585–1586. Иголки для мешков. № 1585 изобр. на табл. VI: № 13.

1587–1590. Украшения с крючком с одного конца или петельками с двух концов (1588). № 1589 – табл. V: № 38.

1591–1594. Петли от дверей.

1595–1599. Украшенная оконная подставка с щитками замочной скважины или подобный предмет. Табл. V: № 41.

1600–1639. Украшения с бруи различных форм. № 1600, 1610, 1614 – табл. V: № 37; табл. IV: № 26; табл. V: № 40. № 1618 – железное огниво.

1640–1642. Железные подвески – круглые, маленькие, плоские.

1643–1644. Обломки железных предметов, железные прутья, трубы и пластинки обломанные, невозможные определить. № 1674 – табл. VI: № 15.

1805. Бронзовый новейший [современный] патрон.

1806. Неопределенный обломок, похожий на пуговицу.

Библиография

В издании г. Пигнатти имеется полная библиография об Искере — сколько говорилось об этой крепости в прежних описаниях, изданных русскими и иностранными учёными. Вместо того, чтобы перечислять здесь эти работы, назовём те, которые знакомят с остоятской археологией. Об археологии сибирской татарской, к сожалению, почти ничего не было опубликовано.

Анучин [Д.Н.] К истории искусства и верований у приуральской чуди. Материалы по археологии восточных губерний [России]. Т. III. Москва, 1899.

Мартэн Ф.Р. Сибирская коллекция. Стокгольм, 1895.

Сирелиус [У.Т.] Ручные работы остяков и вогулов. Журнал финно-угорского общества, XXII : I. Гельсингфорс. I[9]03.

Sirelius U.T. Ostjakkien ja voquilien houtausta voista seka heidan kasitaksesta elamasta kuoleman jalkeen / Suomen Museo, 1902: 49–56; 1093: 4–14; 36–42 (в этой работе очень богатая библиография).

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых: Мат. по археологии России, 26. Петроград, 1902.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Адамов А.А. Обувные подковки с городища Искер (по материалам Тобольского музея-заповедника) // Тюркские народы: Мат-лы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск; Омск, 2002. — С. 116—122.

² Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / Пер. с ит. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — С. 71—102.

³ Ядринцев Н.М. Древняя столица Сибирского царства // Восточное обозрение. — СПб., 1884. — № 22. — С. 8—11; Ядринцев Н.М. Археологический альбом М.С. Знаменского // Восточное обозрение. — СПб., 1884. — № 25. — С. 11.

⁴ Цит. по: Гордиенко А.В. Археологические исследования С.К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 84.

⁵ Лыткин Н.А. Археологический отдел Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1890.

⁶ Сидорова С.Ю., Жучкова Л.Н. 140 лет Тобольскому музею // Реликвариум. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. — Тобольск, 2011. — № 1. — С. 19.

⁷ Цит. по: Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. — Тобольск: б/и, 2008. — С. 14.

⁸ Зыков А.П. Могильник Барсов Городок: начало раскопок // Арне А.Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Прил. 5. — Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. — С. 172—180; Зыков А.П. Первые исследователи Барсовой горы // Барсова гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 6—15; Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и Новое время. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. — С. 11—25. Рис. 1—3, 65-2, 3.

⁹ Знаменский М.С. Чувашский мыс. — Тобольск, 1891; Знаменский М.С. Искер. — Тобольск, 1891.

¹⁰ Heikel A. Antiquites de la Siberie Occidenetal conserves dans mussees de Toms, de Tumen, d'Ekaterinbourg, de Moscou et d' Helsingfors // Memoires de la Societe Finno-Ouqrienne. — Helsingfors, 1894. — Vol. VI.

¹¹ Зыков А.П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург, 2012. — № 3. — С. 146.

¹² Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник губернского Тобольского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. XXV. — С. 1—36.

¹³ Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище)... — С. 19.

¹⁴ Кузьминых С.В., Яковлев Я.А. Письмо В.Н. Пигнатти к А.М. Тальгрёну // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2007. — Вып. 4. — С. 257—267.

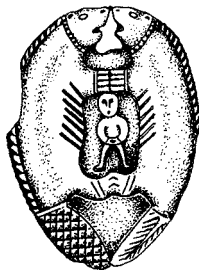
¹⁵ Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski. Antiquites de la Siberie Occidentale conserves au Musee National de Finlande // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki — Helsingfors, 1922. — XXIX. — P. 2—29. Pl. I—VI.

¹⁶ Загороднюк Н. Тюремный замок // Родина. — М., 2004. — Спец. вып.: «Тобольск — живая былина». — С. 92—96.

¹⁷ Василий Николаевич Пигнатти в молодости увлекался народническими револю-

ционными идеями, подвергался репрессиям Охранного отделения полиции, дважды был сослан в Тобольск (по приговорам 1899 и 1903 гг.). После Февральской революции 1917 г. он не смог остаться в стороне от политической жизни и обозначил свою принадлежность к Народной социалистической партии — самого умеренного левого крыла политического течения того времени, отколовшегося от Партии социалистов-революционеров ещё в 1906 г. С марта 1917 г. он стал членом, а чуть позднее — председателем Тобольского губернского комитета общественного спокойствия. В июне 1917 г. Временным правительством он был назначен Верховным комиссаром по Тобольской губернии, то есть главой гражданской исполнительной власти. В.Н. Пигнатти не мог признать законной узурпацию власти большевиками в Петрограде и вооружённый разгон ими законно избранного Учредительного собрания. В знак протеста в январе 1918 г. он добровольно оставил свой пост, чем осознанно выбрал своё место в ещё не разгоревшейся гражданской войне. Дважды на короткое время — в апреле и мае 1918 г. — В.Н. Пигнатти подвергался арестам органами советской власти — красногвардейским отрядом Тюменского ВРК и Тобольской губернской ЧК. В июне 1918 г. Тобольск был занят белогвардейскими отрядами Сибирской Народной армии, и В.Н. Пигнатти вновь возглавил гражданское управление Тобольской губернией. На этом посту он удержался при всех часто сменяемых белогвардейских режимах: Временном Сибирском правительстве, Директории, Правительстве Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Факт удивительный! Из Тобольска В.Н. Пигнатти ушёл с отступавшими колчаковцами в кон. октября 1919 г. перед самым взятием города Красной армией. Дальнейшая его судьба неизвестна, но, скорее всего, она была трагичной.

¹⁸ Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. — Тобольск; Омск: Ом ГПУ, 2000. — С. 68; Адамов А.А., Балунов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. —Тобольск: б/и, 2008. — С. 18, 78.

The background image is a landscape photograph of a calm lake. In the foreground, a dark wooden boat is partially submerged in the water, resting on a rocky shore. The water is a deep blue with gentle ripples. In the middle ground, a sandy beach is visible, followed by a dense line of tall, yellow-brown reeds or grasses. Behind this, a forest of evergreen and deciduous trees stretches across the horizon under a clear blue sky. A large, semi-transparent white circle is centered over the image, framing the text. A horizontal purple band passes through the center of the circle, containing the text. A yellow decorative border with a repeating geometric pattern is located on the left side, overlapping the water and the boat.

Рецензии и библиография

Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири

В.А. Борзунов

г. Екатеринбург

Центр археологических исследований

Института гуманитарных наук и искусств

Уральского федерального университета

Выход в свет специальных исследований и даже самых скромных публикаций по раннему оборонному зодчеству Севера Евразии, которых в целом не так много, всегда является событием для специалистов, занимающихся историей военного дела данного региона. В первую очередь, это касается работ по памятникам лесной полосы Западной Сибири и Урала, где в неолите и начале бронзового века появляются *самые северные в мире* укрепленные поселения эпохи первобытности, а также их прототипы¹.

Бастионные укрепления Агана и повторное изобретение колеса

В десятом томе сборника «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого» была опубликована статья Е.А. Данилова, выпускника УрГПУ, а ныне сотрудника ООО «НПО Северная археология — 1», и члена производственного коллектива ИП К.Г. Карачарова, посвященная укреплениям с бастионами эпохи железа в бассейне р. Агана². Работа, безусловно, интересная, актуальная и информативная*. Украшением её

* Экспресс-анализ этой статьи был выполнен по настоятельной просьбе редактора данного сборника, моего давнишнего приятеля и коллеги Я.А. Яковлева. Обычно я не пишу развёрнутые рецензии на книги и другие издания, тем более «на злобу дня», которые, как правило, приводят к долговременным перепалкам, красиво называемым научными дискуссиями. Ограничиваюсь изложением спорных точек зрения, в том числе собственных, в обобщающих работах. И делаю это спустя определённое время, чтобы иметь возможность спокойно осмыслить прочитанное и объективно, без излишних эмоций, оценить аргументацию оппонента. До этого обсуждаю интересующие меня

являются выполненные в цвете чертежи шести городищ раннего железного века (Кочетьёган 5, Мохтикьёган 6, Мохтикьёган 10, Нёх-Урий 4.3, Нивагальские 17, 27) и четырёх — эпохи Средневековья (Айпино 1, Вор-Сап 1, Мохтикьёган 24, Нёх-Урий 5.3), а также две цветные иллюстрации археологического материала, найденного на этих памятниках. Большинство планов сняты инструментальным (только один — глазомерным) способом археологами Екатеринбурга и Нефтеюганска К.Г. Карачаровым, А.Н. Бессмертных, С.А. Мызниковым, Е.Н. Коростелёвой, Л.В. Носковой, Е.А. Даниловым и Е.Н. Даниловой при обследовании зон хозяйственного освоения Нижневартовского р-на ХМАО — Югры. За исключением трёх планов (Мохтикьёган 6, Вор-Сап 1, Айпино 1)³, чертежи данных городищ ещё не издавались.

Парадокс, но факт: всё было бы прекрасно, если бы Е.А. Данилов ограничился только изданием материалов. Это была бы добротная информационная статья, но автор «взялся за гуж» и решил превратить её в аналитическое исследование. Не скажу, что всё получилось неважно, наоборот, даже весьма неплохо, однако не без огрехов, которые и являются главной целью моего анализа.

Структура публикации Е.А. Данилова чёткая, статья построена грамотно. В преамбуле приведён список древнейших укрепленных поселений, отрытых в таёжном Приобье, обозначен феномен существования укрепленных поселений в обществах охотников, рыболовов и собирателей данного региона с неолита до позднего Средневековья, дано определение термина «бастион», рассмотрена источниковая база работы. В основной части статьи представлены подробные характеристики девяти аганских городищ с бастионами. В заключительном (аналитическом) разделе обозначены хронологические рамки двух периодов распространения бастионных укреплений на р. Агане (VIII в. до н. э. — III в.; XII—XV вв.), приведены аналоги данным объектам в Нижнем Приишимье, Сургутском и Нарымском Приобье (городища белоярской, кулайской и бакальской археологических культур), выделены два типа бастионов («собственно выступы вдоль стен укрепления, предназначенные для флангового перекрёстного обстрела нападающих» и «конструкции, возводимые с целью усиления наиболее слабых мест в обороне — ворот»), а также проанализировано распределение этих

вопросы с коллегами и авторами публикаций. Иногородним авторам, как правило, посылаю списки литературы либо книги и статьи, которыми они по каким-то причинам не воспользовались, а также прошу их поделиться своими печатными трудами, отчётами или чертежами.

типов по периодам и территориям. В конце работы автор попытался рассмотреть причины появления бастионов на Севере Западной Сибири и сделал вывод, что возведение бастионов здесь «... не было развито так широко, как, например, в Европе, Средней Азии и Китае»⁴.

В список вышеупомянутых укреплений неолита — энеолита Е.А. Данилов включил памятники Амня I, Имнъёган 2.1, Каюково 2, Быстрый Кульёган 66 и Барсов Городок I/14. Этот ряд мог быть длиннее, если бы автор статьи ознакомился с публикациями раскопок других укрепленных неолитических объектов (Полудёнка I, Большая Умытья 9 и Большая Умытья 57, Мишкино 5, Усть-Тара XXVIII)⁵ или же с обобщающей работой по укрепленным поселениям каменного века и их прототипам таёжного Приобья и Зауралья, помещённой в предыдущем выпуске сборника «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого»⁶. В этот перечень, по всей видимости, можно добавить и поселение неолита — энеолита Нёх-Урий 3.3, открытое С.А. Мызниковым в 2004 г. на р. Агане⁷. Правда, присутствие в данном перечне объекта Барсов Городок I/14 остаётся загадкой. На этом городище пока не обнаружено никаких материалов, кроме датированных ранним железным веком (белоярская и калининская культуры)⁸. Более того, на всей Барсовой горе, где находится данный памятник, неолитические укрепления не выявлены.

Далее автор справедливо заметил, что распространение фортификаций на Севере Западной Сибири является «составной частью единого общемирового процесса, затронувшего практически все регионы планеты». При этом устойчивость феномена появления и длительного существования укреплений в обществах охотников, рыболовов и собирателей Западной Сибири, на территории с чрезвычайно низкой плотностью населения, «остаётся труднообъяснимой с точки зрения классической цивилизационной теории»⁹. Между тем исследователь даже не попытался выяснить: вписывается или нет в эту «глобальную» систему генезис неолитических укреплений в таёжном Приобье и что конкретно послужило причиной их появления на Севере Евразийского континента.

Забегая вперёд, отметим: говоря о причинах распространения на Севере Азии бастионов как особого рода фортификационных сооружений, Е.А. Данилов за недостатком имевшихся в его распоряжении материалов также ограничился лишь общими рассуждениями. У него не вызывает сомнения, что наличие таких объектов указывает «на определённый прогресс в развитии военного дела» (кто бы в этом со-

мневался). Но затем, без соответствующего детального анализа, весьма расплывчато заметил: «Скорее всего, возникновение и исчезновение такой традиции свидетельствует о внешних влияниях, изменениях политической ситуации, формированиях и распадах определённых политических образований на территории таёжной зоны Западной Сибири». Каких именно — мы расскажем во второй части нашей статьи.

Само определение «*бастион*» Е.А. Данилов рассматривает только в старом понимании, изложенном В.И. Далем, и не обращает внимания на более точные первоначальные и современные дефиниции этого объекта, разработанные специалистами в области истории военного дела, военной архитектуры, военной инженерии, теории военного дела и даже филологии¹⁰. Не говоря уже о развитии самого понятия «бастион» и применении его в отношении памятников древней архитектуры. Заимствовав первое попавшееся определение, взятое из Интернет-ресурса, Е.А. Данилов не видит и не делает различия между бастионами, появившимися в Западной Европе в XIV—XV вв. вследствие распространения здесь огнестрельного оружия (именно им соответствует подавляющее большинство этимологий термина «бастион» в специальных словарях и энциклопедиях), и предшествующими (раннесредневековыми, древними и первобытными) фортификациями с башнями, бастионами, бастионированными выступами и укреплёнными входами.

Вместе с тем различий между двумя хронологическими группами бастионных объектов много: это размеры, конфигурация, степень сложности конструкций, различие функций и многое другое. Главное же отличие бастионно-башенных сооружений доклассовых обществ от более поздних заключается в том, что первые всегда имели стеновые конструкции (деревянные, деревоземляные, глинобитные, каменные) и являлись только частью оборонительной системы поселения или древней «крепости». Кроме того, первобытные бастионы, по-видимому, чаще, чем поздние сооружения, выполняли функцию наблюдательных вышек. Как известно, средневековые бастионы возникли в результате развития древних угловых башен и бастионных выступов крепостей. Такие бастионы, существовавшие до XIX в., возводились на углах крепостных оград, выступали за их линию и являлись долговременными защищёнными подиумами, первоначально полукруглого (*бастеи*, *рондели*), а затем — пятиугольного плана (*бастионато*, *роскаты-раскаты*), предназначенными для размещения артиллерии. Эти сооружения могли состоять целиком из грунта, являясь составной частью временных военно-полевых фортификаций, что исключалось

в эпоху первобытности. В свою очередь, древние бастионы и их подобия сооружались, как и башни, не только на углах крепостей, но и на прямых и дуговидных участках оборонительных стен. Основное сходство: как ранние, так и поздние бастионы никогда не являлись самостоятельными инженерными сооружениями, а были лишь одним из дополнительных (вспомогательных) элементов фортификаций. Бастионы обычно ограждались снаружи фигурными в плане рвами. Основное назначение бастионов — использование их для обстрела местности впереди, а также вдоль оборонительных стен и рвов.

Мы ещё вернёмся к другим спорным выводам и незавершённым аналитическим сюжетам статьи Е.А. Данилова, но прежде отметим *типичные недостатки*, которых можно будет избежать другим исследователям той же темы. Главные из них:

- использование относительно случайной и весьма скромной выборки литературных источников для анализа (из того, что есть под рукой — в личной или учрежденской библиотеке);
- отсутствие системности и глубины проработки темы до начала её вынесения на страницы печатного издания;
- ограничение территориальных и хронологических рамок исследования: при поиске аналогий и изучении генезиса явления — сопредельными районами, в лучшем случае — одной (в данном случае — лесной) природной зоной и одной (железный век) эпохой;
- опора исключительно на материалы, полученные в результате разведок, а не в процессе масштабных и целенаправленных стационарных раскопок.

Последнее, кстати, характерно и для археологической части первой монографии, посвящённой древней и традиционной культуре населения бассейна р. Агана¹¹. Сама книга прекрасно оформлена. Как заявлено её авторами, К.Г. Карачаровым и Е.В. Переваловой, она рассчитана на широкий круг читателей, включая археологов, этнографов, историков, и может быть использована в качестве учебного пособия преподавателями и студентами вузов. Обширная этнографическая «составляющая» издания заслуженно получила высокую оценку¹². В то время как археологический обзор более напоминает красивую научно-популярную книжку с картинками. Дело в том, что источниковой базой археологического раздела послужили преимущественно материалы разведок 1993—1996 и 2001—2006 гг., а также весьма скромные — по площади вскрытия — стационарные раскопки четырёх памятников, проведённые в сжатые сроки. Система периодизации аганских древностей, за редким исключением (шесть поселений «эпохи позднего камня» и один могильник весьма спорного переходного периода «от железного века

к Средневековью»), основана на известной периодизации древностей Нижнего и Сургутского Приобья В.Н. Чернецова, скоррелированной свердловскими учёными (в том числе К.Г. Карачаровым) по результатам раскопок в урочищах Барсова гора и Сайгатино. В этих условиях немногочисленные аганские находки только «адаптированы» к общей, уже известной культурно-хронологической схеме. Кстати сказать, культурная специфика населения Агана, определённая по редким черепкам сер. I тыс. н. э. и не подкреплённая более весомыми фактами, пока сомнительна. Справедливости ради следует признать, что такое «узколокальное» историко-археологическое издание, построенное в основном на материалах рекогносцировочных работ и в соответствии с вышеупомянутой периодизацией, далеко не единственное¹³. Остаётся надеяться, что вслед за красивыми научно-популярными книгами будут изданы специальные научные исследования по отдельным районам Сургутского и Нижнего Приобья, ориентированные на профессиональных археологов. По крайней мере, начало этому положено¹⁴.

Отсутствие карт памятников — ещё один характерный недостаток многих археологических публикаций, усложняющий восприятие текстов, особенно в обобщающих работах. Е.А. Данилов не был ограничен жёсткими требованиями, предъявляемыми в других изданиях к объёму статьи. Тем более что его работа — небольшая и ёмкая. Исследователь, очевидно, полагал, что все знают, где находится р. Аган, какие речки и ручьи в неё впадают, какие населённые пункты на ней находятся и как привязать к ним перечисленные выше городища. В последнем я сильно сомневаюсь. Например, с таким же успехом можно искать местонахождение сотен археологических памятников, открытых в соседних с Аганом бассейнах Полуя, Надыма, Пура, Таза и Юрибея, приведённых в известном издании «Археологическая карта ЯНАО»¹⁵. Нет археологических памятников и на карте Агана в вышеупомянутой монографии по истории населения этой реки¹⁶. Объяснять такую ситуацию только сокрытием информации от «чёрных копателей» не приходится. Последние и так прекрасно осведомлены о точной локализации объектов археологического наследия ХМАО — Югры, о чём свидетельствует известный «Мартиролог югорской археологии»¹⁷.

Ещё одно упущение: Е.А. Данилов не задал себе и не обсудил со своим научным руководителем вопрос, кто и когда до него специально занимался темой бастионно-башенных крепостей Западной Сибири и прилегающих территорий. Хотя бы для того, чтобы повторно не открывать Америку и не изобретать колесо, а сэкономить время и

блеснуть своей эрудицией, не говоря уже о выражении благодарности своим предшественникам.

Древнейшие бастионные укрепления Севера Евразии: проблема изучения и основные характеристики

Крайне нескромно, но вынужден признаться, что именно автор данной публикации потратил много времени и сил на систематизацию и изучение западносибирских бастионно-башенных фортификаций, отчего местами так больно читать аналитический раздел статьи коллеги Е.А. Данилова. В своё время мне даже пришлось убедить Я.А. Яковлева в том, что давно занимаюсь проблемой генезиса урало-сибирских крепостей, имею кое-какой опыт раскопок таких объектов и смогу сам, без посторонней помощи, осилить эту тему. Будущий редактор серии «Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого» также планировал заняться исследованием бастионных городищ, но благородно уступил мне своё место. Более того, в 1988 г., во время написания коллективного труда по истории поселений и жилищ Западной Сибири¹⁸, Яков Александрович передал мне всю собранную им картотеку материалов по городищам раннего железного века этого региона и постоянно делился сведениями о неизвестных мне объектах, за что я ему всегда буду признателен. Данные из его архива были использованы для составления аннотированного списка памятников, который сейчас насчитывает около 900 укреплённых поселений неолита — начала эпохи железа лесной полосы Сибири, Урала и Приуралья, в том числе 80 городищ с бастионными системами.

В кон. 1990-х — нач. 2000-х гг. обработка материалов по бастионно-башенным укреплениям раннего железного века Урало-Западносибирского региона мной была в основном завершена. Результаты анализа опубликованы в трёх обобщающих статьях, изданных в Уфе, Томске и Москве¹⁹. Они доступны для читателей. В последней работе представлены планы памятников и раскопанных участков их фортификаций. Дополняю их новыми чертежами (ил. 2; 3).

Вместе с тем я, безусловно, не был одинок в изучении ранних бастионных укреплений Западной Сибири. Характеристика первого стационарно исследованного бастионного городища в Притоболье (Гороховское — Чудачи на р. Юргамыш) представлена в ряде научных и научно-популярных изданий К.В. Сальникова²⁰. Результаты раскопок первых древнейших башенных объектов на юге Сибири (городище Лихачёвское—Ерзовка на р. Ишиме) изложены в отчётах и информационной заметке В.Ф. Генинга²¹.

При разработке систематики западносибирских лесостепных городищ²², а также в процессе анализа поселений гороховской, воробьёвской и баитовской культур к проблемам происхождения и реконструкции бастионных укреплений Тоболо-Ишимья неоднократно обращался мой научный руководитель — В.Е. Стоянов²³, с которым мы опубликовали свой вариант классификации первобытных укрепленных поселений Севера Евразии (на примере гамаюнских городищ)²⁴. Для выяснения общего облика зауральских бастионных фортификаций раннего железного века В.Е. Стоянов и Г.В. Бельтикова несколько раз проводили раскопки Воробьёвского городища на р. Исети²⁵ и вышеупомянутого Гороховского²⁶. В 1997 г. — вслед за К.В. Сальниковым (1951 г.) — В.А. Булдашев с челябинскими коллегами вскрыл часть оборонительной линии с бастионом Мало-Казакбаевского (Казакбаевского Малого, Мало-Казакбаевского) городища²⁷. В последнее время изучением городищ с бастионными системами Тоболо-Ишимья активно занимаются тюменские археологи В.А. Зах и С.В. Берлина²⁸. Разнообразные сюжеты по генезису, развитию и общей характеристике урало-сибирских бастионных укреплений можно найти в современных и более ранних публикациях других екатеринбургских, челябинских, тюменских и омских исследователей²⁹.

Я уже не говорю о ставших «классическими» трудах В.М. Массона, Б.И. Вайнберга, О.А. Вишневской, Ю.А. Рапопорта и других учёных по древней среднеазиатской фортификации³⁰, в той или иной степени повлиявшей на оборонное зодчество коренного населения Западной Сибири, Урала и Поволжья.

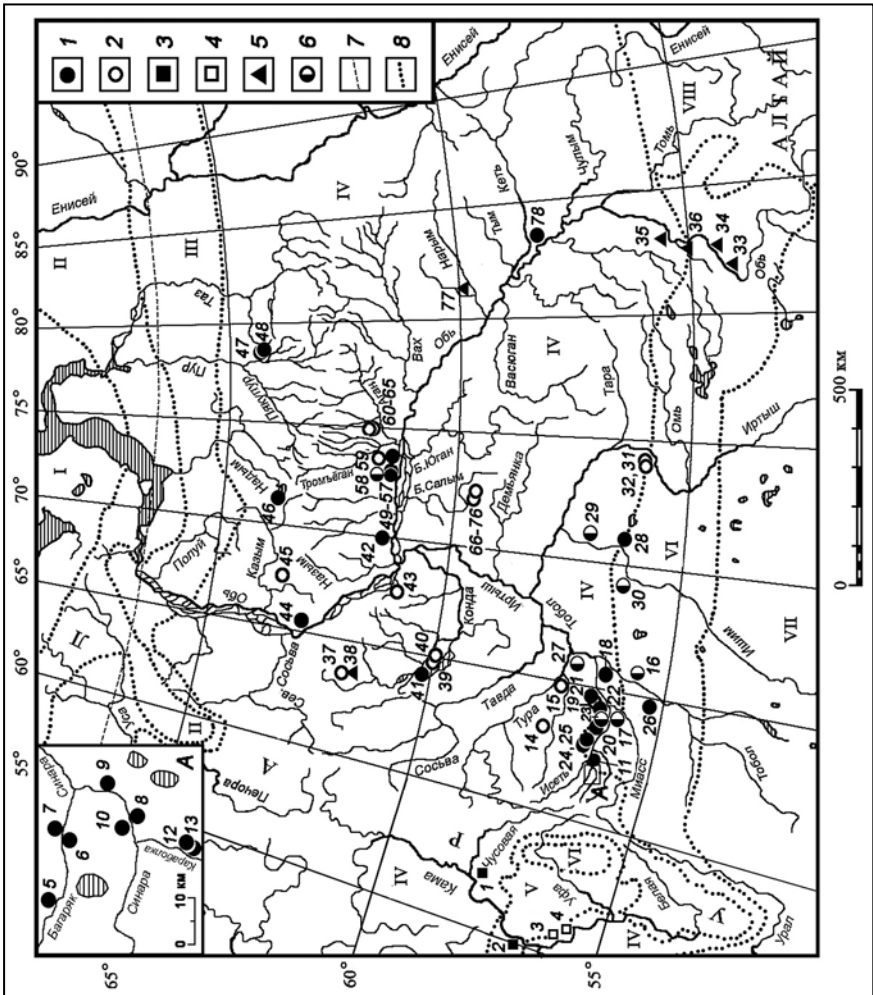
Если бы Е.А. Данилов ознакомился с исследованиями своих старших коллег, ему бы не пришлось обходиться общими фразами и повторно задавать вопросы, на которые ответы давно известны. Более того, используя эти труды, исследователь аганских укреплений продвинулся бы гораздо дальше в своих теоретических изысканиях.

Нет необходимости пересказывать свои статьи с результатами исследования древнейших бастионно-башенных объектов Севера Евразии. Представлю в сжатом виде основные выводы, изложенные в этих изданиях, выделю проблемные сюжеты и дополню перечень интересующих нас памятников.

Всего на обозначенной выше территории открыто 80 укреплений с бастионно-башенными фортификациями, которые бесспорно или предположительно датируются началом эпохи железа. В том числе в Зауралье и Западной Сибири их 74 (ил. 1)³¹. Правда, из этого массива сейчас предлагают исключить городище Соровское XXXV, выявленное

Условные обозначения: 1 — бастионно-башенные городища раннего железного века; 2 — предполагаемые бастионно-башенные городища раннего железного века; 3 — городища раннего железного века со сторожевыми башнями или вышками; 4 — городища раннего железного века с предполагаемыми «проездными» башнями; 5 — городища раннего железного века с предполагаемыми бастионами и укрепленными входами; 6 — бастионно-башенные городища со слоями раннего железного века и Средневековья; 7 — Северный полярный круг; 8 — границы современных природных климатических зон.

Современные природно-климатические зоны: I — тундра; II — лесотундра; III — редколесье; IV — тайга; V — широколиственно-лесная зона; VII — лесостепь; VIII — горные районы.

Ил. 1. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века Урала и Западной Сибири. 1, 2 — Приуралье, бассейн р. Камы; 3, 4 — Южный Урал, бассейн р. Белой; 5–36 — Зауралье и Западная Сибирь, южный ареал; 37–78 — Западная Сибирь, северный ареал.

Памятники: 1 — Алтен-Тау**; 2 — Степановское I**, 3 — Тра-Тау (Старо-Нагаевское)*; 4 — Старо-Мушгинское (Какры-Куль)*; 5 — Багарякское Дальнее*; 6 — Зотинское II (1-я площадка)**; 7 — Зотинское III**, 8 — Сигрякское I (Большое); 9 — Матайкул (Зубчатое)*; 10 — Солянобордское; 11 — Зырянское I; 12 — Казакбаевское Большое (Большое-Казакбаевское, Больше-Казакбаевское); 13 — Казакбаевское Малое (Мало-Казакбаевское, Мало-Казакбаевское)**; 14 — Кашинское*; 15 — Андреевское № 7**; 16 — Боровское (Бор) 2; 17 — Мурзинское I (Мехонское, Большое Мехонское); 18 — Марино Ущелье 4 (Ботники II)**; 19 — Ичкинское (Юлдус); 20 — Воробьёвское*; 21 — Павлиново*; 22 — Ильтяковское; 23 — Носиловское I; 24 — Нижне-Суварышское IV; 25 — Нижне-Суварышское V; 26 — Гороховское (Чудайки)**; 27 — Калачик I*; 28 — Лихачёвское (Ерзовка)**; 29 — Борки (1-я площадка); 30 — Ласточкино Гнездо I**; 31 — Старокарасук XXI**; 32 — Батаково XIX**; 33 — Завьялово—6*; 34 — Абрашино—4*; 35 — Дубровинский Борок—3**; 36 — Третий Кордон—1*; 37 — Большая Умыгья 41; 38 — Большая Умыгья 150; 39 — Марьяна Гора I; 40 — Марьяна Гора III; 41 — Денисово I*; 42 — Селияровское V; 43 — Ендырское III; 44 — Низямы II**; 45 — Товгор-Лор IV; 46 — Нумто III; 47 — Усть-Кальпяс-Яха 21**, 48 — Усть-Кальпяс-Яха 17; 49 — Кучиминское II*; 50 — Кучиминское XV; 51 — Барсов Городок I/1**, 52 — Барсов Городок I/4**, 53 — Барсов Городок 1/5*; 54 — Барсов Городок 1/17; 55 — Барсов Городок I/18*; 56 — Барсов Городок I/20**, 57 — Барсов Городок I/9*; 58 — Ермаково VI; 59 — Ермаково VII; 60 — Кочетёган 5; 61 — Мохтикёган 6; 62 — Мохтикёган 10; 63 — Нёх-Урий 4.3; 64 — Нивагальское 17; 65 — Нивагальское 27; 66 — Соровское I; 67 — Соровское VII; 68 — Соровское VIII; 69 — Соровское — XII; 70 — Соровское XIV.1; 71 — Соровское XVII; 72 — Соровское XXII; 73 — Соровское XXIX; 74 — Соровское XXXIII; 75 — Соровское XXXIV; 76 — Соровское XXXVI (1-я площадка); 77 — Паргалак II; 78 — Саровское**.

Примечания: одной звёздочкой отмечены памятники, на которых закладывались раскопы и разведочные траншеи, двумя звёздочками — городища с частично раскопанными бастионно-башенными объектами

и только обследованное в Сургутском Приобье³², а также частично раскопанные многослойные памятники Тоболо-Ишимья — Ласточкино Гнездо 1, Борки (Борковское) I, Калачик 1, Мурзинское I, бастионные фортификации которых могут датироваться ранним Средневековьем³³. Городища Новосибирского Приобья с подобиями «бастионов», «фланкированных выступов», характерными изгибами защитных линий и едва различимыми на поверхности «сложными въездами на городищенскую площадку» (Дубровинский Борок—3, Третий Кордон—1, Абрашино—4, Завьялово—6)³⁴ не так выразительны, как остальные бастионные укрепления, и внесены в наш список с оговорками. Е.А. Данилов также отметил, что ряд археологических памятников с бастионными фортификациями Сургутского Приобья (городища Кучиминское XV, Соровское 7, Соровское 8, Соровское 12, Соровское 29, Соровское 33, Соровское 34) датированы ранним железным веком условно — только по внешним признакам³⁵. Я бы добавил — и по немногочисленным фрагментам керамики из разведочных шурфов. Между тем такая ситуация характерна и для памятников Агана, равно как для многих остальных, не исследованных раскопами остатков бастионных фортификаций.

Кроме того, предполагается наличие «въездных башен» на двух городищах раннего железного века в бассейне р. Белой — Старо-Муштинском (Какры-Куль) и Тра-Тау (Старо-Нагаевском — нижний горизонт)³⁶, а также наблюдательных башен или вышек на городищах Алтен-Тау (средний горизонт)³⁷ и Степановское I³⁸ в Среднем Прикамье. Два поселения с бастионными оборонительными системами конца раннего железного века выявлены в Среднем Поволжье — на Самарской Луке (городища Переволокское и Лбище)³⁹.

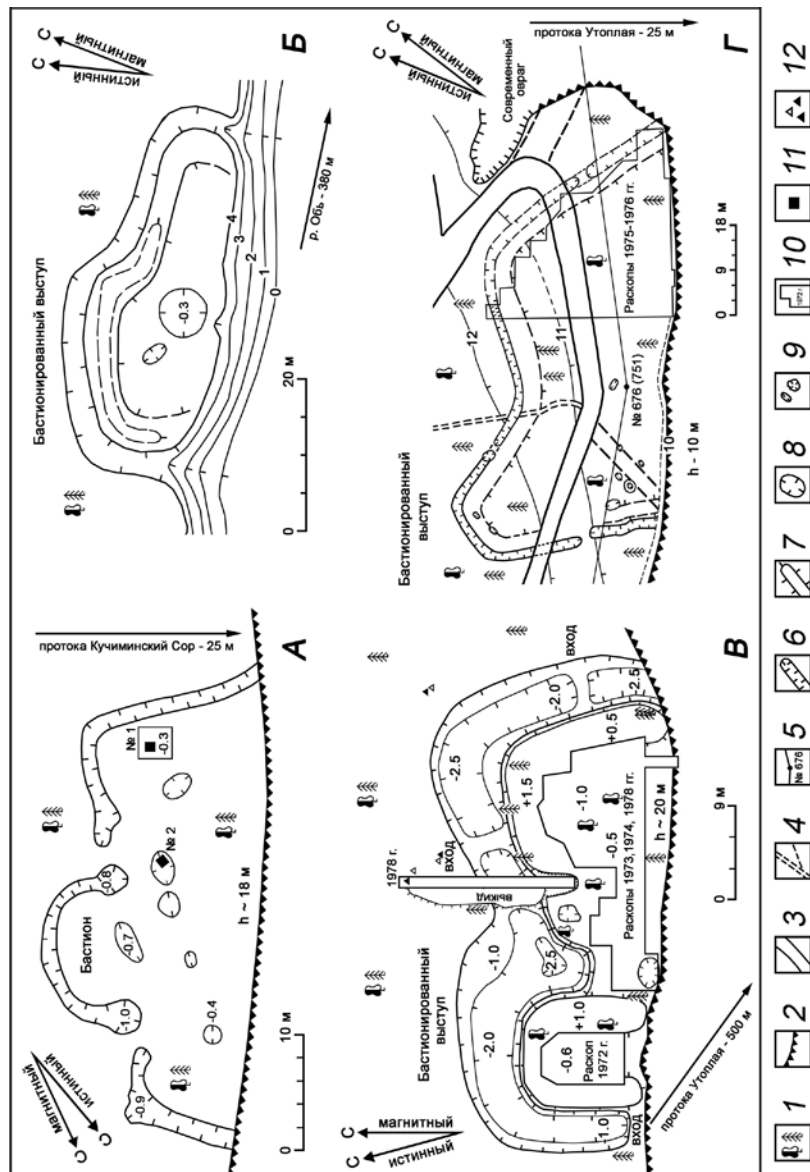
Более ранних поселений с бастионно-башенной оборонной архитектурой на Севере Евразии пока не известно.

Урало-сибирские бастионно-башенные укрепления локализуются между 55°16' и 64°91' с. ш. При этом самым южным памятником является городище Гороховское (Чудаки), а самыми северными — выявленные Л.Л. Косинской в верховьях Пура городища Усть-Кальпяс-Яха 17 и Усть-Кальпяс-Яха 21⁴⁰ (ил. 1—3).

Картографирование памятников выявило два основных ареала их распространения: *южный* (длиной 1500 км) и *северный* (1200x700 км), разделённых полосой шириной около 300 км. К первому относятся поселения северной лесостепи и южной кромки леса Зауралья и Западной Сибири (32), ко второму — таёжные городища бассейнов Средней и Нижней Оби, Надыма и Пура (42). В южном ареале это

Условные
обозначения:

1 — деревья, лес; 2 — край коренной террасы; 3 — грунтовая дорога; 4 — тропы; 5 — старая телефонная линия, фонная линия; 6 — номер столба; 7 — ров; 8 — жилище; 9 — ямы, раскоп; 10 — раскоп; 11 — шурф; 12 — керамика

Ил. 2. Городища с башенным (А) и бастioniрованными (Б–Г) выступами Сургутского Приобья.

А — Кучиминское II; Б — Селияровское V; В — Барсов Городок I/4; Г — Барсов Городок I/18.

А — по Л.В. Сухине; Б — по А.П. Зыкову и О.В. Малозёмовой; В, Г — по В.А. Борзунову

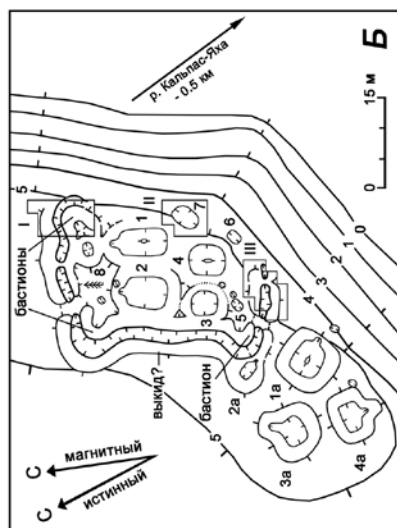
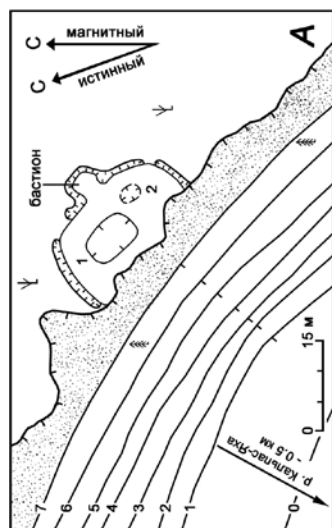
памятники воробьёвской, гороховской и саргатской культур, единично — гамаюнские, иткульские, гамаюно-иткульские и баитовские; в северном — белоярские и кулайские. В Среднем Прикамье и на р. Белой — позднеананьинские, переходные ананьинско—пьяноборские и ананьинско—гляденовские, в Самарском Поволжье — лбищенские.

Самые ранние укрепления с бастионно-башенной архитектурой сосредоточены в южном ареале, точнее в Тоболо-Ишимье. Согласно традиционной хронологии, они датируются от VI (или VII) до IV в. до н. э. (воробьёвские, гороховские, поздние гамаюнские, гамаюно-иткульские, баитовские). Гороховско-саргатские городища Приоболья существовали, вероятнее всего, в IV—II вв. до н. э., саргатские Прииртышья — в интервале IV/III вв. до н. э. — III в.

Позднеананьинские, а также переходные к пьяноборским и гляденовским датированы IV—III вв. до н. э., лбищенские — III/IV — перв. пол. V в.

Укреплённые поселения кулайской культурно-исторической общности (КИО) средней и северной тайги относятся к IV/III вв. до н. э. — III в. На этих памятниках открыто большинство бастионных объектов. В приобской тайге первые бастионные укрепления появляются у населения белоярской культуры, предшествующей сургутскому варианту кулайской КИО. Исходя из общей датировки белоярских древностей (VIII/VII — IV/III вв. до н. э.), Е.А. Данилов определил начало первого периода распространения бастионных укреплений на р. Агане VIII в. до н. э. Но правильно ли это?

Пока нет убедительных данных, что в VIII—VII вв. до н. э. у белоярского населения вообще существовали укреплённые посёлки, хотя это в принципе не исключено. Известно только два бесспорных белоярских памятника с бастионно-башенными системами и то сравнительно поздних. Это миниатюрное (630 кв. м) квадратное городище Барсов Городок I/1 с предвратным бревенчатым (?) сооружением Г-образного плана (9x7 м)⁴¹, а также подтрапцевидное, средних размеров (3050 кв. м) укрепление Барсов Городок I/18 с бастионированным выступом на одном из напольных углов защитной стены (ил. 2—Г). Оба укрепления — береговые, расположены на Барсовой горе у окраины г. Сургута. Собственно бастионов и башен у белоярских городищ правобережья Оби пока не зафиксировано. Их даже не было у общин калинкинской культуры (VI—IV вв. до н. э.), пришедших в Сургутское и Нижнее Приобье из каких-то южно-таёжных областей Западной Сибири. С новым населением в подзоне средней тайги появились лошади и распространился принцип сооружения в глубине

Условные обозначения: 1 — деревья, лес, сухостой; 2 — обрыв и песчаная осыпь; 3 — ров, вал и валообразный выкид; 4 — раскоп; 5 — жилище впадины с обваловкой; 7 — ямы; 8 — вскрытая насыпь вала; 9 — остатки сгоревших деревянных конструкций; 10 — скопление углей; 11 — линия костной крошки; 12 — столбовая ямка

Ил. 3. Городища с башенными выступами бассейна Пура. А — Усть-Кальпяс-Яха 17; Б — Усть-Кальпяс-Яха 21; В — Усть-Кальпяс-Яха 21, раскоп 1, план бастiona. По Л.Л. Косинской.

террас правильных узких прямоугольных городищ с линейной расстановкой наземных жилищ. Впоследствии такие укрепленные посёлки были унаследованы гетерогенным кулайским населением края — потомками белоярских и калинкинских коллективов. Что характерно: такого типа и плана городища раннего железного века, в том числе дополненные ритмически расставленными бастионами и укрепленными входами, были выявлены как на правобережье Сургутского Приобья (Барсова гора), так и на его левобережье — на Соровских озёрах (верховья р. Большого Югана). При обследовании и шурфовке некоторых из них найдена белоярская и кулайская керамика. Предварительно их можно датировать втор. пол. I тыс. до н. э. — первыми веками н. э.

Лесостепные и южно-таёжные бастионные укрепления Зауралья и Западной Сибири обычно приурочены к мысам и возвышенностям в глубине террас. Памятники разной величины (750–15400 кв. м). По среднему показателю площади (7300 кв. м) превосходят северные лесные посёлки. Бастионно-башенные объекты на них более многочисленные (от 3 до 15–16, как исключение 1–2) и расположены в оборонительных стенах ритмично — часто и через примерно равные промежутки. Оборонительные напольные линии на южных городищах — кольцевые, полукольцевые и дуговидные. Укрепления средней и северной тайги — береговые и «лесные» (в глубине берега), в основном прямоугольные и трапециевидные, площадью от 375 до 4850 кв. м (в среднем — 1650 кв. м). Количество бастионно-башенных сооружений на них 1–2, реже — 3–4.

В целом самые мощные и совершенные в южном ареале — это гороховские и гороховско-саргатские бастионные укрепления, в северном — кулайские.

Остатки башенно-бастионных объектов, за редким исключением (городища Прикамья, Новосибирского Приобья, Зотинское III, Андреевское № 7), хорошо выражены в рельефе — в виде фигурных (зубчатых, волнообразных) валов и рвов с характерными выступами. Таковы и два обширных мысовых укрепления Самарского Поволжья — Переволокское и Лбище, площадью 12000 и 70000 кв. м, с 8 и 11 полукруглыми бастионными выступами соответственно.

Раскопки проведены на 36 (из 78) урало-западносибирских памятниках, в том числе на 20 из них вскрывались бастионно-башенные объекты (ил. 1). Кроме того, остатки бастионов изучались на обоих самарских городищах.

Вся архитектура укрепленных поселений, включая оборонительную, — деревоземляная. Основным материалом для возведения фортификаций

служила сосна, преобладавшая в тайге, но уступавшая лиственным породам в лесостепи. Остатки, относящиеся к конструкциям из дерева, невыразительны, что характерно для ранних фортификаций Севера Евразии. Лучше всего основания сгоревших бревенчатых бастионов и «башен» сохранились в скальных и глинистых грунтах Зауралья, как исключение — в плотных супесях Тоболо-Ишимья, значительно хуже — на песчаных террасах таёжного Приобья.

Основные разновидности бастионно-башенных сооружений представлены *бастионами, бастионированными выступами, «башнями» и укрепленными входами (предвратными сооружениями)*.

В обоих ареалах Зауралья и Западной Сибири, по-видимому, преобладали простейшие *бастионы*. В отдельно взятой оборонительной линии они встречаются от 1 до 15. Такие объекты представляли собой, по-видимому, квадратные (П-образные) и трапециевидные в плане трёхстенные срубы либо укрепленные вертикальными столбами бревенчатые сооружения, площадью от 8 до 50 кв. м, открытые со стороны городищенской площадки. Внутри них обустраивались помосты (для лучников и наблюдателей), опиравшиеся на сваи или внутренние срубы. Бастионы возводились на останцах, оконтуренных с напольной стороны дренажной канавой или рвом. Кроме того, края такого подиума опоясывала *берма* — узкая горизонтальная площадка, предохранявшая быстрое осыпание в ров грунта из обваловки оборонительных стен и основания бастиона. Сама же насыпь («заваulinка») с внешней стороны, вероятно, покрывалась пластами дёрна или крепилась иным способом.

Для бастионов и защитных стен некоторых укрепленных гороховских поселений был предложен иной вариант реконструкции. «Основу фортификаций подобного типа, — пишет С.И. Берлина, — составлял мощный частокол, установленный в ров. В целом устройство частоколов в фортификационном строительстве известно и в других культурах — они встречены на Розановском городище, Инберень IV, Лихачевское, но там брёвна были установлены либо у основания рва (Розановское), либо в отдельную канаву, но глубиной максимум 1,3 м. На городище Марьино Ущелье 4 мы фиксируем установку частокола в канаву, при этом нижняя часть брёвен была углублена примерно на 1,7–2,0 м. Встречающиеся в процессе раскопок углистые пятна и мелкие угольки позволяют предположить, что брёвна предварительно обжигались для предотвращения гниения. Углубление от этой канавы чётко фиксируется и сейчас (равно как и на других памятниках), но по следам замыкания видно, что и в

древности ров был засыпан не до конца, то есть у основания частокола было углубление. По сторонам рва были возвышения-валы, образовавшиеся в результате копания рва, однако мощность культурного слоя на них небольшая — 20–50 см. То есть валов, как и собственно ровов, дополнительно к частоколу не делали, и он был самостоятельной преградой»⁴². До этого, характеризуя вторую линию обороны того же укрепления, С.И. Берлина отмечала, что вал здесь был невысоким (0,2 м) и не играл существенной роли. Основу фортификаций составлял ров шириной в верхней части 2,0–2,1 м, на дне — 0,2–0,3 м с узкой ступенькой на уровне —140 см. Из этого следовал вывод: «Полагаем, что функцией рва было не создание углубления, способного задержать противника, а это была специальная траншея, в которую был установлен частокол, — в пользу этого свидетельствует и узкое дно рва — как раз для установки столбов диаметром 25–30 см, и наличие в заполнении рва темных полос грунта с вкраплениями угольков»⁴³.

Идею существования разных видов частокольных стен вокруг укреплений раннего железного века Притоболья в своё время выдвигали К.В. Сальников, В.Е. Стоянов и М.В. Елькина (Романова). Правда, Константин Владимирович терминами «*тын*» и «*частокол*» зачастую обозначал любую оборонительную стену простейшей конструкции, возведённую вокруг «первобытных крепостей», что характерно для научно-популярных изданий. Так было и при описании фортификаций городища Чудаки (Гороховского). Первоначально учёный обозначил их как частокольные, но в конечном счёте охарактеризовал как «стену из деревянных срубов, заполненных землёй», сооружённую на наиболее уязвимых участках по внутреннему краю очень глубокого (2 м, в древности — более 3 м) рва, дополненную со стороны логов «деревянным забором» с галереей для стрелков⁴⁴. Владислав Евгеньевич поздние бастионные выступы Воробьёвского городища представлял как квадратные срубы, но оборонительную стену Носиловского II городища реконструировал иным образом. Он считал, что первоначально на этом поселении была выкопана канава, в неё был установлен частокол, нижняя часть которого одновременно являлась каркасом вала; снаружи был проведён ров, шириной 1,5 м и глубиной 1,3 м. Затем вал был подсыпан, и его высота составила ок. 2,5, а ширина — 4,0–4,5 м. Ров был расширен и углублён до 2,2 м. Новый вал также забрали деревянной крепью и поставили по гребню частокол⁴⁵. М.В. Елькина, ученица В.Е. Стоянова, после завершения раскопок Андреевских городищ № 5 и № 7 пришла к выводу, что их оборонительные сооружения «состояли из двух замкнутых

линий частокола. Внешняя, основная линия проходила по рву, который был представлен канавкой шириной 1,0–1,1 м и глубиной 0,8–1,0 м от современной поверхности. Вторая линия укреплений проходила по валу, в насыпи которого зафиксированы остатки вертикально поставленных столбов с интервалом от 2 до 5 м. Между столбами параллельно во рву лежали сгоревшие деревянные конструкции»⁴⁶.

Безусловно, предложенные выше реконструкции частокольных стен и бастионов имеют право на существование, но только в качестве версий. Очень трудно представить себе бастионы, созданные не в технике заплота или сруба, а таким сложным «частокольным» способом, тем более, в лесостепных районах, бедных хорошим строевым лесом. Кроме того, как показала практика раскопок неолитических и средневековых городищ с бесспорными остатками частокольных систем, канавка от тына-палисада всегда остаётся под «валом» (точнее, под расплывшейся крепидой-обваловкой основания оборонительной стены), но никак не снаружи от него или между двумя насыпями, разделёнными рвом. Что же касается защитной стены вокруг кольцевого Андреевского городища № 7, то это была однорядная конструкция горизонтальной кладки типа заплота или бревенчатой стены, укреплённой вертикальными столбами. От неё в песчаном «валу» сохранилась длинная углистая полоса, под насыпью — ямки от столбов, а частокольная канава отсутствовала. С внешней стороны к стене примыкал мелкий дренажный ровик, с внутренней — аморфные котлованы четырёх сооружений типа дозорных «башен» или оснований простейших помостов (участки Г–Д/42, 43; И–З/47–48; К–Л/49–50; Ч/50–51)⁴⁷.

Укрепления с *бастионированными выступами*, образованными изломанными отрезками защитных стен, редки и зафиксированы в основном в средней тайге (городища Барсов Городок I/4, Барсов Городок I/18, Селярово VI, Соровское XXII, Соровское XIV.1, Низямы II, Паргалак II) (ил. 2 — Б–Г). Они построены на вытянутых прямоугольных и трапециевидных площадках размерами от 10х6 до 24х18 м, ооконтуренных с трёх сторон мелкими и узкими рвами, обычно использовавшимися как дренажные каналы. Возможно, к этой же группе относились плавные «волнистые» и полукруглые (точнее, сегментовидные) в плане изгибы фортификаций, зафиксированные при обследовании городищ Чудаки (Гороховское) в Притоболье, Завьялово—6 в Новосибирском Приобье и некоторых других памятников. Впрочем, такие изгибы на чертежах подобных фортификаций иногда можно объяснить некачественной топосъёмкой объектов.

Остатки сооружений, похожих на квадратные и прямоугольные в плане *башни*, выявлены на трёх западносибирских памятниках южного ареала (Лихачёвское — Ерзовка, Зотинское III, Зотинское II — 1-я площадка), а также на двух прикамских городищах (Алтен-Тау, Степановское I). Впрочем, я не исключаю, что некоторые объекты в западносибирской тайге, пока не раскопанные и определённые как бастионы, также могли быть башнями, в том числе угловыми.

На кольцевом баитовском Лихачёвском городище на р. Ишиме две «сторожевые башни» располагались по обеим сторонам от центрального входа, который был обращён в противоположную сторону от старичного озера. На мысовом иткульском Зотинском III городище на р. Багаряк «башня» была встроена в середину напольного отрезка двухрядной оборонительной стены и слегка выдавалась наружу. На соседнем мысовом гамаюнском Зотинском II городище «башня» — типичная угловая. Она была поставлена в специально оборудованный котлован и располагалась в крайней напольной точке 1-й (ранней) фортификации, где под углом 120° соединялись два отрезка двухрядных бревенчатых стен. В двух последних случаях основание защитных стен и «башен» было укреплено суглинком со щебнем, вынутым при сооружении внешних ровиков-водоотводов. Иная ситуация отмечена в слое второй фортификации позднеананьинского городища Алтен-Тау на р. Мулянке. Подквадратный котлован (3,0х2,7 м) предполагаемой «башни» или, скорее всего, наблюдательной вышки находился на оконечности высокого (50 м) мысовидного выступа, откуда открывался прекрасный вид на долину реки. Наличие остатков такой же наблюдательной «башни» предполагается во втором горизонте внутреннего вала синхронного мысового Степановского I городища на р. Каме.

Некие сооружения, выступавшие за линию оборонительных стен и похожие на «башни», зафиксированы на двух обширных саргатских городищах Старокарасук XXI и Батаково XIX, расположенных в глубине левобережной коренной террасы Иртыша. Между тем до проведения стационарных исследований нет полной уверенности в том, что это не были обычные бастионы.

Укреплённые входы (предвратные сооружения), судя по конфигурации остатков обваловок, изгибам линий рвов, а также отдельным раскопанным объектам (Павлиново, Воробьёвское, Казакбаевское Малое, Барсов Городок I/1, возможно, Дубровинский Борок—3 и др.), распределялись по трём группам и нескольким разновидностям.

Наиболее многочисленная группа — *коридорообразные входы*, длиной от 3 до 30 м, шириной от 2,5 до 20 м. Среди них выделяются: оконтуренные ровиками крытые (?) коридоры с двумя параллельными стенами, выступающими под прямым углом в напольную сторону, типа римских *клавикул-agricolan* (Матайкул, Казакбаевское Малое, Батаково XIX — цитадель, Старокарасук XXI, Соровское VIII, Соровское XXXIV); подтреугольные в плане коридоры, направленные внутрь поселения, фланкированные бастионами или башнями (Нижне-Суварышское IV и Нижне-Суварышское V); коридоры, ориентированные продольно основной оборонительной стене (типа римских *клавикул-external*, древнерусских оборонительных коридоров — «*охабней*» или «*захабов*»), в которые можно было войти, повернувшись правым боком к стене городища (Нижне-Суварышское IV); сложные коридорообразные системы, соединявшие два кольцевых укрепления (Андреевские № 5 и № 7). Специфические коридорообразные «въезды» выявлены во внешней оборонительной линии городища Батаково XIX. «Один из них находился у края террасы и был образован валом, не доходящим до края террасы на 8—9 м и расположенным параллельно рву, начинающимся от края крутого склона... Въезд в город был возможен лишь вдоль террасы с последующим поворотом под прямым углом в коридор. Второй въезд находился с противоположной стороны. Его коридор... образован стенами с внутренними помещениями. Рациональное расположение башни, фланкирующей ворота, обеспечивало въезд в город только с поворотом под прямым углом»⁴⁸.

Вторая группа: бастионные выступы с двумя проходами типа хорошо известных «*проездных башен*» — «*барбаканов*» (Павлиново, Барсов Городок I/1, Барсов Городок I/5, Соровское I, Соровское VII, Соровское VIII, Соровское XXXIII и др.). Одну из таких «башен» на Воробьёвском городище В.Е. Стоянов реконструировал как срубную конструкцию многоугольной формы размером 6,5х4,0 м. Она имела внутренний крытый проезд, в котором располагался перекидной мост⁴⁹. К этой же группе, вероятно, относился Г-образного плана бревенчатый (?) пристрой к «*цитадели*» Барсов Городок I/1. Вполне вероятно, что проходы имелись в бастионах городищ, где сейчас не прослеживаются остатки обычных входов в виде разрывов в линиях валов и рвов (Соровское XII, Соровское XXIX, Нумто III, Калачик I, Борки I и т. д.).

Третья группа укреплённых входов — защитные системы в виде «*малых предгородий*» (Воробьёвское — 3-я площадка, Нижне-Суварышское IV, возможно, Гороховское — 2-я площадка, Марьина Гора I, Марьина Гора III,

Большая Умытъя 150, Денисово I, Ендырское III, Ермаково VI). В отличие от большинства обычных входов на городища, предвратные сооружения должны были запираться не одними, а двумя воротами — наружными и внутренними. При этом проёмы могли находиться как напротив, на одной линии, так и под углом друг к другу.

Генезис, функция и результаты развития ранних бастионно-башенных укреплений Севера Евразии

Общеизвестно, что чем выше уровень социально-экономического развития общества, тем сложнее вся система его жизнедеятельности, в том числе материальная и духовная культура. Данное заключение — практически аксиома — применимо ко всем историческим эпохам и переходным периодам, в том числе к концу первобытности и началу классовообразования. В свою очередь, замедление или регресс экономического развития приводит к стагнации общества, его социальных структур, к полной утрате либо временному отказу от достижений прошлого во многих его проявлениях. Это прекрасно иллюстрирует история оборонного зодчества Урало-Западносибирского региона, в том числе укреплений с бастионно-башенными фортификациями начала железного века.

Учитывая ограниченный объём статьи, изложу далее тезисно⁵⁰.

1. До начала железного века в лесной полосе Севера Евразии укреплений с башнями, бастионами, специальными укрепленными входами или даже их прообразами не было. Кроме того, нет никаких оснований говорить о конвергентном зарождении бастионно-башенных оборонительных систем в этом регионе. Даже, несмотря на то, что различных типов городки и укрепленные жилища были распространены в Западной Сибири и Зауралье, начиная с эпохи неолита.

2. Первые лесостепные и южно-таёжные укрепленные поселения с бастионно-башенными системами Зауралья и Тоболо-Ишимья древнее таких же городков средней и северной тайги Западной Сибири, а также всех интересующих нас укреплений Верхнего Приобья, Среднего Поволжья, Южного Урала и Прикамья. Иными словами, самые северные бастионно-башенные фортификации сначала появились в Зауралье и Тоболо-Ишимье, а затем — на остальных территориях Урало-Западносибирского региона и Севера Евразии в целом. При этом первый всплеск их строительства пришёлся на VII/VI—IV вв. до н. э., а пик — на саргатско-кулайский период (IV/III вв. до н.э. — III в.).

3. Строителями первых в Зауралье и Западной Сибири бастионных «крепостей» являлись лесостепные и южно-таёжные коллективы с ком-

плексной — присваивающей и производящей — экономикой. В средней и северной тайге такие городки возводились охотниками-рыболовами, практически не занимавшимися производим хозяйством и использовавшими лошадей (в том числе полученных в результате обмена) только в культовых и престижных целях. У оленеводов Крайнего Севера Западной Сибири бастионных укреплений никогда не было.

4. Существенная деталь: жившие в хорошо укрепленных центрах горнолесного Зауралья иткульские металлурги (основной производитель меди для окружающих племён — лесных воробьёвских и баитовских, лесостепных гороховских, гороховско-саргатских, прикамских и бельских ананьинских, степных савромато-сарматских и др.), а также гамаюно-иткульское население с хозяйством комплексного типа (главный поставщик «продовольствия» металлургам и экспортёр иткульского цветного металла) практически не имели бастионных фортификаций. За исключением двух-трёх городков на восточной периферии своей территории расселения (Зотинское II — I-я площадка, Зотинское III, возможно, Дальнее Багарякское).

5. Единственный ближайший регион, из которого могла распространиться на Север Евразии идея строительства бастионно-башенных фортификаций и даже некоторые их конкретные виды — это Средняя Азия, точнее Северо-Восточное, Восточное и Южное Приаралье (чирикратская, джетыасарская, кюзелигырская культуры, Хорезм). В начале эпохи железа в оазисах и по берегам бурных водотоков, пересекавших эти пустынные и степные территории, существовали самые разнообразные виды бастионных и башенных укреплений, корнями уходившие в оборонное «протогородское» и храмовое зодчество древнего населения Южной Туркмении, Среднего и Ближнего Востока. В том числе уже в VII в. до н. э. — III в. и даже намного раньше в Средней Азии были известны двух- и трёхчастная планировка укрепленных поселений с цитаделью, дворцом, жилыми и торговыми кварталами, укрепления с «жилистыми стенами», внутрискладные стрелковые галереи, круглые, квадратные и прямоугольные со скругленными углами башни и бастионы, пилоны-контрфорсы, ритмическое расположение башен и бастионов в линии оборонительных стен, проездные и наугольные башни, фланкированные башнями укрепленные или просто парадные входы, предвратные лабиринты, Т-образные и иных типов ловушки, а также различных типов барбаканы, валганги, зубчатые парапеты, бойницы и т. д.⁵¹

6. Продвижение новых идей на Север было обусловлено развитием системы обменных операций, связывавших население западносибир-

ской лесостепи с торгово-ремесленными центрами Средней Азии. Наиболее стабильный характер эта «культурная диффузия» приобрела после формирования Великого шёлкового пути (II/I вв. до н. э.) и его северных «пушных» ответвлений, заканчивавшихся в глубине западносибирской тайги, то есть включения Севера Евразии в общую систему экономики Старого Света.

7. Первыми в цепочке «трансляторов» этих новаций являлись периодически кочевавшие в урало-казахстанских степях группы скотоводов Зауралья и Притоболья с тальковой керамикой (в том числе южные гороховские и саргатские коллективы), участники караванной торговли между Югом и Севером, а также воины западносибирской лесостепи (гороховские, саргатские), практиковавшие дальние грабительские походы в Среднюю Азию. В качестве рабочей гипотезы также нельзя исключать использование лесостепным населением знаний и навыков представителей сакского мира — пленных воинов, ремесленников, рядовых общинников — строителей крепостей Приаралья и Аму-Дарьи.

8. Одним из основных «каналов» передачи знаний о бастионно-башенных крепостях из лесостепи в тайгу был южный торговый путь, пролежавший по Тоболу и Иртышу в Среднее Приобье, далее — в верховья Пура, Надыма и Казыма. Именно вдоль него прослеживается цепочка распространения бастионно-башенных фортификаций (ил. 1). Этот путь долго и неоправданно не признавался некоторыми уральскими исследователями, настаивавшими только на двух основных коммуникациях — западной (через Приуралье — Камский торговый путь) и юго-восточной (из Среднего Енисея по Верхней и Средней Оби)⁵².

9. В урало-сибирской лесостепи, а затем в тайге новые элементы оборонительной архитектуры были творчески переработаны местными строителями, приспособлены к окружающей среде и природным ресурсам, а также к существовавшим здесь типам городков и разновидностям их оборонительных систем: преимущественно кольцевым в глубине террас — в Тоболо-Иртышье, мысовым — в Зауралье, Прикамье и Самарском Поволжье, береговым и в глубине террас — в глубинах западносибирской тайги. Кроме того, вместо глины, соломы, жердей и камня, основных строительных материалов в Средней Азии, при возведении бастионных крепостей в лесной полосе Урала и Западной Сибири использовалось дерево, преимущественно сосна. Камень, суглинок, песок и дёрн здесь применялись только для сооружения крепид («завалинок») вокруг основания оборонительных стен, бастионов, башен и укрепленных входов.

10. Принимая справедливые замечания моих оппонентов⁵³, отмечу, что распространение более прогрессивных бастионных систем в таёжном Приобье было предопределено не просто появлением в начале эпохи железа правильных прямоугольных фортификационных систем. Скорее всего, это было обусловлено необходимостью общего усиления мощи кулайских «крепостей» вследствие резко возросшей военной активности и серьёзных социальных изменений в таёжных обществах, особенно в конце кулайской «эпохи».

11. С учётом сказанного версия известного самарского археолога Г.И. Матвеевой и её учеников о западном (праславянском) происхождении *оборонной* архитектуры бастионных «крепостей» Лбище и Переволокское на Самарской Луке, возведённых здесь в «эпоху» Великого переселения народов, вряд ли верна. Дело в том, что бастионные крепости в это время были характерны оседлым сакским племенам Приаралья, а главное — пришедшим из-за Урала угорским племенам (гороховско-саргатским, саргатским), далёким предкам венгров, а не мигрантам с юго-запада (черняховскому и пшеворскому населению), принявшим участие в формировании лбищенской культуры. Тем более что за пределами Самарского Поволжья в Восточной Европе такие «бастионно-башенные» городища вообще не известны⁵⁴.

12. Функции древнейших бастионно-башенных объектов Севера Евразии, практически как и всех укреплённых поселений этого региона, разнообразны и были определены, прежде всего, хозяйственной деятельностью, социальным статусом и господствовавшей военной стратегией проживавшего в них населения. При этом ранние городки эпохи первобытности с бастионно-башенными фортификациями, по-видимому, были полифункциональными. Дифференциация и «узкая специализация» укреплений более чётко начинает проявляться на стадии разложения первобытного общества и перехода к раннеклассовым образованиям. В целом же на всей территории Севера Евразии городища с бастионно-башенными фортификациями не были рядовыми поселениями. В лесостепной зоне они являлись центрами племенных и иных объединений, местами производственно-хозяйственной деятельности, пунктами посреднической «торговли» (иногда неудачно называемыми «торговыми факториями»). Часть лесостепных укреплений — относительно обширных, но с очень бедными культурными слоями — можно определить как «городища-убежища». В период военной опасности за их стенами укрывали скот общины, а также пряталось население, обитавшее по соседству в селищах и летниках. Впрочем, мы полагаем, что

эти городища никогда не пустовали, по крайней мере, в них постоянно проживала какая-то охрана. В противном случае такие стратегически важные пункты могли стать легкой добычей враждебного окружения. Саргатские укрепления, особенно в Зауралье и у южной кромки западносибирской тайги, вполне могли быть «сторожевыми крепостями», форпостами на оборонительных рубежах и базами для завоевания новых земель. В таёжной зоне малые кулайские и единичные поздние бело-ярские крепости, являлись, вероятно, резиденциями военно-потестарной элиты (богатырей-вождей, их домочадцев, «дружины»), в то время как рядовые общинники селились в расположенных неподалеку селищах. В этой связи следует напомнить, что именно развитие пушной торговли, контролировавшейся местной элитой общества, а не производящее хозяйство, стало главной причиной социальной дифференциации в таёжных обществах раннего железного века Западной Сибири. В целом же следует признать, что поселения с бастионно-башенными фортификациями являлись наиболее идеальными укреплениями для территорий со слабо выраженным рельефом местности и достаточно мощными «крепостями» — по меркам Севера Евразии — для районов с пересечённым ландшафтом. Судя по наличию таких поселений в глубине лесных террас, часть городков функционировала только в холодное время года, а летом могла охраняться только специально выделенной группой общинников или воинов.

13. В начале эпохи Средневековья в результате резкого ухудшения климата, войн гуннов, юэжей, жужаней, эфталитов и других народов против Ханьского Китая за контроль над торговыми путями и последовавшими вслед за этим локальными и глобальными миграциями, в функционировании Великого шёлкового пути создалась кризисная ситуация. Для населения Западной Сибири это обернулось резким сокращением «торговых» операций с соседями, замедлением темпов экономического развития и социальной дифференциации, уменьшением притока цветного металла и престижных предметов в тайгу и переориентацией на массовое собственное производство железа. В условиях начавшегося плювиала и оттока значительной части населения из западносибирской лесостепи (миграция саргатских племен под давлением гуннов на запад) масса коллективов таёжных охотников и рыболовов с керамикой ярсалинского, туманского и карымского типов устремилась на юг и юго-запад — на кромку западносибирской тайги и лесостепи, а также в опустевшее горнолесное Зауралье. Здесь северные мигранты вступили в контакт с местным населением, в том числе с остатками

северных саргатских общин, и это привело к формированию новых гетерогенных коллективов. Одновременно в западносибирскую тайгу из Восточной Сибири проникли группы охотников-рыболовов-металлургов. Всё это в целом изменило этнокультурную «карту» Западной Сибири и военно-политическую обстановку в регионе. Военная напряжённость, характерная для обществ кулайско-саргатского периода, в глубинных районах средней и северной тайги спала, а в южно-таёжной и лесостепной зонах увеличилась.

14. В начале Средневековья строительство бастионных систем в таёжном Приобье резко сократилось, тогда как на южной границе леса и в западносибирской лесостепи оно осталось на прежнем уровне или чуть увеличилось. Это время отмечено карымскими (Соровское V, Соровское XXXV, Усть-Тара 43), «потчевашскими» (Бурундуково IV, Туруновка I, Преображенка I), ранними бакальскими (Малое Бакальское, Мурзинское, Усть-Утякское-I, Логиновское, возможно, Борковское I, Ласточкино Гнездо I — внешняя линия и др.), рёлкинскими (Карбинское II), одинцовскими (Чёрный Мыс I, Чёрный Мыс III, Усть-Лосиха, Акутиха, возможно, Киндинское I, Тимирязевское IV) и другими «крепостями».

Итог. Появление и развитие первых бастионно-башенных «крепостей» в Урало-Сибирском регионе пришлось частично на пятую и — главным образом — на шестую волну распространения укрепленных поселений в Старом Свете⁵⁵. Строителями северных бастионных укреплений являлись предки современных финно-угорских и самодийских народов. Вместе с тем идея таких оборонительных систем была заимствована лесостепным населением Зауралья и Западной Сибири у ираноязычных и других обществ Средней Азии (Приаралье, Хорезм), где такая архитектура развивалась с энеолита и бронзы. Затем посредством культурных связей она проникла из лесостепи в таёжные районы Западной Сибири. Распространение на Севере Евразии крепостей с новой, более совершенной оборонительной архитектурой совпало с установлением постоянных торговых, культурных и иных связей этих регионов с южными цивилизациями (формирование Великого шёлкового пути и его «пушных» ответвлений), а также явилось ответной реакцией местных обществ на активное, часто агрессивное освоение степными племенами (сарматами, саками) южной лесостепи в начале эпохи железа. Кроме того, такие совершенные крепости использовались в южном ареале в войнах между самими лесостепными коллективами и северными соседями. Особенно они были актуальны

для гороховских и воробьёвских коллективов: в условиях саргатской экспансии на восток — из Барабы и Прииртышья в Притоболье, под давлением кочевых племён хунну-гуннов. В Новосибирском Приобье проникавшие с севера по ленточным борам вдоль рек кулайские коллективы рыболовов-охотников с помощью «крепостей», в том числе с элементами бастионных систем, закрепляли за собой новые территории, теснили местное скотоводческое большебереченское население, занимавшее в основном междуречья, и, возможно, отражали натиск гуннов. В средней и северной тайге миниатюрные и мощные бастионные «крепости» являлись местом обитания социально выделенных групп (вожди-богатыри, члены их семей, воинская элита), в то время как общинники обитали главным образом в расположенных по соседству неукреплённых селищах.

Что же касается молодых археологов, работающих на памятниках Урала и Западной Сибири, хотелось бы им пожелать читать больше, системно, изучать проблемы глубже и шире, не ограничиваясь исследованием только археологических остатков, а также помнить о многих поколениях предшественников, которым мы обязаны многими своими знаниями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бадер О.Н. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. (Предварительное сообщение) // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1947. — Вып. XVI. — С. 139—147; Бадер О.Н. Археологические исследования на Урале в 1946 г. // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. — Вып. XX. — С. 78—81; Бадер О.Н. Неолитическая стоянка на р. Полудёнке близ г. Тагила // Первое Уральское археологическое совещание. — Молотов: Молотовский гос. ун-т, 1948. — С. 37—40; Бадер О.Н. Новый тип неолитического поселения на Урале // Сов. этнография. — М.: Изд-во АН СССР, 1949. — № 2. — С. 144—150; Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры. — М.: Наука, 1976. — Свод археологических источников: Вып. В1—25. — С. 78; Бессмертных А.Н., Карачаров К.Г. Экспертные работы в Нижневартовском и Сургутском районах Тюменской области // Археологические открытия 1995 года. — М.: Наука, 1996. — С. 314—315; Борзунов В.А. Укреплённые поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. — Кн. I. — С. 203—244; Борзунов В.А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укреплённых жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 1997. — С. 224—236; Борзунов В.А. Новый ареал укреплённых жилищ на севере Евразии // Рос. археология. — М.: Наука, 1999. — № 4. — С. 5—23; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. —

Вып. 9. — С. 170–238; **Борзунов В.А.** Неолитические укрепления и их прототипы таёжного Приобья и Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. — № 4 (19). — С. 4–16; **Борзунов В.А.** Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // Рос. археология. — М.: Наука, 2013. — № 4. — С. 20–34; **Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.** Раскопки поселения Барсова Гора П/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 184–220; **Борзунов В.А., Погодин А.А.** Раскопки укрепленного жилища Быстрый Кульеган 38 // Археологические открытия 2000 г. — М.: Наука, 2001. — С. 206–207; **Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г.** Быстрый Кульеган 38 — укрепленное жилище эпохи бронзы Сургутского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2011. — № 2 (46). — С. 55–69; **Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г.** Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульеган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 255–310; **Викторов В.П., Борзунов В.А.** Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. — Вып. 15. — С. 19–23; **Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И.** Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. — С. 12–51; **Генинг В.Ф., Стефанов В.И.** Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: Уральск. издательская фирма «Наука», 1993. — С. 67–111; **Готлиб А.И.** Сооружение-све эпохи ранней бронзы на горе Устанах (к вопросу о возникновении и интерпретации памятников-све в Хакасии) // Проблемы изучения окуневской культуры. — СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1995. — С. 29–32; **Готлиб А.И.** Горные архитектурно-фортификационные сооружения окупёвской эпохи в Хакасии // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. — СПб.: Петро-РИФ, 1997. — С. 134–151; **Готлиб А.И.** Исследование горного сооружения («све») Чебаки на севере Хакасии // Археологические открытия 1996 г. — М.: Наука, 1997. — С. 312–314; **Готлиб А.И.** Горные сооружения-«све» — новый вид археологических источников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и средневековье. — СПб.: Госэрмитаж, 2002. — Кн. I. — С. 129–133; **Готлиб А.И.** Горные архитектурно-фортификационные сооружения Евразии (историко-культурный аспект) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Мат-лы Всерос. конф. с международным участием, посвящённой 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. — Иркутск: Оттиск, 2007. — Т. 1. — С. 175–179; **Готлиб А.И.** Жилые комплексы в горных сооружениях-«све» эпохи бронзы в Хакасии // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. — М.: Изд-во ИА РАН, 2008. — Т. I. — С. 390–392; **Ивасько Л.В.** Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. — С. 7–25; **Ивасько Л.В.** Неолитическое городище Каюково 2 в Среднем Приобье // Северный археологический конгресс: Тез. докл. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. — С. 52–54; **Ивасько Л.В.** Раскопки укрепленного поселения каменного века Каюково II // Ханты-Мансийский

автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 228—229; Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре // Барсова гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральск. изд-во, 2008. — С. 112—122; Ивасько Л., Кардаш О. По следам огня: Открытие нового городища каменного века // Родина. — М., 2002. — Специальный вып.: Тропой стран полуночных. Международный Северный археологический конгресс, г. Ханты-Мансийск. — С. 40—42; Ивасько Л., Кондрашёв А. Укреплённое поселение каменного века городище Каюково 2 // Вестник культуры. — Ханты-Мансийск, 2001. — № 21. — С. 2—3; Ковалёва В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притобья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 29—47; Ковалёва В.Т., Рыжкова О.В. Поселения с кольцевой планировкой в Нижнем Притобье (ташковская культура) // Комплексные общества Центральной Азии в III—I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1999. — С. 216—219; Ковалёва В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское Озеро XIII. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. — 160 с.; Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: Уральск. издательская фирма «Наука», 1993. С. 54—67; Кондратьев О.М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. — Вып. 15. — С. 17—19; Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур (итоги исследований 1990—1998 годов) // Научный вестник. — Салехард: Администрация ЯНАО, 2000. — Вып. 3. — С. 14—19; Косинская Л.Л. Жилища поселения Быстрый Кульёган 66 // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. — Сургут: Диорит, 2004. — С. 226—241; Кызылов Л.Р. Первогорода древней Сибири // Вестник Московского гос. ун-та. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — Сер. 8: История. — № 8. — С. 96—129; Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 143—169; Никитин В.В., Соловьёв Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Тр. МАЭ. — Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. — Т. VII. — С. 73—75; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск: Изд-во УрО РАН; Студия «Графо», 2006. — С. 46—47; Погодин А.А. Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007—2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 146—183; Погодин А.А., Мионов П.В. Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытъя 57 в Советском районе ХМАО — Югры: (по материалам исследований 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 132—167; Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья: Кол. монография / Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут: Уральск. изд-во, 2006. — 192 с.; Потёмкина Т.М. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // Краткие сообщения ИА АН СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1976. — Вып. 147. — С. 97—106; Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. — М.: Наука, 1985. — С. 76—103; Соловьёв Б.С. Новые раскопки поселения Галанкина Гора // Археология и этнография Марийского края. — Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1987. —

Вып. 13: Древности Среднего Поволжья. — С. 79—101; Соловьёв Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья: Тр. МАЭ. — Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. — Т. VI. — С. 28—29, 116—125; Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральск. изд-во, 2008. — С. 93—111; Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н. Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 43—44; Стефанов В.И., Стефанова Н.К. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: ИПСО СО РАН, 2001. — № 3. — С. 15—22; Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроев. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 54—62; Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // Сов. археология. М.: Изд-во АН СССР, 1988. — № 3. — С. 161—174; Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы: Тр. МАЭ. — Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, 1960. — Т. I. — С. 81—93; Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.; Л.: Изд-во ИА АН СССР, 1963. — № 110. — С. 239—268; Худяков Ю.С. Из истории фортификации в Западной и Южной Сибири // Великий подвиг народа: Тез. докл. — Екатеринбург: Изд-во НППМ «Волот», 1995. — С. 25; Худяков Ю.С. Фортификация в Центральной Азии: Препринт. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1994. — С. 6, 16; Худяков Ю.С. Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1995. — С. 62; И др.

² Данилов Е.А. Укрепления с бастионами в бассейне реки Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 122—136.

³ Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган... — С. 58, 79, 85.

⁴ Данилов Е.А. Укрепления с бастионами... — С. 122—134.

⁵ Бадер О.Н. Новый тип неолитического поселения... — С. 144—150; Погодин А.А. Поселение Большая Умытья 9... — С. 146—183; Погодин А.А., Миронов П.В. Предварительные результаты... — С. 132—167; Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре... — С. 112—113, 117—121. Табл. II; Горбунова Т.А., Толпеко И.В. Раскопки в Усть-Тарском археологическом микрорайоне // Археологические открытия 2001 г. — М.: Наука, 2002. — С. 405—406.

⁶ Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества севера Евразии... — С. 170—238.

⁷ Носкова Л.В. Отчёт о НИР: Археологическое обследование участков Кечимовского, Нонг-ёганского, Северо-Покачевского и Покачевского месторождений нефти в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО в 2004 г. — Нефтеюганск, 2005. — Архив АСА. — Ф. 1. Д. 169. — С. 28—33. Рис. 26, 27, 47; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения... — С. 25. Рис. 1.

⁸ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — С. 22—23. Рис. 7.

⁹ Данилов Е.А. Укрепления с бастионами... — С. 122.

¹⁰ Слово «бастион» (от франц. *bastion*) известно в русских письменных источниках с 1696 г., а аналогичный ему термин «роскат» («раскат») — с 1678 г. Существуют

сотни книг, в которых даётся определение бастиона и характеристика данного объекта. Приведу лишь некоторые основные издания: **Блондель [Н.Ф.]**. Новая манера укреплению городов, учинённая чрез господина Блонделя... (Париж, 1683) / Пер. с фр. — М., 1711. — С. 1, 52 и др.; **Кугорн [Барон фон] (Когорн М.)**. Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте, которое на три маныры показуется во фортификацию внутренней величины... (Леварден, 1702) / Пер. с фр. — М., 1710. — С. 1, 7, 128 и др.; **Вобан [С.Л.П.]**. Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана... Пер. с фр. В.И. Суворова. — СПб., 1724; **Татищев В.Н.** Лексикон российской исторической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избр. произв. / Под общ. ред. С.Н. Валка. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. — С. 179; **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. — М.: Прогресс, 1964. — Т. I. — С. 132; **Энгельс Ф.** Фортификация (Fortification) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М., 1959. — 2-е изд. — Т. 14. — С. 88, 328–332; **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Русский язык, 1989. — Т. 2 (И–О). — С. 53; **Энциклопедический словарь.** — СПб.: Изд-во Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона, 1891. — Т. III. — С. 165–166; **Прозоровский Д.И.** Древний Псков по двум псковским летописям, с дополнениями из других источников до конца XVII в. / ЗОРСА ИРАО. — СПб., 1887. — Т. 4. — С. 212; **Большая советская энциклопедия.** — М.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1950. — 2-е изд. — Т. 4 (Б — Березко). — С. 291; **Сороколетов Ф.П.** История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. — С. 269; **Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.** Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя / Под ред. С.Г. Бархударова. — М.: Просвещение, 1971. — 2-е изд. — С. 38; **Советская военная энциклопедия: В 8 т. — М.: Воениздат, 1976. — Т. 1 (А — Бюро).** — С. 402; **Советский энциклопедический словарь.** — М.: Советская энциклопедия, 1980. — С. 115; **Словарь русского языка: В 4 т. — М.: Русский язык, 1981. — 2-е изд. — Т. I (А–Й).** — С. 64; **Словарь русского языка XVIII века.** — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. — Вып. 1 (А–Залежь). — С. 149; **Военный энциклопедический словарь.** — В.: Воениздат, 1984. — С. 68–69; **Каменных М.Г.** К истории наименований фортификационных сооружений в русском языке. — Тбилиси: Тбилисский гос. ун-т, 1985. — 59 с.; **Крадин Н.П.** Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — С. 188; **Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов.** — М.: Русский язык, 1992. — С. 89; **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка. — М.: АЗЪ, 1995. — 2-е изд. — С. 35; **Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Порохов.** — М.: Советская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2002. — Изд. 2-е. — С. 105; **Губайдуллин А.М.** Фортификационный словарь. — Казань: Изд-во Ин-та истории АН Республики Татарстан, 2003. — С. 25. Рис. 7; **Большой академический словарь русского языка.** М.; СПб.: Наука, 2004. — Т. 1 (А — Бишь). — 412 с.; **Большая российская энциклопедия: В 30 т. — М.: Изд-во «Большая российская энциклопедия», 2005. — Т. 3 (Банкетная компания 1904 — Большой Иргиз).** — С. 95.

¹¹ **Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.** Река Аган и её обитатели... — 352 с.

¹² **Главацкая Е.М.** Жизнь на Агане не остановилась! (Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Студия «Графо», 2006. — 352 с.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 432–434.

¹³ Очерки истории Коды / В.М. Морозов, С.Г. Пархимович, А.Т. Шашков. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. — 192 с.; Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. — 154 с.; Салымский край: Научно-художественное издание. — Екатеринбург: Тезис, 2000. — 344 с.; Северная археология / Под ред. Г.П. Визгалола, О.В. Кардаша. — Нефтеюганск: ООО «НПО Северная археология»; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. — 112 с.

¹⁴ Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — 208 с.; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — 224 с.; Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и Новое время. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. — 232 с.

¹⁵ Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа: Информационный справочник «Наследие». — Екатеринбург: СОИ ОКН ЯНАО, 2011. — 128 с.

¹⁶ Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели... — С. 10–15. Карта 1.

¹⁷ Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 21–62; Яковлев Я.А. Мартиролог югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 10–110; Приступа О.И. Мартиролог предметов археологии из Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 68–99.

¹⁸ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. — 485 с.; Кн. II. — 286 с.

¹⁹ Борзунов В.А. Поселения с бастионно-башенной оборонной архитектурой Зауралья и Западной Сибири начала эпохи железа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — С. 91–96; Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенной архитектурой раннего железного века Урала и Западной Сибири // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 117–118; Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Рос. археология. — М.: Наука, 2002. — № 3. — С. 79–97.

²⁰ Сальников К.В. Три года работы на городище Чудаки // Краткие сообщения ИИМК АН СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1940. — Вып. 5. — С. 69; Сальников К.В. Городище «Чудаки» Челябинской области: по раскопкам 1937 года // Сов. археология. — М.: Изд-во АН СССР, 1947. — Вып. IX. — С. 221–238; Сальников К.В. Древнейшее население Челябинской области (по данным археологических памятников). — Челябинск: ОГИЗ — Челябингиз, 1948. — С. 40–41; Сальников К.В. В глубине веков: Очерки о жизни первобытного населения Урала. — Свердловск: Свердoblгиз, 1949. — С. 71–73; Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. — Свердловск: Свердoblгиз, 1952. — С. 107; Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения Исети в 1940 году) // Сов. археология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Вып. XXV. — С. 197–198; Сальников К.В. В глубине веков. — Свердловск: Свердoblгиз, 1959. — 2-е изд. — С. 76.

²¹ Генинг В.Ф. Отчёт о раскопках Лихачевского поселения (1964 г.). — Свердловск, 1964. — Архив ПНИАЛ УрФУ (бывш. КА УрГУ). — Ф. II. — Д. 47; Генинг В.Ф.

Отчёт о раскопках Лихачёвского городища (д. Лихачёво Абатского района Тюменской области), произведённых Уральской археологической экспедицией в 1966 г. — Свердловск, 1966. — Архив ПНИАЛ УрФУ. — Ф. II. — Д. 46; Генинг В.Ф. Уральская комплексная археологическая экспедиция // Археологические открытия 1966 года. — М.: Наука, 1967. — С. 103—104.

²² Стоянов В.Е. Ранний железный век западно-сибирской лесостепи: Опыт классификации и периодизации: Дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1969. — 368 с.; Приложение — 111 с. — Архив ПНИАЛ УрФУ (бывш. КА УрГУ). — Ф. III. — Д. 176, 1976А (Приложение); Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // Краткие сообщения ИА АН СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1969. — Вып. 119. — С. 52—61.

²³ Стоянов В.Е. Ранний железный век... — С. 130—133; Приложение. Рис. 40; Табл. X; Стоянов В.Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.: Наука, 1989. — С. 99.

²⁴ Борзунов В.А., Стоянов В.Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // Вопросы археологии Урала. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. — Вып. 15. — С. 27—40.

²⁵ Стоянов В.Е., Чеснокова М.М. Отчёт УАЭ за 1961 г.: Воробьёвское городище. — Свердловск, 1961. — Архив ПНИАЛ УрФУ. — Ф. II. — Д. 24; Стоянов В.Е. Отчёт об археологических раскопках Воробьёвского городища (1962 г.). — Свердловск, 1962. — Архив ПНИАЛ УрФУ. — Ф. II. — Д. 43; Стоянов В.Е. Отчёт о раскопках Воробьёвского городища (в 1963 г.). — Свердловск, 1963. — Архив ПНИАЛ УрФУ. — Ф. II. — Д. 44; Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. Отчёт о раскопках Воробьёвского поселения в 1981—1982 гг. — Свердловск, 1982. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 9007.

²⁶ Бельтикова Г.В. Отчёт о раскопках Гороховского городища (Чудаки) летом 1976 г. — Свердловск, 1977. — Архив ПНИАЛ УрФУ. — Ф. II. Д. 278; Бельтикова Г.В. Отчёт о раскопках Гороховского городища (Чудаки) летом 1977 г. — Свердловск, 1978. — Т. I. — Архив ПНИАЛ УрФУ. — Ф. II. — Д. 279; Архив ИА РАН. — Р-1. — № 6283.

²⁷ Habitat et necropoles de l'âge du fer au carrefour de l'Eurasie: Fouille 1993—1997 / Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. — Paris: DE BOECARD, 2002. — Т. XI. — Р. 165—168, 173. Fig. 81, 83.

²⁸ Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во СО РАН, 2009. — № 11. — С. 67—80; Зах В.А., Цембалюк С.И. Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Приоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. — № 3 (22). — С. 54—67; Берлина С.В. Крепости гороховской культуры в системе укреплений эпохи железа западно-сибирской лесостепи // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат-лы Всерос. конф., г. Тюмень, 26—30 марта 2012 г. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. — Вып. 2. — С. 88—91; Берлина С.В., Костомаров В.М., Попов Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы и средневековья (опыт классификации и анализа в среде ГИС) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. — № 3 (22). С. 79—86.

²⁹ Археологическая карта Курганской области / Сост. Н.Б. Виноградов. — Курган: ПГОИП; ИПП «Зауралье», 1993. — С. 57—58, 79, 88, 108—109, 221—222, 245,

264–265, 293–295 и др.; История Курганской области (с древнейших времён до 1861 года). — Курган: Изд-во Курган. гос. пед. ин-та, 1995. — Т. I — С. 80–81; Погодин Л.И. Исследования в Омской области // Археологические открытия 1996 г. — М.: Наука, 1997. — С. 344–345; Козеко О.Е., Кузнецова А.Э. Мало-Казакбаевское городище гороховской культуры // Поселения: среда, культура, социум: Мат-лы тематической науч. конф. — СПб., 1998. — С. 118; Матвеева Н.П. Некоторые модели интерпретации саргатских городищ Западной Сибири // Комплексные общества Центральной Азии в III—I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1999. — С. 226–228; Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаёжная зоны). — Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2000. — С. 109–110; Древняя история Южного Зауралья. — Челябинск: Рифей, 2000. — Т. II. — С. 61–62. 71–73. Рис. 16; Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 20–21; Ковригин А.А. Павлиново городище: хронология и архитектура // Экология древних и современных обществ. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. — Вып. 2. — С. 121–124; Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Береговые кулайские городища на Барсовой горе // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Фёдоровича Генинга). — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. — 201–230; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. — С. 69–76; Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.-И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенёва, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, А.О. Сахарова. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. — 298 с.; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 13–28; Чемякин Ю.П. Барсова Гора... — С. 80; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таёжного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. — № 2 (21). — С. 46–48; Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаёжного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. — № 4 (23). — С. 42–51; И мн. др.

³⁰ Массон В.М. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений // Краткие сообщения ИА АН СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1966. — Вып. 108. — С. 33–44; Массон В.М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии // Древний город Средней Азии. — Л.: ИА АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1973. — С. 3–6; Массон В.М. Алтын-Депе (раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане) / Тр. ЮТАКЭ. — Л.: Наука, ЛО, 1981. — Т. XVIII. — 176 с.; Массон В.М. Первые цивилизации. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. — С. 160–163; Массон В.М. Фортификация и общество в исторической перспективе // Фортификация в древности и средневековье. — СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1995. — С. 5–7; Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. — М.: Наука, 1992. — С. 47–61, 116–129, 236–246; Вишневская О.А. Культура сакских племён низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. — М.: Наука, 1973. — 160 с.; Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А.

Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // Вестник древней истории. — М.: Наука, 1997. — № 2. — С. 150—173.

³¹ Разведки и раскопки В.А. Арефьева, Г.В. Бельтиковой, С.В. Берлиной, А.Н. Бесмертных, В.П. Бирюкова, Л.Ю. Богдановой, В.А. Борзунова, В.А. Булдашёва, Н.Б. Виноградова, В.Ф. Генинга, А.Г. Гилязова, Е.А. Данилова, Е.Н. Даниловой, М.В. Елькиной (Романовой), А.В. Епимахова, М.Г. Епимеховой, В.В. Заниной, В.А. Заха, Е.М. Зах, Г.Б. Здановича, А.П. Зыкова, Н.О. Ивановой, Р.Г. Игнатёва, О.В. Кардаша, К.Г. Карачарова, О.Е. Козеко, А.А. Ковригина, Е.Н. Коростелёвой, Л.Л. Косинской, Л.Н. Коряковой, П.И. Кутафьева, О.В. Малозёмовой, Н.П. Матвеевой, А.К. Мергасова, В.М. Морозова, С.А. Мызникова, Л.В. Носковой, А.Н. Панфилова, Л.И. Погодина, С.Г. Рослякова, К.В. Сальникова, А.С. Сергеева, А.Е. Старкова, В.С. Стоколова, В.Е. Стоянова, Л.В. Сухины, И.А. Сыркиной, В.Я. Толмачёва, Т.Н. Троицкой, Н.В. Фёдоровой, Ю.П. Чемякина, М.М. Чесноковой, Л.А. Чиндиной, С.В. Шараповой, Я.А. Яковлева.

³² Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 2002. — 2-е изд. — Рис. 14 — 17.

³³ Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1... — С. 75; Зах В.А., Цембалюк С.И. Комплексы раннего железа... — С. 60; Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья... — С. 43—46.

³⁴ Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, СО, 1979. — С. 25; Росляков С.Г. Типология и хронология городищ Новосибирского Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. — Барнаул: Изд-во АГУ, ИИФФ СО АН СССР, 1991. — С. 148; Росляков С.Г. Укреплённые поселения кулайской культуры в Новосибирском Приобье (проблемы фортификации) // Археология вчера, сегодня, завтра. — Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1995. — С. 74—78, 81; Соловьёв А.И. К вопросу о характеристике проникновения кулайского населения в Новосибирское Приобье // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири (Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАиЭ СО РАН. Декабрь 1996 г.). — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. — С. 226; Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: Учеб. пособие. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. — С. 81.

³⁵ Данилов Е.А. Укрепления с бастионами... — С. 133.

³⁶ Обыдённов М.Ф. Древняя архитектура Урала: Учеб. пособие. — Уфа: Изд-во ВЭГУ, 1995. — С. 57—58.

³⁷ Борзунов В.А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // Рос. археология. — М.: Изд-во РАН, 1997. — № 1. — С. 175.

³⁸ Черных Е.М. Степановское городище — новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье: Серия препринтов. — Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2000. — Вып. 1. — С. 11—12.

³⁹ Богачёв А.В., Матвеева Г.И., Набоков А.В. Раскопки городища Переволоки на Самарской Луке // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1989. — С. 92—94.

⁴⁰ Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна реки Пур... — С. 20—21; Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа.... — С. 49, 75. № 32, 36.

⁴¹ Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями... — Рис. 9; Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора... — С. 13. Рис. 1.

- ⁴² Берлина С.В. Крепости гороховской культуры... — С. 91.
- ⁴³ Берлина С.В. Крепости гороховской культуры... — С. 90.
- ⁴⁴ Сальников К.В. В глубине веков... — С. 67–68, 71–72; Сальников К.В. Древнейшее население... — С. 40.
- ⁴⁵ Стоянов В.Е. Носиловское II поселение (О зауральских памятниках начала железного века) // Вопросы археологии Урала. — Свердловск: Изд-во УрГУ. — Вып. 13. — С. 120–121; История Курганской области... — С. 81.
- ⁴⁶ Романова М.В., Юровская В.Т. Исследования в районе г. Тюмени // Археологические открытия 1971 г. — М.: Наука, 1972. — С. 273.
- ⁴⁷ Борзунов В.А. Гамаюнская культура (лесное и лесостепное Зауралье на рубеже бронзового и железного веков): Дис. ... канд. ист. наук. — Архив ПНИАЛ УрФУ. — Ф. III. — Д. 275. — С. 231–233. Рис. 33; Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Приоболье на рубеже бронзового и железного веков. — Новосибирск: Наука, 2009. — Рис. 4.
- ⁴⁸ Погодин Л.И. Исследования в Омской области... — С. 345.
- ⁴⁹ История Курганской области... — С. 80–81.
- ⁵⁰ Подробнее см.: Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями... — С. 92–96; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таёжного Обь-Иртышья... — С. 69–76; Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымское общество таёжного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — 231–234, 237–246, 249–251.
- ⁵¹ Исследования А.А. Аскарова, О.К. Бердыева, А.Н. Бернштама, Г.А. Брыкиной, Ю.Ф. Бурякова, Б.И. Вайнберг, О.А. Вишневской, П.П. Гаврюшенко, Н.Г. Горбуновой, М.М. Дьяконова, Ю.А. Заднепровского, А. Исакова, М. Исакова, М.А. Итиной, Л.Б. Кирчо, В.И. Козенковой, И.Т. Кругликовой, Б.А. Латынина, Б.А. Литвинского, В.М. Массона, Е.Е. Неразик, Ш.Р. Пидаева, Г.А. Пугаченковой, Ю.А. Рапопорта, Э.В. Ртвеладзе, К.С. Сабирова, Е.Д. Салтовской, В.И. Сариниди, В.И. Спришевского, Р.Х. Сулейманова, Ш.С. Ташходжаева, А.И. Тереножкина, С.П. Толстова, М. Туребекова, И.Н. Хлопина и др.
- ⁵² Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. — Екатеринбург: Сократ, 2001. — С. 26.
- ⁵³ Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Береговые кулайские городища... — С. 228; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья... — С. 80; Данилов Е.А. Укрепления с бастионами... — С. 134.
- ⁵⁴ Сташенков Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. — Самара, 2007. — С. 108–123.
- ⁵⁵ Об этапах распространения укрепленных поселений в Старом Свете см.: Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 170–171; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения... — С. 20–21.

Список сокращений

АВ КОМ	– аудио-видекоммуникации
АМБ	– Ассоциация малого бизнеса
АН	– Академия наук
АСА	– Ассоциация северной археологии
АУ	– автономное учреждение
б/и	– без издательства
БИИКФ	– Библиотечно-информационный историко-культурный фонд [Сургутского р-на]
Б.м.	– без места
б/н	– без номера
в.	– век
вв.	– века
вкл.	– вклейка
ВКП(б)	– Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
всерос.	– всероссийская (-ая, -ое)
всерос. конф.	– всероссийская конференция
ВРК	– Временный революционный комитет
втор. пол.	– вторая половина
втор. четв.	– вторая четверть
вып.	– выпуск
ВЭГУ	– Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
ВЮВ	– восток – юго-восток
г.	– год; город; господин (<i>в зависимости от контекста</i>)
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
гг.	– годы
ГИАОО	– Государственный исторический архив Омской области
гос.	– государственный (-ая, -ое)
г.р.	– год рождения
ГУЗС	– Главное управление Западной Сибири
ГУТО ГА в г. Тобольске	– Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
д.	– деревня; дом; дело (<i>в зависимости от контекста</i>)
дер.	– деревня
дис.	– диссертация
ед.	– единица
ед. хр.	– единица хранения
ЗОРСА ИРАО	– Записки Отдела русско-славянской археологии Императорского Российского археологического общества
ЗСК	– завод стабилизации конденсата
ЗСЗ	– запад – северо-запад
ИА	– Институт археологии
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия
ИАЭ	– Институт археологии и этнографии
ИАЭТ	– Институт археологии и этнографии
изд-во	– издательство
ИКНПЦ	– Историко-культурный научно-производственный центр
ИИА	– Институт истории и археологии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИИФФ	– Институт истории, философии и филологии
ин-т	– институт
ИП	– индивидуальный предприниматель

ИПОС	– Институт проблем освоения Севера
ИПП	– Индивидуальное производственное предприятие
ил.	– иллюстрация
ин-т	– институт
КА	– Кабинет археологии
канд. ист. наук	– кандидат исторических наук
кв. м	– квадратный метр
КИО	– культурно-историческая общность
км	– километр
кн.	– книга; книжное (<i>в зависимости от контекста</i>)
Коми НЦ	– Коми научный центр
КоАП РФ	– Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации
кон.	– конец
конф.	– конференция
коп.	– копейка
КП	– книга поступлений
Краевед. прилож.	– Краеведческое приложение
Л.	– Ленинград
л.	– лист
ленингр.	– ленинградский (-ая, -ое)
М.	– Москва
м	– метр
МарНИИЯЛИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
мат-лы	– материалы
мат-лы и ис-след.	– материалы и исследования
МАЗ	– Марийская археологическая экспедиция
МГУ	– Московский государственный университет
междунар.	– международный (-ая, -ое)
МКУ	– муниципальное казённое учреждение
МО	– муниципальное объединение
МУ	– муниципальное учреждение
науч.	– научный (-ая, -ое)
науч.-практ. конф.	– научно-практическая конференция
науч. конф.	– научная конференция
НАЦ	– научно-аналитический центр
нач.	– начало
НИПИ	– научно-исследовательский проектный институт
НИР	– научно-исследовательская работа
НПМП	– научно-производственное многопрофильное предприятие
НПО	– научно-производственное объединение
ОАО	– открытое акционерное общество
обл.	– область
ОГИЗ	– Областное государственное издательство
ОГИКМ	– Омский государственный историко-краеведческий музей
оз.	– озеро
ОИМК	– Общество изучения местного края
ок.	– около
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
оп.	– опись
ОСТ	– отраслевой стандарт

отв. исп.	– ответственный исполнитель
отв. ред.	– ответственный редактор
отд-ние	– отделение
п.	– посёлок; пункт <i>(в зависимости от контекста)</i>
ПГОИП	– Производственная группа по охране и использованию памятников при Комитете по культуре и искусству Администрации Курганской области
пед.	– педагогический (-ая, -ое)
пер.	– перевод
перв. пол.	– первая половина
перераб и доп.	– переработанное и дополненное
ПНИАЛ	– Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
пос.	– посёлок
предисл.	– предисловие
прил.	– приложение
р.	– река
РАН	– Российская академия наук
ред.	– редакция; редактор <i>(в зависимости от контекста)</i>
РИО	– редакционно-издательский отдел
рис.	– рисунок
РИФ	– рекламно-издательская фирма
р-н	– район
РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
рос.	– российский (-ая, -ое)
руб.	– рубль
рук.	– руководитель
РФ	– Российская Федерация
Р.Х.	– Рождество Христово
рч.	– речка
с.	– село; страница <i>(в зависимости от контекста)</i>
сб. док.	– сборник документов
сб. науч. ст.	– сборник научных статей
СВ	– северо-восток
Свердблгиз	– Свердловское областное государственное издательство
сер.	– середина
СЗ	– северо-запад
СИФ	– Сибирская издательская фирма
см.	– смотри
сн.	– снято
СО	– Сибирское отделение
сов.	– советский (-ая, -ое)
СОИ ОКН	– Служба по охране и использованию объектов культурного наследия
СПб	– Санкт-Петербург, Санкт-Петербургского (-ая, -ое)
спец. вып.	– специальный выпуск
Средневек.	– Средневековые
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ст.	– статья
стр.	– страница
с.ш.	– северная широта
т.	– том
табл.	– таблица
ТГИАМЗ	– Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
тр.	– труды

тез. докл.	– тезисы докладов
тез. докл. и сообщ.	– тезисы докладов и сообщений
ТПП	– территориально-производственное предприятие
тыс.	– тысяча; тысячелетие (-ия) <i>(в зависимости от контекста)</i>
УАЭ	– Уральская археологическая экспедиция
УК РФ	– Уголовный кодекс Российской Федерации
ул.	– улица
ун-т	– университет
УОБК	– Уральское областное бюро краеведения
уральск.	– уральский (-ая, -ое)
УрГПУ	– Уральский государственный педагогический университет
УрГУ	– Уральский государственный университет
УрО	– Уральское отделение
Урфу	– Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
ф.	– фонд
франц.	– французский
ЦБК	– Центральное бюро краеведения
ч.	– часть
чел.	– человек
ХМАО	– Ханты-Мансийский автономный округ
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ч.	– часть
ЧК	– Чрезвычайная комиссия
ШФЛУ	– широкая фракция лёгких углеводородов
экз.	– экземпляр
ЮВ	– юго-восток
ЮЗ	– юго-запад
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменская археологическая экспедиция
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ

Содержание

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Информация о деятельности Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2013 г.	4
<i>Приложение: Список объектов культурного наследия ХМАО — Югры, границы территорий и режим использования которых установлены нормативно-правовыми актами (продолжение). На 16 июня 2014 г.</i>	19
А.С. Песикова. Экологические проблемы озера Имлор — достопримечательного места, сакральной территории, участка нефтепромысла	30

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

В.И. Стефанов, Л.Л. Косинская, Л.В. Карачарова. Энеолитический комплекс селища Нёх-Урий 3.2 в бассейне р. Аган	48
Е.А. Зайцева, А.В. Кузина. Коллекция артефактов из грабительских раскопок в районе д. Согом	85
Ю.В. Ширин. Мурлинский «клад» — состав находок и их аналогии ...	95
А.А. Рудь. Материалы по фольклору тромъеганских хантов: связь мифологии с сакральными ландшафтами	111
Я.А. Яковлев. Берёзовское старое кладбище — исторический источник, духовная опора, культурная ценность	124
О.И. Приступа. Некрополи села Самарова	217
А.М. Лосунов, М.Ю. Сафаров. Купцы Новицкие и рыбопромышленность Обского Севера в XIX — начале XX века	230
А.В. Союрова. Деятельность Тюменского общества изучения местного края по охране культурного наследия в 1920-е гг.	245

Последние полевые сезоны: 2010–2011 гг.

М.Ю. Баранов. Работы 2013 г. на Приобском месторождении нефти в ХМАО — Югре	250
Т.Н. Соболяникова, А.В. Кузина, А.В. Кениг. Результаты мониторинга и установления границ археологических памятников в бассейне р. Ендырь	255
Д.А. Сурков. Археологическая разведка в Берёзовском и Ханты-Мансийском районах ХМАО—Югры в 2013 г.	266
А.В. Плеханов, С.А. Гусев. Итоги археологических исследований 2013 г. на участках промышленного освоения ОАО «Сургутнефтегаз»	274

Библиографическое наследие

Е.В. Кузнецов-Тобольский. Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири	292

Архивные изыскания

А.П. Зыков. Археологическая коллекция М.С. Знаменского с городища Искер	336

Рецензии и библиография

В.А. Борзунов. Укрепления с бастинно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири	380
Список сокращений	416

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 12

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка ООО Фирма «Ацтек», г. Томск

Подписано в печать 18.08.2014 г. Формат 60х90¹/₁₆.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 26,4 + 1 вкл.; уч-изд. л. 27,0.
Тираж 300 экз. Заказ .

ООО «Издательство Томского университета». 634029, Томск, ул. Никитина, 4.